

СМОКВА

ISSN 0131-6656

БОБ ТОМАС. ■ ПРЕСТУПНЫЙ МАСКАРАД

2

95

2'95

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНИШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

*Художественно-
технический редактор*
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 22.11.94.

Подписано к печати 20.12.94.

Формат 84×108^{1/32}.

Бумага «Газетная». Печать оф-
сетная. Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-
отт. 17,64. Уч.-изд. л. 23,10. Ти-
раж 96 800 экз. Заказ № 1886.
Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы,
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации.
Рег. № 166.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака об-
ращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

2 (1564) ФЕВРАЛЬ

© «Смена», 1995.

- 44 ПРОЗА
Николай Леонов
МЕНТ УХОДИТ *Криминальная повесть*
-
- 170
Валд Фелсберг
ЧУЖИЕ В НОЧИ *Рассказ*
-
- 216
Боб Томас
ПРЕСТУПНЫЙ МАСКАРАД *Детектив*
-
- 12 ПОЭЗИЯ
Ольга Погодина, Анжела Полонская
-
- 4 ВРЕМЯ И МЫ
Анатолий Дерябин
...ПЛЮС ЛЮМПЕНИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ
-
- 22
Владимир Анисимов
ЛИШЕНЦЫ
-
- 114
Валентин Осипов
ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ МИХАИЛА ШОЛОХОВА
-
- 208
Валерий Майоров
ПУХОМ ЛИ ЗЕМЛЯ?
-
- 32 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ?
Конкурс знатоков отечественной словесности
-

183

Ирина Алпатова

ОСКОЛКИ РАЗБИТОГО ВДРЕБЕЗГИ

192

Ирина Бельская

ОБРЕЧЕННАЯ НА ЛЮБОВЬ

196

Николай Карамзин

**О МОСКОВСКОМ МЯТЕЖЕ В ЦАРСТВОВАНИЕ
АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА**

На I обложке: фотозюид ОЛЕГА БЕЛОУСОВА.
На II обложке: спартанское воспитание.
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ.

Викентий Вересаев

**ИСТОРИЯ ОДНОГО
РОМАНА**

«Все шумно аплодировали. Только Пушкин смирно сидел в уголке, опустив курчавую голову. Сын хозяйки, дерптский студент Алексей Вульф, ленивою походкою подошел к Анне Петровне и своим особенным, уверенным во власти над женщинами голосом похвалил ее пение. И ее глаза, когда она смотрела на студента, засветились радостно-покорным, отдающимся выражением, и улыбка была особенная, с какою она не смотрела на поэта. Но Пушкин этого не видел».

Томас Альтман

СМЕРТЬ В РАЮ

События романа американского писателя разворачиваются в маленьком городке Лас-Косимас. Полицейский Тобиас Маннинг, обладающий неутомимой работоспособностью и умением появляться в нужный момент в нужном месте, расследует ряд загадочных убийств. Подозрение падает то на одного, то на другого героя, и лишь в конце романа читатели ждет разгадка тайны...

АНОНС

395

...ПЛЮС

АНАТОЛИЙ ДЕРЯБИН

ВСЕМ

4

Где черта?

Сейчас в России живет около миллиона «миллионщиков» — людей, которые владеют состоянием в миллион и более долларов. Плюс около пятидесяти миллионов представителей среднего класса. О тех и других я уже писал в «Смене» (соответственно в седьмом и двенадцатом номерах за прошлый год).

Сегодня речь о самом многочисленном классе, составляющем две трети населения страны.

О бедноте.

Грань между средним классом и беднотой в высшей степени условна. Она размыта, словно цвета в радуге. Сколь почти невозможно определить, где красный цвет незаметно переходит в оранжевый, а синий сменяется фиолетовым, столь же трудно увидеть и границу между представителем «мидл класса» и бедняком. Больше того,

к среднему классу мы зачастую относим людей, которые по материальному положению до него явно не дотягивают (уровень годовых доходов представителя среднего класса — шесть тысяч долларов в год и выше), однако по другим параметрам, таким прежде всего, как образование и самосознание, «имеют право» быть в нем. (Это главным образом относится к офицерам, врачам, преподавателям школ и вузов, руководителям цехов и отделов на полугосударственных предприятиях, пенсионерам.) Тем более что совсем недавно, еще лет пять назад, они имели все основания считать себя «средним классом».

Сегодня этих людей принудительно загоняют в безработицу и социальный беспредел. Загоняют тех, кто своим трудом создавал наше необъятное и даже несосчитанное до сих пор богатство. (Несосчитанное, потому что невоз-

ЛЮМПЕНИЗАЦИЯ

СТРАНЫ

можно сказать, сколько стоят в современных ценах наши заводы и фабрики, поля и недра.) Квалифицированных рабочих, крепких крестьян, грамотных специалистов, которые кормили и обогащали своим трудом нашу Родину, не по их воле выталкивают в «низший класс». И особенно усердствуют в этом люди, присвоившие себе звание «демократов», но ничего полезного еще не сделавшие. Они ведут очень мощную пропаганду, обкручивая и затуманивая сознание бедных людей, а если учесть, что это сто миллионов человек, то, по существу, всего народа.

Чистая совесть

Как «новые бедные» сами оценивают себя?

Исследователи Российского независимого института социальных и национальных проблем спраши-

вали у этих людей о жизненных предпочтениях. На первом месте в шкале ценностей у них оказалась «спокойная совесть». На втором — «равенство возможностей». На третьем — «свобода». И только на одиннадцатом месте (из шестнадцати предложенных позиций) — «материальное благополучие», на двенадцатом — «высокий заработок».

Во все века основным носителем культуры, нравственности и интеллекта считался средний класс. Похоже, сегодняшняя Россия рождает новый феномен: средоточием совести народа становится класс бедноты.

Овраг бедности

Все люди, оказавшиеся в «низшем слое», заслуживают сочувствия. Все без исключения. Но в разной степени. Есть те, кто очу-

тился там против своей воли, в силу обстоятельств, вопреки уму и квалификации. Они вызывают, если можно так сказать, максимальное сожаление. Но кто-то оказался «за порогом» благодаря своей же лени, пьянству, неумению распорядиться собственной жизнью. Их все равно жалко, но... не столь сильно...

К великому нашему стыду, в число бедных входят все пенсионеры. Даже те, кто заработал полную пенсию, свыше ста тысяч рублей, все равно не попадают в средний класс. Все они достойны искреннего сочувствия. Но есть и такие, которые побираются, оправдываясь: «У меня пенсия всего двадцать тысяч...» Как это может быть? Только если у человека нет стажа. Стало быть, он сидел (стаж не идет во время отсидки) или просто не работал — по лени ли, из-за пьянства...

Среди «новых бедных» оказываются безработные полностью или частично. Кто это? Как правило, специалисты: инженеры, техники, высококвалифицированные рабочие. У них порой уникальная квалификация. Они трудились в отраслях военно-промышленного комплекса, в пищевой, легкой промышленности, которая, особенно ее текстильная отрасль, почти парализована... Теперь оказались не у дел.

Еще один «подслой» бедноты — люди без квалификации. Они работают, но получают очень низкую зарплату. Раньше, в застойные времена, почему-то ориентировались на заработок уборщицы: «Ну как она может на него прожить?» Сейчас ее реальный доход сократился минимум в пять раз. Конечно, она — беднота. Но почему человек работает уборщицей, подсобником? Обстоятельства бывают, естественно, разные... Но, как правило, взрослый мужчина тягает

мешки из-за своей же лени: проиграл на гитаре всю молодость, потом выпивать стал и потихоньку скатился на дно...

Среди «новых бедных» два уровня. Первый — просто бедность. Тяжелая, но гордая и достойная. Второй — нищета. Грань между ними гораздо более отчетлива, чем между средним классом и беднотой. Нищий в первую очередь нищ духом. Он утратил моральные принципы. Деградировал. Живет за счет отбросов. На дне.

По моим подсчетам, «просто бедные» — это около 80 миллионов россиян (из ста миллионов, существующих «за чертой»). Примерно 20 миллионов человек — нищета.

Страшные цифры.

Хочет, но не может

Есть огромная армия бедных людей, которые хотели бы работать, готовы это делать, но не имеют ни малейшего представления, как надо по-настоящему трудиться, относиться к делу. Многие мечтают быть зачисленными на высокооплачиваемую службу. Но высокая оплата предполагает напряженную работу. А люди не умеют трудиться с полной отдачей. В этом их трагедия.

Вы посмотрите: как только у нас надо сделать какую-то ответственную работу, мы приглашаем иностранцев. Ярчайший пример — реконструкция здания Государственной Думы. Российские строители запросили на это год и свыше двухсот миллионов долларов. А турки сделали все за два месяца и за семьдесят миллионов. В три раза дешевле и в шесть раз быстрее.

Да и откуда взяться мастерству и скорости?.. Помню, когда я жил в Теплом Стане, наблюдал из окна

своего дома, как работает бригада известного строителя, Героя Социалистического Труда. Они трудились от силы два-три часа в день. Остальное время шатались из угла в угол, беседовали, перекуривали... И, конечно, выпивали. После обеда работы практически никогда не было. Забирались в бытовки и играли в домино... И эта бригада считалась лучшей в Москве!..

Люди развращены безденежьем и бездельем. Эти же строители знали: даже если пар от них будет идти, все равно хорошо им не заплатят. А сейчас появилась возможность зарабатывать. Какие коттеджи строят для частных под Москвой!.. Работают там, как правило, споро, качественно и от зари до зари. Трудиться с такой интенсивностью и сноровкой многие у нас просто не могут. Разучились. Точнее, не умели никогда.

Не случайно фирмы, которые заняты подбором персонала — в первую очередь, конечно, для зарубежных и частных компаний, — выбирают только одного претендента из ста. Остальные 99 не удовлетворяют высоким требованиям.

Ведь это факт, когда западная фирма реконструирует в России отель или ресторан, она ни в коем случае не берет на службу никого из тех, кто работал там раньше. Лучше пригласить новеньких, не имевших «трудового стажа» в развращенном советском сервисе, а еще лучше — молодых, которые нигде пока не успели поработать.

Кстати, сейчас западные компании уже не берут тех, кто трудится в государственных учреждениях. Раньше принимали с удовольствием. Теперь отказывают. Потому что на госслужбе сегодня остались наименее толковые, самые пассивные, самые неподатливые.

Взять наш Институт экономики:

когда зарплаты существенно снизились, то самые активные ученые либо ушли, либо большую часть времени стали уделять коммерческим делам. На одной зарплате, нигде не подрабатывая, остались люди бесталанные, серенькие, которые, кроме как быть на подхвате, ни на что не способны.

Трагическое противоречие — во многих фирмах в Москве есть высокооплачиваемые вакансии, и в то же время сотни тысяч людей ходят без работы. Одни, талантливые и умеющие трудиться, оказались в таком положении в силу географических причин, ведь у нас масса «городов-заводов», которые обслуживают одно предприятие. Людям там просто некуда деться... Другие вроде бы и хотят работать, но не представляют, как это делается, не имеют способностей...

...Воистину — хотят, но не могут.

Ничего, кроме цепей

7

У бедных, по существу, нет собственности. Приватизация «по Чубайсу», который обещал создать «миллионный класс хозяев», была фикцией чистой воды.

Социологические опросы показывают, что мнение народа по этому поводу прекрасно отражает действительное положение дел.

Приведу результаты одного из таких исследований.

Социологи задавали вопрос: «В чью пользу, на ваш взгляд, была проведена приватизация?»

24 процента опрошенных полагают, что в пользу демократической номенклатуры.

Еще 22 процента считают, что наибольший выигрыш от нее получили предприимчивые люди. (Это было бы хорошо, если бы все «предприимчивые» стремились приумножать народное богатство,

а не растаскивать его. Но тех богатеев, на которых мы можем надеяться, у нас меньшинство.)

21 процент уверен, что приватизация совершалась «в интересах торговой мафии». (В принципе я согласен с этим, только уточнил бы — в интересах криминального элемента вообще...)

16 процентов полагают: в пользу прежней номенклатуры. И это суждение удивительно точно! (А если номенклатуру прежнюю и нынешнюю соединить — а она сама по себе очень хорошо соединилась! — то получается, что в ходе «приватизации по Чубайсу» сорок процентов национального богатства России досталось властям предрержащим.)

14 процентов не определились с ответом. И только четыре процента опрошенных думают, что приватизация совершалась в интересах народа.

Что ж, примерно такая доля национального богатства только и попала в руки трудящихся.

Все разговоры «новых демократов» о том, что новый строй создал «слой миллионов собственников», — это, извините, лажа. Он, наоборот, привел к колоссальному расслоению населения.

Кому суп жидковат, кому жемчуг мелковат

За первую половину прошедшего года реальные доходы населения выросли в среднем на 12 процентов. Прекрасно! Правда, это не согласуется с данными другой статистики — о производстве, которое вроде бы падает. Но мы знаем, что в противоположность старым временам, когда все стремились приукрасить показатели, теперь, чтобы укрыться от налогов, результаты занижают. Так что фактически выпуск продукции если не

растет, то перестал заметно падать. Увеличивается производство — растет благосостояние. Прямо-таки в соответствии с основным законом социализма.

Но присмотримся, у кого росли доходы? У двадцати процентов наиболее обеспеченных они повысились на тридцать процентов. У тех, кто в «серединке», увеличились на десять — двадцать процентов. А у двадцати процентов самых бедных доходы уменьшились на три — пять процентов.

Между «богатеями» и «бедняками» у нас огромный разрыв. Если взять десять процентов наиболее обеспеченных и десять процентов обеспеченных наименее — разница в их доходах составляет уже 12,7 раза! В США она доходит до 14 раз. Мы уже близки к этому показателю. Но в Америке минимальный доход очень велик, не сравнить с нашим!

Разница в доходах самых богатых и наиболее бедных нарастает у нас очень быстро. На грани реформ, при издыхании перестройки она составляла 4,5 раза. (Правда, это официальная цифра, в действительности разрыв был больше, потому что номенклатура часто получала блага не в денежной форме, а в натуральной — пайками, книгами, путевками, заграничными поездками.) В 1992 году разрыв между бедными и богатыми стал восьмикратным. В 1993 году дошел до 11 раз. Теперь вот — почти тринадцать.

Что это означает? Десять процентов россиян с наибольшими доходами получают 31 процент национального продукта. «Серединка» населения, сорок процентов соотечественников, имеют 51,3 процента. «Следующие» сорок процентов россиян получают 15,6 процента. А десяти процентам самых бедных достается всего 2,3 процента. Словом, на долю по-

ловины населения, на долю бедных и нищих приходится лишь 17,9 процента национального продукта.

Пятая часть россиян имеют доходы ниже прожиточного минимума. Они почти полностью, за вычетом квартплаты, тратят свои заработки на еду. Причем весьма неприхотливую.

Вверх-вниз

Под горку скользить легче, чем подниматься в гору. Очень многие скатываются из бедняков в нищие. Сегодня мы видим в числе бомжей не только тех, кто болен или генетически неспособен работать — такие были всегда. Нынче стремительно увеличивается число «новых бесквартирных».

Что они имели от социализма? Только крышу над головой. Худо-бедно, была она у каждого. А теперь каждый получил возможность ее лишиться.

Лишиться, естественно, по собственному разумению. Но не все люди рационалисты. Не все тщательно обдумывают свои поступки. Есть определенный процент людей нерациональных. Обычно как раз они и находятся в низших слоях. Они порой поступают импульсивно, не думая о завтрашнем дне.

Мне рассказали недавно печальную историю. Жила-была нормальная семья: муж, жена, двое сыновей-старшекласников. И он, и она работали. Не пьянствовали. И в один прекрасный день жена, подзуживаемая рекламой и удачливой соседкой, заняла, даже мужу не сказав, 12 миллионов рублей и купила акции спекулятивной фирмы. Через три дня фирма лопнула...

Надо отдавать долг. Как? «А как хочешь, — сказал кредитор. — Можете обменять вашу квартиру

на комнату в коммуналке». Помеялись... После всего случившегося муж не смог жить в семье, ушел. Ночует когда у друзей, а когда и на вокзале. Каким-то чудом сохраняет человеческий облик — глаженным, бритым приходит на работу. Надолго ли его хватит?..

Раньше государство за всеми нами как бы наблюдало. Просто потерять квартиру было невозможно. Сейчас — пожалуйста. И еле сводя концы с концами, наблюдая развал в стране и в собственной жизни, множество людей идет на то, чтобы продать свой дачный участок, хибарку свою, а потом и квартиру. Я ожидаю, что бездомных людей будет больше. И, что особенно тревожно, будет больше бездомных детей. (Правда, московская мэрия, например, теперь не разрешает продавать квартиры без согласования всяких комиссий, защищающих детство. Но запрет основан на бюрократическом подходе, а бюрократа часто, к сожалению, можно обойти или купить...)

Возможно ли из бедности вернуться обратно, в средний класс?

Из человека «бедного, но гордого», сохранившего совесть и трудолюбие, может вырасти богатый — правда, очень редко. А вот дети, воспитанные в бедности, способны не только в средний класс шагнуть, но и в высший. Те, кто имел все от рождения и вырос, не борясь за существование, и со средними способностями могут сохранить себя в высшем классе. Но снизу может подняться только талант, с сильной волей и колоссальной работоспособностью.

...Огромному количеству людей, которые попали в бедность не по своему желанию, не по своей вине, надо помогать. Но не материально, подачками — бесплатным обедом накормить или тысячу-две сунуть. Нет, таких людей это добьет окон-

чательно. Им нужно помочь морально, организационно, духовно — советом, поддержкой, возможностью переквалифицироваться.

Но есть среди бедных и такие, кому помогать не надо ни в коем случае. Это горлопаны, горлохваты; они от рождения не умеют работать, но полны огромных амбиций. При всякой заварушке они выступают зачинщиками беспорядков. В любом коллективе, в любой толпе на тысячу человек найдется десяток таких. Их стихия — митинговщина, толпа. Такие люди хотят лишь отнимать и делить...

Каждый за себя

Как же уменьшить число бедных? Как заступиться за них не только словами сочувствия, но и делом?

Для начала государство должно наконец-то сказать народу правду. Четко и ясно заявить, что мы перешли к такому строю, при котором каждый отвечает сам за себя.

Конечно, о нас могут заботиться родственники, друзья, родная фирма... И все. Те мелкие социальные льготы, которые еще сохраняются — например, деньги на похороны либо на рождение ребенка, — ничтожны. Три минимальных оклада по случаю появления на свет малыша... Что на них можно купить?! Разве что один комплект пеленок...

Никто не думает не только об отдельном человеке, но и о будущем всего государства. Надо честно и прямо об этом сказать. Чтобы люди не строили иллюзий: сейчас ты безработный, но скоро все будет по-другому и каждый займется в свое удовольствие...

Нет, так не будет, а потому приходится надеяться только на себя. Удесятерять личные усилия. Сре-

ди людей, попавших в бедность, очень много талантов. Не надо сидеть и ждать, что «позовут и все предложат».

Не позовут...

...один Бог за всех?

Что все-таки могло бы сделать правительство, помимо жесткого и правдивого заявления о том, что оно устраняется от заботы о собственных гражданах?

Нужно создать условия, при которых активные трудоспособные граждане могли бы обеспечить себя и семью.

Какая при этом должна быть, например, минимальная зарплата? Она должна составлять, как считает известный экономист по вопросам зарплаты Людмила Ржаницына, два прожиточных минимума.

А сейчас она, минимальная зарплата, в пять раз ниже прожиточного минимума. Да хотя бы выплачивали ее вовремя! Если я выполнил госзаказ, а мне говорят: «Нет денег!» — так какого дьявола вы давали этот заказ?! Крестьянство кормит страну — страна не расплатилась еще за урожай позапрошлого года. Как это может быть?! Господа демократы в правительстве уверяют, что денег нет. Хлеб съели, а денег нет!..

Однако средства находятся, чтобы закупать продукты в Америке!

Надо поддерживать малый бизнес. Ведь он не просто создает рабочие места, но и дает возможность неплохо зарабатывать. О содействии малому бизнесу много говорится, но ведь ничего не делается или делается прямо противоположное.

В других странах частному бизнесу собственность иногда отдавали бесплатно. Потому что само государство не могло вести дело:

у него выходило — одни убытки. Отдав заводик или мастерскую частнику, оно снимало с себя потери. А у нас еще и деньги норовят сорвать за эту убыль!

И, конечно, надо выявить тех, кто в самом деле нуждается в помощи, — бедных людей, которые могут выбраться, но надо лишь «подтолкнуть» их. Помочь освоить другую профессию, заплатить за обучение талантливых детей...

Бедные — не нищие! — люди очень скромные. Они не обивают пороги собесов, благотворительных фондов. Они и не знают, что существуют такие... Вот кому помочь надо, а не тем нахрапистым людям, которые атакуют филантропические заведения: «Дай!»

Меня, естественно, спросят, где взять средства на все это — на увеличение минимальной зарплаты, на программы перекалфикации, на поддержку малого бизнеса...

Господин Федоров, бывший министр финансов, недавно дал прекрасный ответ: если бы он стал премьер-министром, то сразу сократил бы чиновничий аппарат чуть не в сто раз! (Не знаю, почему они со своим другом Гайдаром не воплотили его в жизнь, когда имели всю власть?)

И ведь правда, затраты на его содержание из года в год растут. Нынче они уже приближаются к трем процентам от всех государственных расходов. Немыслимая величина!

Вот вам первый источник.

Потом хотя бы немного надо ограничить коррупцию! Экономическая преступность расцвела. Курс рубля скачет. Кто выигрывает от того, что доллар все время растет? Иностранцы, которые направляют инвестиции в Россию. Им выгодно, чтобы рубль стоил как можно дешевле. Они переводят свои доллары, марки, фунты

в рубли и скупают наше подешевевшее богатство.

Источников, чтобы бороться с бедностью, предостаточно. Только не спрашивайте: «Где взять деньги?»

Тот, кто задает такой вопрос, ни секунды не должен находиться на государственном посту.

Экономист, который спрашивает, где взять деньги, не экономист. И тем паче не государственный деятель!

Перевернутая пирамида (послесловие к циклу)

Рассуждениями о «новых бедных» я заканчиваю цикл статей о классах, которые сложились сегодня в российском обществе.

В этих заметках мы шли «сверху вниз», от миллионеров к нищете, и одновременно от узкого круга богатых к большинству. Подножие пирамиды, на которой зиждется нынешнее государственное устройство, — люди без собственности, без денег и без надежды на улучшение своего состояния. Но это люди, как правило, гордые и совестливые. Только этим можно объяснить тот факт, что они с достоинством и терпеливо переносят свое положение. Не пытаюсь перевернуть пирамиду.

Но всякое терпение небезгранично. Один из госдеятелей объяснил, что сейчас наши политики руководствуются «приоритетом материального достатка над богатством». К сожалению, это только красивые слова. Теперешняя власть не делает почти ничего, чтобы перевести нынешних бедняков в спокойный и сытый средний класс. А пирамиду держат не атланты на каменных плечах. Ее держат люди из плоти и крови. А даже самые спокойные люди имеют свойство уставать.

Ночью темной и безлунной
 Я зажгу под елью свечи,
 Звездный дождь плитой чугунной
 Ляжет грешнице на плечи;
 Тишина — и пляски эльфов
 Над туманом у болота,
 Где русалки в легких шлейфах
 Сотни лет зовут кого-то...
 Я пришла сюда, колдунья,
 Выпить сладостной отравы:
 Ночью темной и безлунной
 Колдовские встанут травы,
 Расцветут цветком бегучим,
 Расползутся под ногами...
 Запах их, такой тягучий,
 Буду я срывать губами;
 Кину горсть в огонь. Со стоном
 Дым вдохну — и сброшу тело.
 В прошлом я была влюбленной,
 А святою — не сумела!
 Волос твой, чернее смолы,
 Намотаю на запястье:
 Хватит этой вязкой боли, —
 Злые силы, дайте счастья!
 Будут бедра в пляске гнуться,
 Будут руки падать в пламя:
 Ни забыться, ни очнуться, —
 Плакать жадными слезами...
 Этот странный жгучий танец
 Перервут лучи рассвета.
 Эхо смолкнет. Сны тают.
 Эльфы спрячутся от света.
 Ветер мой костер загасит,
 Серый пепел с пальцев сдует.
 Волос твой сгорит, — и счастья
 Мне никто не наколдует...

Меж трех сосен в доме своем
 Я поставила три свечи.
 Опрокинут бокал с вином,
 И расплавлены в нем лучи...
 Я сегодня хочу забыть
 Эти крылья бровей и лоб:
 Горьковатый воздух Судьбы

Задыхаясь, я пью вздох.
Но губительна эта смесь
С терпким запахом тубероз,—
Я сегодня сплетаюсь здесь
С волшебством виноградных лоз!
На траве, изнеможенной от
Невозможности бытия,
Я умоюсь росой — и вот
Стану будто бы я — не я...
Так шершава кора дубов!
Я всем телом прикинула к ней,
Мне земля нагадает снов,
Полных шорохов и страстей,
Где изменчиво дрогнет рот,
Предназначенный целовать,
Где не думаешь, кто придет,
Чтобы душу твою распять...
Но распята душа моя
На любви у самой себя,—
Я проснусь и пойму, что я
Просто женщина — для тебя.

≡
На свет в бокалах — мед свечей,
Тягучий, терпкий запах дыма...
Под покровительством ночей
Я так нужна и так любима!
Вполоборота — взгляд тайком
Из-под руки, тебя обнявшей:
Так кто-то ловит босиком
И в шляпе день уже вчерашний.
Но так легка моя тоска,
Так ревность несамолюбива!
Ты приласкал меня — слегка,—
А я — слегка — тебя любила.
И так спокойно мне глядеть
Из-под руки, меня обнявшей,
На твой размытый силуэт
В обрывках нежности вчерашней.

≡
Я вылечусь сегодня осенью,
Ее ленивой, мягкой просинью,
Ее навязчивым дождем.
Чуть дрогнет рот, прощаясь заново,
А дальше — что себя обманывать —
Я побреду своим путем.
Такая скучная история!

Туман клубится над «Асторией»,—
Ах, нынче полная луна!
Я не унижу Вас до жалости,
Но, если вспомните,— пожалуйста,
Чуть-чуть постоит у окна...

АНЖЕЛА ПОЛОНСКАЯ

≡
Метели, метели завывли,—
Сползающих дней чернота.
Мы ласточек погубили,
Не вынув птенцов из гнезда.

Какое опустошенье!
Сквозь занавеси цветов
Не вырвать зубами прощенья
Из чертовых цепких оков.

Не вскрыть и не вспарывать вены,
Не сбрасывать поводка,
Не вытравить «славные» гены,
Унесишься в века.

Не красть и не брать подайнья,
Не мерить на «да» и «нет»,
Не жаждать у мира признанья,
Когда тебе двадцать лет.

Какое благословенье,
Сказать, не скорбя, «Не скорблю!»,
Живя без тоски и презренья
В метелево-страшном краю.

≡ С. Ч.

Как нити, две руки тонки,
Протянуты с перрона мимоходом.
Мы — берега загубленной реки,
Разрезанные желтым пароходом.
Мы — два щенка беспомощных, но злых,
Затравленных в углу вольера,
Мы — два растения засушенно-больных,
В гербарии опрятном пионера.

С одной лишь разницей мы в мире не равны,
Ни голосом, ни верою,
И, значит, жизни наши не одной длины —
Я замыкаю первую.

Я плюну на этот мир,
Уходить никому не вновь,
Из меня шестиглавый вампир
Молодую уносит кровь.

Если думы мои — кабала,
Не похожи на думы других,
Если свет для меня — зола,
И рыданья мои — мой стих.

Не нужна и тебе теперь,
Терпеливейший поводырь,
Как пустая в ночи постель,
Как мирянину — монастырь.

Я обращаюсь к вам, о боги мира,
Что мне еще теперь терять?
Вонзается, отточена, рапира
По самую стальную рукоять
В мое изъезженное колесницей тело.
А кровь моя?

Как кстати подоспела,
Ее разносит в кубках к пиру чернь.
Мне места нет

Под небом светлым, милым,
В стране, где каждый крест не свят,
Где продаи днем постыдным и постылым,
Ты продан с головы до пят,
Ханжой, и негодяем, и лжецом,
Где ты остался на обломках лиры
С разбитым от падения лицом.

Я обращаюсь к вам, о боги мира!

ВАДИМ ОПАЛИН

БАТЮШ

Фото автора

КА

Здесь его так и зовут — Батюшка. Ласково, уважительно.

Хотя мужчина он еще относительно молодой, сорока нет, но и по жизни, и по сану церковному такое обращение к нему вполне уместно. Он и впрямь батюшка — протоиерей отец Богдан, священник Свято-Никольской церкви в городке Сычевке, что на Смоленщине.

И семья у него немалая: сотни прихожан, да одиннадцать детишек своих, и матушка Параскева — жена, помощница (в церковном хоре поет), хранительница очага...

Но пусть читатель не подумает, что столь благостный зачин предполагает рассказ умилительного свойства о русском священнике.

Городок Сычевка маленький. Тут все и вся на виду. И жизнь не по лжи требует ясного ума, крепкого здоровья души, доброты не показной — ежечасной... Смёю утверждать (не первый год знаю отца Богдана), Батюшка свойствами этими обладает в достатке. Может, оттого и недругов, завистников тоже хватает. К примеру, говорят, что живет в хоромах, ездит в лимузине и водкой промышляет. Видел я и «хоромы» эти — обычный крестьянский дом, и «лимузин» — «Москвич» не первого года службы — грузовой «каблучок».

Приход в Сычевке не на торном перекрестке, тут не озолотишься, а при Батюшкином характере — прямом, не елейном — и вовсе. Я к тому это говорю, что нынче среди Божьих слуг дележка власти, имущества, как и в светской круговерти, не в диковинку.

Но отца Богдана это не касается...

Батюшка — в миру Богдан Михайлович Гайдук — родом с Карпат. Украинец, православный. Закончил нашу Троице-Сергиеву семинарию. В Сычевке, глубинке

российской, службу несет «по распределению» уже более семнадцати лет. В доме его русская речь мешается с украинской мовой, и даже пятилетний Богдан Богданович — «полиглот».

Жизнь Батюшки не пестра и не извилиста, и для первого поспешного взгляда может показаться даже чересчур устойчивой, что ли, в наше зыбкое время. Уклад житейский по-прежнему прост и неприхотлив: домашнее хозяйство есть (корова, козы, куры, кролики...) и огород. Дом, мастерскую оборудовал он своими руками; прекрасно водит автобус приходский (кстати, на нем прихожане, кто стар да немощен, в церковь и обратно к дому добираются...); голубятню имеет... А еще чинит часы всей Сычевке. Бесплатно, конечно.

— За что же деньги-то брать? Мне работа и в радость, и на пользу — нервы успокаивает.

Значит, жизнь у Батюшки не так уж и укладиста, раз нервы успокаивать надо.

Сычевка хоть и провинциальный городок, но не на острове же люди живут — в России. Ее заботами, ее болью мучаются. И тут — «сникерсы», налоги, невыплаты различные, цены, питье да шмотье, от которого у пацанвы (да и у взрослых мужиков и баб) голова кругом идет. Ладно бы только голова, а и душа корежится.

Выходит, в церкви, дома Батюшка по одним законам жить должен, а за палисадом да за порогом церковным — по иным. Такое двужитие не для него. Вот и мучается частенько, хотя разумом все понимает. Да сердцу от этого не легче.

Болит...

Вера. Она, конечно, помогает. На ней держится жизнь Батюшкина — да его ли одного?

Слава Богу, не церковными

атрибутами, которые приманили нынче к алтарю и вчерашних райкомовских чинов, и ни в Бога, ни в черта не верящих «бизнесменов» с наколками, крепка вера. Людской добротой, трезвым пониманием собственной причастности жизненному ходу. Традиции, вековой уклад, восприимчивость духа и ума — не пустые слова в устах отца Богдана. Его каждодневный труд — души и тела — тому подтверждение.

Он встречает сычевцев на самом пороге жизни, венчает, исповедует их и провожает в путь последний.

Не стоит село без праведника, сказал русский писатель. И такая вот Сычевка без такого вот Батюшки, уверен, оскудеет.

...Прожил я более полувека некрещеным, а тут решил окреститься. Понятное дело, у отца Богдана.

В тот день крестились двое детишек и шестеро нас, взрослых.

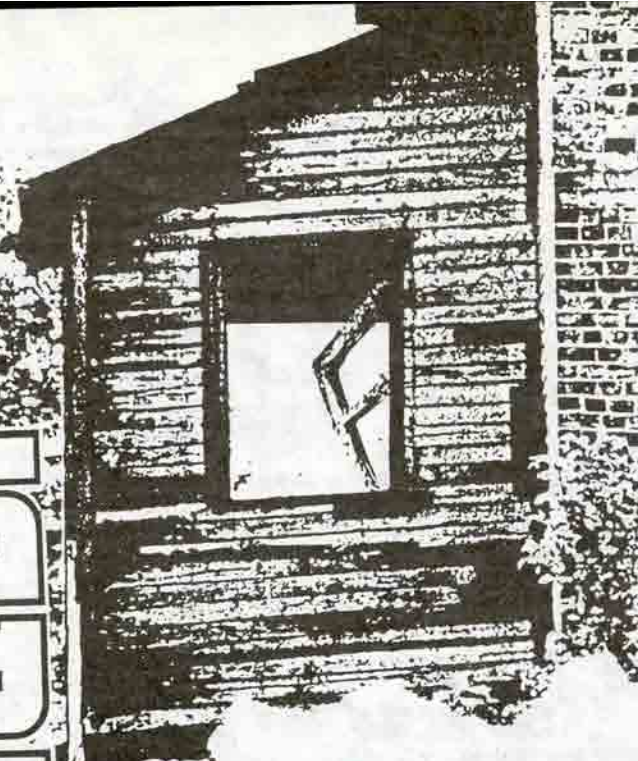
Во время крещения Батюшка шепнул мне: «Ну что, будешь небось прятать крестик, как многие партбилеты попрятали?»

В коммунистах не числился. А крест натальный, Батюшка, прятать не собираюсь.

Впрочем, как и выставлять напоказ — что по нынешним меркам и модно, и престижно.

СПАС

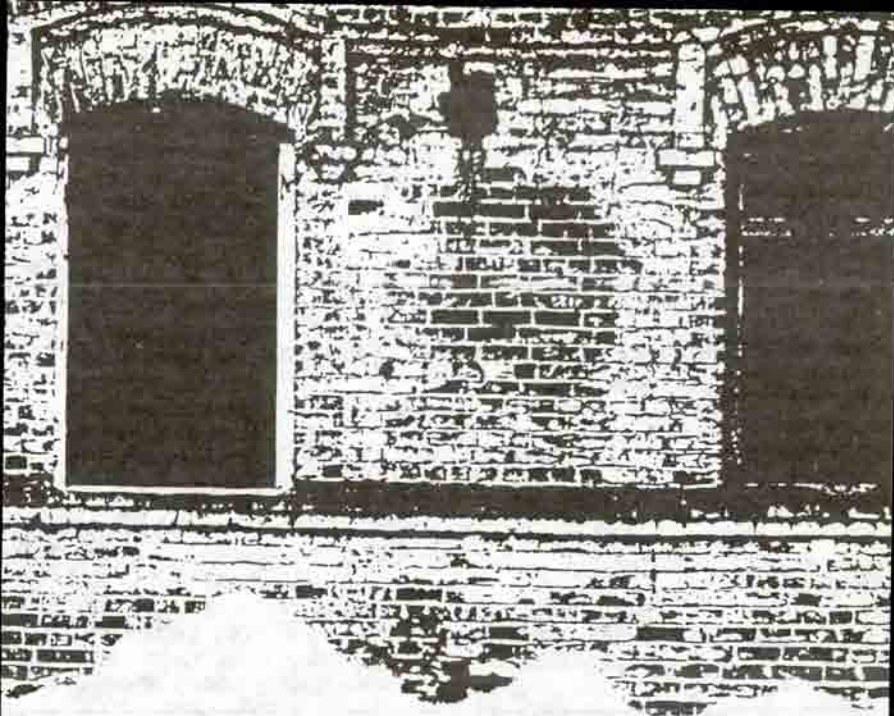
ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

Первого августа в три часа ночи загорелся барак, где жили Пронкины. Предутренний сон особенно крепок... На счастье, владелец соседнего дома именно в ту ночь страдал бессонницей и вышел погулять с собакой. Он и поднял тревогу. Пожарные приехали быстро, но ветхое строение не выдержало испытания огнем и водой.

Валентина Степановна родом из деревни Нагорье под Переславлем-Залесским. Закончив Ярославский текстильный техникум, получила направление в Душанбе. Да так и осталась там на долгие годы. Начинала помощником мастера; последние 17 лет проработала старшим инженером Минлепрома Таджикистана.

Николай Михайлович — из Тамбовской области. Подался в Душанбе не по распределению — по собственной воле. Еще раньше, вскоре после войны, там обоснова-

лись его родители. Помогали восстанавливать разрушенный землетрясением город... Вот и приехал поближе к отцу и матери. Всю жизнь за баранкой автомобиля.

Теперь Пронкины сидели на узлах и смотрели, как догорает их последнее жилище... Бросив в Душанбе четырехкомнатную квартиру, были рады полуразвалившемуся бараку без элементарных удобств. Сын Сергей с женой и дочерью получил комнату в этом же бараке. Своими силами сделали ремонт, обзавелись огородом.

Из Таджикистана семья уехала в октябре 1992-го. Сначала отправились на родину Валентины Степановны. Родительский дом там вконец разрушился, жить негде. Так и оказались в поселке Приозерный, что сразу за городской чертой Переславля-Залесского. Николай Михайлович устроился водителем автобуса в объедине-

нии «Агрохимия», Сергей — по ремонту легковых машин.

— Там, в Душанбе, все у нас было хорошо, — вспоминают Пронкины. — Интересная работа, друзья, дом. Теперь друзей по разным областям разбросало. Воронеж, Калуга, Орел... После горбачевской «перестройки» мы впервые чувствовали себя людьми чуждой национальности. Бывало, в магазин пойдешь и ничего не купишь: в очереди «своих» пропускают, и не дай Бог слова сказать. Постоишь, постоишь — да и уйдешь с пустыми руками. Году в девяностом начались массовые митинги, беспорядки. В нашем подъезде один парень бегал с ножом и орал: «Всех русских порежем!» Однажды остановили машину, в которой ехал сын, вытащили его, стали избивать. Спасли Сергея наши дружинники — да, мужчины вынуждены были объединяться для защиты. Останавливали троллей-

бусы, автобусы, выводили похожих на русских, били, срывали украшения с женщин. А по телевидению показывали десятую часть правды... Почему вдруг такой взрыв ненависти? Погромщики в основном молодежь. Может, их стали так настраивать в школах, институтах?... Таджикистан был богатейшей республикой. Два урожая в год собирали! Помидоры шли по пятаку килограмм, кишмиш — 38 копеек. Цены и сейчас ниже, чем в России, но и заработки тоже. Конечно, когда идет война, не до урожаяев...

Контейнер, в котором Пронкины отправили вещи, по дороге разграбили: вырезали дыру и утащили все, что смогли. Может, на контейнерах крупными буквами писать, кому они принадлежат? Впрочем, мародера ничто не остановит. Пока семья после пожара мыкалась по разным углам, кто-то выкопал почти всю картошку, капусту. Удар тем более сильный, что в июне Николая Михайловича уволили из «Агрохимии» по сокращению штатов — он ведь меньше всех там проработал... Выплатили двухнедельное пособие вместо положенного двухмесячного. (Кстати, еще одна «деталь» отношения этой организации к людям. Пронкин просил материальную помощь на похороны оставшегося в Таджикистане отца. Велели написать заявление, а потом отказали. Кое-как наскребли Пронкины 20 тысяч. В тот период почта принимала переводы не свыше 5 тысяч. Послали четыре перевода, дошел один. И — никаких концов.) Так что живут фактически на пенсию жены. Правда, Пронкину удалось устроиться водителем в одну организацию, но там зарплату выдают далеко не каждый месяц.

Мы, живущие в относительно благополучии, можем ли представить себе такую цепь бед, несча-

стий, потерь? А они рассказывают о своей прошлой и настоящей жизни внешне спокойно. Ко всему привыкает русский человек...

Мы сидим с Валентиной Степановной и Николаем Михайловичем в их «новой» квартире в Переславле-Залесском. Кавычки ставлю потому, что этот деревянный дом признан аварийным.

На пятерых — а живут теперь вместе с сыном, снохой и дочерью — две смежные комнаты с высоченными потолками. (Последнее обстоятельство отнюдь не благо: зимой топить печь надо почти постоянно. На что купить столько дров?) Потолки по углам текут, стены в трещинах. В прихожей прямо над порогом обвалился большой пласт штукатурки. В дыру видно прогнившее перекрытие. Ремонт нужен капитальный, а разве он по карману людям, которые лишились всего? У коммунальных служб денег тоже нет. Да и зачем им ремонтировать аварийную развалину?

— Мы готовы жить и в этом доме, — говорит Николай Михайлович. — Единственное — помог бы кто с ремонтом...

В старинном Переславле-Залесском сто тридцать семей из бывших союзных республик. За последние годы, к сожалению, стало привычным слово «беженец». Появилось и другое, немыслимое прежде словосочетание — «вынужденный переселенец». Это когда войны, погромов нет, а жить становится невозможно.

Елена Петровна Славинская была деканом факультета педагогического института в молдавском городе Бельцы. Кандидат исторических наук.

— Попробуйте представить, — рассказывала она, — веду я семинар со студентами. Вечер, на дворе темно. Под окнами — толпа

с факелами. Крики, угрозы... «Потопим русских в еврейской крови!» — это надо ж такое придумать. В институте почти не осталось русских групп. Ввели латиницу — сразу половина населения стала неграмотной. Мальчишка — ассистент кафедры говорит мне: «Елена Петровна, вы уже собрались уезжать сами или вам телечки вагоны подать?» Мои знакомые не могли вызвать «Скорую помощь» — там вешали трубку, услышав русскую речь. Постоянные хулиганские звонки, мы на ночь телефон отключали.

В Москве, в Федеральной миграционной службе (ФМС) Славинской предложили на выбор несколько областей для переезда. Выбрала Ярославскую, поскольку здесь уже действовало региональное отделение Российского фонда помощи беженцам «Соотечественники». Вначале приехала одна, как бы на разведку. Потом присоединился сын. А муж до сих пор в Бельцах, около трех лет семья разделена. Но ведь не хочется оставлять квартиру пустой, с ней надо что-то решать. Покупатели вроде есть, но предлагают смешную сумму... Жилье в Переславле-Залесском пока снимает. Ей (как и другим переселенцам-пенсионерам) чуть полегче: пусть небольшой, но регулярный доход.

Для небольшого городка (45 тысяч населения) каждая прибывающая семья — проблема. Впрочем, как для любого российского города. Везде нехватка жилья, сокращение рабочих мест. Все переславские фабрики и заводы, строительные организации постепенно хиреют. В районе самый большой на Ярославщине процент безработных.

Переселенцы попадают сюда разными путями — у одного знакомые, у другого родственники, третьему кто-то посоветовал. В об-

щем, процесс миграции шел и идет, как правило, стихийно. Так, отставному майору Федору К. посоветовала приехать Славинская: они знакомы по Бельцам. После переживала: не удалось сразу устроить его на новом месте нормально.

В 1971 году Красноперова перевели служить из Чехословакии в Молдавию. И вот спустя двадцать лет почувствовал себя чужим.

— Военный, даже отставной, — значит, оккупант. Я помню плакаты: «Пришельцы — вон!» К нам на предвыборные встречи ехал покойный маршал Ахромеев — его машину остановили, сняли зачехленный китель, часа два издевались. Охрана молчала. Да что она может против толпы. А тут еще разговоры о присоединении к Румынии...

Сын Андрей окончил политехникум в Бельцах, работал токарем на заводе. В 1992-м попал под сокращение.

— Понимаете, — объяснял он мне, — отношение к русским изменилось не потому, что люди вдруг стали плохими. Просто они боятся «Народного фронта» — ну, и ведут себя по его указке. А среди «народофронтовцев» попадаются и хулиганы. Однажды избили отца...

И эта семья оказалась надолго разделенной: жена Федора К. не может выехать из Бельц, пока не решится квартирный вопрос. Прежде военным (а дом был на балансе МО) не разрешали приватизировать жилье. Теперь, говорят, можно. Появился шанс продать квартиру. За бесценок, конечно, но лучше, чем ничего.

Поселили отца и сына в прекрасном лесу на... бывшей даче Василия Сталина. Точнее, это относительно скромный бревенчатый охотничий домик. После смерти Василия он использовался по

прямому назначению «номенклатурой» и сохранился в прекрасном состоянии со всей обстановкой. Разумеется, отец с сыном живут не в «апартаментах», а в помещении для obsługi, присматривают за порядком, числясь рабочими лесничества. Завели коз, кур; заготавливают грибы, ягоды. Это существенное подспорье.

Тут хорошо было бы отдохнуть, но жить постоянно... До ближайшего сельского магазина четыре километра, до города — восемнадцать. «Летом хоть людей изредка видишь, — рассказывали они, — зимой почти полностью отрезаны от мира. Даже в магазин не всегда проберешься через снежные заносы». Телевидения, телефона, радио нет. Вместо электричества — коптилка на солярке.

Новое явление: увеличивающийся поток иммигрантов из Казахстана — одного из самых стабильных, спокойных в политическом отношении государств бывшего СССР. Их-то что заставляет покидать родину? Я был в семье уроженца Караганды, бывшего преподавателя черчения, ныне работника строительной организации Александра Тетерникова, задавал такой вопрос.

— *Человек кожей чувствует изменение атмосферы вокруг себя, — ответил он. — Чувствую, дальше будет хуже. Вы правы, в Казахстане спокойно. Пока. А у нас перед глазами пример других республик, где тоже, казалось, было спокойно. Дождаться обострения? Интуиция подсказала — лучше вовремя уехать, цивилизованно. И еще: я не уверен, что у моих детей — они еще школьники — там были бы перспективы на будущее. В смысле получения образования, профессионального и служебного роста.*

«Казахстанцев» считают наиболее благополучной группой пере-

селенцев: они уезжали без спешки, не бросая нажитое. Тетерников, например, продал квартиру в Караганде, на вырученные деньги купил в Переславле-Залесском и еще осталось. (Я знаю семью из Таджикистана, обменивавшую квартиру... на контейнер.) Но это было до разгула инфляции, сейчас ситуация меняется. Цены на квартиры (отъезжающих) в Казахстане падают, в России растут. Железнодорожники повышают плату за перевозки. Словом, прибавляется забот и с «благополучными» казахстанцами. С миллионами и оттуда теперь не едут.

Первые беженцы появились в Переславле-Залесском в 1990-м. А местная миграционная служба начала действовать только в августе 1994 года. Фактически люди были предоставлены сами себе. Обратиться за помощью в администрацию города, района? Но она не имела (и сейчас не имеет) ни свободного жилья, ни единого рубля на обустройство приезжих.

— В районе не хватает тысячи животноводов, механизаторов, — сетовал глава администрации Хансанби Шапаров. — Мы бы с удовольствием приняли многих переселенцев. Но, с одной стороны, многие готовы ехать на село, что и понятно: приезжают в основном жители больших городов. С другой — и колхозам, и районной администрации не на что строить дома, сельские перерабатывающие мини-заводы. Даже горячее не можем купить, чтоб завезти корма на фермы. Знаете, по какой цене хозяйства сдают молоко? 150 рублей за литр! Зарплату выдать не могут...

Переславль-Залесский — часть «Золотого Кольца» — мог бы хорошо зарабатывать на туризме. Двое канадских специалистов разработали соответствующую программу,

схему. Но, уезжая, честно предупредили: ни один иностранный инвестор не станет вкладывать деньги в развитие туризма у вас. Уж очень убога сфера услуг и развлечений: пара ресторанов и кинотеатров, и все. (А как объяснить канадцу, почему из гостиницы нельзя заказать разговор даже с Москвой, почему надо идти на почту за каким-то талоном?) Эта сфера по всей России — поистине нетронутая целина. Только поднимать ее, похоже, никто не собирается.

Не особенно рассчитывая на помощь извне, «новые» переславцы поневоле начали объединяться: создали товарищество переселенцев, назвав его русским именем «Настя». Директором избрали Славинскую.

Приобрели три грузовика. ГАЗ подарила международная организация по миграции населения. На покупку новых КамАЗа и ЗИЛа выделил кредит Российский фонд «Соотечественники». Зачем нужны машины? А чтобы зарабатывать на перевозках.

На заработанные деньги смогли открыть швейный цех. Ну, «цех» — это громко сказано, всего-то четыре машинки. Но он начал приносить прибыль. Славинская добывает весовой лоскут (проще говоря, отходы ткацких фабрик), а здесь из него делают нечто простенькое — специалистов ведь нет — полотенца, фартуки, наволочки.

Наладили керамическое производство. Мосэнерго подарило монтировочные столы, часть оборудования купили, а помещение предоставил местный предприниматель Валерий Ефимов, профессионал в этом деле. Занялись выпуском посуды, декоративных изделий.

Заклучили договор с мясокомбинатом на поставку колбасы, которую продают в своем киоске — дешевле, чем у других.

Занимаются распределением гуманитарной помощи — одежды, продуктов... Хочу особо подчеркнуть: все вышеописанное делается не только для «своих». На работу принимают и местных жителей; долю продуктов, вещей бесплатно получают наиболее обездоленные переславцы — их находят с помощью службы социальной защиты. По мере возможности делаются с детскими садами, интернатом. А когда я был в Переславле, мы вместе отвезли в открывшийся женский монастырь рулон черной ткани, полученной от Германии. При этом — снова хочу подчеркнуть особо — благотворительная сторона работы ТОО «Настя» не афишируется и тем более не рекламируется. Говорить о ней считают неудобным, некорректным.

Однако инфляция крепко ударила по хозяйственной деятельности «Настии».

Швейное и керамическое производство пришлось приостановить: несмотря на дешевизну товаров, спрос на них упал — это следствие снижения платежеспособности населения. Нынче хозяйки стоят перед выбором: купить лишнее полотенце или буханку хлеба? И перевозки стали давать меньше дохода. Грузовики приходится оставлять на улице (гаража нет), где с них периодически снимают оборудование. А это значит ремонты, простои.

Однако духом стараются не падать. Появилась реальная надежда устроить желающих на селе, а таких немало, в том числе и Красноперовы, готовые на любую работу.

Неподалеку от города, в поселке Перелески, колхоз заложил несколько домов, но довести до сдачи не смог: кончились деньги. ФМС выкупила 10 «недостроек». Строиться поодиночке нереально. А обща — есть шанс подняться.

В перспективе тут, на сорока выделенных гектарах, можно будет разместить двести коттеджей. Важно, что и колхоз заинтересован в притоке новых работников. Федеральная служба берет на себя оплату проекта нового поселка, прокладки всех инженерных коммуникаций. На остальное придется зарабатывать самим.

Главный строитель Перелесок — директор АО «Росич» Алексей Ворожцов — согласен строить для переселенцев по минимальным ценам, лишь бы хватило на зарплату рабочим. Нашли СП «Радослав», поставляющее строительные детали на четверть дешевле обычного благодаря особой технологии изготовления. Пригодится и полевая кухня, подаренная германским благотворительным обществом «От двери — к двери». Так что крутится «Настя», изыскивает любую возможность.

Бывший бакинец, специалист по вычислительной технике Виктор Глатенко работает в «Насте» кем придется: водителем, грузчиком. Его «вина» в том, что он больше похож на армянку мать, чем на русского отца. О пережитом рассказывает неохотно.

— Я раньше и подумать не мог, что подобное могло случиться в Баку. Где угодно — только не в Баку! Это был по-настоящему интернациональный город. Уверен, погромы, убийства не были стихийными, их кто-то спровоцировал. Совершенно точно знаю: по многим организациям ходили люди из «Народного фронта», предлагали по 50 рублей за участие в митингах. Тогда это были хорошие деньги. Трудно, что ли, посидеть ночь у костра? От митингов дошли до стрельбы. Всю ночь за окном — трассирующие очереди. Там пожар, тут пожар... Нам еще повез-

ло, что жили на третьем этаже. Все верхние этажи в нашем доме простреливались... У мамы был билет на самолет до Киева — думали, переждет там у родственников опасное время. Но многие ли в России знают, что улететь из Баку было даже опасней, чем оставаться в городе? «Народофронтовцы» вытаскивали людей прямо из самолета, брали заложниками. Нам удалось отправить маму паромом до Красноводска.

Вдумайтесь, какое дикое сочетание слов: народный... фронт. Ведь фронт — это боевой термин, означающий войну. Какой народ хочет войны?

Пригласить к себе домой, посмотреть, как он живет в одной комнате с мамой, женой и двумя детьми, Виктор вежливо, но твердо отказался:

— Я даже друзей не приглашаю — неудобно. Но все равно, жить-то надо, никуда не денешься.

А вот в гостях у его землячки, ныне председателя регионального фонда «Соотечественники», Галины Федотовой я побывал. В фабричном общежитии разместили четыре семьи из Баку. Четыре комнаты по 9 метров... В одной из них живет дочь Федотовой Лена с мужем и двумя детьми. Преподаватель физкультуры, она вынуждена была переквалифицироваться в вязальщицы. А теперь, пока в декретном отпуске, осваивает профессию бухгалтера.

Немало семей живут в одном общежитии, а прописаны в другом. Живут, таким образом, на птичьих правах. При сокращении штатов их положение становится еще более шатким — в любой момент администрация предприятия может выселить...

Старшее поколение помнит термин «лишенцы» — это были люди, лишенные как классовые враги

права участвовать в выборах. Нынешние беженцы проголосовать-то могут, а смысл? Кандидаты в депутаты горазды только на обещания. Практически беженцы — современные лишенцы, у которых отобраны более существенные права на жилище, работу, Сносную жизнь, наконец. Неужели и этого не заслужили?! Многие годы люди честно трудились во славу бывших республик, СССР — и вот теперь остались у разбитого корыта. Никому — в том числе и России — ненужные...

Многие беженцы ничего не просят, они могли бы сами о себе позаботиться (раз государство не в состоянии), создавая малые предприятия, товарищества, подсобные «Насте». Но их коммерческая и производственная деятельность облагается таким же налогом, какой платят «коренные» предприниматели. Хорошо известно, как жестоки наши налоги. Причем налоговая система, видимо, не станет менее жесткой и в 1995 году.

Но существуют льготы — например, с начинающих фермеров не берут ничего. На беженцев льготы не распространяются. Верх безнравственности — драть три шкуры с начисто разоренных людей. Более того, товарищества беженцев лишены возможности брать кредиты в банках, ибо у них нет гарантов. Подо что им брать? Уж если государство не способно обустроить беженцев, почему бы ему не стать гарантом? Можно не беспокоиться — долги вернут.

Некоторые местные начальники тоже далеко не филантропы. Товарищество «Настя» попросило у одного председателя колхоза (или как там они сегодня называются) запущенную землю под строительство. Он согласился, но потребовал... трактор. Сделка, как понимаете, не состоялась.

Тот председатель не просил по крайней мере для себя. Однако появилась категория проходимцев, которая не прочь погреть руки на чужой беде. Так, в Москве образовался фонд «Россиянин», пообещавший жителям стран Балтии построить жилье в центре России за небольшие суммы. Для начала собирали вступительные взносы — по 10 долларов с человека... Бывший директор фонда теперь в бегах; сам фонд перерегистрировался и не несет юридической ответственности перед обманутыми.

К главе Переславльской районной администрации Шапарову приходили представители подозрительных «обществ», «товариществ», базирующихся в странах СНГ. Дескать, хотим помочь переселенцам, дайте землю под строительство коттеджей. По сведениям администрации, часть денег с беженцев они успели собрать: доверчивых и наивных у нас много...

Такой грабеж возможен «благодаря» несовершенству законодательства, отсутствию Закона о благотворительной деятельности. А надо бы так: хочешь собирать деньги с населения — получи лицензию.

И еще несколько слов о нашем законодательстве. 19 февраля прошлого года было принято два Закона РФ — о беженцах и о вынужденных переселенцах. Первые, предполагалось, приехали временно, до нормализации обстановки на родине. Поэтому им не положена льгота, которой могут пользоваться переселенцы: процентный кредит на строительство или ремонт. 3 миллиона на семью до четырех человек, 4,5 миллиона — для многодетных. (Правда, эти деньги непросто получить, много бюрократических рогадок, но шанс есть.) Проблема в том, что многие,

прибывшие до принятия названных законов, получили статус беженцев — тогда им было все равно... Те, кто решил остаться в России навсегда, захотели, естественно, поменять статус, принять гражданство. А механизм перемены статуса законами не предусмотрен!

Николая Пронкина, к примеру, областная миграционная служба устно отказалась признать вынужденным переселенцем. Славинская потребовала письменного отказа, поехала с ним в ФМС, добилась справедливости. Обычная история: в Москве говорят «Можно», чиновники на местах — «Низзя!». Но с каждым конкретным делом в Москву не наездишься.

С получением гражданства снова вышли нестыковки между ведомствами. В Переславле мне перечислили длинный перечень бумаг, документов, которые будущий гражданин России должен представить в органы внутренних дел. Среди прочего — объяснительная записка, почему имеешь временную прописку; сведения о всех родственниках, живых и умерших (Господи, кто будет проверять?!). Ничего подобного я не нашел в правилах, вывешенных в приемной ФМС.

Кроме того, местная милиция требует ксерокопию паспортов. Ну, где найдет ксерокс Федор К.? В лесу? В самом Переславле их всего три штуки.

Возможно, все это мелочи, но гуманно ли усложнять жизнь людям, попавшим в беду? Вопрос, конечно, риторический.

Я поинтересовался у начальника управления по связям с неправительственными организациями ФМС Евгения Чернецова: есть ли вообще какая-то программа миграции? Программа-то есть, ответил он. Финансирования нет... В 1994 году на устройство переселенцев

и беженцев ФМС запрашивала 1,9 триллиона рублей — цифра, признанная в правительстве обоснованной. Однако утвердили всего 545 миллиардов, а фактически Минфин выделил менее трехсот.

В сентябре Виктор Черномырдин подписал постановление, в котором ФМС, некоторым министерствам и ведомствам приказано представить предложения о расселении, профессиональной подготовке и переподготовке, трудоустройстве, социальной поддержке беженцев, иностранных граждан и лиц без гражданства. Не знаю, какой толк будет от любых предложений, если само правительство разработало «жесткий» бюджет на 1995 год. Ассигнования ФМС сокращены до 512 миллиардов, и неизвестно, сколько еще урежет Минфин.

К концу прошлого года в России было 2,5 миллиона переселенцев. Плюс 500 тысяч из дальнего зарубежья (Афганистан, Африка). Согласно прогнозам ФМС, к ним будет ежегодно добавляться около 400 тысяч человек. По другим данным, только в одном 1995 году приедет миллион соотечественников. Совершенно ясно: России такую лавину достойно не принять. Но справедливо ли, спрашивала Славинская, всю тяжесть миграционных расходов взваливать на Россию? Ведь бывшие республики практически бесплатно получают сотни тысяч квартир. В то же время эти республики просят — и получают — кредиты от России.

Схематично суть предложения Елены Петровны такова. Вы просите, допустим, три миллиарда рублей? Пожалуйста. Но с условием: один миллиард из этой суммы мы направим на строительство квартир для переселенцев из вашего государства. Но возвращать придется все три миллиарда. Фактически никто при этом ничего не

теряет: соседнее государство просто компенсирует потери отъезжающих, получает жилье для «своих», Россия на эти деньги обустроивает переселенцев. По сути, это межгосударственный обмен жильем.

В ФМС к этой идее относятся скептически: мол, республики и так в долгу как в шелку. Это известно. Но и молчать о перерезавшей проблеме больше нельзя. А ни в одном соглашении с ближним зарубежьем о ней даже не упоминается. Эти соглашения, касающиеся в основном политических прав людей, двойного гражданства, носят общий, декларативный характер. Есть также соглашения с шестью бывшими республиками — такие же декларативные. Механизма их осуществления нет.

Среди причин, вынуждающих людей покидать насиженные места, очень важна причина экономическая. Уровень жизни в соседних государствах, как мы знаем, ниже. Все 25 миллионов соотечественников, разумеется, в Россию выехать не смогут. Значит, напрашивается мысль: надо поддержать их экономически. Но как?

Есть предложения: организовать русские общины и помогать конкретно, адресно именно им. Например, в обмен на списание долгов добиться передачи бывших «союзных» предприятий в собственность общин, установить для них льготные условия поставок сырья из России и продажи готовой продукции в России.

Трудно согласиться с такими предложениями. Добро бы речь шла о культурных объединениях... Экономические льготы по национальному признаку неизбежно приведут к новому витку политической нестабильности, если не сказать — вражде. Нельзя решать свои социальные, экономические

проблемы за счет другой нации.

Залог крепкой экономики — мир, равноправие, согласие всех граждан государства. Не везде еще до конца осознали эту простую истину...

ОТ РЕДАКЦИИ. Эту статью мы направляем в Государственную думу и правительство.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ

Русскую Литературу?

32

В январском номере «Смены» опубликованы условия конкурса знатоков отечественной словесности и задание первого тура.

Предлагая вашему вниманию на этот раз двадцать отрывков из произведений русских писателей, жюри конкурса, как и в первом туре, просит определить точное название произведения, имя и фамилию автора.

Напоминаем, что за каждый правильный ответ начисляется одно очко. Победители будут определены по наибольшей сумме набранных очков во всех трех турах и награждены призами — подарочными изданиями и собраниями сочинений русских писателей, а также дипломами «Смены».

Ответы на вопросы февральского тура нужно отправить в редакцию «Смены» не позднее 15 мая (срок отправки — по почтовому штемпелю). В письмах просим указывать свою профессию и возраст. На конверте сделайте пометку: «На конкурс «Знаете ли вы русскую литературу?». II тур».

Второй тур

16

Дело было в Петербурге, зимой, в первый день масленицы. Меня пригласил к себе обедать один мой пансионский товарищ, слышавший в молодости за красную девицу и оказавшийся впоследствии человеком вовсе не застенчивым. Он уже теперь умер, как большая часть моих товарищей. Кроме меня, обещали прийти к обеду некто Константин Александрович Асанов да еще одна тогдашняя литературная знаменитость. Литературная знаменитость заставила себя подождать и прислала наконец записку, что не будет, а на место ее явился маленький белокурый господин, один из тех вечных незваных гостей, которыми Петербург изобилует.

17

По своей воле и охоте редко уж мне приходится ездить на родину. Все чаще зовут туда на похороны и поминки — много родни, много друзей и знакомцев — это хорошо: много любви за жизнь получишь и отдашь, да хорошо, пока не подойдет пора близким тебе людям падать, как падают в старом бору перестоялые сосны, с тяжелым хрустом и долгим выдохом...

Однако доводилось мне бывать на Енисее и без зова кратких скорбных телеграмм, выслушивать не одни причитания. Случались счастливые часы и ночи у костра на берегу реки, подрагивающей огнями бакенов, до дна пробитой золотыми каплями звезд; слушать не только плеск волн, шум ветра, гул тайги, но и неторопливые рассказы людей у костра на природе, по-особенному открытых, рассказы, откровения, воспоминания до темноты, а то и до утра, занимающегося спокойным светом за дальними перевалами, пока из ничего не возникнут, не наползут липкие туманы, и слова сделаются вязкими, тяжелыми, язык неповоротлив, и огонек притухает, и все в природе обретает ту долгожданную миротворность, когда слышно лишь младенчески чистую душу ее.

18

В самой глухой, отдаленной чаще троскинского осинника работал мужик; он держал обеими руками топор и рубил сплеча высокие кусты хвороста, глушившие в этом месте лес непроходимую засекой. Наступала пора зимняя, холодная; мужик припасал топливо. Шагах в пяти от него стояла высокая телега, припряженная к сытенькой пегой клячонке; поодаль, вправо, сквозь обнаженные сучья дерев виднелся полунагой мальчишка, карабкавшийся на вершину старой осины, увенчанную галочьими

гнездами. Судя по опавшему лицу мужика, сгорбившейся спине и потухшим серым глазам, смело можно было дать ему пятьдесят или даже пятьдесят пять лет от роду; он был высок ростом, беден грудью, сухощав, с редкою бледно-желтою бородою, в которой нередко проглядывала седина, и такими же волосами. Одежда на нем соответствовала как нельзя более его наружности: все было до крайности дрябло и ветхо, от низенькой меховой шапки до коротенького овчинного полущубка, подпоясанного лыковой тесьмою. Стужа была сильная; несмотря на то, пот обильными ручьями катился по лицу мужика; работа, казалось, приходилась ему по сердцу.

19

За собой Александр Иванович оставил бриллиантами блестящий мост.

Дальше, за мостом, на фоне ночного Исакия из зеленой мути пред ним та же встала скала: простирая тяжелую и покрытую зеленью руку, тот же загадочный Всадник над Невой возносил меднолавровый венок свой; над заснувшим под своей косматою шапкою гренадером недоуменно выкинул конь два передних копыта; а внизу, под копытами, медленно покачивалась косматая, гренадерская шапка засыпающего старика. Упала от шапки, о штык ударилась бляха.

Зыбкая полутьма покрывала Всадниково лицо; и металл лица двоился двусмысленным выраженьем; в бирюзовый врезалась воздух ладонь.

С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический Всадник, с той чреватой днями поры, как он бросил коня на финляндский серый гранит — надвое разделилась Россия; надвое разделились и самые судьбы отечества; надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа — Россия.

Ты, Россия, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко вnedрились в гранитную почву — два задних.

20

Ярко освещенный ресторан работал: музыка гремела, а цыгане расхаживали и закусывали у буфета, дядя обзирал комнаты, зал, грот и галереи. Он везде смотрел, «нет ли непринадлежащих», и рядом с ними безотлучно ходил учитель; но когда они возвратились в главную гостиную, где все были в сборе, между ними замечалась большая разница: поход на них действовал не одинаково: учитель был трезв, как вышел, а дядя совершенно пьян.

Как это могло столь скоро произойти, — не знаю, но он был в отличном настроении; сел на председательское место, и пошла писать столица.

Двери были заперты, и о всем мире сказано так: «Что ни от них к нам, ни от нас к ним перейти нельзя». Нас разлучала

пропасть, — пропасть всего — вина, яств, а главное — пропасть разгула, не хочу сказать безобразного, — но дикого, неистового, такого, что и передать не умею. И от меня этого не надо требовать, потому что, видя себя зажатым здесь и отдаленным от мира, я оробел и сам поспешил скорее написать. А потому я не буду излагать, как шла эта ночь, потому что *все* это описать дано не моему перу, я помню только два выдающихся батальных эпизода и финал, но в них-то и заключалось главным образом *страшное*.

21

Масленица... Я и теперь еще чувствую это слово, как чувствовал его в детстве: яркие пятна, звоны — вызывает оно во мне; пылающие печи, синеватые волны чада в довольном гуле набравшегося люда, ухабистую снежную дорогу, уже замаслившуюся на солнце, с ныряющими по ней веселыми санями, с веселыми конями в розанах, в колокольцах и бубенцах, с игривыми переборами гармонии. Или с детства осталось во мне чудесное, непохожее ни на что другое, в ярких цветах и позолоте, что весело называлось — «масленица»? Она стояла на высоком прилавке в банях. На большом круглом прянике, — на блине? — от которого пахло медом — и клеем пахло! — с золочеными горками по краю, с дремучим лесом, где торчали на кольшках медведи, волки и зайчики, — поднимались чудесные пышные цветы, похожие на розы, и все это блистало, обвитое золотой канителью... Чудесную эту «масленицу» устраивал старичок в Зарядье, какой-то Иван Егорыч. Умер неведомый Егорыч — и «масленицы» исчезли. Но живы они во мне. Теперь потускнели праздники, и люди как будто охладели. А тогда... все и все были со мною связаны, и я был со всеми связан, от нищего старичка на кухне, зашедшего на «убогий блин», до незнакомой тройки, умчавшейся в темноту со звоном. И Бог на небе, за звездами, с лаской глядел на всех: масленица, гуляйте! В этом широком слове и теперь еще для меня жива яркая радость, перед грустью... — перед постом?

22

Печорин только на минуту заходил смотреть фокусника. Он не видел фокусов. Ночью он был у княгини Лиговской. Этой же ночью он оказался под окном княжны Мэри. Там он подрался с Грушницким и с драгунским капитаном, секундантом Грушницкого, получившим от Печорина в рожу. Эта ночь была окончательным поводом дуэли между Печориным и Грушницким. Наутро у нарзанного колодца утверждали, что Печорин имел ночное randevu с княжной Мэри. Печорин записал о той ночи, когда он на шаялях спускался из окошка княгини Веры:

«Тревога между тем сделалась ужасная. Из крепости прискакал казак. Все зашевелилось; стали искать черкесов во всех кустах и, разумеется, ничего не нашли. Но многие, вероятно, остались в твердом убеждении, что если б гарнизон показал

более храбрости и поспешности, то, по крайней мере, десятка два хищников остались бы на месте».

23

Аммалат пришел в память на заре.

Медленно, поодиночке сходились в ум его мысли, и те мелькали, будто в тумане, от чрезвычайного расслабления. Он вовсе не ощущал боли в теле своем, и это состояние было даже приятно ему: оно отнимало у жизни горе, у смерти — ужас, и в эту пору он услышал бы весть о выздоровлении так же беспечно, как весть о неизбежной кончине. Ему не хотелось молвить слова, пошевелить пальцем. Это полуусыпление было, однако ж, непродолжительно. В самый полдень, после посещения лекаря, когда прислужники разошлись исполнять обряды полуденной молитвы, когда стих усыпляющий говор их и только крик муллы раздавался вдали, Аммалат послышал тихие, осторожные шаги по коврам спальни. Он приподнял тяжелые веки, и сквозь сеть ресниц показалось ему, что прелестная черноокая девушка, в оранжевой сорочке, в глазетовом архалуке с двумя рядами эмалевых пуговок, с длинными косами, распущенными по плечам, тихо приблизилась к его ложу и так заботливо обвела его чело, так сострадательно взглянула на рану, что в нем затрепетали все жилки. Потом осторожно налила она лекарства в чашечку и... больше не мог он рассмотреть: веки его опали как свинец; он только ловил слухом шелест ее шелкового платья, будто шум крыльев улетающего ангела, и снова все стихло. И каждый раз потом, когда нетвердый еще разум его хотел разгадать ее появление, оно сливалось с неясными грезами горячки, так что первым вздохом, первым словом его, когда он очнулся, было: «Это сон!»

Но это не был сон.

24

В комнате Христофорова в мансарде старого деревянного дома на Молчановке было полусветло — теми майскими сумерками, что наполняют жилище розовым отсветом зари, зеленоватым рефлексом распутившегося тополя и дают прозрачную мглу, называемую весной.

Перед зеркалом, запотевшим слегка от самовара, Христофоров оправлял галстук. Он был уже в сюртучке, довольно поношенном, — собирался выходить. Голубоватые глаза глядели на него, порядочная шевелюра, висячие усы над мягкой бородкой. Он поправил узел галстука, завязывать которого не умел, улыбнулся и подумал: «Чем не жених?» Он даже ус немного подкрутил.

Затем взял ветку цветущей черемухи, — она лежала на столе, — понюхал. Глаза его сразу расширились, приняли странное, как бы отсутствующее выражение. Он вздохнул, надел шляпу, пальто и по скрипучей лесенке спустился вниз. Пересек большой двор — здесь на травке играли дети, у каретного кучер запрягал пролетку, — и быстрым, легким шагом зашагал к Никитскому бульвару.

В седьмом часу вечера я, напившись чаю, выехал со станции, которой названия уже не помню, но помню, где-то в Земле Войска Донского, около Новочеркасска. Было уже темно, когда я, закутавшись в шубу и полость, рядом с Алешкой уселся в сани. За станционным домом казалось тепло и тихо. Хотя снегу не было сверху, над головой не виднелось ни одной звездочки, и небо казалось чрезвычайно низким и черным сравнительно с чистой снежной равниной, расстилавшейся впереди нас.

Едва миновав темные фигуры мельниц, из которых одна неуклюже махала своими большими крыльями, и выехав за станицу, я заметил, что дорога стала тяжелее и засыпаннее, ветер сильнее стал дуть мне в левую сторону, заносить вбок хвосты и гривы лошадей и упрямо поднимать и относить снег, разрываемый полозьями и копытами. Колокольчик стал замирать, струйка холодного воздуха пробежала через какое-то отверстие в рукаве за спину, и мне пришел в голову совет смотрителя не ездить лучше, чтобы не проплутать всю ночь и не замерзнуть дорогой.

— Не заблудиться бы нам? — сказал я ямщику. Но, не получив ответа, яснее предложил вопрос: — Что, доедем до станции, ямщик? Не заблудимся?

— А Бог знает, — отвечал он мне, не поворачивая головы, — вишь, какая поземная расходится: ничего дороги не видать. Господи-батюшка!

— Да ты скажи лучше, надеешься ты довезти до станции или нет? — продолжал я спрашивать. — Доедем ли?

— Должны доехать, — сказал ямщик и еще продолжал говорить что-то, чего уже я не мог расслышать за ветром.

В одном из грязных переулков, которых так много между Мясницкой и Сретенкой, есть домик очень непривлекательной наружности; три маленькие окошечка смиренно смотрят на улицу, а дощатая кровля во многих местах поросла мохом. Рядом с домом будка с белыми колоннами. Этот домик, со множеством прочих близ стоящих, принадлежит одной почтенной персоне, которая была чуть ли не у крепостных дел где-то секретарем, но по причине слабости здоровья и трясения рук вышла в отставку; вот, чтобы иметь всегда хлеб насущный, и скупила весь квартал, а пустопорожние места застроила новыми лачужками и отдает внаймы по уголкам. Так вот в описанном-то домике живут два рода жильцов: во-первых, квартальный надзиратель Ерофеев с женой и, во-вторых, Зверобоев, чиновник.

Думайте, что хотите, проникательный читатель. Мне это решительно все равно. Но если бы вы ходили со мною этими декабрьскими ночами по Дворцовой набережной, послушали бы

со мною бурю и куранты, стук моей деревяшки; если бы вы прочувствовали, что у меня делается на душе в эти зимние ночи, вы бы поверили... «Динг-данг! Динг-данг!» Куранты бьют четыре часа. Пора идти домой, броситься на одинокую, холодную постель и уснуть. До свиданья, читатель!

28

Когда путешественники выехали за заставу, между ними завязался разговор.

— Василий Иванович!

— Что, батюшка?

— Знаете ли, о чем я думаю?

— Нет, батюшка, не знаю.

— Я думаю, что так как мы собираемся теперь путешествовать...

— Что, что, батюшка... какое путешествие?

— Да ведь мы теперь путешествуем.

— Нет, Иван Васильевич, совсем нет. Мы просто едем из Москвы в Мордасы, через Казань.

— Ну, да ведь это тоже путешествие.

— Какое, батюшка, путешествие. Путешествуют там, за границей, в неметчине; а мы что за путешественники? Просто — дворяне, едем себе в деревню.

29

38

Случилось мне быть у этого самого Савки в один из хороших, майских вечеров. Помню, я лежал на рваной, затасканной полости почти у самого шалаша, от которого шел густой и душистый запах сухих трав. Подложив руки под голову, я глядел вперед себя. У ног моих лежали деревянные вилы. За ними черным пятном резалась в глаза собачонка Савки — Кутька, а не дальше, как сажени на две от Кутьки земля обрывалась в крутой берег речки. Лежа, я не мог видеть реки. Я видел только верхушки лозняка, теснившегося на том берегу, да извилистый, словно обгрызенный край противоположного берега. Далеко за берегом на темном бугре, как испуганные молодые куропатки, жались друг к другу избы деревни, в которой жил мой Савка. За бугром догорала вечерняя заря. Осталась одна только бледно-багровая полоска, да и та стала подергиваться мелкими облачками, как уголья пеплом.

30

Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особенно когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым

пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом. На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подалее, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим.

31

Стучали ножи и вилки, раздавался нестройный говор, и носился пар от кушаний. За кухмистерским столом, в квартире госпожи Пфаль, под № 7, сидело около двадцати человек посетителей, по большей части людей молодых и еще не оперившихся. Был уже пятый час, и все места были заняты. Смерклось, и подавали свечи. Роза, пухленькая немочка, с ямочками на щеках, в синем полинялом спензере и в фартучке, служила за столом. Молодые люди разговаривали с ней, иные зангрявали. Роза ни на кого прямо не глядела, но иногда кокетливо улыбалась и опускала глазки. Обед был в самом разгаре, подавали чиненную фаршем репу под соусом — блюдо для кухмистерского стола не совсем обыкновенное. Вдруг в передней раздался звонок. Роза поставила блюдо, побежала отпереть дверь, и спустя две-три минуты в комнату вошел новый, неизвестный хозяйке посетитель.

39

32

Мне не нужно денег, или, лучше, мне не деньги нужны; даже и не могущество; мне нужно лишь то, что приобретается могуществом и чего никак нельзя приобрести без могущества: это уединенное и спокойное сознание силы! Вот самое полное определение свободы, над которым так бьется мир! Свобода! Я начертал, наконец, это великое слово... Да, уединенное сознание силы — обаятельно и прекрасно. У меня сила, и я спокоен. Громы в руках Юпитера, и что ж: он спокоен; часто ли слышно, что он загремит? Дураку покажется, что он спит. А посади на место Юпитера какого-нибудь литератора или дуру деревенскую бабу — грому-то, грому-то что будет!

Будь только у меня могущество, рассуждал я, мне и не понадобится оно вовсе; уверяю, что сам, по своей воле, займу везде последнее место. Будь я Ротшильд, я бы ходил в стареньком пальто с зонтиком. Какое мне дело, что меня толкают на улице, что я принужден перебегать вприпрыжку по грязи, чтоб меня не раздавили извозчики. Сознание, что это я, сам Ротшильд, даже

веселило бы меня в ту минуту. Я знаю, что у меня может быть обед, как ни у кого, и первый в свете повар, с меня довольно, что я это знаю. Я съем кусок хлеба и ветчины и буду сыт моим сознанием. Я даже теперь так думаю.

33

Марья Осиповна Грушина, молодая вдова, имела как-то преждевременно опустившуюся наружность. Она была тонка, — и сухая кожа ее вся покрылась морщинками, мелкими и словно запыленными. Лицо, не лишенное приятности, — а зубы грязные и черные. Руки тонкие, пальцы длинные и цепкие, под ногтями грязь. На беглый взгляд она не то чтоб казалась очень грязною, а производила такое впечатление, словно она никогда не моется, а только выколачивается вместе со своими платьями. Думалось, что если ударить по ней несколько раз камышовкою, то поднимется до самого неба пыльный столб. Одежда на ней висела мятыми складками, словно сейчас только вынутая из того завязанного узла, где долго лежала скомканная. Жила Грушина пенсиєю, мелким комиссионерством и отдачею денег под залог недвижимостей. Разговоры вела по преимуществу нескромные и привязывалась к мужчинам, желая найти жениха. В ее доме постоянно занимал комнату кто-нибудь из холостых чиновников.

34

Кислая и очень полезная для здоровья ягода клюква растет в болотах летом, а собирают ее поздней осенью. Но не все знают, что самая-самая хорошая клюква — сладкая, как у нас говорят, — бывает, когда она перележит зиму под снегом. Эту весеннюю темно-красную клюкву парят у нас в горшках вместе со свеклой и пьют чай с ней, как с сахаром. У кого же нет сахарной свеклы, то пьют чай и с одной клюквой. Мы это сами пробовали — и ничего, пить можно: кислое заменяет сладкое и очень даже хорошо в жаркие дни. А какой замечательный кисель получается из сладкой клюквы, какой морс! И еще в народе у нас считают эту клюкву целебным лекарством от всех болезней.

35

Весна долго не открывалась. Последние недели поста стояла ясная, морозная погода. Днем таяло на солнце, а ночью доходило до семи градусов; наст был такой, что на возах ездили без дороги. Пасха была на снегу. Потом вдруг, на второй день Святой, понесло теплым ветром, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лил бурный и теплый дождь. В четверг ветер затих, и надвинулся густой серый туман, как бы скрывающая тайны совершившихся в природе перемен. В тумане полились воды, затрепали и сдвинулись льдины, быстрее двинулись мутные, вспенившиеся пото-

ки, и на самую Красную Горку, с вечера, разорвался туман, тучи разбежались барашками, прояснило, и открылась настоящая весна. Наутро поднявшееся яркое солнце быстро съело тонкий ледок, подернувший воды, и весь теплый воздух задрожал от наполнивших его испарений отжившей земли. Зазеленела старая и вылезавшая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотым цветом лозине загудела выставленная облетающаяся пчела. Залились невидимые жаворонки над бархатом зеленой и обледеневшим жнивьем, заплакали чибисы над налившимися бурю неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетели с весенним гоготаньем журавли и гуси. Заревела на выгонах облезшая, только местами еще не перелинявшая скотина, заиграли кривоногие ягнята вокруг терпящих волну блеющих матерей, побежали быстроногие ребята по просыхающим, с отпечатками босых ног тропинкам, затрещали на пруду веселье голоса баб с холстами, и застучали по дворам топоры мужиков, налаживающих сохи и бороны. Пришла настоящая весна.

СТИПЕНДИАТЫ-

95

В 1994 году журнал «Смена» при финансовой поддержке российских предпринимателей учредил стипендии для студентов московских вузов.

Стипендии решено выплачивать будущим специалистам, на наш взгляд, наименее социально защищенных отраслей: медицины, культуры, педагогики.

Стипендиатами «Смены» уже были студенты Второго медицинского института Илья Кашпаров и Московского Государственного института культуры Михаил Синайский. Сейчас оба они закончили вузы и учатся в аспирантуре.

Теперь представляем «Стипендиатов-95».

Будущий учитель русского и литературы **Сергей Лихачев**, которого представил к «сменовскому вспомоществованию» ректорат Московского педагогического государственного университета имени В. И. Ленина, занимается на четвертом курсе. Научная работа Сергея не слишком привлекает. Себя он видит только учителем. То, что выбранная профессия не слишком денежная, Сергея особо не волнует: «Хороший специалист в любой области заработает больше, чем плохой коммерсант». Увлечения: музыка — классическая (Бах, Бетховен, Моцарт) и современная (явных предпочтений нет), а также, естественно, литература. Пишет стихи, что неудивительно. В этом году они выходят в сборнике, который издает (в благотворительных целях) одна рекламная фирма.

Ирина Ефремова, будущий библиотекарь, учится на втором курсе Института культуры. Научной работой не занимается: не нужна она, по ее мнению, в этой профессии. К тому же в характере Иры не корпеть над фолиантами, а общаться с людьми. Будущая профессия ее поэтому устраивает: «В

библиотеку порой приходят люди, которые сами толком не знают, что им нужно. Думаю, сумею разговорить их и понять, какие им книги в самом деле необходимы».

Остаться без работы Ира не боится: «В библиотеках специалистов не хватает, но, конечно, хотелось бы устроиться туда, где неплохо платят. В библиотеку МГУ, например». Ира считает, что ей надо хорошо знать английский. В прошлом году она училась на вечернем в Инязе. Но обучение там платное, денег не хватало — пришлось язык бросить... Увлечения: шьет и вяжет.

А пятикурсника Московской медицинской академии имени И. М. Сеченова **Юрия Боченкова** привлекает научная работа. После окончания вуза он хотел бы остаться на кафедре — преподавать. Его специализация — фармакология. Он уже начал писать диплом — о психотропных веществах. То, что «доцентам с кандидатами» нынче мало платят, Юрия не останавливает: «Если ты настоящий специалист, всегда можешь найти дополнительный приработок, консультируя какую-нибудь фирму». Любит читать — Оскара Уайльда, Гоголя, Конан Дойла, — но времени почти не остается: лекций много, а отличник Юра никогда не пропускает занятий.

Так что не только «Пепси» выбирает новое поколение, но и знания. Ради этого оно согласно жить на грошовую стипендию пять, а может, и больше лет.

ИРИНА ЕФРЕМОВА

ЮРИЙ БОЧЕНКОВ

СЕРГЕЙ ЛИХАЧЕВ

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

МЕНТ

УХОДИТ

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

Прессинг по всему полю

Еланчук пришел на службу, как обычно, без пяти девять; подписав какие-то незначительные бумажки, начал просматривать газеты. Неожиданно дверь распахнулась и в кабинет вошли Валентино, Виктор Живолуб, телохранитель и шофер.

Лишь глянув на вошедших, Еланчук понял: произошли очередные неприятности. Он отложил газеты, изобразил внимание и сочувствие.

— Ты вчера почти час беседовал с Гуровым, — жестко произнес Валентино. — О чем договорились?

— Высокие договаривающиеся стороны остались друг другом недовольны.

— Почему ты пошел на связь с ментом, не поставив меня в известность?

— Гуров подсел ко мне в машину неожиданно.

— Как он нашел тебя?

— Он ведь сыщик.

— Но не Бог! — Валентино ударил кулаком по столу. — Почему ты читаешь газетки, а не докладываешь о ЧП мне, своему шефу?

— Уважаемый Иван Прокофьевич, у меня ЧП не произошло. Ну, встретились, поговорили. Гуров пытается найти против нас компромат. Так это известно. Новости, видимо, у вас. По лицу вашего Джеймса Бонда из Хацепетовки можно догадаться, что вчера вечером ваши парни предприняли вторую попытку ликвидировать Гурова.

— Ты что же, радуешься?

— Так ведь даже мать, предупреждая ребенка, чтобы не трогал ножницы, когда он уколется, охает, однако радостно кричит: «Я же тебя, паршивец, предупреждала!»

Живолуб тоненьким голосом попросил:

— Шеф! Разреши его стукнуть! Ну, разочек! Витьку и Лешку убили, а эта ученая крыса...

— Заткнись и жди за дверью, — рявкнул Валентино.

— Убили?.. Гуров не захватил парней? — быстро спросил Еланчук.

— Они ранены, взяты с оружием в руках. Завтра с ними встречается следователь прокуратуры.

— Парни что-нибудь знают?

— Ни-че-го! Пасли тебя, я велел: боялся, как бы чего... Потом они увидели Гурова, узнали по фото. Вызвали две машины боевиков. На Тверской он их засек, начал уходить...

— Можно не продолжать, — перебил Еланчук. — Дальнейшие события предсказуемы, о них предупреждают на первом курсе специального обучения. Я мог бы прочитать вашим парням лекцию, но не хочу, чтобы потенциальные покойники и предате-

ли знали меня в лицо. Скажу лишь вам, из личной симпатии и ради сохранения собственного здоровья.

— Последнее вдохновляет: похоже на правду. — Валентино заставил себя улыбнуться, обнажив превосходные зубы.

— Запомните: никогда не преследуйте опытного оперативника. Представится возможность выстрелить — стреляйте. У таких не менее десятка заготовленных уходов.

— Так что будем делать? — вздохнул Валентино.

— Думать. Дайте мне два дня спокойно посидеть за столом, только спокойно.

— Хорошо. — Валентино взглянул на часы. — Сорок восемь часов тебя никто не побеспокоит, гарантирую.

За дверью раздался шум, звук удара и стон. Дверь распахнулась, и в кабинет влетел Живолуб, следом с пистолетом в руках вошел Гуров.

— Здравствуйте и извините за шум. — Гуров положил пистолет на стол Еланчука. — Решил взглянуть к вам, Юрий Петрович, а меня не пускают. Вот этим, — он кивнул на оружие, — извините, в морду тычут. Я интеллигентно предъявляю удостоверение Министерства внутренних дел... — говоря, Гуров не сводил взгляда с Валентино.

— Извините, дела. — Валентино направился к двери, но стоявший на его пути Гуров не тронулся с места.

— Извините! Иван Прокофьевич Жмых, если не ошибаюсь? Хозяин данной фирмы и окрестностей?

— Ну? — Валентино остановился. — У нас охрана, как везде, и имеет официальное разрешение на ношение оружия.

— Бог мой! — Гуров неожиданно взял руку Валентино, с удивлением взглянул на его кисть. — Как же вы позволили, Иван Прокофьевич, портить такую великолепную кожу? Обратились бы ко мне, порекомендовал бы настоящего мастера. Пардон, забыл представиться, нервы, знаете ли. Третий десяток лет не могу привыкнуть к виду оружия. Гуров Лев Иванович, в прошлом известный мент, а сейчас так, работаю за деньги.

— Лев Иванович, вы ставите меня в дурацкое положение, Иван Прокофьевич — начальник, — вмешался Еланчук. — Шеф, как только выпровожу наглеца, тут же зайду.

Гуров наивно взглянул на Валентино:

— Интеллигентный человек, а разрешили какому-то уголовнику-портачу такую красивую кожу испортить? «В» — так, наверное, девчонку в юности звали? Хотя наколочка не так уж и стара...

— Я в цирке давно не был, отвык! — Валентино вышел, хлопнув дверью.

— Плохие нервы сегодня может позволить себе... ну, очень богатый человек. — Гуров взглянул на охранника. Лицо его потеряло дурашливое выражение; взгляд стал цепким, недобрым.

— Ты стрелял мне в затылок. Вчера в темноте не разглядел, — проговорил Гуров. — Сейчас хорошо видишь?

— Кто стрелял? Чего вчера? — Живолуб переминался с ноги на ногу. — Ничего не знаю.

Еланчук хотел вмешаться, но Гуров движением руки остановил его.

— И это все, Виктор, чему тебя в милиции обучили? Сто лет опером отбегал, мог бы умнее стать. Предупреждаю: третий раз попадешься — убью. — В голосе Гурова не звучало угрозы, лишь сухая констатация факта, отчего слово «убью» словно материализовалось. — Бери свой пугач и убирайся.

Когда за Живолубом закрылась дверь, Гуров взглянул на Еланчука с искренним сожалением:

— И с такими людьми вам приходится работать... Кошмар!

— Я не понимаю, зачем вы пришли и чего добиваетесь? — промямлил Еланчук.

— Все вы понимаете, Юрий Петрович... — Гуров прошелся по кабинету, словно был не в гостях, а у себя дома. — Меня по вчерашнему инциденту хотят пригласить в прокуратуру. Я ранним утром побывал в санчасти, где содержатся мои крестники. Они — везунки, кости у обоих целы, так что их быстренько поднимут и переведут в общий режим. Я изначально был убежден, что бандиада организована не вами: уж шибко бездарно.

— Благодарю. — Еланчук чуть привстал и поклонился. — Зачем вы явились?

— Неужто не ясно? — Гуров искренне удивился. — Я не пошел в прокуратуру, сначала поболтал с подраненными ребятами — у них, родимых, даже единой сказки не придумано. Куда, зачем с автоматами кинулись? Один в лес, другой по дрова — детский сад, да и только. О наркотиках они не проболтаются... Но у них довольно интересная информация имеется. Сами, как профессионал, знаете: совсем пустых голов не бывает.

Еланчук согласно кивнул, недавно он то же самое втолковывал своему шефу.

— Но серьезно я шпаной не занимался. Они кровь пролили! — с пафосом воскликнул Гуров.

— Вам бы в кино сниматься, — не выдержал Еланчук, — и внешность подходящая, и талант недожиданный.

— Что вы! — Гуров засмутился. — Я камеры боюсь, каменею, сущий памятник. — И уже другим, серьезным тоном продолжал: — Так о чем это я? Да, о головах и информации. Один из раненых сболтнул, что вашего шефа зовут на иностранный манер — Валентино.

Еланчук почувствовал, что у него зябнут ноги.

— Ивану Прокофьевичу такая кличка прямо в масть, и на кисти у него «В» нарисовано. Но это глупости, конечно. Умный человек не станет так светиться. А Валентино вы из Сицилии выписали инструктором? Или он русский мужик — рыжий и конопатый — под родоначальников наркобизнеса мажет?

— Жаргон вам не идет. — Еланчук устал: этого сыщика было слишком много и пер он мощно, не давая передохнуть и сориентироваться.

— С другой стороны, Юрий Петрович, знаешь, какие смешные случаи в моей практике встречались? — Гуров тихо рассмеялся. — Умора! Ищешь индивидуума по кличке «Косой» или «Хромой». Ну, натурально полагаешь: уж конечно, искомый не

хромой, не косой. Находишь — и что же? Он таки хромой и косой. Поверь, случалось неоднократно.

— Вам пора уходить, мне надо работать.— Еланчук встал, ноги держали неуверенно. «Это я тренированный и профессиональный, а простого человека он сожрет, глазом не моргнет»,— подумал Еланчук и оперся на спинку кресла.

— Последний вопрос. Я еду в прокуратуру. Какой линии прикажете держаться?

— Вы меня спрашиваете?

— Наркотики, вашу фирму, вас лично, Ивана Прокофьевича с татуировочкой на запястье называть? Или держаться проще: я в сыске сто лет, «поклонников» приобрел множество, и кто-то решил мне бенефис устроить?

— А вы мой совет примете?

— Обязательно, иначе бы не спрашивал.

— Какую плату потребуете?

— Оставьте меня в покое. Вы лично, Валентино я не боюсь. У него настоящих киллеров нет. Думаю, сейчас зарубежные партнеры ему мозги так прочистят, не до меня будет.

— Обещаю, лично я против вас пальцем не шевельну.

— Верно.— Гуров смотрел задумчиво.— Очень мне интересно, как вы в чужую колоду попали?

— Я слово дал. А чем вы будете заниматься?

— Сыском, другому не обучен. Начну разрабатывать вашу контору, разыскивать Валентино, наркотики — обычная работа.

Еланчук с силой сжал спинку кресла и решил рискнуть.

— Оставьте наркобизнес в покое, вы им никогда не занимались, здесь свои правила. Вы только сожжете меня, уже подпалили изрядно. Меня не расстреляют, я просто исчезну...

Гуров смотрел в глубокое, с длинными ресницами глаза бывшего гэбэшника и чувствовал сомнение, неуверенность.

— Позднее, Лев Иванович, вы станете себя корить... — И неожиданно, будто спохватившись, что сказал лишнее, неловко улыбнулся: — У меня дочки маленькие, близняшки.

Гуров отъехал от офиса, проверился небрежно, убежденный: сейчас его оставят в покое. Сыщик проехал по бульварному кольцу, у Трубной площади свернул в переулок, затем во двор и остановился. Ему тоже требовался перерыв. Конечно, лучше бы поехать домой, выпить горячего молока и выспаться, но, как говорится, за неимением гербовой пищут на простой. Поэтому Гуров положил пистолет в карман плаща, откинулся на сиденье и прикрыл глаза.

Кто же такой Юрий Петрович Еланчук? Может, вся история с увольнением из КГБ — иначе эту организацию Гуров не называл — полная туфта. Создали какое-нибудь совершенно секретное подразделение по борьбе с наркомафией и отобрали лучших. Людей официально уволили, личные дела — в архив, новых не заводили. Элита начала внедряться, кто как сумеет, в организм наркомафии. И фамилий людей не знает ни министр, ни председатель, есть только номера, потому как министры и председатели меняются значительно чаще, чем листья на

деревьях, а куда они затем, опавшие, летят, одному Богу известно. И ни в одном компьютере имен нет, а имеются они в единственной седой или лысой голове шестидесяти-семидесятилетнего мастодонта. В его распоряжении нищий фонд заработной платы под крышей пособия нуждающихся ветеранов да еще нигде не зарегистрированный номер телефончика, по которому он порой болтает по-стариковски с приятелями. И такой номер имеет Юрий Петрович Еланчук. Добрался он до цели, прополз между всеми преградами и наткнулся на шибко умного Гурова. И отставной мент своим свиным рылом начинает все ломать, крушить и радостно хрюкать.

Гуров открыл глаза, вытащил сигареты.

Хорошо. Никто ничего не знает, но мастодонт вправе без объяснений потребовать у руководства: мол, дайте по соплям бывшему менту, прикажите не лезть на чужой огород — у меня там лилии растут. Спецслужба могла защитить своего человека, не расшифровывая его перед Гуровым. Не защищает — значит нечего мямлить. Вперед! Но почему Еланчук заговорил о раскаянии, которое ожидает Гурова? А если Еланчук не из нашей конторы, а из Интерпола?

Гуров приспустил стекло, выщелкнул на улицу окурок. Вспомнил, как однажды немец, инспектор Дитер Вольф, возмутился такому поступку, — он матюгнулся и в добавление к окурку плюнул в окно. Вроде полегчало. Гуров выехал со двора и направился в прокуратуру.

Валентино не кричал, но нормально говорить не мог, потому шипел. Еланчук терпеливо слушал, в суть не вникал, зная, что ничего толкового шеф предложить не может. Валентино ругал последними словами Гурова, и в принципе справедливо: сыщик вел себя наинаглейше. И если он, явившись без приглашения, хотел вывести шефа из себя, то справился с поставленной задачей блестяще.

— Запомни мои слова. — Валентино поднял палец. — Я убью его. И сделаю это сам, обещаю.

— Не надо, — тихо возразил Еланчук.

— Очень надо! Никогда! Никто! Не смел так разговаривать с Валентино.

— Он не знал, кто вы такой.

— Назвал по имени-отчеству и знает, что я хозяин фирмы...

«Он знает о тебе значительно больше», — подумал Еланчук.

— Какое право он имеет отнимать оружие у охранника?

Даже у Еланчука терпение имело предел, и гэбист резко ответил:

— По праву сильного...

— Рука руку моет. То-то ты тянешь...

Телефонный звонок прервал Валентино.

— Да! — сказал он в трубку; голос у него звучал спокойно. — Да, господин Смыш, ан момент. — И передал трубку Еланчуку.

Тот начал говорить по-немецки, затем перешел на английский, закончив разговор, пояснил:

— Господин не представился: сказал, что имеет для вас ма-

ленький сувенир, хотел бы передать лично, но в гостиницу не приглашает, предлагает встретиться в баре.

— Ты знаешь, в каком?

— Естественно. — Еланчук взглянул на часы. — Поехали, я тоже приглашен. Прибывший гость знает вас в лицо.

— Неужели они пронюхали, что... А! — Валентино махнул рукой. — Поехали!

Бар был самый обыкновенный. Раньше его называли «забегаловкой», но сменили этикетки бутылок, один раз подмели, в ценики подсыпали горсть нулей — вот, пожалуй, и все перемены. Почему заморский гость решил встретиться именно здесь, удивился Еланчук, но не такое было у них сегодня положение, чтобы задавать дурацкие вопросы. Они заняли столик в углу, за соседним разместилась охрана. Тут же появился посланец, уверенно уселся за их столик.

Еланчук понял, что гость ожидал их на улице, проверял, не привели ли они кого с собой.

В отличие от российских парламентариев речь иностранца была предельно проста и доходчива. Он, Джон Смит, считай, Петя Иванов, в Москве проездом и согласился выполнить просьбу своего знакомого и передать несколько слов господину... Кивок в сторону Валентино. Если товар не уйдет из Москвы в течение трех суток, то будут применены штрафные санкции в размере десяти процентов в день от стоимости товара. С ним, Джоном Смитом, разговаривать бессмысленно, он ничего не знает и знать не желает.

Закончив монолог, он удалился.

— Паскуда. — Валентино проводил его взглядом. — Мог бы сказать и по телефону, не тащить в этот хлев. — Он взглянул на Еланчука. — Что ты, мудрец, думаешь?

— Оцениваю сложившуюся ситуацию как паршивую. Кто-то катит на вас, то есть на нас. Посланец напуган, считает, что мы под наблюдением, сейчас бегаем в метро, проверяется.

— Н-да... Но меня интересует наше положение, главное, что делать?

— В непосредственной близости от нас сидит агент, и каждый наш шаг, каждая ошибка на верхах известны. Ошибок мы совершили достаточно...

— Только не говори, что ты предупреждал...

— Я и не говорю.

— Ты, умник, считаешь, что, если бы я тебя послушался и сообщил, что товар в Москву прибыл, но на нашем пути встал мент и потому рабочий канал доставки следует перекрыть, было б сейчас легче?

— По крайней мере честнее. Главное, вас бы поняли.

— Какая там честность в бизнесе...

— Думаю, именно честное слово лежит в основе вашего дела.

Еланчук замолчал. Он не сомневался: гнев «центра» вызван не задержкой товара — наверняка такие случаи время от времени происходят. Кто-то подсиживает шефа. Видимо, сообщил, что он засветился, не сегодня-завтра будет арестован. Каждая се-

кретная организация готова вынести любые материальные потери, все, что угодно, только не провал звена.

Еланчук напряженно думал, пытался найти выход. Ситуация просчитывалась сложно, очень мешал мужчина, сидевший за стойкой. Он якобы флиртовал с барменшей, а она его якобы поощряла. Мужчина был одет в кожаную куртку, джинсы и кеды, на запястье цепочка, модно небрит — словом, такой же, как все остальные. Но Еланчук чувствовал, что ковбой не как все. И дело не в пистолете, бугрившем куртку под мышкой: пистолетом нынче никого не удивишь.

Когда Еланчук только вошел в бар, он оглядел присутствующих. Отметил мужчину за стойкой, но не выделил из общей массы сидевших. Лишь через несколько минут Еланчук, посмотрев на барменшу, увидел в зеркале за ее спиной глаза этого человека. Больше Еланчук взглядом с ним не встречался, но постоянно помнил о мужчине в заштанной куртке, джинсах и кедах. Тот сидел основательно, пил много, и Еланчук начал успокаиваться.

Однако, выйдя с Валентино на улицу, Еланчук, поставив ногу на ступеньку, стал делать вид, что завязывает шнурки, хотя ботинки были без них. Гэбист возился с обувью чуть ли не минуту, мужчина из бара не вышел.

Потому что Станислав Крячко покинул заведение через черный ход. Стоя в подворотне, на противоположной стороне, он наблюдал, как бывший гэбист пытается завязать несуществующие шнурки, и грустно улыбался. Улыбался, потому что все задуманное осуществилось: кассета с записью разговора находилась у него в кармане, — а грустил, так как понял: Еланчук его засек.

Дорога същика к этой подворотне была непростой. Еще в шесть утра он подъехал к офису Валентино (великий Гуров еще не знал о существовании последнего, а спал у генерала Орлова на диване). Крячко приехал не один, а с приятелем, который увлекался электротехникой. Они подожгли во дворе офиса кучу мусора. Ждали недолго. Дородный охранник сначала наблюдал за «пожаром» из окна, потом не выдержал и вышел на крыльцо. Тут его Крячко подхватил под руки, завел обратно в офис, отобрал оружие и начал задавать дурацкие вопросы. Пока Крячко «беседовал» со своим бывшим коллегой (никогда ранее не встречаясь, менты узнали друг друга сразу), знаток штепселя и розетки незаметно прошел в кабинет директора, определив его по качеству мебели.

Через несколько минут «электрик» вышел на улицу. Увидев его в окно, Крячко прервал разговор.

— Извини, заболтался. Думал, тебе одному скучно... — Крячко положил на стол пистолет охранника. — Оружием не балуйся, менты не любят нашего брата. Не дай Бог стрельнешь — засадят в острог.

Охранник схватил пистолет, оттянул затвор, патроны оказались на месте. Естественно, сдавая вахту, цербер и не обмолвился о происшедшем. И тот факт, что у телефона директора выросли уши, остался в тайне.

Гуров приехал из прокуратуры злой как черт.

— Станислав, догадайся, какой вопрос по вчерашнему нападению более всего интересует прокуратуру? — спросил он.

— Почему ты выпрыгнул из машины? — Крячко даже не задумался над ответом.

— Молодец, угадал. Никто не похвалил, не поздравил с удачей. Почему вы решили, что вас преследуют? Почему не подъехали к посту ГАИ? Почему выбросились из машины раньше, чем начали стрелять?

— Я сыщик и всегда проверяюсь, нет ли за мной слежки. Я люблю сотрудников ГАИ. Я выбросился из машины: понял, цветов не будет, — ответил Крячко.

— У меня так компактно не получилось. — Гуров хлопнул Крячко по спине. — Растешь, Станислав, жаль, наградить тебя нечем! Закончили с прокуратурой, вернемся к нашим баранам.

— А прокурорские не наши? — не удержался Крячко.

— Все! Начинаем работать. Первым докладываю я.

И Гуров рассказал о своем визите в лагерь неприятеля.

— Значит, смуглолицего спутника Еланчука кличут Валентино. — Крячко вынул из кармана кассету, поведал о своих подвигах, поднял руки. — Только не ругайся!

— Я удивляюсь. — Гуров пожал плечами. — Почему не посоветовался? Я — начальник-перестраховщик? Боялся, что не разрешу?

— Не боялся, но не исключал, что и запретишь. А мне, ну, очень хотелось, — несколько по-мальчишески ответил Крячко. — Послушаем, о чем беседовали господа? — Он обошел стол, вставил кассету в магнитофон, перемотал, включил воспроизведение.

Когда зазвучала английская речь, сыщики беспомощно переглянулись.

— Подожди, гость сейчас уйдет, они по-русски заговорят.

— Паскуда, — донесся до сыщиков голос Валентино.

Разговор Еланчука с шефом сыщики прослушали дважды.

— Видимо, гость выдвинул какой-то ультиматум, — задумчиво произнес Крячко. — Нужен переводчик, иначе нам не разобраться.

— Безусловно, — согласился Гуров. — Думаю, речь идет о задержке груза. Гость, наверное, показал осведомленность в делах москвичей. И Еланчук делает вывод, что под ним сидит агент, который информирует верха.

— Мы кого-то прошляпили?

— Возможно... — ответил Гуров. — Чувствую, чувствую: мы шарим лишь по вершине айсберга. Уж очень все хорошо и просто у нас получается. Станислав, кто мы с тобой такие?

— Отличные сыщики!

— Понятно, заразился хвастовством от меня. Но мы лишь сыщики. А наркобароны выступают против Интерпола, ФБР, а там ребята высочайшего класса.

— И берут твоих баронов чуть ли не пачками. Только сажают редко, чаще отпускают. Ну, хватит. — Крячко махнул рукой. — Скажи, как действовать будем?

— Задержанный груз придется отпустить. А то как бы наших с тобой ближайших друзей, Еланчука и его шефа, не ликвидировали. Сейчас мы держимся за вершки, если их оборвут, у нас в руках не останется ничего.

В дверь кабинета тихо постучали.

— Открыто! — громко сказал Гуров.

— Здравствуйте, господа. — Секретарь присела в ближайшее кресло. — Вас не видно... А Гришу Байкова убили.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ликвидатор

54

Мужчина с документами на имя Федора Ивлева прошел мимо офиса фирмы «Стоик», даже не взглянув на бронзовую вывеску, миновал маленькое кафе и, не оглядываясь, вышел из переулка. Он не поднимал голову, но отметил три жилых дома, расположенных напротив офиса, запомнил их номера. Главным в его работе было определить место, где «клиент» появлялся регулярно, и точку, откуда удобнее всего произвести выстрел. Обычно подготовительной работой занимались другие, незнакомые ему люди, а его, словно знаменитого хирурга, привозили прямо к телу. Сегодня же назвали лишь адрес, все остальное он должен сделать сам. Ему показали фотографии двух мужчин, снятых в разных видах: крупным планом лица, в полный рост, в плащах, костюмах. Задание Ивлеву не нравилось. Убрать двоих значительно сложнее, чем одного. Винтовка с оптическим прицелом не годилась. Пришлось бы дважды нажимать на курок. Машина тоже отпадала, сидеть за рулем и стрелять из автомата на полном ходу — для этого надо в цирке работать. В данной ситуации стрелять следует лишь из окна одного из трех домов. Как попасть в нужную квартиру киллер знал, но вот как уходить после выстрелов?..

Киллер был человеком мафии, его не знали ни Валентино, ни тем более Еланчук. Завербовали Федора просто: он уже начал «работать по специальности», выполняя заказы крупных «авторитетов», когда попал на глаза одного из наркобаронов. Итальянец, русского происхождения, выдавал себя за рядового коммерсанта, даже платил дань ракетирам, хотя мог слопать их со всеми потрохами. Выполняя волю вышестоящих, он жил под Москвой, вел скромный образ жизни, обзаводился связями, выискивая возможные пути для прохождения наркотика через тогда еще Советский Союз. Кроме основного задания, у мафиози существовало второстепенное поручение: приобрести наемного убийцу, законсервировать его на черный день. Когда услышал о Федоре, то встретился с ним и предложил не ждать случайных заказов, а получать ежемесячную зарплату в валюте, устроиться на работу по своему усмотрению и жить спокойно. Парень, никогда таких денег и не видевший, согласился. За пять лет «службы» он выполнил лишь шесть «заказов». Его работой оказались столь довольны, что законсервировали наглухо, решив к нему обращаться лишь в крайнем случае.

Прознав о существовании Гурова и Крячко и о том, что именно они встали на пути и готовы перерезать один из каналов транспортировки драгоценного порошка, наркобароны обратились к Федору Ивлеву. Он уже два года был хозяином скромной коммерческой палатки, исправно платил дань рэкетирам, даже женился, но не забывал, где лежит его настоящий паспорт. Почти не пил, ежедневно бегал, три-четыре раза в неделю тренировался в тире. Еще в детстве, взяв в руки духовое ружье, удивил всех своей меткостью; казалось, он просто не способен промахнуться. В тире Федор скрывал свои способности, не укладывал пуля в пулю, а рисовал на мишени замысловатые фигуры, считая, что незачем привлекать к себе внимание.

Поступив на «службу», получил профессиональную винтовку с глушителем и оптическим прицелом. Небольшая, легкая, компактная, она разбиралась, укладывалась в специальный футляр, походивший на футляр для музыкального инструмента. Примерно раз в месяц киллер выезжал за город и стрелял с расстояния в тысячу шагов и более, привыкал к винтовке, оптике — в общем, постоянно сохранял форму.

Выйдя из переулочка, в котором располагался офис фирмы «Стоик», Федор попытался найти какой-нибудь высокий дом в радиусе километра. Черт побери, по всей Москве натканы многоэтажные башни, здесь же ничего подходящего не торчало. Неужели придется стрелять из дома напротив? А это слишком опасно. Впрочем, других вариантов не просматривалось.

Юдин сидел в кабинете Гурова и, устало поглядывая на сыщика, говорил:

— В былые времена мы не виделись с тобой по году, каждый занимался своим делом... Не друзья, но понимали друг друга. А сейчас встречаемся каждый день, делаем одно дело и чужие: ты мне постоянно врешь, не сомневаюсь, что-то утаиваешь. Убили Гришу, уже второго моего сотрудника, а ты, начальник службы безопасности, сидишь в своем кабинете, лицо каменное...

Гуров рассеянно слушал шефа, а думал о том, как Юдин постарел за последнее время. Совсем еще недавно — молодой, бодрый, быстрый в движениях, сейчас же — пожилой, усталый и растерянный. Неожиданно у сыщика мелькнула подлая мысль: а если Юдин не просто крыша и его не втемную используют, а очень даже светлую? Гуров одернул себя: «Это идиотизм, я окончательно запутался».

— Ты дал команду отослать мебель в Германию? — спросил Гуров.

— У тебя удивительная манера уводить разговор в сторону.

— И все-таки ответь: ты мебель отослал?

— Да, утром контейнеры ушли. А теперь ты мне ответь: за что убили Григория?

— Хватит, Борис, не лезь в чужие дела! — резко оборвал его Гуров. — Я не знаю, за что убили юриста. Но ему больше года платили деньги, а никогда просто так не платят. Моя вина, не успел с ним потолковать по душам, считал, успею. Его убил

человек, которого юрист прекрасно знал, не боялся. Сам пустил в квартиру и беседовал с убийцей около часа. Убийца не профессионал. Можно предположить, он пришел без намерения убивать, так как ударил молотком, который взял на кухне. Добавлю только: видимо, в разговоре юрист сказал что-то лишнее. Ребята из МУРа работают, и дай Бог им удачи. Я сказал тебе то, что считаю нужным.

— Спасибо... — Лицо Юдина просветлело, он улыбнулся. — И много скрыл?

— Прекратим пустой разговор. Ты решаешь свои коммерческие проблемы, я же стараюсь защитить тебя и фирму.

Зазвонил телефон, казалось, кто-то ждал окончания беседы и только сейчас набрал номер.

— Здравствуйте, — сказал Гуров.

— Здравствуй, — ответил Орлов. — Я, естественно, в курсе вчерашнего. Тебя обвиняют в сокрытии фактов, имеющих большое значение для следствия.

Генерал говорил столь официально, что Гуров понял: рядом с Петром посторонний.

— Петр Николаевич, предположения бывшего сыщика не являются фактом. Я не желаю нагружать прокуратуру и бывших коллег своими домыслами. Даже работая под вашим началом, не всегда бывал откровенен, а уж сейчас, извините.

— Ты хам, возомнивший о себе черт знает что!

— Вы прекрасно знаете: я не делюсь сомнениями, догадками и непроверенной информацией.

— Даже непроверенная информация остается информацией, и вы обязаны сообщить ее следователю прокуратуры. — Орлов жевал слова, казалось, ему хочется сплунуть.

«Раз на Петра так давят, надо ему помочь», — решил Гуров.

— Господин генерал, я отвечал на вопросы следователя в полном объеме, а готовить их за прокуратуру не обязан. Что-нибудь еще? — Гуров услышал частые гудки, пожал плечами, повернулся к Юдину: — Не поверишь, Борис, но быть гением порой так трудно, просто ужас!

Вечером Орлов, Гуров и Крячко собрались на конспиративной квартире генерала. Они пили чай, чувствовали себя спокойно, уютно, и даже предстоящий разговор не портил настроения.

— Ну, казаки-разбойники, сообщаю: меня не уволили. — Орлов отодвинул пустую чашку, вытер короткопалой ладонью мощный лоб. — Зам, подписавший запрос в службу безопасности, растрепался по секрету всему свету, что он руководит операцией по выявлению канала следования наркотиков через Россию. — Он замолчал, взглянул на друзей, но они вопросов не задали. — Зарубежные газеты называют этот канал «Красная дорога белой смерти».

— Значит, один растрепался, а другие хотят оказаться в деле в случае удачи, — уточнил Гуров. — А при ином раскладе — далеко-далеко от него.

— Пусть некие высокопоставленные лица считают, что Орлов и Гуров разошлись, — продолжал Орлов. — Необходимо пресечь

поступление информации о твоей работе. Я не считаю, что все они... — Генерал сделал неопределенный жест. — Отнюдь, но нам они помочь не могут, значит, и рисковать нет смысла. Мы имеем... — Он задумался: — Некто, используя СП «Стоик» втемную, переправляет наркотик из Вьетнама в Европу. В СП «Витязь» имеются люди, которые контролируют транспортировку. Предположительно наркотик провозится в полостях мебели, изготовленной из бамбука. Кто в «Стоике» связан с наркобизнесом?

— Кто убил юриста Байкова, тот и связан, — ответил Крячко.

— Розыском убийцы занимается МУР, следствие ведет прокуратура, не будем вмешиваться. — Орлов взглянул на Гурова. — Я могу приказать, тебя через пару дней ознакомят с результатами работы.

— Это вряд ли, — усмехнулся Гуров. — Не те отношения. Приказ начальника главка они, конечно, выполняют — розыскные дела покажут... Только кто им помешает самое нужное из папки вынуть? Но собранный материал следует посмотреть. — Он кивнул Крячко. — Станислав посмотрит, он нынешним ребятам ближе и понятнее.

— Верно, — согласился Орлов. — Станислав, позвони на Петровку завтра к вечеру. — Он вновь посмотрел на Гурова. — Ты недоговариваешь, у тебя есть подозреваемый и версия?

— Сам не знаю. Так, есть одна мыслишка... Возможно, сумею установить убийцу...

— Выкладывай: три головы больше, чем одна, — сказал Орлов, закипая.

— Я люблю, да и привык, думать один. — Гуров поднял руку. — Подожди кричать и давить. Я не готов рассказывать — начну путаться, вы станете шутить, собьете меня, лучше выждать.

Наступила пауза. Крячко знал свое место, помалкивал. Орлов, еле сдерживая клокотавшую ярость, произнес:

— Вот что, друг мой любезный, ты сейчас все расскажешь. За тобой, Левушка, ведется охота, тебя могут убить, и мы должны узнать все, пока ты живой. Говори, паршивец, сей минут говори! Какую бы ахинею ты ни нес, никто не улыбнется! Станислав, ты понял?

— Еще вчера, господин генерал! — Крячко скрестил на груди руки и закрыл глаза.

— Такой вечер испохабил. — Гуров пожал плечами и довольно кратко изложил свою версию.

— Ничего смешного. Возможно, ты и прав, — после небольшой паузы пробормотал Орлов.

— Если фантазировать, — сказал Крячко, — мог бы послать меня в Рио-де-Жанейро. Я бы купил белые штаны...

— В Рио успеешь, а завтра поедешь на Белорусский вокзал, — перебил Гуров. — О дне сегодняшнем. Мы сами себе противоречим. Знаем, наркомафия прекрасно организована, успешно борется с лучшими полицейскими. Так? А с кем мы воюем? Илья Прокофьевич Жмых по кличке Валентино? Еланчук? Какую-то туфту нам подсовывают. Считаю, мы не то что руководителей, а настоящих бойцов еще не видели, силу их не чувствовали.

Видимо, отлично работавшая там, на Западе, сильная, отлаженная система в России дала сбой. Какой-то лох допустил грубейшую ошибку, и пришлось ликвидировать бухгалтера, а дальше пошло-поехало. Серьезные люди станут держать на связи человека с неуравновешенной психикой? Никогда! А Жмыха-Валентино держат. Убежден, что Еланчук о юристе Байкове просто не знал. И если первый выстрел в меня выполнили неплохо, то уж гонка по городу с автомашинами ни в какие ворота не лезет. Какой профессионал станет гоняться за профессионалом? Играл против нас даже не дублирующий состав, а так, пацаны, которых держат на подхвате. Сейчас придут мастера и покажут нам... Потому, Петр Николаевич, повторяю: попытаемся выявить убийцу Байкова и уйдем в сторону, пока живы.

Орлов молчал, понимая правоту своего друга, но и согласиться с решением Гурова не мог. Генерал считал, что время упущено, они уже ввязались в драку, и отступить сейчас — только ускорить кровавую развязку.

Гуров почувствовал состояние друга, понял, что Петр не согласен с ними, а навязывать свое мнение не хочет, и сказал:

— Предлагаю оставить вопрос открытым. Займемся убийцей, выждем, потом решим, как жить дальше.

Еланчук уже привык к неожиданным появлениям шефа. Когда утром Валентино вошел в его кабинет, бывший гэбист удивился лишь тому, что тот без сопровождающего.

— Здравствуй.— Валентино протянул руку.— Поздравляю, груз ушел по назначению.

— Хорошая новость,— ответил Еланчук, прикидывая, что же задумал Гуров.— А где твоя тень с пистолетом?

— Зубы лечит. Я за рулем черт знает сколько не сидел. Пробки, но все равно удовольствие.

Еланчук насторожился, взглянул на часы, спросил:

— Ты передал, что груз ушел?

— Ясное дело.— Валентино самодовольно улыбнулся.— Сейчас отъезду часика на два, потом сядем, решим, как жить дальше.— Он помахал на прощание рукой и вышел.

Еланчук отложил газеты. Зубы могут заболеть у каждого и всегда не вовремя — это понятно. Однако шефа не понять — сколько времени скрывал свою суть, практически не разговаривал, теперь заходит по нескольку раз в день. Раньше шага без охраны не желал сделать, сейчас поехал один и не говорит, куда и зачем. Что-то изменилось... Может, он решил расстаться?

Валентино сел за руль «мерседеса», вставив ключ зажигания, хотел завести мотор, но не успел. Его грузная фигура обмякла, завалилась набок, а на виске зияла маленькая, аккуратная дырочка.

Серый, неопрятный «жигуленок», стоявший у дома напротив, неторопливо отъехал, через несколько секунд влился в густой поток машин и затерялся.

Федор Ивлев довольно ухмыльнулся. Вчера вечером после осмотра подходов к офису «Стоик» киллер вышел на канал

аварийной связи. Звонил, естественно, из автомата. Только закончил, что выполнить задание в срок невозможно, как его перебили:

— Это может несколько дней подождать? Договорись с «красавцем», результат доложи завтра. Ждем твои предложения и по первому варианту.

«Красавцем» хозяева звали Валентино.

Еланчук вновь подвинул к себе газеты и только начал их просматривать, как распахнулась дверь и на пороге застыл, нелепо растопырив руки, Виктор Живолуб.

— Зуб выдернули, наркоз проходит? — равнодушно спросил Еланчук. Хотя подсознательно уже понял, что произошло.

— Шеф... В своем «мерсе»... — Охранник икнул.

— Уехал по делам, думаю, в банк. — А про себя Еланчук подумал: Валентино мертв. Начинается новая жизнь, возможно, она и заканчивается.

— Шефа убили, мертвый в своей тачке валяется! — выкрикнул Живолуб.

Еланчуку очень хотелось узнать, у какого врача охранник был на приеме, но он промолчал и спустился на улицу. Заглянув в машину, приказал Живолубу сторожить труп, а сам позвонил в милицию.

Приехала опергруппа. Последовала обычная процедура осмотра. Опросили служащих, предупредили о предстоящем вызове в прокуратуру и уехали. Равнодушные, спокойные.

Офис гудел, люди суетились, коммерческий директор собирал совет, о Еланчуке никто и не вспомнил. Он был человек шефа, теперь ничей, никому не нужный.

Еланчук вернулся в свой кабинет. Он прекрасно понимал, если началась чистка, все зависит, в какой список занесена его фамилия. Если решили убрать, ждать недолго. Хотят оставить, позвонят, пригласят на инструктаж. И только успел подумать о звонке, как аппарат негромко тренькнул.

— Да, — сказал Еланчук и почему-то вспомнил Гурова.

— Добрый день, Юрий Петрович. — Мужчина говорил с едва уловимым акцентом. Натренированный Еланчук готов был биться об заклад, что родной язык звонившего — английский.

— Здравствуйте. — Еланчук с трудом поборол соблазн перейти на английский. Известно, шибкообразительных начальство не жалуется. — Добрым я сегодняшний день назвать не могу.

— Да, да, извините, я в курсе. — Звонивший заговорил быстрее, акцент усилился. — Ужасно! Но человек рождается, чтобы умереть.

Еланчук улыбнулся, понимая, что ему дарована жизнь, а связник болтает на случай, если разговор прослушивается. Иностранец продолжал:

— Я имел с покойным маленький бизнес, хотел бы с вами встретиться, кое-что обсудить.

— Конечно, назначайте время и место, — ответил Еланчук.

Гуров решил, что, узнав об отправке груза, Валентино хотя бы

временно прекратит за ним охотиться, и ночевал в своей квартире. На следующий день, ближе к вечеру, он сел в кресло, открыл записную книжку и начал искать номер телефона женщины, которую можно пригласить на ужин. Только остановился на имени, вызвавшем теплое воспоминание, как телефон зазвонил. Гуров взглянул на аппарат, пока решал, снимать трубку или воздержаться, телефон замолк. Три звонка, столь детским приемом пользовались опытные сыщики, соединяясь друг с другом. Когда аппарат вновь ожил, Гуров снял трубку.

— Хандришь? — опуская приветствие, спросил Крячко. — Живешь по принципу — пусть медведь работает, у него четыре лапы?

— Пропусти присказки, переходи к делу.

— Застрелили господина Валентино. Работал профессионал, использовал винтовку малого калибра.

Гуров почувствовал резкий толчок крови, по телу разлилось тепло. Он вытянул руку, пальцы не дрожали.

— Я предупреждал, что они появятся. — Гуров достал сигарету.

— Думал, ты обидишься, — разочарованно протянул Крячко. — Не с тебя начали, за человека не держат. — Он пытался шутить, но голос звучал тревожно. — Полагаешь, начали чистку?

— Обязательно. У тебя другое мнение? — Гуров ощутил знакомую дрожь, понял, что испугался, и, пытаясь снять напряжение, сказал: — Вчера я занимался теоретическими построениями, сегодня, когда отстрел начался, я трушу.

— Нормальная реакция, не боятся лишь дети и психопаты. — Крячко неуверенно рассмеялся. — Приезжай, будем думать.

— И думать нечего, следует нападать! Если мы промедлим, нас перестреляют, а начали с Валентино лишь потому, что так проще. Черт с ней, с секретностью, требуем выставить за Еланчуком «наружку». Найди Орлова.

— А чего искать? Он мне и сообщил.

— Тогда порядок. Петр сам сообразит. Я выезжаю, жди.

— Берегись! — крикнул Крячко, но Гуров уже положил трубку.

В полдень на Кутузовском проспекте пробок нет, машины идут ровным четырехрядным потоком. Гуров никогда не занимал левый ряд, не любил ездить быстро и уж терпеть не мог перестраиваться, когда за его спиной появлялось лакированное и хромированное рыло «членовоза». Сейчас он выкатился на Кутузовский, заняв второй ряд, взглянул в зеркало, хотя понимал: в таком скопище машин засечь «хвост» невозможно. Сыщик решил свернуть в переулок, пересечь Воровского, затем Герцена, но его обогнал «жигуль» ГАИ и приказал остановиться. Гуров припарковался, опустил стекло. На подошедшего лейтенанта взглянул вопросительно. Тот козырнул, представился.

— Права, техпаспорт.

Взглянув в мальчишеское лицо лейтенанта, Гуров начал медленно шарить по карманам.

— Пожалуйста, инспектор. Я ничего не нарушал, чем вызва-

на проверка? — Он наблюдал за лейтенантом, пытался определить, обычная ли это проверка.

— Выйдите из машины! — Парень постучал жезлом по крыше.

— Нашел,— сообщил Гуров, протягивая техпаспорт и права.— Как вы назвали свою фамилию, инспектор?

Лейтенант взглянул на документы мельком.

— Выйдите из машины и откройте капот,— приказал он.

Из стоявшей впереди машины ГАИ вылез грузный капитан, подошел к Гурову вплотную и рывкнул:

— Права качаешь? Или у тебя со слухом плохо?

Гуров неторопливо вышел из машины, по ходу вынул ключи из замка зажигания. Не могут тут, в самом центре, на глазах сотен людей что-либо сделать с ним. Капитан ударил сыщика по лицу перчаткой:

— Отдай ключи, садись назад, поедем, разберемся!

— Ключи не отдам и никуда не поеду,— ответил Гуров и вовремя отпрыгнул в сторону.

Сержант, подошедший сзади, метил ему в голову, но благодаря прыти сыщика удар пришелся в плечо. Гуров почувствовал боль, рука одервенела. Сержант бил не гаишным жезлом, а раскрашенным металлическим стержнем. Сыщик отшвырнул лейтенанта и бросился бежать между машинами.

— Угонщик! Держите его! — крикнул кто-то из гаишников.

Визжали тормоза, гудели клаксоны, матерились водители. Гуров выскочил на резервную полосу и бросился по ней к прохаживавшемуся неподалеку инспектору ГАИ. Увидев бегущего по резервной зоне человека, инспектор затрусил навстречу, одновременно размахивая жезлом, мол, убирайся, кретин, из моих владений.

— Уйдите немедленно! — кричал он.— Сейчас пойдет машина!..

И сразу же со стороны Кремля раздался вой сирен. Появился кортеж, на крыше первой машины мигал фонарь. Гуров и инспектор одновременно отошли в сторону и чуть не угодили под автобус. Лимузины пролетели мимо. Гуров, не ожидая вопросов пришедшего в себя хозяина резервной полосы, быстро заговорил:

— Меня остановила ГАИ, уверен...— Он повернулся, указал на свои «Жигули». Увидел, что стоявшая перед ней машина ГАИ исчезла, кивнул ничего не понимающему инспектору и начал пробираться сквозь катящийся поток «мерседесов», «вольво» и «Москвичей».

У своих «Жигулей» Гуров обнаружил лейтенанта ГАИ.

— Значит, охраняете порядок, лейтенант? — спросил он насмешливо.— И сколько задержали угонщиков?

Инспектор был явно смущен, протянул документы на машину.

— Какой вы нервный. Обычная проверка.

Гуров осмотрел парня с ног до головы. Ясно, мальчишка выполнял приказ и ничего не знает. Тогда почему не уходит? Проверил документы, убедился, что все в порядке, иди себе, а он стоит, мнется.

— Вы хотите мне что-то сказать? — Гуров достал сигареты, закурил.

— Неудобно получилось. — Видно, не привык гаишник извиняться. — Капитана вызвали по рации...

Гуров молча сел в машину. Как и собирался, свернул в переулок и остановился.

Центральная магистраль, ясный день, полно народа, не могли здесь, сейчас, спланировать захват. Не могли, ведь не сумасшедшие. И лейтенант для такого дела абсолютно не годится. Но если не нападение, значит, так повседневно работает родная милиция. Остановили, забрали документы, шарахнули по башке, отвезли в отделение. Гуров прекрасно знал: человек, доставленный в дежурную часть, не может оказаться прав. Он виноват либо очень виноват.

— Я уж испугался, думал, не случилось ли чего. — Крячко чуть было не обнял Гурова, еле удержался.

— Случилось. — Гуров, снимая плащ, поморщился от боли в плече. — Потом расскажу, а сейчас лишь констатирую факт. Оказалось, для того, чтобы ликвидировать знаменитого сыщика, совсем не нужны киллер, винтовка и прочие сложности. Вполне достаточно троих ментов, которые мучаются похмельем, и одной железной палки. Подробности позже, сейчас о деле. Выкладывай.

Крячко криво улыбнулся, спросил:

— Кофе хочешь? Правда, уже остыл. — Он взял с подноса полную чашку, поставил перед Гуровым.

— Станислав! Пожалуйста, говори по существу.

— С превеликим удовольствием! Начальник главка генерал Орлов приказал установить за Еланчуком наружное наблюдение, а ему отказали, объяснив, что это нарушение прав человека.

— Правильно. — Гуров невольно потер плечо. — Права человека необходимо защищать, ибо это и есть первейший долг нашей милиции.

Убийца остановился на площадке пятого этажа, вытащил из-под куртки бинокль.

Новостройка или незавершенка, один Бог знает, находилась по другую сторону от парадного входа в офис. Это здание Федор Ивлев обнаружил случайно. Отошел на два квартала от фирмы «Стоик» и наткнулся на битый кирпич, сломанный забор. Оглядевшись, понял, что находится позади интересующего его здания. Внутреннюю планировку офиса представлял хорошо — чертеж был любезно предоставлен заказчиком. Два окна кабинета Гурова выходили именно во двор, а не в переулок. Почему бы его не лишить жизни в собственном кабинете? Расстояние пустынное, метров двести, не более, площадка для наблюдения и стрельбы прекрасная.

Убийца настроил бинокль, определил окна кабинета Гурова. Кабинет просматривался не целиком. Определить, где находятся стол и кресло Гурова, мешали тюлевые шторы.

Ивлев решил подождать. Из кирпичей соорудил удобную тумбу, сел. Вновь поднес бинокль к глазам, увидел, что спиной к окну стоит мужчина. «Даже если он повернется, лица не разобрать,— подумал Федор.— Определять придется по фигуре». Он опустил бинокль, взглянул на небо, затем на часы. Для выполнения работы требуется ясный день, после трех часов солнце осветит окна. Интересно, какие привычки у этого мента? Он любит сидеть за столом или расхаживает по кабинету?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Профессионалы

Бар располагался в пятизвездочной гостинице, недавно реставрированной иностранной фирмой, и напоминал Еланчуку о жизни в цивилизованных странах. Сидевший напротив него элегантно одетый мужчина лет пятидесяти, с насмешливым и одновременно внимательным взглядом, никак не ассоциировался с мафией, убийствами и разительно отличался от недавнего «посла».

Когда он здоровался с Еланчуком и представился: «Джон»,— то по-мальчишески улыбнулся, слегка развел руками, мол, смешная игра, однако правила придумали не мы, будем соблюдать. Он встретил Еланчука у входа в гостиницу, прошел мимо стражей, чутьем угадывавших своих, и привел в этот бар. Заказывая себе виски и сок для гостя, мягко улыбнулся.

— Мне известно, Юрий, что ты не пьешь, я искренне тебе завидую. Как дома, все здоровы?

— Спасибо.

— Я много о тебе слышал, Юрий. С сегодняшнего дня ты становишься нашим полномочным представителем в Москве.

— Тогда разъясните мои обязанности, бывший шеф держал меня в неведении.

— У нас достаточно сложная структура. Ты, учитывая опыт прежней работы, со временем разберешься. Основная задача — наблюдение за деятельностью известной тебе фирмы. Мы заинтересованы, чтобы они работали спокойно, в прежнем режиме.

— Как может функционировать засветившийся канал? О нем знают несколько человек, следовательно, контейнеры дойдут лишь до первой таможни... Затем установят получателя мебели и так далее.

— И прекрасно.— Джон кивнул.— На сегодня нам больше и не нужно, а наступит завтра, тогда и решим.

— Но я тоже засвечен! Ничего не понимаю! Вы бросились на Гурова, но ведь у него имеются партнер и не менее опытный начальник. Они в курсе происходящего. Есть Гуров или нет — вопроса не решает.

Джон рассмеялся и ничего не ответил.

— И последнее. Судя по всему, вы человек опытный. Как вы решились пригласить меня в эту гостиницу и вести разговор в этом баре?

— Я коммерсант и ты коммерсант, наша встреча естественна. А разговор? — Джон улыбнулся, тронул лежавший перед ним портсигар. — Люди придумывают, как услышать издали, те же люди придумывают, как защититься от подслушивания.

— Вам виднее, — ответил Еланчук. — Решил использовать меня втемную, я рад. Чем меньше человек знает, тем крепче спит.

— Не обижайся, Юрий. — Джон допил виски, поднял руку, и через несколько секунд перед ним появилась новая порция. — Необходимо выждать. Улягутся страсти, изменятся и твои полномочия. Мы люди бережливые и не можем позволить держать специалиста твоего класса на черновой работе. С русскими трудно работать, я бы с удовольствием не прилетал, но отказаться от России невозможно. Если все пройдет нормально, тебя переведут на работу в Германию или в другую европейскую страну. Не будешь делать глупости, будем жить дружно и долго.

— Дай Бог! — Еланчук перекрестился. — А с Гуровым решено окончательно?

— Ты ему симпатизируешь, родство душ, близость профессий? Забудь о нем, у каждого человека своя судьба.

— Да зачем он вам нужен! — вспыхнул Еланчук. — Ну, будет другой, похуже. Не понимаю!

— Ты защищаешь человека, пытающегося посадить тебя в тюрьму. Считаешь, что драка с Гуровым — твое личное дело? Неверно. Ты в команде, а ее интересы всегда выше личных, выше профессиональных амбиций. Разговор окончен. — Джон взял со стола портсигар, убрал в карман, сделал знак бармену, чтобы подали счет.

Гуров чувствовал себя растерянным и подавленным. Он окончательно убедился, что киллер начал работать и он, сыщик, должен отложить все и искать убийцу. Необходимо собраться, сосредоточиться, не думать о постороннем. Приняв столь мудрое решение, он поступил наоборот. Вышел из кабинета, заглянул в бухгалтерию, где делать ему было совершенно нечего. Вспомнив, что завтра хоронят Байкова, спросил:

— Кто собирает деньги, и сколько с меня причитается?

Ганна, смуглая дивчина с румянцем во всю щеку, растерянно переспросила:

— Причитается? С вас?

— Борис Андреевич распорядился выделить деньги. Все оплачено, — недружелюбно заметила Зина. Она оторвалась от своего компьютера и, поджывая тонкие губы, решительно продолжила: — Когда у нас не служил столь эlegantный супермен, никого не убивали. Вы бы, Лев Иванович, хотя бы изобразили горе... Служба безопасности называется!

— Вы правы, Зина, особенно насчет изобразить. — Гуров вышел и направился в кабинет коммерческого директора.

Крупин сидел за столом, писал, левой рукой потирая ежик светлых волос, словно пытался помочь голове соображать лучше.

— Ну? — сказал он, не глядя на дверь. — Что еще нового?

— Здравствуй, Егор. — Гуров взял стоявший у стены стул,

переставил его поближе к столу и уселся верхом.

Крупин поднял голову, закрыл лежавшую перед ним папку.

— Здравствуй. Не помню, чтобы мы пили на брудершафт.

— Все впереди, Егор. — Гуров обрел форму. — Скажи, дружок, ты был близок с Григорием?

— Я вам не дружок! — огрызнулся Крупин. — С Гришей мы приятельствовали, помимо службы виделись редко. В день убийства, то есть позавчера, я днем заходил проведать больного, о чем сообщил следователю прокуратуры.

— А чего ты на меня бросаешься? — Гуров пожал плечами. — После убийства Ивана Сидоровича пытался меня ударить, сейчас ругаешься. Нехорошо.

— А убивать людей хорошо? Вы — служба безопасности...

— Не забудь добавить, какие деньги мне платят, — перебил Гуров. — Раз уж ты сам заговорил о допросе, то скажи, дружок: тебя спрашивали в прокуратуре, где ты находился в момент убийства?

— Спрашивали, и вам повторять не собираюсь.

— Повторишь, куда денешься, — усмехнулся Гуров. Он умышленно выводил парня из себя, хотя минуту назад такого замысла у сыщика не было. — Я читал протокол твоего допроса, но память подводит. Повтори, приятель, не сочти за труд.

— Мне неизвестно время, когда убили Григория. — Крупин говорил спокойно, четко выговаривая слова. — Вечером я находился дома, жена может подтвердить.

— Жена — свидетель слабоватый, да Бог с тобой! — Гуров неторопливо достал сигареты. — Закурим?

— Пока на свободе, свои имеются. — Крупин взял со стола «Мальборо».

— Не складывается у меня служба на новом месте. Бухгалтера застрелил дешевый наемник, которого мгновенно ликвидировали. Но кто дал команду и почему? — Гуров резко сменил тон, говорил мягко, доверительно. — Я в коммерческих делах не смыслю, но причина — в ваших делах, а ты коммерческий директор.

— Да мы тут все вместе мозги свихнули, понять не можем. Мы никому не должны, обязательства свои выполняем. — Крупин провел ладонью по ежику светлых волос. — Понятия не имею, кто был заинтересован в смерти Ивана Сидоровича.

— Его убил наемник, а Байкова — близкий человек. — Сыщик говорил тихо, вынуждая Крупина вслушиваться, напрягаться. — А близких у покойного не так уж и много.

— Вы кого-то подозреваете, решили посоветоваться? — с сарказмом спросил Крупин.

— Совет еще никому не мешал жить. — Гуров встал, вернул стул на место. — Я человек не подозрительный, однако вы, господин коммерческий директор, напрасно нервничаете и удивительно неискренни.

Сыщик вышел. Быстро вернулся в свой кабинет, набрал номер Крупина, было занято.

Елена, секретарь Юдина, разговаривала по телефону. Гуров сел напротив, смотрел на красивую женщину внимательно.

— Милочка, ко мне пришел красавец мужчина, — она подмигнула Гурову, — требует внимания. Я перезвоню. — И положила трубку.

Сыщик не связывал секретаря и коммерческого директора, пришел интуитивно. Но, как всякий сыщик, Гуров не любил совпадений, и тон Елены показался ему наигранно беспечным. Он взял телефонную трубку, словно хотел позвонить, трубка была холодной. Если бы разговор продолжался хотя бы несколько минут, она бы согрелась, значит, разговор только начался.

— Шефа нет, уехал на переговоры. — Елена заглянула в настольный календарь.

— Он мне сообщил об этом при вас, прекрасная Елена.

— Взрослею, старею, а память все девичья, — отшутилась она. — Я могу вам помочь?

— Безусловно. Приглашаю вас на ужин. Вы мне очень можете, если согласитесь. Какой ресторан любите? Может быть, «Дели»? Говорят, там отличная программа.

— С удовольствием, если удастся отменить одну скучнейшую встречу. — Елена взглянула на часы. — Позвоните мне домой часиков в восемь. Договорились?

— Обязательно. — Гуров поднялся. — Вы уж постарайтесь освободиться.

— Обязательно, — передразнила Елена и вновь подмигнула. — Судя по вашему костюму, вы и не сомневались в моем согласии. Или у вас сорвалось, и я лишь замена?

У входа в офис участковый болтал с охранником. Увидев Гурова, охранник встал.

— Привет, майор, спасибо, что заглянул. — Гуров пожал руку участковому, кивнул охраннику: — Не тоскливо сидеть на одном месте?

Охранника недавно привел Крячко, отыскав его среди уволившихся из милиции.

— Лев Иванович, вы ведь сами из оперов. — Охранник, еще сравнительно молодой, лет сорока с небольшим, усмехнулся. — Я за двадцать два года набегался, можно и отдохнуть.

— Отдыхай, опер. Устанешь сидеть, заходи, потолкуем. — Гуров повернулся к участковому: — Погуляем, майор?

— Лучше посидим у вас, Лев Иванович, — ответил участковый и пошел следом за Гуровым.

— Кофе? — Гуров указал участковому на кресло и начал возиться с кофеваркой.

— Ребята видели тут одного парнишку, — начал без предисловий участковый. — Дважды — вчера и позавчера. У ребят глаз наметанный. Видят не только костыли и шляпу с калошами, но и человека. Говорят, интересный парнишка. Не оглядывается, в дома не заходит, ни у кого ничего не спрашивает, вроде гуляет. У нас не зоопарк, не парк отдыха, ничего в наших переулках интересного не имеется.

Гуров внимательно слушал, изредка кивал.

— Живет у меня пацан, две ходки имел, заводной, чужаков не любит. — Участковый поднял взгляд на Гурова.

— Небось, подрасться любит, — обронил сыщик, — а пьяный нехорошим становится?

— Точно, — хмыкнул участковый. Чувствовалось, вспомнил что-то из жизни подопечного, хотел рассказать, но решил не отвлекаться. — Ну, пацан мой к чужаку подошел, мол, нет ли огоньку вашу папиросочку прикурить? И на фене обмолвился, тот не откликнулся, закурить дал, зажигалкой чиркнул, слова не проронил. Так вот, пацан чужака интересно рисует. Лет тридцати, тяжелой работой не занят, русский, глаза серые, в зоне не бывал, но точно из крутых. Интересная деталь: костюм и туфли у него фирменные, а рубашка и плащ — наши.

— Нет слов. — Понимая, что главное уже сказано и можно отвлечься, Гуров подвинул чашку кофе. — Ты настоящий мент, майор. Извини, не спросил, как зовут.

— Емельяном крестили, а фамилия совсем смешная — Пугачев, — хитро улыбнулся майор.

Гуров достал из стола конверт с деньгами, подвинул майору.

— На оперативные расходы.

— До чего легко умного от дурака отличить, просто смех. — Майор аккуратно убрал конверт в карман. — Вы мне ничего не скажете нового?

— Вчера киллер начал работать. Полагаю, у него винтовка малого калибра, патроны с огромной убойной силой.

— Оптический прицел, винтарь разбирается, ложится в футляр. — Майор отхлебнул кофе, подошел к окну. — Тут домишко начали строить года три назад...

— Отойди от окна, майор! — приказал Гуров. — Я стройку видел. Думаю, лучшего места он не найдет.

Майор вернулся к столу, вновь взял чашку с кофе.

— Нам смотреть человека с футляром или как?

— С футляром? — задумчиво переспросил Гуров. — Пожалуй, не обязательно с футляром. Твой парень сказал про плащ, который не в цвет костюму и туфлям. Сейчас большинство в куртках. Только такие консерваторы, как я, носят плащи. И вообще — пронести незаметно разборную винтовку не проблема.

— Лев Иванович, вы сказали, убийца начал работать, значит, имеются труп и пуля. Так?

— Верно. Пуля пробилла череп, застряла в дверце машины.

— Тогда нечего его подлавливать в момент стрельбы, взять с винтарем — и концы. Экспертиза докажет.

Гуров поморщился.

— Только установит, что убили именно из этой винтовки. А мы ничего не сможем доказать. Начнется следственная волокита.

— Вам надо посадить малого под замок, пусть прокуратура колупается.

— Лучше киллера расколоть, выйти на руководство или хотя бы на заказчика.

— Много хотите, Лев Иванович, о своем здоровье подумайте.

— Я посмотрю новостройку. Если он там обустроился, я его возьму.

— Один?

— Нет, «Альфу» приглашу. Спасибо, Емельян, рад, что встретил тебя.

Участковый пожал Гурову руку:

— Мой домашний запишите. — Он продиктовал номер. — Ночью звоните, днем меня не бывает.

— Удачи и еще раз спасибо. — Гуров проводил участкового до дверей.

Сыщик обошел опустевший офис, вернулся в кабинет, посмотрел на темнеющее окно, из которого так замечательно просматривался недостроенный дом, и сел в кресло. Он закрыл глаза, задумался. Почему мафия торопила отправку засвеченного груза? Какую опасность представляет Лев Иванович Гуров? Киллер задействован для ликвидации Гурова, а проптрафившегося много знающего Валентино убрали похода? Или все не так?

Гуров приоткрыл глаза. Половина восьмого, скоро звонить Елене. Желание видеть кого-либо, даже красивую женщину, пропало. Придется изображать беспечность, разговаривать.

В кабинете стало совсем темно. Он включил настольную лампу, снял трубку, набрал номер. Долго слушал длинные гудки, затем положил трубку на место.

Сыщик словно школьник, принявший твердое решение на уроки не ходить, поднялся из кресла, несколько раз присел, помахал руками. Зазвонил телефон.

— Ты кто такой? — удивился Гуров, взглянув на высветившийся на аппарате номер, который видел впервые, снял трубку: — Слушаю.

— Ой, Лев Иванович, какое счастье, что нашла вас! Это Елена. Вы должны сейчас звонить мне, а меня нет дома.

— Случается, Елена Владимировна, — ответил Гуров, пытаясь определить дальнейшее развитие ситуации. — Вы в порядке?

— Даже не знаю. Заехала к подруге на несколько минут, выпили по бокалу шампанского, а неожиданно брат ее с другом явились. Ой! — Елена засмеялась. Она была пьяна или здорово прикидывалась. — Я же на машине.

— Не пропадете, рядом брат и друг, выручат.

— А вы не хотите за мной приехать?

— Хочу, но не приеду.

— Не понимаю... — Елена старалась говорить как можно четче. — Если я чего хочу, так сделаю обязательно.

Гуров не собирался ехать невесть куда, проверять — приготовлена ли ему грубая ловушка или Елена действительно выпила лишнего.

— Вы счастливый человек, Леночка, гуляйте. А в ресторан мы сходим в следующий раз. Спасибо, что позвонили.

Он развернулся к компьютеру, отстучал: «Доброеева Елена Владимировна». Если события сегодняшнего вечера не цепь нелепых случайностей, а чья-то игра, то, независимо от того, используют женщину втемную или ее роль осознана, противник допустил просчет. Из ситуации следует выжать максимум.

Сыщик просмотрел на экране знакомый текст, убедился, что

адрес Елены запомнил правильно, выключил компьютер. Решил позвонить в дежурную машину, чтобы переставить ее в Измайлово, но передумал! А если все проще? Если Елене «по пьянке» напомнили о свидании, сказали: неудобно получается, позвони своему ухажеру? И ждут Гурова не там, а у дверей офиса? Убедились, что он в кабинете, и ждут? И необязательно квалифицированный киллер, а заштатный уголовник с «Калашниковым»? Между прочим, одного автомата на одного сыщика вполне достаточно. Может, не рисковать, переночевать здесь? Нет, сегодняшней вечер упускать нельзя, хватит топтаться на месте.

Гуров позвонил участковому на квартиру, номер не отвечал. Тогда перезвонил в отделение милиции, услышав ответ дежурного, спросил:

— Участковый Пугачев имеется? Дай-ка ему трубочку, командир.

— А кто его спрашивает? — Голос был молодой, уверенный.

— Командир, покличь Пугачева, очень нужен. — Гуров решил потрафить молодому и продолжил тягуче: — Ты же опытный мужик...

Гуров услышал, как кличут Пугачева, улыбнулся.

— Ну, слушаю.

— Емельян, извини, Гуров беспокоит. Я в своей конторе, надо ехать.

— Полагаете, вдвоем веселее, чем одному?

— Ты возьми с собой пару ребят. Глянь по переулку. Увидишь незнакомую машину с людьми, не подходи к ней.

Все предосторожности оказались напрасными. Никто Гурова не поджидал. Он проверил свою машину, спокойно отъехал. Сыщик не сожалел о перестраховке, и стыдно перед майором и двумя оперативниками, которых он напрасно побеспокоил, ему не было. Если они оперативники, так поймут, а если фраера с удостоверением и пистолетом, так пошли они к чертовой матери.

Он позвонил в машину, сказал, чтобы ждали на Четвертой Парковой у дома пять, и поехал в Измайлово.

Судя по номеру, с которого звонила Елена, в гостях она находилась в районе проспекта Вернадского, значит, сыщик приедет к ней домой раньше. Что ж, придется подождать. Возможно, напрасно, но он уже давно относился к подобным ситуациям философски.

Он оставил машину на Первомайской. Прошелся до угла улицы. Остановился, пригляделся, направился к дежурной «Волге». Казалось, ее водитель дремлет, но когда Гуров приблизился, фары мигнули. Он завернул во двор, нашел нужный дом и подъезд, поднялся на последний этаж на лифте, спустился пешком и только устроился на детской площадке, как во двор въехали «Жигули» Елены. Когда выходила из машины, в салоне зажегся свет. Она была одна, если только сопровождение не осталось на улице. Пока Елена запирала машину, сыщик успел нырнуть в подъезд и подняться на этаж выше. Лифт ушел вниз, затем поднялся наверх. Гуров легко сбежал по ступенькам.

— Лев Иванович? — Елена выронила ключи.

Гуров взглянул на лестницу и, убедившись, что там никого нет, подал ключи:

— Да черт с ним, с рестораном, согласен выпить кофе у вас дома.

— Я девушка строгих правил, уже поздно. — Елена старалась говорить уверенно, но голос срывался, ключ не попадал в замок.

— Если никто не видел, значит, ничего и не было. Где свидетели? — Сыщик с улыбкой наблюдал, как женщина нервничает и не может справиться с замком. — Дорогая Елена Владимировна, алкоголь — яд. Слава Богу, доехали благополучно в таком состоянии. — Гуров видел, что женщина абсолютно трезва.

Он взял у нее ключи, открыл дверь, пропустив ее вперед, вошел следом.

— Я знала, что вы наглец и ловелас, но такого не ожидала! — Елена неловко качнулась. — Мне необходимо принять душ, кофе вы найдете на кухне, вы же сыщик.

— Обязательно. — Он помог хозяйке освободиться от плаща, участливо поддержал локоток, даже сочувственно вздохнул, прикрывая за «выпившей» женщиной дверь ванной.

«Неужели мадам приняла мою игру за чистую монету? — думал Гуров, проверяя запор входной двери. Переложив «Вальтер» в карман брюк, снял пиджак и пошел на кухню варить кофе. — Если с пьянкой она начнет валять дурака, придется объяснить, что ошиблась адресом».

Он зажег конфорку, поставил чайник. Вышел в прихожую, послушал, как льется вода, значит, мадам на самом деле принимает душ. Сыщик осмотрел современно обставленную однокомнатную квартирку, подумал, что большими деньгами здесь и не пахнет, достаток, не более того.

Чайник вскипел. Гуров, не ожидая хозяйки, приготовил себе чашку кофе, вернулся к двери ванной и громко спросил:

— Елена, у вас все в порядке?

— Какой к черту порядок? Пьяная баба — это отвратительно! — ответила Елена.

— Кончайте, Елена Владимировна, выходите, кофе готов, — довольно резко сказал Гуров.

Он вернулся в комнату. На журнальном столике лежала сумка. Гурову очень хотелось покопаться в ней, даже взял ее в руки, но тут же положил на место. Они играют по своим правилам, а я по своим, и это не чистоплюйство, а элементарное самоуважение.

Стукнула дверь ванной, появилась Елена, одетая в длинный, туго подпоясанный халат, с мокрыми волосами, босиком и пьяная вдрызг. Один запах чего стоил!

— Где кофе? Являться в дом одинокой женщины без приглашения! — Она старалась двигаться уверенно, но не получалось. Точно так же, как ранее, до душа, она изображала пьяную, так теперь пыталась казаться трезвой.

Елена обулась в красные мягкие полусапожки с огромными помпонами. Ее лицо без грима казалось детским, беспомощным, полные губы обиженно кривились. Гуров обнял женщину за талию, отвел на кухню, заботливо усадил за стол. Подвинул ей

чашку кофе, пепельницу, сигареты, понимая, что его обвели вокруг пальца, словно мальчишку.

— Ну зачем вы явились? — Елена хлебнула кофе, обожглась, поставила чашку и закурила. — Я еле доехала... — Она тряхнула мокрыми волосами.

— Не каждый день праздник, случаются и будни, — ответил Гуров, имея в виду в первую очередь себя. — Извините, отлучусь.

Он прошел в ванную, без труда нашел бутылку коньяка, в которой оставалось граммов сто, не более. Если бутылка была полной, то женщина за полчаса выпила без закуски два стакана. Она еще держится, но скоро ее развезет окончательно. Завтра скажет, что ничего не помнит. Сыщик лопухнулся, как последний фраер.

Он взял бутылку, принес на кухню. Елена смотрела уже бессмысленно, увидев бутылку, хихикнула. «Жизнь провести в сыске... Все иметь и все потерять... Приеду домой и тоже напьюсь», — решил Гуров, подвинул телефон и позвонил в машину:

— Как здоровье?

— Отлично.

— Сейчас поеду домой, проводишь.

— Между прочим, — тщательно выговаривая слова, произнесла Елена, — вы отнесете меня на место, или я буду спать на кухне? Уж если явились, сделайте хоть какое-нибудь доброе дело.

— Одно доброе дело можно. — Гуров прошел в комнату, разобрал тахту, взбил подушки, вернулся на кухню, подхватил Елену на руки. Когда уложил ее на тахту и накрыл пледом, она пробормотала:

— Чертова жизнь... Я люблю тебя, сыщик.

Дома, куда он добрался без всяких приключений, сыщик не напился, а ночь напролет бегал по квартире, пиная ногами мебель. Так он выражал возмущение и протест, короче, подводил итоги. Напрасно побеспокоил и без того замордованных ментов из отделения. Гонял дежурную машину, за которую Борис платит сумасшедшие деньги. Прятался, перестраховывался, казалось, ухватился за ниточку, а получил дырку от бублика. Но Елена замазана, факт! Она сказала: «Я люблю тебя, сыщик». Что у трезвого на уме, у пьяного на языке? Гуров, опомнись, возьми себя в руки, чай отдельно, мухи отдельно.

Предположения. Если допустить, что Елена, одинокая и неприкаянная, увлеклась этим чертовым сыщиком, то все объясняется легко и просто. Она действительно заехала к подруге. Находясь за рулем, Елена не пила в отличие от компании. Ей захотелось увидеть Гурова. Позвонила, рассчитывая, что перед его приездом слегка выпьет, а он приедет и отвезет ее домой. Но не на того напала. Гуров думает лишь о засадах да убийцах. Услышав отказ, женщина покидает компанию, едет домой. А на лестничной площадке стоит герой романа, начальник службы безопасности, знаменитый сыщик и придурок Лев Иванович Гуров. Добравшись до этого места, Гуров взвыл. Чертова жизнь! Чертова жизнь! Именно такие слова произнесла Елена, засыпая.

Около семи утра сыщик вошел в недостроенный дом, расположенный в жилом массиве позади офиса «Стоик». На площадке пятого этажа, покрытого слоем пыли и штукатурки, обнаружил следы недавно побывавшего человека. Сыщик осмотрел площадку, взглянул на окна своего кабинета. Ни черта не видно, но в бинокль или через оптический прицел кабинет наверняка просматривается. В общем, место подходящее, хотя и не очень удобное, придется выждать, пока солнце не переместится за спину. Но тогда стекла начнут отсвечивать, рассуждал Гуров. Вот и кирпичики у стенки громоздятся, чтобы в уголке отсидеться.

Ступая по битому кирпичу, он прошел с площадки в боковой проем, нашел тряпку. Заметая следы, поволок ее за собой, поднимая клубы пыли.

Выйдя в переулок, столкнулся с мужчиной маленького роста, коротко стриженным. «Пацан», понял Гуров, достал сигареты, молча протянул ему. Щелкнул зажигалкой, закурил сам и спросил:

— Еще не торгуют?

«Пацан» смотрел равнодушно, лицо у него было детское и старческое одновременно, короткие волосы топорщились кустиками.

— Ну извини.— Гуров пожал плечами.

— Да уж.— Парень длинно сплонул.— С такой гладкой мордой, Лев Иванович, ханкой поутру не интересуются.

Гуров сильно затынулся, оглядел пустой переулок.

— Ты вблизи этого места не шастай, молодой еще. Понял? Знакомого увидишь, подай маяк, и твоя миссия закончена. Понял?

— Не, какого знакомого? — начал придуриваться «Пацан».

Гуров кивнул и направился к своей машине.

Федор Ивлев запер машину и проходным двором вышел к строящемуся дому. Он внимательно осмотрел переулок, увидел три мужские фигуры, маячившие рядом с тем местом, где он собирался свернуть на стройку. Мужики были явно местные алкаши, одного, самого маленького, Федор узнал, накануне тот стрельнул у него закурить. Тогда Федор встрече значения не придавал, хотя взгляд алкаша был колючий и цепкий. Сегодня — иное дело, киллер почувствовал тревогу, продолжал наблюдать за троицей. Переулок заливало солнце, подворотня была в тени, он знал, что невидим и пока в безопасности.

Наконец, троица разошлась, двое направилась в глубь переулка, а маленький затрусил в обратную сторону, проскочил мимо новостройки, неожиданно остановился, воровато оглянулся. Здрав голову, стал разглядывать недостроенный дом, словно только увидел, а не ходил здесь годами по десять раз на дню.

Федор не стал ожидать продолжения, развернулся и быстро пошел к машине. Ясно, «гнездо» сгорело. Сыскарь ждет его.

Он по каналу передал, что возникли трудности, и попросил дать ему время — неделю, а то и две. Поздним вечером получил ответ — подготовка будет осуществлена без него, пусть ждет, скоро ему сообщат время и место.

Двум богам не служат

Генерал Орлов позвонил Гурову и пригласил его и Крячко к себе домой на чашку чая. Гуров ничего не спросил, только сказал, мол, живы будем, явимся обязательно. Присутствовавший в кабинете Крячко саркастически заметил:

— Отличный получится вечерок. Ты чернее тучи, у меня настроение дерьмовое, и, судя по всему, Петр Николаевич приглашает не для того, чтобы сообщить нам приятное известие. Будешь молчать или поделишься?

— Делиться надо радостью, а неприятностей у каждого своих хватает, — ответил Гуров. — Но так как мои дела и тебя касаются, слушай.

Гуров пересказал сюжет вчерашнего вечера. История получилась куца, какая-то несерьезная. Станислав Крячко, выслушав Гурова, долго молчал. Затем произнес:

— Дерьмо, конечно, но случалось и хуже. Я полагаю, следует выждать. Ежели мадам использовали и ты миновал западню, со временем все прояснится, и мы с девушкой разберемся. Но ежели ты оказался просто напуганным и грубым мужиком, то не бери к сердцу — пускай любит тебя вместе с недостатками.

— Спасибо за помощь, Станислав, — усмехнулся Гуров. — А твоё мнение?

— Лев Иванович, у меня не мнения, а лишь сомнения. Выждем. Теперь изложи, почему ты в таком пыльном виде?

Гуров рассказал об утреннем осмотре недостроенного дома.

— Это уже серьезно. Чай, не дамочек разгадывать. Тут дело конкретное и опасное, — продолжал Крячко. — Необходимо стрелка отловить. День сегодня ясный, после трех солнышко сюда зайвится, а стрелок поднимется в свои апартаменты. Полагаю, мне требуется часов с двенадцати, — он взглянул на часы, — на том этаже устроиться. Когда убивец придет, принохается, разложит свои инструменты, я его спеленаю. Как?

— Не стоит, Станислав, — ответил небрежно Гуров. — Я скажу майору, пусть «Пацан» к стройке не подходит, приглядывает издалека. У меня чутье, не явится сегодня киллер.

Вечером они пили чай на квартире генерала. Хозяйка, как обычно, поцеловала «мальчиков» и бесшумно исчезла. Орлов, не любивший откладывать неприятный разговор, привычно сложил губы дудочкой, огладил пятерней морщинистое лицо и торжественно произнес:

— Вот так, парни, двум богам не служат. Я собирался к вам пристегнуться, потому сначала помогал, даже прикрывал. Но раз в рядах Краснознаменной остался, значит, будем жить по протоколу. Генерал Орлов — начальник главка. А вы — бывшие менты — просто служащие коммерческих структур. Ясно?

«Парни», уставившись на генерала, дружно молчали.

— Вы слышали, что я сказал?

— Петр Николаевич, — набылчился Крячко, — то вас под ми-

китки на пенсию выпихивают, то теперь к сердцу прижимают. К чему бы такой маневр?

— Некоторых высокопоставленных господ интересуют ваши изыскания. Пока Орлов служит, ему можно приказать, станет пенсионером — какой с него спрос? — Орлов сложил фигу. — Только мне на ихние фортели плевать. России, людям нужны честные, хорошо обученные менты, а их мало осталось. Я уйду, станет еще меньше. Пока дают служить, буду служить. Теперь ясно?

Гуров упрямо промолчал. Крячко снова не выдержал:

— Значит, мы вроде как дезертиры?

— Каждый живет своим умом. И ты, Станислав, мне неровня. Ты молодой. У тебя вся жизнь впереди. Еще набьешься и настроляешься всласть. Я же колею сменить не могу. — Орлов взглянул на Гурова настороженно, упорное молчание друга беспокоило генерала. — Чего молчишь, Лев Иванович?

— Сказать нечего. — Гуров пожал плечами. — Если господин генерал ко мне по имени-отчеству обращается, значит, дело мое труба.

— Ну, хватит словоблудия. — Орлов хлопнул по столу ладонью. — Довожу до вашего сведения. Контейнеры с мебелью, отправленные фирмой «Стоик», таможенной службой тщательно досмотрены. Ни наркотика, ни иного криминала не обнаружено.

— Мы ж солидная фирма, — пробормотал Крячко и повернулся к Гурову: — Неужели ты угадал, чертов гений? Что ж не радуешься? Хоть улыбнись пренебрежительно.

— Чему? — Гуров вздохнул. — Теперь это не наша работа. Существуют управление по борьбе с коррупцией и масса иных подразделений и служб. Они должны работать по данному делу.

— По какому делу? — устало спросил Орлов. — Нет никакого дела. Есть твои предположения, высказанные в частном разговоре.

— Верно, Петр Николаевич, — кивнул Гуров. — Нам больше всех надо? Везут через Россию наркотики, так и пусть везут. Не пойман — не вор. А предположения частного сыщика к делу не подошьешь, ходу им не дашь. И это я говорю не с издевкой, а с полным пониманием профессионала. Если даже я изложу свои соображения на бумаге и ты положишь их на стол министра, результата не будет. В лучшем случае создадут очередную комиссию, которая никого не выявит, не изобличит, не осудит. Мафия «красную дорогу белой смерти» временно перекроет, а затем проложит новую. Тем более что мы столкнулись не с дорогой, лишь с тропиночкой.

— Все верно, — согласился Орлов. — И ты держи свои соображения при себе, потому как пользы от них никакой, а неприятностей не оберешься. Говорю не как генерал, чиновник и службист, а как человек немолодой, много дерьма повидавший и к тому же твой друг. Пояснить?

— Извини, Петр, нет смысла, — отмахнулся Гуров.

— Нет уж, парень, это ты меня извини и наберись терпения. Сегодня мы должны сказать друг другу все открытым текстом. Завтра уже не будет времени, дела придавят, жизнь завертит,

а от недоговоренности только червь сомнения останется. Через несколько дней нас на откровенный разговор на аркане не вытщишь.

— Ты старший. — Гуров отодвинулся от стола, вытянул ноги, расслабился, всем видом демонстрируя покорность и терпение.

— Гуров высказал предположение, что наркотик не идет через «Стоик», лишь поступает туда из Вьетнама, затем изымается и далее следует путем, нам неизвестным. На сегодня мы получили подтверждение, что в контейнерах с мебелью наркотика нет.

— Значит, Гуров прав, наркотик в Москве изымается, — предложил Крячко.

— Ничего не значит, так как не доказано, что он вообще в Москву поступает, — возразил Орлов. — Как сыщик, я на девяносто процентов убежден, что поступает. Иначе не объяснить убийств и всего прессинга, который оказывают на вас неведомые силы.

— Непонятен интерес больших людей к нашей скромной персоне, — добавил Крячко.

— Тут не твой стадион, потому не лезь. — Орлов начал раздражаться. — Ты мыслишь, как обыкновенный мент: если человек лезет, значит, либо его подталкивают, либо он сам замазан. Я не большой знаток ихней психологии, но давно понял: людьми наверху руководят подчас самые неожиданные вещи. Элементарное любопытство. Его можно удовлетворить, используя свое высокое положение. — Он загнул палец. — И стремление оказать на виду, если история получит резонанс. — Генерал загнул второй палец. — Наконец, искреннее желание помочь.

— А скальпель у хирурга не отнимают? — вновь не удержался Крячко. — Хирургу во время операции тоже помощь требуется.

— Гуров, приведи своего малого в порядок! — рявкнул Орлов.

— Петр, за круглым столом нет крайних, — улыбнулся Гуров. — Ты вроде как оправдываешься, пытаешься объяснить, что не каждый министр дурак. Мы тебе верим, хотя ты и необудителен.

— Потому что меня сбивают.

— Извини. — Гуров строго взглянул на Крячко.

— Можно говорить до утра, ясно одно: реальных шансов вытянуть цепочку наркомафии сейчас нет. Цепочку можно обрубить в двух местах — на восточной таможне и выявить убийцу, который наверняка связан с мафией. Перекрыть дорогу с Востока распоряжусь я, а убийцу Байкова установите вы, господа сыщики.

— Ты серьезно? — поинтересовался Гуров. — Я тебе, Петр, верю. Будь на твоём месте другой, не сомневался: пообещали вторую генеральскую звезду, лишь бы замять дело. Таможня обнаруживает наркотик? Так его изымают постоянно. В следующий раз его пошлют не в мебели, а в куклах или велосипедных шинах, и все дела. Допустим, мы установим убийцу, найдем доказательства, человека осудят. Но мы отсечем его от наркотиков, главное, от высокопоставленного лица, который переправляет наркотик в Европу. Через месяц-два другая пешка передаст товар, и все встанет на свои места.

— А почему обязательно высокопоставленный чиновник? — тихо спросил Орлов. — Может, из Москвы в Европу наркотик путешествует в матрешках или клизмах?

— Потому, что шило на мыло не меняют, — пояснил Гуров. — Вытаскивать дорогостоящий товар из одной полости, чтобы спрятать в другую? Нет, у мафии из Москвы есть безопасный канал, который таможенник тронуть не может. А такой канал, кроме диппочты, имеет только человек соответствующего положения. И этого человека мафия бережет как зеницу ока. Путь к нему только через убийцу, которого ты предлагаешь выявить и взять лишь за убийство. На месте министра я бы такому генералу не одну звезду подбросил, а сразу две!

— Вот и молодец! — Орлов рассмеялся, ткнул Гурова пальцем в грудь. — Вот так бы и ушли, без сказанного вслух. И вы, молокососы, подумали бы: мол, был сыщик Орлов, жил честно, а в конце пути устал и скурвился. Ну?

Гуров смутился. Крячко заерзал, открыл было рот. Но Орлов поднял руку.

— Заткнись, Станислав! Хорошо, мы это говно со стола убрали, комнату проветрили! Теперь ты, гений сыска, скажи, как в подобной ситуации поступают принципиальные, неподкупные мужчины?

— Не знаю. — Гуров подошел к окну, открыл форточку и закурил.

— Не знаешь? Так чего ты мне мозги полощешь? Критиков у нас дополна, фракции, партии, Дума! Ты мне конкретный, главное, реализуемый план предлагай!

— Можно? — Крячко, словно школьник, поднял руку.

Орлов кивнул.

— Валий.

— Петр Николаевич, сейчас не время мыслить вселенскими масштабами. Гуров молчит, гордыня заела, а ему персонального киллера выслали. И он уже под нашими окнами разгуливает.

— Как? — Орлов поморщился, пытаясь переключиться на другую тему. — Труп в машине... Жмых Иван Прокофьевич по кличке Валентино, сквозное ранение головы...

— Не отвлекайся, Петр Николаевич, — сухо произнес Гуров. — Я попытаюсь сделать конкретное реализуемое предложение. Знаете, почему покойного Валентино торопили с отправкой груза «Стойка»? Порошка в нем уже не было, кому-то стужа срочно понадобилась? Глупости. Им нужно, чтобы груз прошел нашу западную таможню, а мы убедились, что все чисто, и потеряли интерес к товару, поступающему из Вьетнама. Ларчик просто открывался. А мы с тобой, Станислав, головы ломали. Раз пропал у нас интерес к товару, значит, можно выслать новую партию. И если мы начинаем работать порознь, господин генерал, я вас убедительно прошу подумать и взвесить, прежде чем потрошить груз на восточной границе. Иначе мы захватим наркотик и уйдем на пенсию.

— «Мы» — это Петька Орлов? — усмехнулся генерал.

— Далее. Относительно убийцы и ключевой фигуры мафии,

работающей в «Стоике». Похоже, мы с моим другом, — Гуров выдержал паузу и наградил Крячко взглядом, от которого тот поежился, — с моим верным другом Станиславом кое за что зацепились. Предлагаю, установив убийцу, пока его не трогать. Почему? Убежден, изъятый наркотик еще не передан для отправки. Брать следует всех скопом в момент передачи или прохождения «почтальоном» таможи и границы. Кто он? Депутат? Министр? Не знаю, жизнь его укажет. Но, думаю, лучше на границе его не трогать, пропустить, передав Интерполу. Там работают профессионалы, пусть они и решают, где, когда и каким образом.

— И Россия окажется в дерьме по самые уши, — подвел итог Орлов. — Не говоря уж о том, кто всем делом будет заниматься? Нужна группа профессионалов, верных, технически оснащенных. Оперативников я найду. Но как получить разрешение на создание такой группы, не оповестив лиц заинтересованных?

— Россия окажется в дерьме из-за того, что один очень высокопоставленный чиновник коррумпирован? И выявили его русские сыщики! А сейчас мы все в белом, хотя на Западе пресса трубит: «Красная дорога белой смерти». В начале разговора ты, Петр Николаевич, сказал, что двум богам не служат. Согласен. Ты на службе у властей предержавших, мы частные сыщики, законопослушные граждане, изложили свои соображения другу, старому сыщику. Решай, тащить наше барахло в генеральский кабинет или оставить на этой кухне.

— Ладно. — Орлов встал, подтянул тренировочные брюки, вынул из буфета бутылку коньяка. — Настанет мой день! Я возьму сучковатую палку, и тогда, Лева, посчитаемся!

— Станислав! — Гуров рассмеялся. — Сейчас мы должны стоять на четвереньках, так как мы мелочь штатская, а он генерал. А потом он не даст нам подняться, потому как возьмет в лапу сучковатую дубинку. Ну, давай, Станислав, выпьем за его здоровье и терпение!

— Как ни мучилась, а умерла хорошо! — Крячко опрокинул стакан и перекрестился. — Ну, что будем делать с настырным парнишкой, который забавы ради прихватил винтарь с оптикой и топчется под окнами?

Прошло три дня. Ивана Прокофьевича Жмыха похоронили скромно, но достойно: с цветами, фальшивыми словами и пьянкой, организованной заместителем покойного, который и возглавил жалкую коммерческую деятельность СП. Юрий Петрович Еланчук бездельничал, отсиживал в своем кабинете положенные часы, порой проверял охрану, исправность сигнализации. Виктор Живолуб, ранее возивший и охранявший Валентино, а в нужный момент оказавшийся у зубного врача, поступил в распоряжение Еланчука.

Еланчук догадывался, что доверенный покойного имеет свою связь и служит не только водителем и охранником, но и осведомителем. Мафиози секретничали, но габэшник в своей жизни знал столько секретов, что новые его совершенно не интересовали.

И когда Живолуб робко постучался в его кабинет, тот не удивился.

— Присаживайся. — Еланчук указал на стул, подождал, пока охранник усядется, и добавил: — Кое-какие бумажки посмотрю, и побеседуем.

Живолуб молча взгромоздился на стул. Еланчук открыл папку, в которой лежали уже просмотренные документы. Гэбист давно разобрался в сидевшем напротив человеке. Теперь ситуация изменилась. «Простак» с пистолетом, человек хитрый и сравнительно опытный, поступил в непосредственное его распоряжение. Как себя с ним вести? Верить ему, конечно, нельзя, но взаимоотношения надо смягчить, создав определенную дистанцию. Приняв решение, Еланчук закрыл папку и сказал:

— Значит, бить мне, паршивому интеллигенту, морду ты раздумал.

— Юрий Петрович! — возмутился Живолуб. — Как вы могли подумать?

Еланчук озорно подмигнул:

— Я вот что тебе скажу, дорогой ты мой. Мне приходилось работать с ребятами и глупее, и круче сваренными. Как видишь, я жив, здоров, слава Богу. — Он посмотрел на свои холеные руки, словно благодаря именно этим рукам и сохранил жизнь и здоровье. — Ты совершенно ни в чем не виноват. Не поверишь, но я на тебя не сержусь, зла не имею и отыгрываться за прошлое не собираюсь.

Он замолчал, выждал, пока охранник перестанет изучать пол и поднимет на него глаза.

— А мог бы, Виктор, расправиться с тобой легко и просто. Ты мне веришь?

Живолуб пробурчал что-то нечленораздельное и вновь устал в пол.

— Не понял. Ответь, пожалуйста, внятно.

— Верю, шеф! — расправил широкие плечи охранник.

— Смешной ты, Витя, сил нет. — Еланчук покачал головой. — А ведь ты парень, по сути, неглупый и, когда надо, очень сообразительный. Ты ко мне быстро привыкнешь. Мои костюмчики, платочки и то, что я матом не ругаюсь, перестанешь замечать. Сегодня у тебя выходной, опохмелись. Будь здоров.

— Спасибо, шеф. — Живолуб тяжело поднялся, шагнул к двери, обернулся и повторил: — Спасибо.

Когда дверь закрылась, Еланчук произнес вслух:

— Простой ты парень, но повернуться к тебе спиной я остерегусь.

Просматривая газеты, он думал об Организации, о сложности работы иностранцев в России. «Они почувствовали во мне человека надежного, — рассуждал Еланчук, — хотя я и засветился одновременно с Валентино. Но его ликвидировали, а меня оставили, видимо, законсервируют». Такой вариант Еланчука вполне устраивал.

Он разобрался в системе транспортировки товара. Понял: главная фигура сидит непосредственно в «Стоике», еще более важная персона существует в иной среде обитания. Но об этом

человеке, непосредственно переправлявшем наркотик через западную границу, Еланчук даже не желал и думать. Если Гурова не ликвидируют, тот обязательно доберется до этого «перевозчика». Вот это будет номер!

Еланчук знал: представитель «Центра» все еще в Москве. Значит, добраться до Гурова не удастся. Пока сыщик жив, не может шелохнуться и человек мафии, работающий в «Стоике», стало быть, наркотик не передан по цепочке, а временно захоронен здесь, в Москве. Еланчук относился к Гурову двойко. С одной стороны, сыщик раздражал, казался фанатиком, коих гэбист презирал. С другой — Гуров ассоциировался с бойцом-чемпионом, который дерется до конца, до крови и свое дело выполняет классно.

Еланчук вздохнул. Понимал, если Гуров уцелеет, то придет и его, бывшего гэбиста, черед на ринге. Однако — он усмехнулся — не скоро. Уж очень много на пути сыщика преград.

Гарик Загранян заведовал мастерскими, где собирали и освежали лаком прибывающую из Вьетнама мебель. Последний месяц Загранян постоянно летал в Ереван, пытаясь перевезти в Москву престарелых родителей. Гуров, проверив Заграняна, потерял к нему интерес. Но вскоре пришел к выводу, что напрасно сбросил армянина со счетов.

Крячко в офисе появлялся редко, полученное от Гурова задание требовало разъездов. С шефом сыщик встречался ежедневно, Юдин ни о чем Гурова не спрашивал, понимал: как появятся новости, так и расскажут. Но напряжение последних дней все же сказалось. Когда утром Гуров заглянул к нему в кабинет поздороваться, Юдин сорвался:

— И долго так будет продолжаться? Я по наивности полагал, что служба безопасности обеспечивает покой и безопасность.

— Настоящий бизнесмен не имеет права срывать свое плохое настроение на подчиненных. Какого ты мнения о Заграняне?

— Ты уже спрашивал. Повторяю: он отличный специалист и кристальной чистоты человек. Так что выбрось его из головы.

— Я по твоему совету все повыбрасывал. — Гуров сел в отдалении за стол для совещаний. — Остался с пустой головой. Сейчас по третьему кругу перебираю твоих умных, порядочных, кристально честных, главное — оставшихся в живых. Меня интересует Гарик Загранян.

— Интересуйся, профессию ты выбрал сам, — холодно ответил Юдин. — Он вечером мне звонил, сейчас должен объявиться.

— Благодарю, шеф. — Гуров прошел к двери, церемонно поклонился.

— Елена, Загранян не появлялся? — спросил он, выходя из кабинета.

— Звонил, сейчас будет, — ответила секретарь, продолжая печатать на компьютере.

— Попросите его заглянуть ко мне.

— Обязательно, — улыбнулась Елена.

Гуров прошел в свой кабинет и тоже сел за компьютер посмотреть досье на Заграняна.

Вскоре, постучав для проформы, объявился и Загранян.

— Здравия желаю, господин полковник! — сказал он весело. — Вопрос третьей степени или сначала можно выпить кофе?

— Если приготовишь, то сможешь выпить.

Обычно хмурый и молчаливый, постоянно озабоченный либо плохими вестями из Армении, либо свалившимися на его голову беженцами, сегодня Загранян был весел и говорлив.

— Если это — кофе, значит, я — китайский император! Мой дед сидел во дворе и варил кофе. — Он тяжело вздохнул. — О том, что дедушка варит кофе, можно было узнать, свернув с улицы в переулок, за пять домов до нашего. Господин полковник, если вы не пили кофе, сваренный на Кавказе, вы не знаете даже вкуса кофе.

— Ты армянин, родившийся в Ереване, а говоришь, как еврей из Одессы, — улыбнулся Гуров, хотя настроение у него было отвратительное.

— А-а, какая разница, дорогой? — Гарик поставил перед Гуровым чашку кофе. — Что хочешь спросить?

— Спрошу. — Гуров опустил плечи, расслабился. — Выпей плохой кофе спокойно, мои вопросы тебе испортят настроение.

— Я не дам вам слова, что разговор останется между нами! — Егор Крупин нагнул голову и стал похож на приготовившегося к атаке ежа. — С какой стати я должен что-либо обещать?

Гуров с недоумением посмотрел на коммерческого директора.

— Я не сказал «должен». — Он достал сигареты, начал искать зажигалку. — Я лишь прошу. А вы вправе отказаться...

— Простите, Лев Иванович, нервы. — Крупин тоже взял со стола пачку «Мальборо», вытряхнул сигарету. — Включишь телевизор, развернешь газету, даже на работу придешь — и везде убийства! С ума можно сойти!

— Я ничего не говорил об убийствах. — Гуров пожал плечами. — Лишь спросил, могу ли я рассчитывать...

— Можете! — перебил Крупин. — Ставлю десять против одного, что вы заговорите об убийстве.

— Выкладываете вашу ставку, Егор. — Гуров постучал по столу. — Я хочу вас спросить о событиях, которые произошли накануне убийства.

— Накануне или на следующий день, но убийство присутствует!

— Не мелочись, Егор, — усмехнулся Гуров. — Мы с тобой уже беседовали о том, что накануне убийства бухгалтера ты столкнулся с ним на складе готовой продукции.

— Чуть, не было такого разговора!

— Возможно, — легко согласился Гуров. — Значит, такой разговор у меня состоялся с кем-то другим. Я ведь не веду протокол, мог и спутать. Суть в другом. Насколько мне известно, склад готовой продукции соседствует с производственными мастерскими. Так?

— Ну?

— Ты не видел в тот день Заграняна?

— Не помню, возможно. Почему бы вам не спросить у самого Гарика, где он находился в тот день?

— Спросить можно...— Гуров посмотрел в глаза Крупину, выдержал паузу.— Убедительно прошу не говорить Заграняну, что я задал тебе этот вопрос.

— Если бы вы сами не обратили мое внимание, я бы забыл о нем через пять минут.

— Возможно. Я только сейчас беседовал с Заграняном, и он видел, как я прошел к тебе. Вдруг поинтересуется, о чем мент спрашивал. В общем, о моем вопросе ты забыл.

— Договорились. Однако странно, Лев Иванович, прошло столько времени...

— Всего десять дней.

— Более чем достаточно, чтобы выяснить, кто и где находился в тот день.

— Выяснили,— значительно произнес Гуров.— Получаются некоторые противоречия. Один человек утверждает, что Загранян примерно в восемнадцать часов что-то выносил из мастерских. Вот я и подумал, может, ты тоже видел?

— Нет. И что можно тащить со склада? Плетеную мебель? Даже армянин на такое не способен.

— Не мебель. Какой-то тюк или чемодан, человек не разглядел.— Гуров поднялся.— Помнится, после убийства бухгалтера ты чуть не в драку лез, а сейчас равнодушный. Странно.

Крупин смутился:

— Я подумал: если убили главного бухгалтера, то не обойдут вниманием и коммерческого директора. И я испугался. Гришу жалко, и не более того. Меня, коммерческого директора, это не касается.

— Вы считаете, что убили Григория Байкова, а не юриста «Стоика»?

— Дураку ясно, убийца был из Гришиных приятелей.

— Ошибаетесь. Убили именно юриста «Стоика».— Гуров вышел из кабинета и направился в приемную.

Впервые за последние дни Гуров сел напротив Елены, посмотрел в ее прозрачные глаза.

— Ну, как жизнь, Елена Владимировна?

Она на мгновение опешила, но быстро взяла себя в руки, ответила спокойно:

— Великолепно, Лев Иванович. А как у вас?

— У меня так просто здорово! Сожалею, но должен сообщить вам пренеприятнейшее известие.

— Такова ваша профессия.

Гуров на колкость не ответил, лишь вздохнул. Разговор складывался совсем иначе, чем он планировал.

— Дорогой Лев Иванович,— мягко произнесла Елена.— Вы подошли, желая восстановить дружеские отношения. Я согласна. Предлагаю забыть о недоразумениях, начать сначала.

— Вы очаровательны, Леночка.— Гуров благодарно улыбнулся.— Я приглашаю вас на ужин. Завтра, сразу после рабочего дня.— И он назвал ресторан, расположенный в тихом переулке.— Я человек несколько старомодный и консервативный. Ре-

сторанчик скромный, без громкой музыки. Кормят вполне прилично.

— Приятно. — Елена протянула руку для поцелуя, покраснела и добавила: — Одна просьба: попытайтесь настроиться таким образом, чтобы я видела перед собой мужчину, а не воина.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ловушка

Ровно в одиннадцать Федор Ивлев зашел в телефонную будку, набрал номер, произнес пароль. Приняв сообщение, вышел и остановил проезжавшую мимо «Волгу». Услышав адрес, водитель присвистнул и произнес:

— Как платишь?

— Сколько выговоришь, — ответил Федор, усаживаясь на заднее сиденье.

Можно было не торопиться и не лететь в ночь через всю Москву, а поехать завтра с утрачка и осмотреться. Но он слишком долго ждал, не терпелось взглянуть и убедиться, что место ему определили подходящее.

Отпустив машину, не спеша прошел по переулку, выяснил, куда он выходит. Метрах в пятидесяти от дверей ресторана на противоположной стороне стояла покосившаяся бытовка, рядом с ней громоздился застывший цемент, валялись куски ржавой проволоки, бывшей некогда ограждением. Киллер дернул хлипкую дверь, убедился, что она заперта, и достал из кармана обычный перочинный нож. Осложнения с замком вызвала лишь ржавчина, въевшаяся в металл. Преодолев сопротивление, Федор открыл заскрипевшую дверь. В лицо пахнуло мочой, пылью и прочей мерзостью. Он вынул из кармана фонарик, осветил грязный пол, пустые ящики, служившие бывшим владельцам столом, стульями, возможно, кроватями, сел на один из них, погасил фонарь, выждал, пока глаза привыкнут к темноте, и приник к окну. Вход в ресторан просматривался отлично. А машину можно приткнуть вплотную к бытовке, носом в сторону проспекта, рассудил он, несколько секунд — и в потоке машин сам черт не разыщется, тем более никто и искать не будет.

Он запер бытовку, вновь прошел переулком, прикидывая, во сколько завтра сюда приехать, что взять с собой, не забыть масленку, смазать ржавый замок, а то в нужный момент он как раз и не откроется.

Гуров ночевал не дома. На работу приехал позже обычного, не бритый и не в параде. Здраваясь с Еленой, в ответ на ее недоуменный взгляд подмигнул, постучал пальцем по часам:

— Все на контроле. — И прошел в кабинет, где уже кофейничал Крячко.

— Какой-то ты не такой, — сказал тот, глянув на друга. — Словно бывший в употреблении.

— Станислав, ты работаешь в солидной организации, пора забывать уголовные шуточки, покрываться хотя бы тонким сло-

ем цивилизации. — Гуров обошел стол, опустился в свое кресло, крутанулся.

— Я покрываюсь, а она, твоя цивилизация, от меня отколушивается, — ответил Крячко и без всякого перехода продолжил: — Платят тут, как и не снилось, однако отсутствие премиальных обескураживает, стимула не вижу. А какие премиальные в МУРе были? Мечта! Трех разбойников задержал, четвертого — тебе.

— Умолкни. — Гуров снял трубку, набрал номер Орлова, услышав знакомое бурчание, быстро заговорил: — Здравия желаю, господин генерал! Надеюсь, я не ворвался на совещание?

— Надейся, — ответил Орлов довольным тоном.

— Ваше хорошее настроение — залог нашего успеха, господин генерал. У меня тут вчера объявился один человек, неплохо бы его допросить.

— Если каждый начнет беспокоить начальника Главка по поводу допроса человечков, я сойду с ума. — Орлов после длинной фразы тяжело вздохнул: — Фамилия?

— Гуров.

— Не твоя, нахал! Фамилия человечка!

— Загранин Георгий Аванесович, — продиктовал Гуров, зная, что Орлов записывает.

— Который работает в вашей шарашке в мастерских? Его допрашивали и оперативники, и следователь.

— А если еще разок? И не опера, не холодная прокуратура, а вы, господин генерал, лично?

— Глупости. Я не допрашиваю.

— Знаю. Тогда побеседуйте.

— Делать мне нечего! Приглашу!

Услышав отбой, Гуров положил трубку.

— Тебе шлея под хвост попала? — удивился Крячко.

— Станислав, свози меня домой, ужасно хочется прокатиться на «мерседесе». По дороге расскажу, какая шлея куда попала. А ты мне поведаешь, какого ты золотого свидетеля разыскал.

— Какого свидетеля? — удивился Крячко. Увидев, что Гуров уже натягивает плащ, взял свою куртку, пошел следом.

— Того свидетеля, который натолкнул тебя на рваческие помыслы о премиальных.

Они вышли на улицу, привычно огляделись.

— Лучше иметь кровавый мозоль и геморрой одновременно, чем одного друга — гения! — Крячко открыл машину. — Вы, как большой начальник, предпочитаете сидеть сзади?

— Обязательно. — Гуров устроился на заднем сиденье. — Так какой у тебя свидетель?

Крячко повернулся к нему:

— Я нашел человека, который видел, как некто вошел в квартиру юриста Байкова около семнадцати часов, то есть непосредственно перед убийством.

— И ты молчишь о главном, несешь ахинею о премиальных? — возмутился Гуров.

— Беру пример с тебя. — Крячко изо всех сил старался казаться равнодушным и спокойным. — Ладно уж, скажу, — смилости-

вился Станислав. — Ты абсолютно прав. Мария Ивановна видела, как он вошел.

— Значит, докажем. — Гуров откинулся на сиденье, после паузы спросил: — А что на вокзале?

— О вокзале ты лучше молчи. Молчи, и я не трону тебя.

— Хорошо, я молчу, а ты продолжаешь работать. Поехали ко мне, надо побриться, переодеться...

Крячко тронул машину, насупился. Гуров потрепал его по плечу.

— Смешной ты, Станислав, сил нет. Неужели я не понимаю, только профессионал высшего класса способен получить показания от человека, который уже и оперативникам, и следователю прокуратуры заявил, что ничего не слышал и не видел.

— Ну и похвалил бы, язык не отсохнет.

— Похвала, Станислав, это всегда сверху вниз, а мы с тобой равные партнеры и цену себе отлично знаем. Ты большой молодец, только не расслабляйся.

— Плюнь через плечо.

— Не могу, здесь обивка слишком дорогая.

Он приехал к ресторану загодя, машину не приткнул к бытовке, как собирался, оставил в самом конце переулка. Если Гуров такой опытный, то никакой машины неподалеку находиться не должно. Март заканчивался, снег часто сменялся дождем, тротуар бугрился толстым слоем льда. Гуров, если не передумает, придет примерно в половине седьмого, когда начнет смеркаться, скоро появятся прохожие, с работы большинство возвращаются именно в это время.

Федор Ивлев подошел к бытовке, смазал замок и дверные петли, вернулся на людный проспект, перешел на другую сторону. Попытался наблюдать за въездом в переулок, но мешал поток машин, и Федор заскочил в маленькое уютное кафе. Съел салат, тушеное мясо, затем, не торопясь,пил кофе. Вновь проверял последовательность своих действий.

Ресторанчик Елене понравился. Маленький, позже она поняла, что такое ощущение обманчиво, облицованный темным деревом, верхний свет приглушенный, на каждом столе изящная лампа и свежая роза в вазе. Оркестр в глубине эстрады почти не слышен.

Елена опустила в придерживаемое Гуровым кресло, включила настольную лампу. Взяв из вазы розу, поднесла к лицу и взглянула на сыщика с благодарностью, словно получила цветок из его рук.

— Спасибо огромное. — Она вернула розу на место. — Есть предложение.

— Согласен!

— Давайте напьемся! Не надо шампанского, закажите водку.

— Две двойных водки, — сказал Гуров подошедшему официанту. — И тоник. Мы выпьем, потом начнем изучать ваше меню.

Официант принес водку, тоник, принял заказ и удалился. Гуров поднял рюмку.

— Можете считать меня пошляком, но за любовь! И перейдем на «ты»!

Они выпили одновременно. Елена опрокинула рюмку по-мужски, поставила на стол, смахнула мизинцем слезинку и сказала:

— А целоваться?

— Обязательно! — Гуров рассмеялся. — Я зацелую тебя, девочка! Не сомневайся!

Убийца подцепил ножом уцелевший в одном из оконцев кусочек стекла, выбросил, протер раму ветошью. Из пустых ящиков сложил баррикаду высотой по грудь, сверху набросил подобранный с пола разорванный ватник. Затем взял стоящую в углу уже собранную винтовку, приник к оптическому прицелу. Осторожно повел стволом, «подцепил» «Жигули», на которых приехал сыщик. Затем сел на ящик, вынул из кармана термос с кофе.

Мент с бабой приехали сорок минут назад, убийца приготовился ждать не меньше часов двух. Но всякое бывает, а вдруг мент выйдет раньше. Убийца поднялся, облокотился на свою баррикаду, позиция была очень удобная. Света от уличных фонарей и неоновой рекламы ресторана вполне хватало, чтобы отлично видеть и вход в ресторан, и машину Гурова.

Он услышал шум приближающихся машин и насторожился. Подлетевшая «Волга» резко затормозила, ее прижал «жигуленок» ГАИ. Началась знакомая любому автомобилисту сvara.

Если именно сейчас мент выйдет, то все сорвется. Но разборка закончилась мгновенно. Гаишник махнул жезлом, видно, ребята в «Волге» оказались при деньгах и жадностью не страдали, и обе машины, взревев движками, умчались. Наступила тишина. Внезапно убийца почувствовал руку на своем правом плече. Он взглянул на лежавшую перед ним винтовку, попытался шевельнуться и услышал над головой голос:

— Это вряд ли!

Гуров легко отодвинул убийцу в сторону и отвесил ему такую затрещину, что Федор пролетел до противоположной стены, ударился затылком и сполз на пол.

Дверь бытовки распахнулась, два сильных фонаря осветили помещение. Гуров рывком поднял Федора Ивлева, поставил на ноги, вновь отвесил пощечину. Не кулаком ударил, а хлестанул ладонью. Перед глазами Федора поплыл туман, на губах запузырилась кровь.

— Телефон! Номер, по которому ты звонил! Быстро! — Гуров притянул убийцу вплотную, заглянул в глаза. — Я не буду считать до трех, убью мгновенно.

Федор Ивлев, наемный убийца, лишивший жизни не одного человека, никогда не задумывался, как выглядит смерть, и вообще имеет ли она свое лицо. Сейчас ее увидел и, торопливо сглотив кровь, прошептал номер. Гуров еще раз встряхнул убийцу:

— Не слышу! Быстро!

Ивлев повторил номер. Гуров подвел убийцу к двери, толкнул на руки оперативников, которые несколько минут назад разыгрывали спектакль с гаишниками, отвлекая внимание киллера

и давая возможность сыщику, вышедшему из ресторана через заднюю дверь, подняться в бытовку.

— Винтовочку не забудьте, иначе гражданина придется с извинениями отпустить. — Гуров одернул пиджак, поправил галстук.

— Обижаете. — Оперативник собрался в прыгнуть в бытовку, но Гуров преградил путь.

— И чем ты собираешься винтовочку хватать?

Молодой опер смутился, сыщик прошептал слова, которых обычно не употреблял, и направился к ресторану.

Елена сидела за столом, подчеркнуто выпрямившись и вздернув подбородок. Она стремилась выглядеть независимой и гордой.

Расположившийся напротив Крячко разыгрывал из себя беззаботного рубаху-парня, подсевшего поболтать к знакомой.

— Сейчас он вернется, сказал, пятнадцать минут, значит, пятнадцать. — Он бросил взгляд на часы, облизнул пересохшие губы. — Каждого человека, Леночка, тем более Гурова, следует принимать в упаковке со всеми прибабахами. Это же человек, не универсам: мне нравится — возьму в корзинку, не нравится — отложу в сторону. Я его терплю чуть ли не сто лет, умел бы плакать, так порой рыдал бы, как ребенок.

— Думаете, за него переживаю? — Елена закурила, крепко, по-мужски, затянувшись. — С такими ничего не случается. Я по себе плачу. Если девочка в тридцать лет дура, такой и помрет. Я поверила. А он... Просто использует меня как ширму, обдывая свои делишки.

Крячко стиснул зубы, по скулам заходили желваки.

— Я не психолог, но случаются профессии, которые захватывают человека, превращают в своего раба. Композитор, художник, писатель не способны сунуть свое «я» под подушку и отправиться с дамой в ресторан. Мелодии, цвет, образы такой человек таскает с собой, как горбун таскает свой горб.

— А мент таскает пистолет и наручники. Значит, и в баню он пойти не может. — Елена криво улыбнулась, лицо ее стало некрасивым, злым. — Композитор! Художник! Чужь собачья! Вы бы еще Эйнштейна приплели.

— Виноват, я в образном мышлении не силен. — Крячко вновь взглянул на часы. — Кстати, в отношении бани. Сыщик туда пистолет, конечно, не потащит... Но и там рот не развязывает...

— Где ты такое слово откопал? — Гуров сел рядом с Крячко. — Прошу меня извинить.

— Все? — спросил Крячко.

— Обязательно, — кивнул Гуров. — Человек прибыл вовремя, даже телефончик сообщил. — Он подмигнул Елене.

— Дай выйти! — Крячко, оказавшийся прижатым к стене, пытался встать. — Ты меня, начальник, жуликов и убийц заставляй охранять. А то сплошная трепка нервов!

— Все? Дружно выдохнули, заговорили о любви и дружбе! Елена, я не виноват, так получилось...

Елена, как большинство женщин, умела слушать только себя, поэтому взглянула презрительно.

— Лев Иванович, значит, данный кабачок вы выбрали не потому, что он прелестен...

— Стоп, девочка, мы пили на брудершафт! — перебил Гуров. — Фарш обратно проверить нельзя, так что терпи.

— И не подумаю. — Елена взяла свою сумочку, хотела подняться, но Гуров оказался быстрее. Пересев со своего места, устроился рядом с ней, сумочку отобрал, передал через стол Крячко.

— Держи, здесь наше с тобой спасение.

— Ты мне дело не вяжи, начальник, — буркнул недовольно Крячко. — Мне своего хватает.

Гуров налил себе солидную порцию водки. Напряжение последних часов сказалось, выползал страх, который у сыщика всегда появлялся с опозданием.

Он поднял бокал, лукаво улыбнулся Елене и выпил.

— Я не прошу отвезти меня домой, проводите до такси, — сказала Елена.

— Новая экономическая политика такси отменила, оставила частный извоз. — Гуров подцепил вилкой кусок ветчины. — Я начальник службы безопасности фирмы и не имею права рисковать твоей жизнью.

— Ты лицедей. Я не желаю здесь находиться!

— Станислав, ко мне обратились на «ты», что обнадеживает. Но обозвали иностранным словом, что настораживает. Как быть?

Крячко смотрел на друга с восхищением и жалостью одновременно. Какой мужик пропадает! Замазана мадам в деле, не замазана, но стерва она первостатейная. Из всех женщин Гурова только первая жена была нормальной и любящей, остальные, как на подбор, заразы.

— Я говорю совершенно серьезно, Лев Иванович. На такси, на частнике, пешком по гололеду, но я желаю немедленно отсюда уйти, — веско произнесла Елена.

— Печально. — Гуров кивнул Крячко. — Дай-ка сумочку благородной дамы, не желающей сидеть за одним столом с простыми ментами.

Он взял у Крячко сумку, отодвинул тарелки, расчистив место, и неожиданно высыпал содержимое сумки на стол. Крячко даже прикрыл глаза, подумал: а если нет? Если Гуров ошибся, как сейчас будет выкручиваться?

— Ну уж! — Елена попыталась вскочить.

— Нет уж! — Гуров резко усадил ее на место. — Обидеть человека просто, понять труднее. — Ловко перебрал лежавшие на столе предметы, отложил в сторону пудреницу, остальное ссыпал назад в сумку и положил ее на колени ошеломленной женщины. — Станислав, взгляни. — Он подвинул пудреницу через стол.

— Чего смотреть, я тебе и так верю. — Крячко взял пудреницу, облегченно вздохнул. Посмотрел на Елену, пытаясь разобрататься в ее реакции.

— Не гляди на девочку как удав. Втемную ее использовали,

втемную, — усмехнулся Гуров. — И говорю не как влюбленный, а как сыщик-профессионал. Могу подтвердить свои слова несколькими доказательствами, и главное у тебя в руках.

— Ты прав, извини. — Крячко положил пудреницу на стол, подтолкнул Гурову. — Конечно, знала бы, не взяла с собой.

— А если по-русски? — Елена сжала виски. — Можно разъяснить, что происходит?

— В твоей пудренице спрятан «жучок», наши разговоры можно услышать в определенном радиусе.

— Что? — Елена схватила пудреницу. — Отличная вещь, мне подарил ее Борис Андреевич. Надеюсь...

— Надейся, — перебил Гуров. — Борис здесь ни при чем, как, впрочем, и ты.

— Значит, ты копался в моей сумке?

— Мы знали, что разговоры в приемной подслушиваются, но «жучка» там не обнаружили. Вывод напрашивается следующий — кто-то «жучок» приносит и уносит. Я хотел встретиться с одним милым человеком и пригласил тебя в ресторан. — Гуров обвел рукой зал. — Он тебе понравился?

— Все равно это подло, — покраснела Елена.

Гуров зевнул; как обычно, после стресса начинало клонить в сон.

— Мы договорились тот вечер не вспоминать. У нас еще будет время.

— Ты уверен?

— Уверен, — ответил Гуров.

На следующий день утром, не успел Еланчук развернуть газету, как раздался телефонный звонок. Знакомый голос сообщил, что киллер схвачен. Он никого не знал, и пусть его хранит Господь.

— Господь это хорошо, — ответил Еланчук. — Но Гуров вернее.

— Не богохульствуйте. В вашей стране не могут решить простейшего вопроса.

Еланчук чуть было не посоветовал сменить страну, но решил не рубить под собой сук, потому промолчал.

— Просматриваются не все варианты по основному вопросу, возможно, понадобится ваша помощь.

Услышав гудки отбоя, Еланчук положил трубку, взглянул на телефон, как на злейшего врага. Подумал, если им займется компетентные люди всерьез, подобные разговорчики окончатся тюрьмой. У него имелось простейшее устройство, определяющее наличие подслушивающего «жучка», и по утрам Еланчук первым делом проверялся, однако никогда не доверял телефону.

Вчера он зашел в кабинет, который некогда занимал Валентино. Новый директор вел сомнительный разговор по телефону. Еланчук сделал молодому человеку замечание. Парень, вспыхнув, заявил, что у всех бывших совсем крыша поехала на подслушивающих врагах. Еланчук не поленился, принес аппаратик, хотя знал, что покойный проверялся ежедневно. Гэбэшник и не рассчитывал на результат, просто перестраховывался. Каковы же были его удивление и гнев, когда он обнаружил, что

телефон начальника прослушивается. Еланчук извлек «жучок», молча положил его в нагрудный карман сопливого руководителя.

— Минуточку, Юрий Петрович, но данный вопрос в вашей компетенции.

— Тот факт, что вы знаете иностранные слова, меня радует, — ответил Еланчук резко. — Но я не должен бегать за вами со слюнявчиком. У меня была договоренность с вашим предшественником, что данный кабинет вне поля моей деятельности. Где ваш предшественник?

Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Сказались годы выучки, так как в сердцах хотелось дверь разнести в щепки. Ясно, подслушивание установлено еще при живом Валентино. Кто приклеился, вот в чем вопрос? Продолжает прессинговать Гуров или начинают виснуть бывшие коллеги?

Еланчук вызвал охранника. Когда Живолуб прибыл, спросил: — Как служба, не давит? Может, мы с тобой перерабатываем? — Он понимал, что ведет зряшний разговор. Здоровенный амбал хорош в рукопашной, но никуда не годный советчик. — Ты знаешь, когда наши хозяева уходят, они всегда жгут мосты?

— Извините, шеф, валийте проще. — Охранник смотрел исподлобья. — Хотите сказать, что нас собираются ликвиднуть?

Живолуб ткнул в болевую точку. Именно об этом и думал гбэшник. Валентино убрали, он, Еланчук, никакого задания не имеет. Ежедневные звонки, абсолютно не профессиональная встреча в баре «Интуриста». Да ведь его, старого гбэшника, элементарно засвечивают. Затем ликвидируют. Успокоят спецслужбы, а сами затаятся, станут выжидать. Для Организации Еланчук, тем более парень, сидящий напротив, не фигуры. Пешки. Ими можно легко пожертвовать. А глубоко законспирированный в «Стоике» человек, принимающий товар из Вьетнама, и канал, по которому наркотик переправляется из Москвы в Европу, останутся.

— Глупости в голову лезут, к смерти Валентино привыкнуть никак не могу, — легко солгал Еланчук, решив своего охранника успокоить. — Иди, Виктор, сегодня свободен, мы никуда не едем.

— Как прикажете, шеф.

Откуда у него мысли о ликвидации? Он способен просчитать ситуацию? Вряд ли! Так откуда? Еланчук развернул газету, дважды перечитал заголовок передовицы, отодвинул газету в сторону. Уже вынесен приговор и доведен до исполнителя? Так оно и есть. Куда податься, кто защитит?

Он облокотился на стол и тоскливо посмотрел в окно.

Утро не принесло Гурову сюрпризов, все складывалось по сценарию, «написанному» сыщиком вечером.

Елена встретила его ясным взором, равнодушно протянула руку для поцелуя и повернулась к компьютеру. Все нормально, в фирме работают секретарь и начальник службы безопасности. Вежливые, интеллигентные люди. Поздоровались — и за дело.

Юдин признал, что пудреницу секретарю дарил, но откуда у него она появилась, вспомнить не мог. На настойчивое предложение Гурова поднапрячься, Борис Андреевич лишь указал на

коробки, стоявшие на шкафах, подоконниках и на полу.

— Думаешь, я помню, кто что притащил? Да ты меня хоть убей, не знаю, что здесь запрятано! — Он взял с подоконника фирменную коробку, ткнул в картинку. — Нарисован прибор для... — Начал переводить с немецкого и запутался.

— Ну, извини. Это я от безделья задаю тебе дурацкие вопросы, — раздраженно сказал Гуров и направился к себе.

В кабинете сыщика уже поджидал Крячко.

— Здравствуй, Лев Иванович. Надеюсь, ты не ждешь толкового от номера телефона, который выбил из киллера?

— Здравствуй! Нет, Станислав Васильевич, ничего толкового не жду. Но если имеется один шанс из ста, мы обязаны его отловить.

— Телефон установлен в общей квартире, где контингент меняется чуть ли не ежедневно, так как дом подлежит сносу, уже отключили воду.

— В МУРе работают классные сыщики! Надо же, по номеру телефона определили состояние дома и даже про воду разузнали.

— Винтовку отстреляли, пулю идентифицировали, доказано...

— Станислав! — перебил Гуров.

— Мое дело доложить. — Крячко сделал вид, что обиделся. — Арестованный водворен на больничную койку. Изображает беспомощность. Врач установил сотрясение мозга средней тяжести.

— Шею следовало качать, а то у него от пощечины голова болтается, как у Пьеро.

— Минуту назад звонил генерал Орлов. — Крячко потер нос и почесал в затылке, изображая генерала. — Сказал, что сработано крепко, на совесть. И он рад, что частные детективы не забывают альма-матер, трудятся в контакте.

— Есть контакт! — Гуров хотел обойти стол, занять свое место.

— Ты понимаешь, что мы не правы? Раньше радовались каждой удаче, даже мелочевке. Вчера завершили отличную операцию. И задумана по классу, и выполнена, слов нет. Мы обнялись? Мы такие крутые парни? Если человек не умеет радоваться или стесняется признать, что нервничал, это очень плохо.

— Мы молодцы! Ты, Станислав, умница, а я — так просто гений! И не стесняюсь признать, когда открыл дверь бытовки, струхнул, но совладал. А мандраж меня достал позже. Станислав, давай обнимемся и всплакнем!

— Какую песню испортил! — Крячко рубанул рукой. — А мадам, что сидит в приемной, ты забудь. Она тебя не стоит!

— Эту забудь, ту не вспоминай. Так и живу. Ладно, празднования окончены, наступают унылые будни. — Гуров поднялся, обошел стол, уселся в свое кресло. — Наш армянин не появлялся?

— А чего ему здесь делать? У него мастерские, он должен работать.

— Должен или работает?

— Проверить?

— Не стоит, надеюсь, он скоро объявится. Петр, конечно, к себе Заграняна не приглашал, но в прокуратуру шеинул

обязательно. Человек должен разволноваться, узнать, кого еще вызвали.

— Ты похож на депутата, пекущегося о народном благе и не имеющем понятия, как человек живет, чего хочет.— Крячко покачал головой, вздохнул.— Стоит какому господину на ступенечку подняться, конец, разрыв нити. Ты полагаешь, машина закрутилась? Пусть генерал твой лучший друг, но что, сразу бросился названивать? Пока Петр соединился со следователем прокуратуры, пока чиновник мусолил свой поминальник, выскивая дырку, в которую нашего Заграняна можно засунуть. На все нужно время! Как ты говоришь — хватай мешки, вокзал отходит!

— Кстати, о вокзале,— улыбнулся Гуров.— Ты мне порядком надоел, мотай на Белорусский, разбирайся с носильщиком.

— Когда я пахал в МУРе и был начальником отдела,— начал философствовать Крячко, надевая куртку,— то никогда не позволял себе разговаривать с подчиненными в подобном тоне.— И уже на пороге закончил: — А еще интеллигент!

Крячко был человеком многоопытным, но в своих предсказаниях о медлительности чиновничьей машины ошибся. Генерал Орлов крутанул колесо с такой силой, что оно завертелось пропеллером.

Уже в три часа дня Гарри Загранян появился в офисе и скрылся в кабинете коммерческого директора.

— Привет, Егор! — Загранян поднял руку.— Тебя в прокуратуру вызывали?

— Здорово, Гарик, присаживайся. Обожди, сейчас закончу.— Крупин работал на компьютере.— Тут у меня концы с концами не сходятся.

Когда через несколько минут хозяин выключил компьютер, Загранян, утонувший в низком кожаном кресле для гостей, неуверенно сказал:

— Да я так, без дела зашел.

— Как в Ереване? — спросил Крупин.— Старики здоровы?

— В Ереване плохо, старики здоровы, скоро перевезу.— Загранян выбрался из кресла, взял со стола сигареты, закурил.

— Утром звонил тебе, искал, хотел спросить.— Крупин открыл лежавшую перед ним папку, перелистал.— Памяти никакой!

— Я с утра в прокуратуре был,— нехотя ответил армянин.— Тебя снова не вызывали?

— А чего им нужно? Бумаг побольше в папку насовать и побыстрее дело закрыть. Преступник не найден, ждите... Ждите... Ждите! На Гришу всем наплевать. Ну, скажи, Гарик, кому мешал Гришка Байков? — Крупин развел руками.— Какие с ним могут быть разборки? Со мной еще куда ни шло, я коммерческий директор, могу и на мозоль наступить. Даже с тобою возможно...

— Не говори! — Загранян махнул рукой.— Тут один человек приезжает, говорит, ты мебель изготовить можешь? Я отвечаю...

— Гарик, ради Бога! — Крупин перекрестился.— У меня та-

ких визитеров... Так что в прокуратуре? Они хоть как, зацепились?

— Егор, ты все путаешь! — вспыхнул Загранян. — В прокуратуре не отвечают, в прокуратуре задают вопросы. Следователь в меня вцепился, понять не могу...

— Гарик, другим голову морочь, прикидывайся недоумком, а я тебя знаю.

— Зачем обижаешь? — Загранян пошел к дверям. — У меня подписку о невыезде взяли.

— На каком основании? Тебя в чем-то подозревают?

— Дорогой, я тебе сказал, в прокуратуре только задают вопросы... — Загранян вышел.

Крупину вспомнился недавний разговор с «особистом» Гуровым. Коммерческий директор начал размышлять. Он знал, что подписка о невыезде на сегодняшний день — первый звонок. Если вчера сразу сажали, то сегодня берут подписку. Интересно, что прокуратура откопала?

Гуров бесцельно расхаживал по своему кабинету. Он ждал, будь все проклято! Прекрасно понимал, что убийца Григория Байкова тоже выжидает, хочет разобраться, что известно прокуратуре, сыщику Гурову, и насколько это серьезно? У него на руках наркотики, которые следует передать по инстанции. Убийца не двинется с места, пока не убедится, что не находится в поле зрения розыскников. Необходимо заставить его сдвинуться с этого места, начать действовать. Как? Самый верный способ — успокоить, отвлечь. Но существует и прямо противоположный прием — напугать. Например, напугать возможностью ареста. А он моментально сообразит, что если его арестуют по подозрению в убийстве, а наркотик не уйдет, будет храниться в тайнике, то наркомафия достанет его и в следственном изоляторе.

Гуров ждал реакции на свои действия, убийца должен себя проявить, что-то предпринять.

Зазвонил телефон. Сыщик заставил себя не схватить трубку сразу. Обошел стол, опустился в кресло, лишь потом неторопливо снял трубку и произнес:

— Слушаю.

— Лев Иванович? — осведомился мужской голос. — Мне необходимо срочно с вами встретиться.

— Ну если необходимо и срочно, назначайте время и место. — Гуров клял себя последними словами, но вспомнить, когда и где слышал этот голос, не мог.

— Я говорю из автомата, неподалеку от того места, где унал пьяный, а люди поленились его поднять.

— Я могу туда подъехать через тридцать минут. — Гуров облегченно вздохнул.

— Лев Иванович, надеюсь, вы будете один.

— Обязательно.

— Тогда жду.

Гуров надел плащ, запер кабинет и быстро вышел на улицу. Крячко уехал на «Жигулях», не хотел у вокзала оставлять

«мерседес»: могут угнать. Так что Гурову пришлось сесть за руль «мерседеса».

Когда звонивший сказал «упал пьяный, а люди поленились его поднять», сыщик понял, что звонит Еланчук, напоминая, как упал на улице Чехова ныне покойный Байков.

Они прогуливались по аллее на Воробьевых горах, молчали. Гуров курил, Еланчук вертел в руке сырую веточку. По дороге он в нескольких фразах объяснил сыщику свое положение. Помощи не просил. Однако его появление и рассказ были достаточно красноречивы и для опытного сыщика пояснений не требовали. Бывший гэбист, ныне член мафии, ждал решения Гурова, так как теперь помочь ему уже не мог никто.

— Поздненько вы обратились, Юрий Петрович. — Гуров понимал, что начал разговор не по-мужски. Между профессионалами говорить вещи очевидные несолидно. — С какой стати я буду рисковать и помогать преступнику?

— Пожалуйста, без комментариев!

— Крови на вас нет?

— Нет. И киднеппинга на мне нет, сделано было за моей спиной. Я лишь помогал вам получить здорового ребенка.

— Обменять, — уточнил Гуров.

— Обмена не получилось, ребенка просто вернули.

— Допустим. Наркотики?

— Прямое соучастие не отрицаю. О моей роли знают два человека. Вы и Живолуб.

— Он человек грамотный, хотя и прикидывается дурачком. Ваша версия, Юрий Петрович, мне нравится. Возможно, так и задумано, ликвидировать вас, сохранить главных фигурантов. Я понимаю все, кроме одного, на кой черт вы мне нужны? Если я вляпаюсь, мне повесят соучастие. А врагов у меня хватает.

Еланчук ничего не ответил, понимал: Гуров ищет выход. Если бы он решил отказать, то и разговора бы не было.

— Ничего обещать не могу, — после долгой паузы произнес сыщик. — Живолуб? Если его взять, он заговорит и вас сдаст. Обязательно. — Гуров почесал седеющий висок. — Если его оставить в покое...

— То он меня убьет, — подсказал Еланчук.

— Вас так просто убить? Принимайте меры предосторожности, вы человек профессиональный.

— Я разработчик, у меня даже нет оружия.

— Одолжить? — усмехнулся Гуров. — Кстати, господин разработчик, вы должны были предвидеть, что некто Гуров вам может понадобиться, почему не предупредили?

— Я узнал о киллере одновременно с вами, лишь после смерти Валентино, — ответил Еланчук. — Как вам удалось его выявить и взять?

Гуров напряженно думал, можно ли с наименьшим риском для себя сохранить и использовать бывшего гэбиста.

— Как выявил, не скажу, а взял обыкновенно, руками. Или вы умеете брать иначе?

— Я никак не умею.

— Человека Организации, окопавшегося в «Стоике», вы не знаете. Канал пересылки наркотика через западную границу не знаете. Кто убил юриста Байкова, вы тоже не знаете. Так зачем же вы мне нужны?

— Я имею связь с представителем Организации в Москве. Подумайте, Лев Иванович, как данную связь можно использовать.

— Я думаю, а вы мне мешаете.— Гуров кивнул в сторону «мерседеса». — Пошли, а то простудимся.

Они сели в машину, Гуров включил мотор и печку, скоро стало тепло.

— Виктор Живолуб работал у нас, позже — у вас. Изображает дурачка, но парень непростой,— задумчиво произнес Гуров.— Его следует обесточить и не только потому, что угрожает вашей драгоценной жизни. Он мне мешает.— Сыщик рассуждал вслух, словно находился в машине один. Неожиданно, без всякой связи со сказанным, спросил: — Давно вы завербовали Елену?

— Елену? Завербовал? — Еланчук удивился.— Вы с ума сошли! — Понял, что Гуров не поверит, и торопливо продолжил: — Она ближайшая подруга моей жены. Трудно поверить в подобное стечение обстоятельств...

— Трудно,— перебил Гуров.— Я и не верю.

— Я бы тоже не поверил,— согласился Еланчук.— На работу в «Стоик» устроил Елену действительно я. Но она ничего не знает. И вы напрасно подумали, что ужин в «Дели» и наша последующая встреча были мною подстроены. Я встретился с Еленой по просьбе жены, дела семейные. Мне и в голову не приходило, что вы за ней можете наблюдать. А в тот вечер, когда Елена заехала на полчаса к жене, я, узнав, что у вас свидание, подговорил Елену позвонить и предложить заехать. Хотел проводить Елену до машины, «познакомиться» с вами, доказать, что тоже не лыком шит. Можете не верить, только все именно так и было.

Гуров закурил, откинулся на сиденье.

— Я вам ничего не обещаю. Дальнейшее зависит от нашего с вами ума и везения.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Белорусский вокзал

Гуров высадил Еланчука у метро «Университет». Поехал к своему дому и, хотя считал, что опасаться ему в данный момент нечего, машину оставил в Мерзляковском переулке, прошелся по бульвару. Поднявшись на два этажа выше, чем следовало, он спустился по лестнице, осмотрел дверь квартиры. Убедившись, что все в порядке, вошел и, не доверяя замкам, заперся на массивную щеколду.

Мысль обратиться за помощью к Шалве Гогишвили у сыщика появилась еще на Воробьевых горах, но он ее гнал, уж очень не хотелось вновь пользоваться услугами «авторитета». Однако

знал, податься больше не к кому. Поужинав и перемыв посуду, он еще долго расхаживал по квартире, прежде чем опустился в кресло и позвонил. Шалва снял трубку сам, низкий голос и акцент спутать было невозможно, но Гуров, предоставляя «авторитету» возможность от разговора отказаться, сказал:

— Добрый вечер, извините за поздний звонок, можно попросить к телефону Шалву Давидовича?

— Спрошу, — прогудел Шалва, — кто говорит?

— Гуров.

— Лев Иванович? Рад тебя слышать. Не узнал, богатым будешь.

— Я тоже не узнал тебя, Шалва, — слукавил Гуров. — Как здоровье жены, детей?

— Спасибо, хорошо живем, дружно. Как твое здоровье?

— Спасибо, Шалва, Бог милует.

— Да, Бог, да. — Шалва зацокал языком. — Но человек должен и сам заботиться о себе. Слышал, ты ушел от ментов, это верно?

— Верно, Шалва, место сменил, работа осталась прежней.

— Плохо. — Шалва вновь зацокал. — Ты не мальчик, дорогой, надо жениться, растить сыновей. Извини, Лев Иванович, совсем старый стал, советы умным даю. Какие заботы у тебя?

— Ты Витьку Живолуба помнишь? — спросил Гуров.

— Плохой человек, совсем гнилой. — В голосе Шалвы послышалась настороженность. — Он в восемьдесят втором моего друга взял, не было ничего, анашу подсунул. Плохой человек. Он из органов ушел, чего спрашиваешь?

— Витька мешает мне. Помоги, Шалва.

«Авторитет» не отвечал. Гуров догадался, что «Князь», южане любят пышные клички, понял его неправильно, и нарушил паузу:

— Извини, Шалва, я болван, должен говорить яснее. И ты плохо подумал обо мне, «Князь». Я имею в виду лишь убрать в сторону, а не ликвидировать.

Шалва громко вздохнул, заговорил весело:

— Эта жизнь нас совсем покалечила! Понимаешь, дорогой, каждый день слышишь о разборках, смертях, мозги вбок пошли. Я за тебя испугался, за себя, старого, испугался, решил, все — приехали. Если такой человек...

— Хорошо, Шалва, не оправдывайся, извини, что перебил. Ты лишь присоветуй Живолубу уехать на недельку из Москвы.

— Так, так. — Шалва рассмеялся. — Конечно, дорогой, переговорю. Как тебе позвонить?

Гуров дал свой телефон, поблагодарил, хотел сказать, что с него причитается, но промолчал. Такие вещи подразумевались сами собой.

На следующий день Еланчук, как обычно, приехал в офис СП «Витязь» около девяти. Зашел в приемную взять почту и удивился, увидев, что секретарь уже на месте, так как обычно девица появлялась на час позже.

— Доброе утро, Вера. — Он взял стопку газет. — Такой пасмурный, серый день, а вам не спится?

— Юрий Петрович, как жить будем? — Вера вскрикнула.

— А что случилось? — Еланчук присел на стул, почувствовал, вести будут недобрые.

— Вы не в курсе? — Девица прижала платок к покрасневшим глазам. — Ну, да, вы вчера после обеда уехали. Разорились мы, лопнули! Сам, — она кивнула на дверь начальника, — уже распродает машины, факсы-шмаксы, карманы набивает.

— Верочка, успокойтесь, расскажите все по порядку. Я ведь тоже работаю в данной лавочке, мне интересно.

— И рассказать нечего. Вчера после обеда собрал нас этот, — Вера снова кивнула на дверь, — и сообщил, что кто-то был должен нам, мы должны другим, в общем, приветик! Собирайте вещички, разбегайтесь по домам. Обещал чего-то еще подбросить, врет, конечно.

— Он здесь? — спросил Еланчук.

— Как же, дождетесь! Вот пришла спозаранку, поддежуриваю. Вчера, как вышли из этих дверей, так и брызнули в разные стороны! Сейчас ваш амбал звонил, как его?

— Виктор, — подсказал Еланчук. — Живолуб.

— Во-во! Слюнявая свинья! — Девица дернула плечиком, скривилась, видимо, воспоминания об охраннике не доставляли ей удовольствия. — Говорит, передай моему шефу, значит, вам, Юрий Петрович, мол, приболел, в больницу ложусь. Каков? Он приболел?

— Все образуется, — философски изрек Еланчук и прошел в свой кабинет.

Что контору прикроют, Еланчук не сомневался. Почему так быстро? Живолуб скрылся, плохо, очень плохо и опасно. Когда этот будет рядом, спокойнее. Сейчас, видимо, готовится к выполнению задания, то есть ликвидации своего бывшего шефа. Еланчук сел за стол, развернул газету и нервно зевнул. В острых ситуациях он против Гурова пустое место. Впрочем, почему пустое? Труп — вполне материальное мертвое тело. Позвонить? Что сказать? Просить, чтобы Гуров спрятал в подвал, как мешок картошки на черный день? Только без нервов, приказал себе гэбист. Или ты не бывал на грани провала? Случалось. Правда, тогда грозила лишь тюрьма. Он быстро взял себя в руки. Начал просчитывать ситуацию, пытаюсь предугадать, где, как и когда собирается напасть Живолуб.

От этого занятия его оторвал телефонный звонок. Еланчук снял трубку, с удовлетворением отметив, что рука у него не дрожит.

— Добрый день, вас слушают.

— Добрый, хотя и пасмурный, — произнес уверенный, слегка насмешливый голос Гурова. — Ваш ближайший приятель не вышел на работу, так вы не волнуйтесь, Юрий Петрович, человек жив и здоров.

— Он звонил секретарю, сказал, что болен.

— Врет. По моим данным, мужик здоров, сейчас либо пакует чемодан, либо уже уехал из Москвы. Он вернется не раньше, чем через неделю. Кстати, я сегодня тоже улетаю на несколько дней.

— Даже так? — Еланчук замялся. — «Витязь» разорился, и его прикрыли, так что по данному номеру больше не звоните.

— Разорился? Вот беда! Капитализм не только хлеб с маслом, а коммерция не всегда купи-продай, — усмехнулся Гуров. — Я из своего отлета секрета не делаю, кому интересно, пусть узнает.

— Я вас понял. Передам обязательно. Всего доброго.

— Спасибо, счастливо оставаться.

Еланчук некоторое время разглядывал телефонную трубку, затем бережно положил на место, Живолуба выслали из города? Быстро работает Гуров. Как передать дезу, что он улетает. То, что сыщик сообщил дезинформацию, сомнений нет. Никуда он не улетает, выманивает наркотик из укрытия. «Витязь» прикрыл и выбросил на свалку за ненадобностью американец, тут также сомнений нет. Тогда должен позвонить. А если он распорядился о ликвидации и успокоился? Так не бывает, должен получить подтверждение, что приказ выполнен. Нельзя отходить от телефона. Придется ждать.

Звонок раздался лишь в начале пятого.

— Здравствуйте, Юрий Петрович, — услышал Еланчук долгожданный голос и по сильному акценту понял: полномочный представитель Организации сильно взволнован.

— Здравствуйте, рад вас слышать, жду звонка с нетерпением, — быстро заговорил Еланчук. — У меня масса новостей. Начну с плохих. О'кей?

— О'кей!

— Наша контора разорилась, завтра начнут выносить мебель. Я остаюсь без крыши и без денег.

Гэбист умышленно начал с личных дел. Хотел услышать ответ, по которому стало бы ясно — поставили на нем крест или собираются еще сотрудничать.

— Плохо. Вам, русским, надо учиться бизнесу, — ответил американец. — Что еще?

— Лично мне достаточно, — с некоторым вызовом сказал Еланчук. — Заболел мой помощник. Думаю, просто сбежал.

Еланчук, улыбаясь, наслаждался долгой паузой. Представлял, как ошарашен «руководитель», как клянет русских, на которых нельзя ни в чем положиться, сколько денег ни заплати.

— Извините, тут меня отвлекли, — оправдывая столь долгое молчание, наконец проговорил американец. — Плохое вы сообщили. Что хорошего?

— Один человек, который торчит в нашем бизнесе, как кость в горле, сегодня улетает из Москвы.

— Как вы об этом узнали?

По скорости, с которой был задан вопрос, Еланчук понял, информация об отлете Гурова уже прошла.

— Источник надежен, — сдержанно ответил гэбист.

— Пожалуйста, конкретнее, Юрий Петрович. Я хотел бы сам оценить, надежен или нет. Насколько мне известно, у вас такового в «Стойке» просто не существует.

— Мне сообщил об этом секретарь генерального директора.

— Как его имя и откуда знакомство?

— Вы мне не верите? — обиделся Еланчук. — С сегодняшнего дня я безработный. Судя по разговору, вы не собираетесь продлевать мой контракт, соответственно я не должен отвечать на ваши вопросы.

— Юрий Петрович, вы неверно поняли. — Американец испугался, что Еланчук положит трубку. — Ваш контракт безусловно продлевается. Моя настойчивость и вопросы вызваны тем, что ваше сообщение очень интересно, хочется...

— Убедиться, что я не придумал его от скуки, — продолжил Еланчук мысль американца. В подобных словесных дуэлях гэбист был мастер экстра-класса, чувствовал себя уверенно и, добавив в голосе нахальства и нетерпения, продолжал: — Мне интересно, каким образом, если фирма ликвидируется, вы сможете со мной продлить контракт?

— В России могут много, но отменить доллар даже русские не в силах.

— Звучит хорошо, — с сомнением пробормотал гэбист и вздохнул. — Я вам свой источник назвал. Елена Владимировна не агент, не осведомитель, личная подруга моей жены. Я устроил даму на работу, мы встречаемся, перезваниваемся. Не более того. Довольны?

— Вы человек предусмотрительный.

— Профессия. Так когда и где я могу увидеть бумажки, которые не могут отменить даже русские?

— Дайте подумать. — И американец действительно задумался. — Подходите часиков в девять к тому бару, где мы с вами встречались.

— Не пойдет, — категорически ответил Еланчук. — Что хорошо вчера, сегодня уже плохо.

— Хорошо, я позвоню вам на квартиру.

— Согласен. Только планируйте встречу на завтра. В девять вечера мне не объяснить жене, куда и зачем я уезжаю.

— О'кей!

— О'кей! — довольно ответил Еланчук, сожалея лишь о том, что Гуров не слышал, как гэбист блестяще справился с первым заданием.

А для Гурова этот день начался в шесть утра, когда раздался телефонный звонок.

— Извините, Лев Иванович, вы еще почивать изволите? — весело заговорил Крячко. — Если вам требуется документ, я готов собственноручно написать справку, что вы гений.

— Нашел? — Гуров сел в постели, отшвырнул одеяло. — Поздравляю, Станислав! Приезжай, я готовлю завтрак.

Чайник не успел закипеть, а Крячко уже вошел в квартиру. Обнял друга, похлопал его по литым плечам, заглянул в голубые глаза.

— Как ни мучилась, а родила! Это ж надо! Ну и клял я тебя эти дни! Топтался на вокзале из чистого упрямства. И все ждал, когда ты очухаешься и отзовешься.

— Умойся хотя бы. — Гуров подтолкнул Крячко в ванную. — Смотреть страшно.

Станислав стянул мокрую куртку, засаленный свитер. Повесил одежку на крючок в ванной, повернулся к Гурову. Втянув живот, он напряг мышцы, изображая культуриста.

— Хорош, хорош! Где ж ты так извоzilся?

— Я тебя просил, пошли в Рио, а ты вокзал, вокзал! А российский вокзал — это же огромный скотный двор. Только каменный, и скотина в основном пьяная.

Отмывшись, Крячко надел свежую рубашку Гурова, закатал рукава, быстро уничтожил сковородку тушенки с яичницей, зажав в ладонях чашку с кофе, откинулся в кресле.

— Подвиги совершать тяжело, главное — нудно. А рассказывать совершенно нечего. Ходил, сидел, смотрел, разговаривал с людьми о нашей сладкой жизни, приглядывался. Сегодня в пять часов восемь минут я его увидел. Нормальный русский мужик, лет сорока, роста моего, жилистый, хваткий, узнал его сразу, хотя в наших мастерских видел мельком.

— Ошибка исключена?

Крячко не ответил, одарил друга таким взглядом, что Гуров усмехнулся.

— Ладно, не пыли. Давай думать дальше.

— Обожди, дай передохнуть, погарцевать, собой покрасоваться. Как ты угадал связь вокзала с мастерскими? Вот Орлов ахнет! Когда ты нам в тот вечер о своей версии поведал, я решил, что ты умом двинулся.

— Ничего я не угадывал, Станислав. Ты, а не я предположил, что смертельную информацию бухгалтер схватил накануне убийства, и, что дело не в бумажках, тоже ты сказал. Я лишь слушал да складывал, и у меня получилось: покойный встретил на Белорусском вокзале какого-то человека, а на следующий день столкнулся с ним на складе. Я спал, ты работал, честь тебе и хвала!

— Благодарю! — Крячко встал и поклонился.

— Ты решил сразу две задачи, Станислав. Теперь мы знаем, за что убили бухгалтера и юриста.

Крячко удивился:

— Бухгалтер — понимаю, а при чем тут юрист?

— Бухгалтер ведь интересовался телефоном Байкова.

— Но не звонил!

— Звонил и разговаривал. Иначе бы его не убили. Не будем вваливать на себя чужую работу, пусть прокуратура занимается. — Гуров помолчал, приняв решение, решительно добавил: — Но не сегодня и не завтра...

— Башку оторвут! — сказал Крячко.

— Это вряд ли. Мы законопослушные граждане, о своих находках сообщим начальству, пусть генерал Орлов командует. А наш анализ и выводы — наше дело...

— Но показания Марии Ивановны, что она видела убийцу, мы утаили.

— Разговор между людьми не является показаниями, — возразил Гуров. — Откуда ты знаешь, что женщина видела именно убийцу? Твои домыслы, не более. Хватит болтать, Станислав, вперед!

Крячко отправился домой отсыпаться. Гуров поехал в «Стоик». Генеральный директор был уже на месте. Сыщик коротко изложил свою идею.

— Отправить тебя в командировку? — удивился Юдин. — Куда и зачем?

— Ты генеральный директор, решай, куда и зачем можешь направить своего особиста. — Гуров привычно расхаживал по кабинету. — В подробности можешь не вдаваться. Важно, чтобы все знали: особист улетает. Ну, и город определи.

— Понял. — Юдин кивнул. — Иркутск годится?

— Хоть Магадан. Заказывай для меня билет туда и обратно, пиши приказ о командировании, все как положено.

Юдин нажал кнопку внутренней связи.

— Слушаю, Борис Андреевич, — раздался голос Елены.

— Леночка, Лев Иванович срочно отправляется в Иркутск. Узнай, пожалуйста, когда ближайший рейс. Закажи билет туда и обратно. Деточка, распорядись, пусть билет привезут.

— Хорошо, Борис Андреевич.

— Что еще скажешь? — Юдин взглянул вопросительно.

— Мы установили мотив убийств, — нехотя произнес Гуров. — Борис, специфика моей профессии не только в секретности, но и в неопределенности до самого финала. Когда будет конкретный окончательный результат, ты его получишь.

— Борис Андреевич, к вам рвется Егор Крупин, — донесся из динамика голос Елены.

Юдин взглянул на Гурова вопросительно, сыщик кивнул.

— Ну, раз рвется, пусть заходит, — ответил Юдин, и дверь тут же распахнулась, вошел Крупин. — Передохни, Егор! — Юдин указал ему на кресло, протянул руку Гурову. — Желаю удачи, Лев Иванович.

— Благодарствую, Борис Андреевич, — саркастически ответил Гуров, пожимая руку начальника. — Посылайте меня хоть в Рио-де-Жанейро, и обойдемся без теплых слов. Если серьезно, считаю свою командировку и неоправданной, и уж совсем не ко времени.

— Болезнь и грязная работа всегда не ко времени, — сухо ответил Юдин, кивнул, давая понять, что разговор закончен.

Гуров вышел, уселся у стола Елены.

— Ты когда-нибудь была в Иркутске? Нет? Замечательный город. Я тоже не бывал, но чую: увижу там много нового и интересного.

— И не было ничего, а уже прошло. — Елена грустно улыбнулась.

— Ну, почему прошло? — неуверенно возразил Гуров. — Поживем — увидим.

Дверь в приемную приоткрылась, кто-то заглянул. Елена сказала:

— Лев Иванович, информацию о билетах сообщу вам немедленно.

— Благодарю, Елена Владимировна. — Гуров поклонился. В дверях он столкнулся с Заграняном. Тот посторонился, пропустил особиста и вошел в приемную.

Гуров «улетел в командировку» и обосновался на даче Юдина. Дача была не шикарная, но вполне цивилизованная: горячая вода, газ, естественно, телефон, холодильник и телевизор. Сыщик сделал все возможное, чтобы успокоить мафию. Теперь от него ничего не зависело. Если в его ложный выпад и отъезд поверили, то отправят наркотик в Европу. Не поверили, значит, работа проделана зря. Но такое в его практике случалось.

Гуров смотрел телевизор и вспоминал, сколько времени понадобилось ему, чтобы забыть, почему бухгалтер, живя в трехкомнатной квартире, пользовался только одной комнатой. Сам сыщик живет точно так же. Чему же удивляться?

Итак, несчастный бухгалтер, узрев одного человека в двух лицах, удивился, забеспокоился и решил посоветоваться. С кем? Ясное дело, совет ищут у юриста.

Гуров представил, как стеснительный Ситов, сбиваясь и путаясь, объясняет свои сомнения Байкову. Как юрист выпучивает бухгалтера, а затем, вспоминая разговор, передает его своему «приятелю». Так мафия узнала о разговоре. И человеку снесли полголовы, что вполне закономерно. Как закономерно и то, что милая интеллигентная генеральша из квартиры напротив, слышав шаги, подглядывала в глазок. И увидела убийцу.

Все правильно. Все закономерно. И даже то, что, признайся сыщик, что знает убийцу, так не сидел бы сейчас, как медведь в берлоге, не мучился бы сомнениями.

Вести разработку носильщика кустарным способом было невозможно, и Гурову пришлось передать собранный материал генералу. За дело взялся аппарат.

Гуров пил чай, качал мышцы, время от времени разговаривал по телефону с Крячко, Еланчуком и ждал. Работа его бывших коллег на данном этапе состояла из наблюдения и подслушивания. Устанавливалась связь «носильщика» с лицом, отъезжающим за рубеж. «Вел разработку только уголовный розыск или подключили гэбэшников?» — гадал Гуров. Главное, чтобы информация не ушла на сторону. Пока занимаются простыми смертными, возмущаться и вспоминать Конституцию не будут. Если же выйдут на «слугу» народа, то все может перевернуться. За «слугой» не положено наблюдать, тем более прослушивать его телефонные разговоры.

Гуров не сомневался, что на последнем отрезке следования наркотика в Европу Организация использует кого-то из властей предрежущих. Почему везут поездом, а не самолетом, понятно. Сдавать в багаж многомиллионный, к тому же криминальный груз опасно. На несколько часов он остается без присмотра.

Орлов позвонил на исходе третьих суток. Не поздоровался, не поинтересовался самочувствием, недовольно сказал:

— Я бы дал тебе орден, да у меня нету. Твой друг уезжает завтра с Белорусского, пятнадцатый поезд, пятый вагон, второе купе.

— Спасибо, Петр. — Гуров растерялся. Столько ждал, теперь не знал, что ответить.

— На вокзале не появляйся, проводят без тебя.

- Кто он?
- Будто не знаешь... Ты пост сдал, отдыхай.
- Спасибо, что разрешил.
- Конечно, ты поедешь, не удержишься, — вздохнул Орлов.
- Обязательно. Хочу увидеть своими глазами. Такой дорогой друг уезжает не каждый день.

Вот и все. Осталось дожидаться завтрашнего дня. А сейчас надо постараться уснуть. Он выпил большую фаянсовую кружку горячего чая с медом, принял две таблетки снотворного, лег и устал в потолок.

Как и сыщик, Живолуб залег на подмосковной даче. Двое суток без просыпа пил, потом сходил в баньку, пришел в себя, начал думать.

Протрезвев, почувствовал, что время истекло. И на следующее утро на электричке отправился в Москву.

С вокзала он позвонил, признался, что из больницы его выгнали за пьянку. Живолуб знал, в какой момент показать грязные подштанники. Будут ругать, но поверят. Его не ругали, «диспетчер» отнесся к объяснению равнодушно, спросил, когда Виктор закончит работу, имея в виду ликвидацию Еланчука. Непременно выполню, заверил Живолуб, но быстро хорошо не бывает. «Диспетчер» попросил перезвонить на следующий день.

Виктор позвонил. Ему предложили проводить поезд «Москва — Париж», который уходит завтра, присмотреться к пятому вагону. Живолуб не понял.

— У нас в этом вагоне уезжает друг, — терпеливо объяснил «диспетчер». — Нам нужны ваши профессиональные навыки. Проверьте, не провожает ли данный вагон спецслужба.

— Роденьких я узнаю за сто метров против ветра, — похвастался Живолуб.

— Отлично. Проводите поезд, перезвоните, — сказал «диспетчер». — Независимо от результата, получите тысячу. Если ошибетесь... Это будет ваша последняя ошибка.

Живолуб не сомневался, что легко засечет наружку, если таковая появится на перроне. Ментов, оперативников углядеть нетрудно, но если иностранца «провождает» женщина, то можно враз лопухнуться. И цветы, и поцелуйчики, и слезу пустит, сам черт не разберет, бабы — народ хитрющий.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Белорусский вокзал (продолжение)

Состав подали вовремя. Гуров и Крячко подошли к пятому вагону с противоположной платформы, откуда не было посадки. В тамбуре их поджидал проводник. Открыв дверь, тут же запер ее, проводил сыщиков в служебное купе, заторопился в другой конец вагона, откуда уже доносились возбужденные голоса.

Они сели напротив друг друга, сдвинули шторку к центру окна. Разглядывали людей, подходивших к поезду. У пятого

вагона суетилась лишь молодая пара, сопровождаемая носильщиком с горой чемоданов.

— Могли бы для господ сыщиков окно и получше вымыть, — недовольно бурчал Крячко. — А вот и наш извозчик... — Он приглядывался к Депутату.

Депутат был невысок, фигурой плотен. Одет неброско и солидно, как требовал протокол. Выглядел на свои тридцать четыре, держал в руке алые гвоздики и явно не знал, куда их девать. Газетчики и телевидение Депутата не осаждали, уезжал он тихо и скромно. Провожали его молоденькая женщина и двое парней в кожаной амуниции.

— Ни свастики, ни портрета фюрера, никаких прибабахов, — разочарованно произнес Крячко. — К чему бы такая скромность?

— Положение обязывает. Вот будет номер, если я все придумал и никакой носильщик не появится. — Гуров достал сигареты, но не закурил.

Крячко перегнулся через столик, похлопал друга по плечу:

— Носильщик здесь, я его вижу.

— Ты сукин сын!

— Нервы, господин сыщик, в Ессентуки, на воды...

— Стоп! — Гуров схватил Крячко за руку, сжал так, что Станислав чуть не вскрикнул. — Мы же договорились, чтобы служба тут не околачивалась! Кретины, что они вытворяют!

По платформе шли двое мужчин. Они покачивались, изображали пьяных, один размахивал шикарным букетом, что-то весело говорил.

— Не может быть! — прошептал Крячко. — Так плохо быть не может!

Мужчины с цветами прошли мимо вагона, затерялись в толпе. Гуров достал носовой платок и криво улыбнулся.

Живолуб приехал на Белорусский загодя. Прошел через зал ожидания, покурил у входа в кассовый зал. Хотел пообвыкнуться, присмотреться к людям. Некогда, будучи молоденьким опером, он частенько работал на вокзалах. Задерживал карманников, доставлял в отделение спекулянтов, которых в те годы преследовали. О частной собственности и мелком бизнесе тогда ничего не знали. Лишь на второй год работы Виктор узнал, что мелких спекулянтов отпускали, получив мзду.

Белорусский вокзал всегда считался одним из самых спокойных. Живолуб отметил, что публика в основном чистая, пьяные встречаются, но в собственном соку никто посреди зала не валяется. Минут двадцать он простоял у холодной стенки: смотрел на людей, восстанавливал навыки.

Затем двинулся в обход вокзала. Миновал лимузины, презревшие «кирпич» на въезде. Понятное дело, не дай Бог большие белые люди ножки промочат при такой-то промозглости. Была бы возможность, так прямо в вагон бы заехали. Гаишник на такие кабриолеты ноль внимания, знает: окромя геморроя, с них ничего не получишь.

Живолуб увидел табло «Москва — Париж». Состав уже подал. По платформе шли пассажиры. Он решил, что пройдет

платформу быстро, не оглядываясь, до конца состава. За пару минут до отправления повернет в обратную сторону. Наружка, если таковая присутствует, вблизи пятого вагона должна обрисоваться. Так он и сделал. Шел по краю платформы, воротник поднят, руки в карманах, на людей не смотрит. Так обычно идет человек, который знает, какой вагон ему нужен. Краем глаза схватил «свой» вагон, головы не повернул, знал: тут, главное, без нервов. Все обрисуеться на обратном пути.

Он увидел ментов сразу. Два мужика стояли у дальнего конца платформы, курили, один держал под мышкой, как банный веник, здоровенный букет. Живолуб смешался с провожающими, продолжая наблюдать за наружкой. Молодец, похвалил он себя, ты таким лопухом никогда не был. Теперь выяснить, какой вагон они провожают, и в кассу за зелеными.

Депутат вынул из кармана билет, шагнул к вагону, и тут же рядом оказался носильщик. Подхватил один из чемоданов, выждал, пока проводник пригласит в вагон, шагнул вовнутрь. Простенько. Носильщик поднял один чемодан, а вошел с двумя.

Гуров провел ладонью по стеклу, словно пытаясь стереть капли дождя. И тут увидел быстро идущего по краю платформы мужчину.

— Станислав, что-то не так. — Гуров взглянул на друга, на часы, до отправления оставалось чуть больше десяти минут. — Ты видел мужика, сейчас мимо проскочил?

— Ну? Состав длинный, человек торопится. Знакомый?

— Не разобрал. — Гуров почувствовал тревогу. — Надо открыть дверь на эту платформу.

— Нет проблем, — ответил Крячко. — Изнутри она открывается.

Гуров успокоился, наблюдал, как один из провожающих Депутата вынул из кейса бутылку и рюмки, как вышел носильщик, подхватил последний чемодан, унес в вагон.

— В принципе можно уходить, — сказал Крячко. — Мы свою работу сделали. Хотя это не наши грядки.

По платформе возвращались двое пьяных с цветами. Они остановились напротив вагона, закурили, один вынул из кармана бутылку, глотнул, передал другому.

Девушка обняла Депутата, поцеловала, подтолкнула к вагону. По платформе начали уходить провожающие, обтекали пьяных. Один мужчина остановился.

Гуров узнал Живолуба и выругался так, что Крячко чуть не сполз на пол.

Пока Живолуб шел в людской толчее вокзала, сыщики держались от него шагах в десяти. Когда он миновал круговорот у выхода из метро и двинулся по Брестской, где было пустынно, пришлось отстать. Крячко недовольно спросил:

— Зачем мы его выпустили с площади? Спеленали бы, как младенца.

— И куда бы дели? Смотри под ноги, поскользнешься.

— Учи меня, учи, командир.

Еще на вокзальной площади Живолуб задерживался у автоматов. Но они были либо заняты, либо сломаны. Сейчас он увидел одинокий пустой автомат. Убедился, что трубка на месте, вошел внутрь.

— Нельзя ему звонить, никак нельзя. Что будем делать?

— Я этих мудаков под землей найду,— бормотал Крячко, вспоминая платформу и ряженных с цветами.

Гуров принял решение, успокоился. Взял Крячко за отвороты куртки, чуть ли не приподнял в воздух.

— Не ходи за мной!

Живолуб опустил руку в карман в поисках монеты. Выудил из-под пистолета горсть мелочи, нашел рубль. И тут за спиной услышал насмешливый голос:

— Витя, никак телефон забыл?

Живолуб машинально сунул руку в карман, развернулся и увидел Гурова.

— Чего надо? — Охранник растерялся, не мог понять, откуда появился сыщик, стоявшего у дома Крячко не заметил.

— Телефончик связного,— ответил Гуров, щелкнул зажигалкой, закурил, демонстрируя, что оружие в руке не держит.— Можешь сам позвонить. Сказать, мол, поезд ушел, ментов ты не видел.

Гуров следил за правой рукой Живолуба, одновременно прикидывая расстояние до стоявшего у тротуара «Москвича» и проверяя, нет ли под ногами льда, если, прыгая, поскользнешься...

Он опустил зажигалку в карман, сжал ребристую рукоятку «Вальтера».

А по улице катился поток машин. По обледеневшему тротуару неуверенно шли люди. Город жил своей обычной жизнью.

Если бы Живолуб стрелял из кармана, то мог бы рассчитывать на успех. Но он выхватил пистолет и потерял секунды. Прежде чем раздался выстрел, сыщик уже прыгнул за машину. Первая пуля шлепнулась в тротуар, вторая прошила «Москвич». Гуров выстрелил. Живолуб рухнул на колени, затем завалился на бок.

К Гурову подскочил Крячко, схватил его за плечо:

— Ты в порядке?

Гуров достал носовой платок, начал вытирать руки, плащ, брюки, проглотив подступившую рвоту, сказал:

— Звони, пусть приезжают. Проклятая жизнь!

На громыхнувшие в переулке выстрелы никто не обратил внимания. Поток машин иссяк, но через несколько секунд мигнул светофор, и новый поток наполнил улицу. На лежавшего у автомата человека никто не взглянул. А к стрельбе в Москве уже привыкли.

Гурова и Крячко привезли в прокуратуру. Заместитель прокурора, увидев доставленных, сухо поздоровался. Гурова оставил в своем кабинете, Крячко передал следователю, который вел дела по убийствам бухгалтера и юриста СП «Стоик».

Федул Иванович Драч легко поднял из кресла худое, жилистое тело. Подошел к Гурову, оглядел. Затем взял у сопровождающих

оперативников папку с документами осмотра места происшествия и сказал:

— Я этого малого не боюсь. — Он кивнул на Гурова, усмехнулся. — Езжайте в свою контору, поторопите экспертов, чтобы оба пистолета отстреляли. Предварительное заключение сообщите по телефону, официальное — завтра.

Оперативники помялись и ушли.

— Садись, сыщик, можешь курить. — Драч опустил в свое кресло, бросил документы на стол. — Предупреждал, чтобы ты тут больше не появлялся. Рассказывай. — Заместитель прокурора сцепил сильные, узловатые пальцы.

— Документы осмотра перед вами, Федул Иванович. — Гуров зевнул и отвернулся.

— Мандражишь? — Драч насупил кустистые седые брови, открыл папку. — Я погляжу, а ты думай, как оправдываться станешь.

Гуров, не торопясь, закурил. Вновь увидел высокую фигуру Живолуба. Сыщик мог прострелить ему плечо, руку с пистолетом, но выстрелил в грудь. Он умышленно убил человека. Гурова знобило, одновременно клонило в сон.

Дверь распахнулась, и вошел Орлов, сверкая золотом генеральских погон, при орденах. Пересек кабинет, быстро взглянул на Гурова, протянул руку хозяину.

— Привет, Федул, вот и свиделись.

— Здорово, Петр! — Драч привстал, пожал генералу руку, усмехнулся. — Чего это ты вырядился?

Гуров тоже встал, вяло произнес:

— Здравствуйте, Петр Николаевич.

— Сиди! — Орлов махнул рукой. — Господин заместитель прокурора, утра не могли дожждаться?

— Присядь, генерал. — Драч вышел из-за стола, обнял Орлова за плечи, усадил на диван, пристроился рядом. — Конечно, можно обождать и утра, только ночевать парню пришлось бы в камере.

Гуров то ли дремал, то ли бодрствовал, понять не мог. Увидел Крячко, который размахивал руками. Сыщик слышал его слова: «Санаторий... Врачи... Идиоты...» Он заставил себя встать.

— Федул Иванович, давайте оформим протокол.

Драч писал протокол быстро. Задавая вопросы, не очень вслушивался в ответы, продолжал строчить.

Принесли кофе. Не растворимый, настоящий. Гуров выпил две чашки, подмигнул Крячко. Тот погрозил ему кулаком. Драч протянул протокол. Гуров расписался, где положено.

— Ну, ладушки, покончили с бумагами. — Драч закрыл папку. — Поговорим по-людски. Объясните мне, старому, какого черта вы залезли в такие дела? Занимаетесь охраной спекулянтов и торгашей, так не лезьте, куда не просят.

Гуров, услышав последние слова прокурорского чиновника, разозлился.

— Полагаю, человек в согласии с совестью должен жить. Я за здоровье немцев, европейцев да американцев не беспокоюсь. И под пулю не полезу из-за них. Я именно по-людски жить хочу. Они с нами на одном шарике обитают. Соседи, можно сказать. Но дружить с ними, тем более любить их, я не собираюсь. Но что же получается? Они нам хлебушек, колбаску поставляют, а мы

им бартер устроили — шлем взамен преступников и наркотики.

— Господин полковник в отставке на пути «плохишей» встал — и каюк! Молодец, полковник, больше наркотик через Россию не пойдёт!

— Если я хоть одну ниточку разорвать могу, значит, обязан разорвать.

— Да рви хоть несколько, только не втихую!

— А кто уполномоченный? — Голос у Гурова стал тихим, вкрадчивым. — Вы, заместитель прокурора? Генерал Орлов, начальник главка? Вы, уполномоченные, громогласно на защиту закона встаете?

— Поберегись! — Драч шарахнул кулаком по столу. — Чуешь?

— Чую! Кто в этом кабинете со мной последний раз беседовал, знал, что разговор слушают, и молчал? — Гурова понесло. — А мой друг, заслуженный сыщик, генерал! И это вы, лучшие из лучших! Я вас не виню, сам и того хуже. Если мы на компромиссы, даже на убийства ради достижения цели идем, так и результат по заслугам получаем.

— Какие убийства? — Прокурорский настрожился. — У тебя самозащита — не подкопаешься.

— Я и сам знаю, чего у меня. — Гуров поднялся, начал рассказывать по кабинету. — Петр Николаевич, полагаете, наблюдение на платформе по неумелости засветили? Сто против одного, что умышленно.

— Вы свои оперативные байки балакайте, а я отлучусь на минуту. — Драч среб с стола бумаги и быстро вышел.

— Пока мы работали по носильщику с вокзала, все было в норме. Как вышли на Депутата, сразу сбой пошел, информация утекла. Кто-то пронюхал и за своего коллегу разволновался. А так как связи с мафией не имеет, то решил засветить наблюдение, — продолжил Гуров.

— А может, просто лопухи? — с надеждой спросил Крячко.

Орлов не отвечал, поглядывал на Гурова и думал, как тому сейчас плохо. Федул не знает Леву. Считает, что он застрелил бандита в горячке. Глупости. Он спровоцировал стрельбу и убил.

— Чего молчишь, генерал? — повернулся к нему Гуров. — Умышленно засветились парни или по неумелости?

— Откуда мне знать? — слукавил Орлов.

Вернулся Драч, положил на стол папку с уголовным делом:

— Раз вы такие совестливые, за правду радеющие, подскажите: кто убил Байкова?

— Подскажем, но при одном условии, — ответил Гуров. — Дайте слово, что вы убийцу не станете арестовывать двое суток.

— Чего? Петр, твой малый двинулся? — Заместитель прокурора не ожидал такого поворота. Самое большее, на что он рассчитывал, что хоть самую малость по делу ребята подскажут.

Орлов тоже удивился, но ответил сдержанно:

— Он не мой. Лев Иванович Гуров — гражданин России.

— Если гражданин не треплется ради красного словца, так ответит за укрывательство...

— Таким манером, Федул Иванович, вы ничего не добьетесь, — перебил Орлов.

Драч сел за стол. Почесал седую шевелюру, рассмеялся:

— Черти окаянные, креста на вас нет! Зачем тебе двое суток?

— Если вы сейчас убийцу возьмете, наркотик к получателю

не дойдет, — ответил Крячко. — Оно, может, и неплохо. Депутат, радеющий за нас, сирых и убогих, из петельки выскочит...

— Еще один! А ты кто такой? — возмутился Драч.

— Прохожий я, господин начальник, на огонек зашкочил...

— Все! — Орлов отвесил Крячко подзатыльник. — Здесь прокуратура! Федул, кончай с ребятами по-хорошему. — Повернулся к Драчу. — Они надергались, устали, могут нахамить.

— Хорошо! Даю слово, пока Интерпол не просемафорит, вашего убийцу пальцем не тронем, — пообещал Драч.

Крячко взглядом спросил у Гурова разрешения, тот кивнул:

— На кой черт он нам сдался? Григория Байкова убил коммерческий директор «Стоика» Егор Крупин.

— Белобрый кузнецик? — Драч быстро листал дело. — Вы, ребята, тут маху дали. У нас три свидетеля утверждают, что Крупин пришел к Байкову в тринадцать сорок, а вышел из дома в шестнадцать. Ему вахтерша самолично дверь помогла открыть, он с замком справиться не мог. А в шестнадцать тридцать Байков разговаривал по телефону с дочерью и матерью, значит, был жив.

— Разрешите? — вмешался Гуров.

— Да-да, минуточку. — Драч перечитывал чей-то протокол допроса. — Минуточку, Лев Иванович. — У меня алиби Крупина сомнений не вызывает. Он ушел из дома до убийства.

— Обязательно. — Гуров кивнул. — Я обратил внимание на то, что Крупин попросил вахтершу открыть замок входной двери. Мы проверили, замок открывается свободно, и я насторожился. Крупину нужен был свидетель его ухода. В доме имеется задняя дверь, она запирается на засов изнутри. Если его предварительно отодвинуть, то можно выйти из подъезда, обойти дом и вернуться незамеченным. Видимо, юрист рассказал Крупину о звонке бухгалтера, о том, что покойный видел рабочего мебельного цеха на Белорусском вокзале в роли носильщика. Его разоблачение грозило провалом, и Крупин решил Байкова убить.

— Если так просто, шарахнул бы молотком, и все дела. А то уходит, приходит, — возразил Драч.

— Три человека видели, как Крупин пришел, ему нужен был человек, засвидетельствовавший, как он вышел.

— Предположение.

— Мне не понравились его демонстративный уход, возня с исправным замком. Но на этом далеко не уедешь. Тем более мы не находим мотива. Поэтому Станислав нашел свидетеля, видевшего, как Крупин в пять часов вернулся в квартиру Байкова. А чуть позже Крячко нашел носильщика-рабочего, выявил мотив и замкнул цепь.

— Свидетель? — Драч взглянул на папку с бумагами, на Гурова. — На площадке три квартиры, мы опросили всех, никто никого не видел.

— Федул Иванович, человек стар и беспомощен, захочет он идти свидетелем по делу об убийстве?

— Боевой генерал или его супружница, — пробормотал Драч. — А чего же вы, сукины дети, молчали?

— Мы хотим, чтобы вы дернули всю цепочку транспортировки наркотика, а не оборвали одно звено.

— Дай закурить, Пинкертои, — попросил задумчиво Драч.

— Вы же «Беломор» предпочитаете. — Гуров протянул пачку

«Мальборо».

— Где ж его взять? — Заместитель прокурора взял сигарету не глядя. — Кончился «Беломор». — Он прикурил, жадно затянулся. — А как все это доказать?

Гуров взглянул на Орлова, указал на выход.

— Федул, ты уж слишком многого хочешь, — сказал генерал. — Доказать непросто, но вполне можно.

— Связь Крупина с наркотиками вообще не вяжется, — то скливо произнес Драч. — Носильщик в жизнь не расколется... Хотя, если наркотик в Европе примут и тамошние службы данный факт зафиксируют... Чемодан привез Депутат, а носильщик занес его в купе, и вы это видели. Стало быть, парню придется объяснить, где он данный чемоданчик взял...

Орлов выпустил из кабинета Гурова и Крячко и, стоя на пороге, сказал, аккуратно прикрыв дверь:

— Господин заместитель прокурора, если очень тяжело станет, звоните.

Крячко сел за руль «мерседеса», Орлов устроился рядом, Гуров на заднем сиденье.

— Сначала вас, Петр Николаевич? — спросил Крячко.

— Обязательно. — Орлов обернулся к Гурову. — Ты чего мне голову с этим армянином морочил?

— Успокаивал, отвлекал убийцу. Ты, Петр, прости меня, грешника. — Гуров прилег, сунул ладони под голову и закрыл глаза.

Орлов долго молчал, услышав за спиной похрапывание, сказал:

— Ты, пожалуй, прав, Станислав. Парня следует определить в санаторий.

— Я скажу Юдину, у него возможности ого-го, — отозвался Крячко.

— Деньги — сила, — согласился Орлов. — Так за деньги и будете работать? — Понял, что сказал глупость, вздохнул. — Оно и верно, никуда не денешься... Однако обидно.

— Всем обидно, — согласился Крячко. — Мы и так на голом энтузиазме шкурой рисковали, нам эти наркотики даром не нужны.

— Оправдываешься. Может, я в жизни ничего не понимаю, но, помани мои слова, Гуров вернется.

— С чего бы это?

— И ты вернешься. Никуда вы не денетесь.

Крячко остановил «мерседес» у дома Орлова. Генерал вышел, погладил полированную дверцу, заглянул в салон:

— Красивая машина. Звоните! — Хохотнул и направился к подъезду.

— Тишун тебе на язык! — Крячко мягко тронул с места, взглянув на спящего Гурова. — Учитель! Да в гробу мы видали его ментовскую контору!

— Верно, Станислав. Только куда мы денемся? — пробормотал сонно Гуров и повернулся на другой бок.

ЭПИЛОГ

Через месяц Дума отказала прокуратуре в возбуждении уголовного дела и не лишила преступника права депутатской неприкосновенности.

110

ИННА САВЕЛЬЕВА,

53 года, сотрудник НИИ психологии,
Москва

*Мчишься, пыль из-под копыт,
за тобою вихрь летит.
От рожденья до могилы
крутит в нем нелепой силой
вольных спутников твоих,
и родимых, и чужих.*

*Но в клубках ответных пыли
сам отсчитываешь мили.
И порой меняешь путь,
чтоб свободнее вздохнуть.*

НИКОЛАЙ ОЛУФЕРОВ,

37 лет, рабочий,
г. Онега Архангельской обл.

*Не знаю, поймешь ли, поймешь ли
листья беспредметных поэм?
Я больше не вспомню о прошлом...*

Быть может, сегодня...
Зачем?
Когда раскрывали страницы
еще не написанных книг,
мы с грустью смотрели на лица,
глядящие смутно из них.

Мы видели запятую
звезды, вдруг сорвавшейся вниз.
Из жизни, мерцающей всуе,
мы делаем легкий эскиз,

но линией слабой, неточной,
и цветом осенних ковров.
Давно мы поставили точку,
сказав все, что нужно, без слов.

Надежды растаяли в прошлом,
и память — огарком свечи.
Не знаю, поймешь ли, поймешь ли,
о чем я тоскую в ночи?

МАРГАРИТА БРАЗОВСКАЯ,

31 год. библиотекарь,
Киев

==
Пораспродана совесть
И отдано в долг бытие,
Как затертый купон
Наша жизнь ковыляет по кругу.
Ты примерил давно
Паутины седой серебро,
И не веришь порой
Ни себе, ни любимой, ни другу...

По заросшей тропе
Одичавшая бродит судьба,
И заблудшие мысли
Сидят на уснувшей собаке.
Я хочу написать,
Что ты снова, мой милый, не прав,
Но... сломалось перо
И порвалась случайно бумага...

Запоздалый совет?
Он не нужен, увы, никому.
И грустит тишина,
Шелестя заповедной травойю.
Все равно, ни за что я тебя не отдам...
Сохраню!

*И сама не уйду,
И в любви не признаюсь другому...*

*Натянулась струна
На забытой гитаре души,
Запоздалый полет
Над землей одинокого сердца.
И тихонько стучат
В моей комнате чьи-то часы.
Впрочем, мне никогда
У чужого огня не согреться...*

СВЕТЛАНА БЕЛАЯ,

25 лет, стажер НИИ,
Новосибирск

==

*Ждала и ворожила, ворожила,
Гадала по метели, по луне,
Одежды темно-строгие носила
И образ твой звала в туманном сне.
И губы иссушила, искусала,
Запомнив губы нежные твои.
Мне и тогда их было мало, мало —
Уже тогда я знала о любви.
Боль притупилась, сделалась привычной,
Я растворилась в ней, как во хмелю.
И захмелела я до неприличья,
Оплакивая ветреность твою.
Свою печаль я прятала в улыбке,
Которой улыбалась и тебе.
В ночи холодной тихо пела скрипка —
Душа моя стонала в тишине.
Я руки грела у огня в камине —
И вспоминала рук твоих тепло,
И не хотела вспомнить, что отныне
Тебя навеки снегом замело...*

ГРИГОРИЙ КРАСНОЖЕНОВ,

23 года, студент,
Химки

==

*Вот и чайник вскипел.
Вот и кончился день.
Снова ночь за окном — черный флаг.*

*Что-то друг мне напел,
Я бы вспомнил, да лень,
Не хочу даже сделать шаг.*

*Где мое ремесло?
Где судьбы голоса?
Где небес хоть какой-нибудь знак?*

*Кто-то бросил весло.
И глядит мне в глаза.
Но зачем же сурово так?*

*Непутевая жизнь, —
Да махнул я рукой.
Что слова так легки — пустяк.*

*Ты скажи мне: держись!
День наступит другой.
Утро красный повесит стяг.*

ОЛЬГА ЕФИМОВА,

32 года, геофизик,
Березники Пермской обл.

==
*Ты уедешь?
Несомненно уедешь,
Плечи рук твоих не найдут.
Речи в слух чужой упадут.*

*Все равно тебе?
Ну и пусть.
Спиртом горечь залью и грусть.
От ненужных безличных губ
До чего ж этот вечер груб.*

*Мне пиковая
Пошла масть.
Распоясалась, разошлась,
Как шальная весной вода.
Все равно теперь. Все беда.*

*Словно в ясный день в блеклой тьме
До смешного в чужом уме,
Потеряв себя, не найти.
Как ты сильно хотел уйти!*

ВАЛЕНТИН ОСИПОВ

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ

МИХАИЛА ШОЛОХОВА

ХРОНИКА БЕЗ ЛЕГЕНД

114

РАСПЯТИЕ?

Длинен путь с крестом, но сосчитан в шагах. Вот и Шолохову отмерены в 1938 году шаги к распятию. С ним решили завершить затянувшиеся счеты: кроили, кроили — шить начали.

Кто осмелится? Ростовские энкаведисты. Согласовывали ли со Сталиным? Неизвестно. Он в заключительной сцене, к счастью, для жизни писателя не сыграл роль Понтия Пилата, а уготовил себе иную, но не в начале, а в конце драмы. Так мучительнее для жертвы.

...Из воспоминаний Лугового о пришедшем к нему осенью письме, в котором о Шолохове: «Я, гр. хутора Колундаевки Вешенского района, арестован органами РО НКВД. При допросе на меня наставляли наган и требовали подписать показания о контрреволюционной деятельности писателя Шолохова...»

Еще оторопь Луговому — с ужасным признанием заявился Иван Семенович Погорелов. Он недавно в районе. Инженер из Новочеркасска. Участник гражданской и даже орденоносец.

— Меня сняли с работы, пообещали исключить из партии и посадить в тюрьму как врага народа. Но я смогу искупить вину, если выполню важное поручение...

Изливал душу с полной откровенностью — благо, давно знакомы. В признании прозвучало страшное:

Окончание. Начало в № 1.

— Мне предложили поехать в Вешенскую, устроиться на работу, пользуясь знакомством с Луговым, войти в доверие к Шолохову, стараться быть у него на квартире, на вечерах, а затем дать показания, что Шолохов — руководитель повстанческих групп на Дону. Что Шолохов, дескать, и меня, обиженного партией и Советской властью, завербовал в свою организацию. Что Шолохов, организуя вечеринки, собирает на них руководителей повстанцев и проводит с ними контрреволюционные совещания... Я все обдумал и решил твердо: что бы со мной ни было, я на такой путь не пойду. Поэтому и пришел к тебе.

В журнале «Дон» литературовед К. И. Прийма утверждал, что начальник ростовского управления НКВД не испугался заявить: «Сталин и нарком НКВД Ежов приказали нам разоблачить и ликвидировать...» Правда, доказательства этому утверждению пока не предъявлялись.

Что дальше? Как-то Шолохов взялся рассказывать. Привожу запись такой, какой она осталась в моем блокноте:

— Предупредили меня, что ночью приедут арестовывать и из Ростова уже выехала бригада. Наши станичные чекисты, как сказали мне, тоже предупреждены — их у окон и у ворот поставят. Этот смелый человек, партиец с двадцать шестого года, рассказал Луговому, что начальник НКВД вызвал его и сказал: «Получено указание арестовать Шолохова. Вопрос, мол, согласован с обкомом». Луговой ко мне поспешил. Решили мы с ним: что делать? Бежать! В Москву. Куда же еще? Только Сталин и мог спасти. Или, кто знает, что там со мной задумали...

И бежал. На полуторке. Но поехал не в Миллерово, а к ближайшей станции в другой области...

— Не знаю, что стало бы с Михаилом Александровичем, — добавила Мария Петровна, — если бы он поехал тогда в Москву через Миллерово. Там его поджидали... Это я ему посоветовала запутать следы. И ехать через Михайловку. Они спохватились, да поздно...

Нелегко стало слушать продолжение: в столице отвернулся один весьма высокопоставленный в Союзе писателей деятель — не без влияния на Сталина, во всяком случае, хотя и по вызову, но входил к нему.

Пришлось писать письмо. Шолохов не назвал мне точной даты. Но, кажется, совпадает то письмо, что нашел в архиве Ю. Мурина: «Дорогой т. Сталин! Приехал к Вам с большой нуждой. Примите меня на несколько минут. Очень прошу. М. Шолохов. 16.X.38 г.»

Сталин проявил свой сталинский характер: как ни рвется к нему истрадавший писатель, принял не сразу.

Истинно Голгофа: каждый день словно шаги в неизвестное с крестом тяжелой судьбы на плечах. День — шаг. День — шаг... В газетах каждый день о «врагах народа». Казнь ожиданием!

Шолохов вспомнил и рассказал, как в один день сорвался: «Со злости выпил рюмку водки...»

Далее рассказ записан таким: «Выпил, а тут звонок: вызов! Помощник Сталина Поскребышев говорит мне: «Будете вы, Луговой и кое-кто еще». Пришел. Смотрю — в приемной Луговой

и тот самый Погорелов, а в сторонке от них две кучки: ростовский начальник НКВД и еще один в форме, тоже наш, ростовский Коган, а чуть поодаль наши партийные начальники.

Нас позвали, всех. Мы вошли в кабинет Сталина. Смотрю — Сталин, а рядом с ним Молотов и Ежов. Сталин повернулся ко мне: «Прошу вас рассказать по существу дел». Я ему в ответ — а что я мог в волнении еще сказать: «Товарищ Сталин, мне нечего добавить к тому, что я написал на Ваше имя. Если Вы мне не верите — пусть Погорелов засвидетельствует...»

Сталин выслушал и кивнул: «Пусть, мол, говорит». Смотрю, Погорелов волнуется, но твердо докладывает, как его вызвали и как дали задание. А эти-то стали отрицать. Но Погорелов едва не криком: «Провокаторы они, товарищ Сталин!»

Сталин подошел к Погорелову и ему в глаза пристальным своим взглядом. Погорелов выдержал и говорит: «Товарищ Сталин! Я говорю правду. Это они говорят неправду». И достает из кармана бумагу, листик. «Это, — говорит, — собственноручный почерк Когана». Тут Коган во всем сознался...»

Шолохов не раз брал в рассказе передых. Воспоминания даются ему с трудом: «Сталин смотрит на меня и говорит: «Дорогой товарищ Шолохов, напрасно вы подумали, что мы поверили бы этим клеветникам». И ткнул взглядом на энкаведистов. Те ни живы ни мертвы. Я, конечно, радуюсь, что отвел от себя беду, и не сдержался — говорю: «Товарищ Сталин, Вы, конечно, правы в пожелании, чтобы я был спокоен, но вот есть такой анекдот».

И, как понял я, Шолохов не дал течи перед Сталиным — рассказал: «Бежит заяц, а навстречу волк. Говорит волк: «Ты, заяц, чего бежишь?» Заяц в ответ: «Как, что бегу — там вон ловят и подковы подковывают». Волк говорит: «Так подковывают верблюдов, а не зайцев». Заяц ему отвечает: «А когда поймут и подкуют, так пойдя докажи, что ты — не верблюд!»

Шолохов заметил: «Помню, даже Ежов засмеялся, а Сталин — так, не очень. И пристально на меня: «Говорят, вы, товарищ Шолохов, много пьете». Я ответил: «От такой жизни, товарищ Сталин, запьешь!»

Шолохов к концу Сталину — анекдот и горькую шутку. И Сталин с шуткой — да какой! — в самом начале встречи. О ней прочитал в статье Роя Медведева: «Сталин, едва взглянув на Шолохова, обратился к Ежову: «Ну, что, Николай Иванович, будем снимать с него его кавказский ремешок?» Это он о том, что у арестованных отбирают ремни и шнурки.

В 1992-м довелось читать дневники Корнея Чуковского. Одна из записей 1964 года о встрече с помощником Хрущева: «Сейчас ушел от меня Влад Семенович Лебедев. Вот его воззрения, высказанные им в долгой беседе. Шолохов — великий писатель, надорванный сталинизмом. «Разве так писал бы он, если бы не страшная полоса сталинизма, — Вы, К. И., не знаете, а у меня есть документы, доказывающие, что Сталин намеревался физически уничтожить Шолохова. К счастью, тот человек, который должен был его застрелить, в последнюю минуту передумал. Человек этот жив и сейчас».

После того, как Шкирятов и Цесарский оговорили Шолохова, ему бы затаиться в станице — подальше от державного внимания. Но не притих. Снова на рожну. Едет в Москву. Исполняет поручение тоже несломленного Лугового пробиться к кому-либо из «высших деятелей». И пробился — к Анастасу Микояну, он заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров. Вручает письмо райкома.

Микояну достало понимания, кто перед ним с ходатайством и о чем оно. Письмо переслал Сталину: «Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину. В связи с постановкой на Политбюро ЦК ВКП(б) вопроса о мерах борьбы с засухой в степных районах, направляю Вам письмо секретаря Вешенского райкома ВКП(б) тов. Лугового, переданное мне тов. Шолоховым...»

Сталину, небось, в мысль: неугомон этот Шолохов. Каков результат? Шолохов в октябре читает в «Правде» постановление ЦК и СНК «О мерах борьбы с засухой в степных районах».

Догадываюсь, длинным-предлинным становится 1938 год для Михаила Шолохова.

И вдруг кончился ледниковый период. Начинается внезапное потепление в печати. Открылись глаза? Причина, уверен, в другом. Читаю в статье Роя Медведева, что Сталин в самом конце своей встречи с Шолоховым, поиздевавшись, помытарив, мило-стиво произнес:

— Великому русскому писателю Шолохову должны быть созданы хорошие условия для его работы.

Это значило, что отныне его творчество пытаются вмонтировать в политическую систему.

...Май 1939-го. Снова судьба соединяет со Сталиным. Необычное свидание. Вот записанный мною рассказ Шолохова:

— Готовимся встречать гостей. День рождения у меня. Вдруг звонок. Сталин! И как это узнал, что я обитаю в гостинице «Националь»? Говорит мне: «Михаил Александрович, не можете ли приехать ко мне?» Я от неожиданности, с испугу даже, про все забыл: про приглашенных гостей, про Марию Петровну... «Да, — говорю, — согласен». Тут же пояснил: «А как иначе ответить?»

Продолжил: «Сталин выслушал и говорит: «В таком случае за вами заедет машина». Я опять ему: «А какой номер у машины и где мне ее искать?» Сталин — строго: «Не беспокойтесь, Михаил Александрович, вас найдут. Обязательно найдут».

Мария Петровна стала дополнять: «Ах, как же я тревожилась. Увелили ведь». Она по-житейски приметлива в воспоминаниях — оказывается, Сталин передал гостинец:

— Развернула свертки, а там в одном конфетки, а в другом сладкая вода в бутылочках, фруктовая для детей. Редкость до войны. И еще какие-то гостинцы.

Большое доверие оказал вождь. Лестно побывать у него в гостях. Избранным из избраннейших такая честь. И интересно провести почти всю ночь вместе.

Шолохову могли б завидовать. В этом году в свои 34 года избран академиком. Весною награжден орденом Ленина. Без согласия вождя не обошлось. В Указе читаю: «За выдающиеся

успехи и достижения в развитии советской художественной литературы». Даже в Литературном календаре удостоен наконец почести быть обозначенным с датой дня рождения и при портрете.

Страна начинала готовиться к 60-летию вождя... Впишет ли себя Шолохов в конвейер предъюбилейной обяжаловки?

11 декабря Сталину из Вешек письмо. Оно помогает уловить, как необычно надумал писатель выразить свое отношение к правителю. Здесь и то, чтобы скоропалительно воскликнуть в нелюбви к Шолохову: «Ах, какие трогательные чувства!..» Это если к «Делу о письме» не присовокупить «вещдок» — извещение о романе и последних в письме строк. И тогда приходит объяснение: «Для Шолохова правда — главное!»

Читаем письмо: «Дорогой Иосиф Виссарионович!

24 мая 1936 г. я был у Вас на даче. Если помните, — Вы дали мне тогда бутылку коньяку. Жена отобрала ее у меня и твердо заявила: «Это память, и пить нельзя!» Я потратил на уговоры уйму времени и красноречия. Я говорил, что бутылку могут случайно разбить, что содержимое со временем прокиснет, чего только не говорил! С отвратительным упрямством, присущим, вероятно, всем женщинам, — она твердила: «Нет!» Нет и нет!» В конце концов, я ее, жену, все же уломал: договорились распить эту бутылку, когда кончу «Тихий Дон».

На протяжении этих трех лет, в трудные минуты жизни (а их, как и у каждого человека, было немало), я не раз покушался на целостность Вашего подарка. Но мои попытки жена отбивала яростно и методично. На днях, после тринадцатилетней работы, я кончаю «Тихий Дон». А так как это совпадает с днем Вашего рождения, то я подожду до 21-го, и тогда, перед тем как выпить, пожелаю того, что желает старик из приложенной к письму статейки.

Посылаю ее Вам, потому что не знаю, напечатает ли ее «Правда».

Ваш М. Шолохов. Вешенская. 11.XII.39».

«Правда» напечатала — попробуй не напечатать, коли при-слана от вождя. Для меня поразительная загадка: почему Сталин предал ее огласке? Все в ней не лезет ни в какие юбилейные ворота. Надо же, что надумал Шолохов: выписал от имени старика казака несколько благодарствий Сталину, но не продолжил от себя никакими восклицаниями. Каждая статья в эти недели и начиналась, и кончалась пышными здравицами-восклицаниями, а здесь: «После этого за столом начнется разговор о политике, о хлебе, что причитается на трудодни, о всходах озимой пшеницы и о видах на будущий урожай». Все, точка!

...Январь 1940-го. Письмо пришло. В нем: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Привез конец «Тихого Дона» и очень бы хотел поговорить с Вами о книге. Если сочтете возможным — пожалуйста, примите меня. С приветом. М. Шолохов».

Какое же счастье для писателя и романа, что вождь не счел возможным встретиться. Трудно было бы ручаться за судьбу романа. Был уже опыт.

...Шолохов оставался верен себе: не переставал заступаться за тех, кто нуждался в защите.

Анна Андреевна Ахматова... Уж два десятка лет непрерывная череда злосчастий. В этом году добавили, добывая: арестовали сына. Кто сможет помочь в беде? Читаю в «Записках об Ахматовой» Лидии Чуковской, что Шолохов помог освобождению. На этот раз Лаврентий Берия уступил писателю. Сын Ахматовой выпущен. Увы, пребывал на свободе недолго...

Еще беда Ахматовой — творчество в многолетнем аресте. В ее заметках прочитал: «С 1925 года меня совершенно перестали печатать и планомерно начали уничтожать в текущей прессе. Можнo представить, какую жизнь я вела в это время... Так продолжалось до 1939 года».

За этой последней фразой невероятное. Нашелся смельчак, который решился поперечить длительнейшей отлучке поэта от читателей. И к Сталину — рассказал о таланте Ахматовой. Дано указание срочно выпустить книгу. В мае 1940-го ее избранные произведения за 1912—1940 годы вышли.

Еще более невероятное последовало дальше.

Книга представлена на соискание Сталинской премии.

Кто рискнул? Шолохов. Он рассчитал, что для опального поэта мало выпустить книгу, тем более, по обыкновению, для поэзии малым тиражом. Нужно возбудить общественное мнение. И тогда он свершает поступок и в самом деле невиданного безрассудства-отваги. Читаем в записках Ахматовой, что же дальше произошло с этой ее книгой: «Шолохов выставил ее на Сталинскую премию (1940)».

Мысль Шолохова поддержали Фадеев и Толстой. Это значит, что секция литературы Комитета по премиям готова почти на все. Но заступничество даром не прошло. «Пошли доносы...» — пишет Ахматова.

Первый принадлежал управляющему делами ЦК. Писал секретарю ЦК А. А. Жданову. Возмутился, что нет в книге стихотворений «с революционной и советской тематикой, о людях социализма». Жданов откликнулся: «Просто позор, когда появляются в свет, с позволения сказать, сборники. Как этот ахматовский «блуд с молитвой во славу божию» мог появиться в свет? Кто его продвинул?»

Подключилась «Лит. газета». В ней погромная рецензия на книгу Ахматовой.

Вот в какой переплет попал — добровольно — Шолохов, когда осмелился рекомендовать «идеологически чуждую» книгу наградить высшей премией...

— Ручаюсь головой, — упрямо-привычная фраза у него, когда прислал за кого-либо. Сталин как-то услышал и тут же, не промедлив, произнес с опасной укоризной: «Что-то вы свою голову дешево цените».

Андрей Платонович Платонов... Что может воссоединить его и Шолохова в эти палаческие времена? В былом и молодогвардейское литобъединение, и фамилия Шолохова под осудительным коллективным рапповским письмом... В этом году Платонов пишет доброжелательную статью о поэзии Ахматовой. Из нее

вычеркивают строчки, словно написанные в союзнчестве с Шолоховым: «Задерживать или затруднять опубликование ее творчества нельзя».

В сентябре арестовывают 18-летнего сына Платонова. Приговор — 10 лет: «Руководитель антисоветской молодежной и шпионско-вредительской организации». Сохранилось свидетельство: «Я дал ложные фантастические показания под угрозой следователя, который мне заявил, что если я не подпишу показания, то будут арестованы мои родители».

Не случаен арест. Сын отдан на заклятие по ненависти власти к отцу-писателю. Отец обращается к Шолохову. Не отказал. И снова поход — нелегкий... Вызволил. Заступничество спасло не только сына, но и отца.

ВОЙНА: ДОПРОС...

Телеграмма: «23.06.41. Наркому обороны Тимошенко тчк Дорогой товарищ Тимошенко тчк прошу зачислить в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию первой степени тчк По вашему зову в любой момент готов встать в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину и великое дело Ленина — Сталина тчк Полковой комиссар запаса РККА зпт писатель Михаил Шолохов».

4 июля огромный очерк Шолохова в «Правде». Не попусту оставался в станице в первые дни войны — напивался тем, чем начинали жить земляки. Потому сам себе выписал такое мобилизационное предписание — все отложить и садиться за бумагу. В очерке «На Дону» главная мысль, что Дон готов воевать. Под пером не стертые довоенным газетным привычем строки:

— Вот и опять эти немецкие б... лезут на нас. Не дали они нам с тобой мирно пожить... Ты же Федя, гляди там, не давай им спуску!

Подивился этой самой букве-символу «б...» в устах героини очерка. Сравниваю с собранием сочинений. Текст укрощен: «б...» больше нет. Кто бдителен — автор, редакторы?

...Нарком переадресовал телеграмму Шолохова начальнику ГлавПУРа Льву Мехлису. Тот по умственной неуклюжести воспринял прочитанное как какой-нибудь некругозорный райвоенкоматчик — разразился речью: «Конечно, послать Шолохова комиссаром полка, дивизии можно было бы. Одно его слово подымало бы людей в бой...» Хорошо, редактор «Красной звезды» затребовал писателя специальным корреспондентом. Он подбирал отличный литотряд: кроме Шолохова, Толстой, Эренбург, Павленко, Платонов, Габрилович, Кривицкий...

В воспоминаниях редактора Д. И. Ортенберга прочитал: «Шолохов явился в редакцию раньше, чем мы ожидали. Выглядел он молодцевато, успел экипироваться. На нем была летняя, защитного цвета гимнастерка, бриджи, сапоги, пояс с командирской бляхой и пистолет. Он был по-казацки строен: не писатель —

боевой командир. Я был рад его приезду вдвойне: Шолохов привез с собой очерк «В казачьих колхозах».

Через несколько дней отправился на Западный фронт, в 19-ю армию командарма И. С. Конева.

Отступление, отступление... Каково на сердце? Бьется сердце — совсем за короткое время Шолохов напечатает 9 очерков и статей. Это больше, чем за все семь довоенных лет.

Письмо: «Дорогой т. Сталин! Сегодня я вернулся с фронта и хотел бы лично Вам сообщить о ряде фактов, имеющих немаловажное значение для дела обороны нашей страны. М. Шолохов. 2 сентября 1941 г.».

Не принял вождь писателя.

...Зла и люта первая военная зима, потому и горяча от крови. Шолохова не минуло от нее ударом. Мало кто знает о контузии с многомесячными последствиями. Мне о ней рассказала Светлана Михайловна:

— В конце 1941 года или в самом начале 1942-го (это надо уточнить в архиве) отец был контужен при аварии самолета, на котором летел в Куйбышев по вызову Лозовского (Совинформбюро). Неудачная посадка. Папа пролежал в больнице месяц, после приехал к нам «на поправку» совершенно больной, слабый. У него произошло смещение всех внутренних органов. Из всех, кто был в самолете, остались живы только летчик и отец.

У этой истории будет продолжение...

...1942-й. Даже война никак не разъединит вождя-главнокомандующего и писателя, теперь в военном звании. Сталин напомнил о себе. Нашел Шолохова. Случилось это весной 1942 года — в мае, в канун дня рождения писателя. Пригласил вместе поужинать. С чего бы это? Отпраздновать день рождения? Он сказал гостю, но едва ли это цель встречи. Узнал, что Шолохов получил контузию, и вот проявляет заботу? Он действительно предложил лечиться в Грузии. Но для этого не нужно было терять столь драгоценное в войну время, чтобы встречаться. Шолохов понял, зачем приглашен, только к концу застолья. Наставления вождя прозвучали так:

— Идет война. Тяжелая. Тяжелейшая. Кто о ней после победы ярко напишет? Достоинно, как в «Тихом Доне»... Храбрые люди изображены — и Мелехов, и Подтелков, и еще многие красные и белые. А таких, как Суворов и Кутузов, нет. Войны же, товарищ писатель, выигрываются именно такими великими полководцами. В день ваших именин мне захотелось пожелать вам крепкого здоровья на многие годы и нового талантливого, всеохватного романа, в котором бы правдиво и ярко, как в «Тихом Доне», были изображены и герои-солдаты, и гениальные полководцы, участники страшной войны...

Вот как Сталин милует доверием.

Услышал эти воспоминания от Шолохова и стал размышлять — поразительно интересен расклад чувств и намерений.

Сталин еще раз убедился, что без Шолохова не обойтись. Его для выполнения политического заказа избирает. И надо ли гадать, кого — одного — подразумевал под «гениальными» полководцами.

Шолохов заканчивает «Науку ненависти». Это будет рассказ от имени простого труженика войны в звании лейтенанта. И ни слова о «гениальных» полководцах. А разве трудно агитационно-пропаганды ради вписать в рассказ одну-две соответственные строчки? Кто бы осудил...

Застолье, добрые слова и... допрос. Велик почет не живет без забот. Светлана Михайловна рассказала: «Сталин сказал отцу: «Говорят, летчик был пьян. Его судить собираются...»

Отец говорил: «Ручаюсь, что пьян не был».

— Как можете ручаться?!

— Я с ним перед взлетом общался, поэтому и утверждаю».

Новая встреча со Сталиным. И вновь допрос, но уж куда как круче. Писатель так поведал мне о нем:

— Вызывают меня в Москву. Сказали: «Прими участие во встрече группы советских писателей с иностранцами. Очень важно рассказать им о том, как у нас...» Ладно, отвечаю, прибуду. Прибыл в Москву. В гостинице привел себя в порядок, переоделся и в ВОКС. Поднимаюсь по мраморной лестнице — уж отвык, — взошел в зальчик, смотрю: за столиком один мой недруг-писатель... Сидит в коверкотовом костюме. А на столике бутылки с крешоном и фрукты... Он обо мне слух пустил, будто я оставил семью под немцем и сам к ним собираюсь. Так мне рассказали. Ну, что — я ему все и выложил. «Эх, — говорю, — ты и...» По-русски! Напрямую. И ушел — не остался. Вернулся в гостиницу, позвал кое-кого из знакомых писателей — выпили. С обиды... Утром стал собираться в редакцию, да телефон зазвонил. Поскребышев. Говорит ледяным тоном: «Вас Сам ждет. Чтой-то вы там вчера натворили?!» Иду... Прихожу. Поскребышев сидит в приемной — головы не подымает, глаз не кажет, суров до последнего упора. Ну, думаю... Час пробил — он мне дверь открыл. Вхожу. Вижу: Сталин у стола. Стоит... Руки не подает. Глаза безразличные. Молчит. Смотрел, смотрел на меня, потом произносит: «Где ваша семья, товарищ Шолохов?» Только я стал отвечать — входит генерал и подает ему какой-то листик. Сталин прочитал, листик вернул, генерала отослал — посмотрел на меня и произнес: «Впрочем, теперь мы знаем, где ваша семья. Вы правильно сделали, что эвакуировали ее. Мы попросим товарищей из Казахстана присмотреть за вашей семьей...» Снова спросил, на этот раз мягко: «В чьем распоряжении вы находитесь?» Ответил. Он тогда: «Ну, товарищ Шолохов, идите. И берите себя. Вы нужны партии. Вы нужны народу!» Вышел я. Пересекаю приемную. Обернулся к Поскребышеву — кукиш ему свернул: «Накося — выкуси!» Очень было на душе — всякое.

За что допрос? Разве нельзя было без вызова, без нервотрепки затребовать сведений об отъезде семьи? Знать, вьелась в кровь привычка. Не смог обойтись без поистине дьявольского наигрыша: дернул удилами-железами и отпустил — с заботой, но с умыслом. Мол, не забывайся...

В этой своей догадке я, похоже, прав оказался. Понял сие, когда прочитал воспоминания Хрущева (Сталин и его как-то допрашивал-расспрашивал):

«Это была психологическая провокация. Вероятно, следил, как

поведет себя человек, и этим способом определял, является тот преступником или нет. Это нечестная, неправильная и недопустимая форма узнавания правды, ну, просто нетерпимая».

Сталин при встрече сделал вид, что не знает о гибели матери Шолохова. Сам тоже носит в душе боль: сын Яков попал в плен...

Маму Шолохова убило, когда собралась эвакуироваться. Шолохов почему-то счел нужным написать об этом секретарю ЦК Г. М. Маленкову. Я обнаружил это письмо в архиве. Оно еще никогда не печаталось. Вот главные из него извлечения:

«...6.VII приехал я в свою Вешенскую, а 8-го утром налетели немцы, первый раз — 4 самолета, второй — 12, и сбросили около 100 фугасных и осколочных бомб, прочесали улицы из всех пулеметов, зажгли станицу и улетели.

Во время второго налета на моих глазах была убита моя мать. Бомба попала во двор, разрушила дворовые постройки и страшно изуродовала крупными осколками мать».

Дальше о том, как часть, оборонявшая станицу, не смогла отбить налеты. Не всегда и отстреливалась. И о маме: «Очень горько и тяжело у меня на душе после смерти матери. И чувствую себя довольно плохо. Мать у меня была простая, неграмотная крестьянка (когда я учился мальчишкой в гимназии, она выучилась грамоте, чтобы писать мне письма, а потом все забывала и последнее время еле-еле читала по слогам)».

Еще о ней: «Как она гордилась мною, единственным сыном, и радовалась и плакала, когда я рассказывал ей о последнем пребывании у т. Сталина. Она благословляла т. Сталина и говорила: «Вот теперь ты отдохнешь и поправишься у меня, Миша...» Это она об уже упомянутой контузии и о приглашении лечиться в Грузии. Шолохов, как теперь знаем, «лечился» под бомбежкой.

В письме еще интересные строки: «Обращаюсь к Вам, дорогой т. Маленков, с просьбой: мне не надо харчей, проживу и так; пришлите, пожалуйста, ППП с патронами». ППП — это, напомним, пистолет-пулемет, по-нынешнему говоря, автомат, тогда еще не ставший массовым оружием. Потому, догадываюсь, и просит...

На письме следы чтения-изучения. Красным карандашом подчеркнуты те строки, где о бездействии при налете, где просит автомат и где благодарные слова матери. Простой карандаш — в верхнем углу письма: «Шолохов». Зеленый: «Сохранить». Синий: «Архив. 8.V.46».

И все-таки: почему писал Маленкову? Ответ, как думаю, в воспоминаниях Хрущева: «Во время войны Маленков поднялся. Его значение возросло. Он вошел в состав Политбюро». Можно понять Шолохова: Сталина объяснять причины задержки не стал — знал, как загружен-перегружен, но не объясниться не мог. Вот и пошло письмо влиятельному в аппарате ЦК деятелю.

Шолохов ничего не написал Маленкову, что погиб домашний архив с рукописями «Тихого Дона» и ненапечатанной второй книги «Целины». Почему? Дочь же пояснила, как произошла безвозвратная гибель:

— Свой архив отец сдал под охрану в РО НКВД, чтобы его

вывезли вместе с архивами райкома и самого райотдела. Но в панике бросили архив, и он пропал. Отдельные страницы рукописей подобрали солдаты, из них вертели самокрутки. Некоторые «бумажки» подбирались по дворам. Как их так разметало — никто не знает. История загадочная...

Война вписывает в биографию Шолохова не только новые страницы творчества, но и строки новых оценок и знакомств.

...Иван Бунин. Франция, оккупированная немцами. Конец августа 41-го. В дневнике впервые можно прочитать — Шолохов. Российский читатель, пожалуй, и до сей поры ничего не знает, что думал первый российский нобелевец о третьем по времени присуждения премии лауреате-соотечественнике. Я и сам случайно узнал от известного исследователя Бунина А. К. Бабореко.

Строки из бунинского дневника, опубликованного издательством «Посев»:

«3 августа 1941 г. Читал первую книгу «Тихий Дон» Шолохова. Талантлив, но нет слова в простоте. И очень груб в реализме. Очень трудно читать от этого с вывертами языка со множеством местных слов».

Отметил — талантлив. Отметил — стилевые особенности, и хотя сгустил краски, но не без оснований. Шолохов и сам ощущал этот перекосяк; не зря поддержал Горького в дискуссии о языке.

Еще запись Бунина. Вот уж не ожидал: в ней политика!

Первая запись: «Кончил вчера вторую книгу «Тихого Дона». Все-таки он хам, плебей. И опять я испытал возмездие ненависти к большевизму» (30 августа).

Вторая — она вживлена в пространные рассуждения о Бабеле, но с воссоединительным упоминанием Шолохова: «Та же цветистость, те же грязные хамы и скоты, вонючее тело, мерзкие умом и душой» (12 апреля 1942 г.).

Не берусь спорить с великим творцом, но не берусь и сравнивать творчество Шолохова и Бабеля: на мой взгляд, ничего общего.

...Ольга Берггольц. Ленинград. Май 1942-го. На страницах «Комсомольской правды» стихи блокадницы. Чудо, что прорвалась на свидание с читателями. Что же предшествовало? Два довоенных года — тюрьма и лагерь, гибель в звании «врага народа» мужа, талантливейшего поэта Бориса Корнилова. К ней и в войну недоверие. Дает основания: борется за право рассказать правду о блокадниках. Но нет заступников-союзников. Подробности в письмах. Они до недавних пор лежали закрытыми, засекреченными. И только потому, что свидетельства из окруженного города — правда. Вот некоторые извлечения: «...Я убедилась, что о Ленинграде ничего не знают»; «На радио, не успела я раскрыть рта, как мне сказали: «Можно обо всем, но никаких упоминаний о голоде. Ни-ни»; «Мне ведь так и не дали прочитать по радио ни одного из лучших моих ленинградских стихов... Даже «Новогодний тост» признан «мрачным», а о стихотворении «Товарищ, нам горькие выпали дни» сказано, что это «сплошной пессимистический стон», хотя «стихи отличные», и т. д.». Еще больше горечи в дневнике: «Здесь все чужие

и противные люди... О Ленинграде все скрывалось, о нем не знали правды так же, как о ежовской тюрьме... Нет, они не позволят мне ни прочесть по радио — «Февральский дневник», ни издать книжки стихов».

Берггольц в Москве. Ее ненадолго вывезли. Здесь пытаются сыскать правду. Не вышло — стена. Настойчивым просьбам-мольбам поэта отказывает председатель Всесоюзного радиокомитета. Писательский пленум — бранят-критикуют «Февральский дневник» и еще одну ее книгу, «Мой путь». Кто заступится? Прочтем дневник Берггольц: «В мае 1942 года в «Комсомольской правде» по инициативе Шолохова был опубликован «Февральский дневник» и вскоре после этого «Ленинградский дневник». Они вызвали горячий отклик у читателей и на всех фронтах...»

Шолохов и война... И эту свою жизнь Шолохов превратил в тайну: никаких о себе воспоминаний или записок — только совсем немногие фотографии...

Как-то в уютном утреннем чаепитии — в вешенском доме летом 1983 года — Мария Петровна стала рассказывать о давнем победном приеме в Кремле. Шолохов болен, а слушает охотно и с прилежным соучастием. Ей запомнилось, как Рокоссовский, красивый и молодой, внезапно преподнес розу, выхватив ее с гусарским шиком из букета, что стоял на столе, ей, а не рядом сидевшей Долорес Ибаррури (как бы попутно уточнила: «Она еще красивая была...»).

Тут Шолохов в разговор взошел. Одна-единственная реплика услышалась от него: «Высокий, длинный, как журавель подлетел!..» Вот как стремительно отозвалось в нем и — не без ревности — сердце мужа, и одновременно образный писательский талант. В самом деле образно: журавель — это, если вспоминаешь по фотографиям стройного маршала, когда он длинноногий, в галифе. В этом же разговоре прозвучало: «Жаль, что я с Жуковым ни разу не встретился».

ВЕЖЛИВЫЙ ОТКАЗ

...1946 год. Вождь однажды поручил второму после себя идеологу партии и государства Жданову вызвать вешенца и предложить пост генерального секретаря Союза советских писателей. В одной из книг прочитал, как проходила встреча:

— Михаил Александрович, у нас к вам серьезная просьба. Фадеев пишет роман о Краснодаре. Судя по всему, работает с большим настроением. Так не смогли бы вы, хотя ненадолго, возглавить писательский Союз?

— Андрей Александрович, за предложение спасибо. Но дело вот в чем. Через три часа отходит поезд на Ростов, и я уже взял билет...

Вот тебе, мол, хомут да дуга, а я тебе не слуга. Узнать бы, как рискнул Жданов докладывать об отказе, да еще таком ехидном.

Отказался от высокого поста, но не отказывается от сует участия в жизни общества. Из августовского письма близкому человеку: «Был в Москве и не увиделся с тобой потому, что

депутатских дел, хождений по министерским приемным и пр. хватило как раз по завязку...»

Почему же отказался?.. Вот тема для раздумий тем, кто читает Хронику. Может, не хочет становиться вторым Фадеевым — коренником в сталинской литературной упряжке. Может, ненавидел службу, как таковую, и блюл свою свободу... Напомню: это уже второй отказ от должности в Москве.

Шолохов крепнет в мысли начинать восстанавливать 2-ю книгу своей «Целины». Читатели уж сколько лет ждут... Может, правда, позабыли твердые довоенные обещания.

Сталин Шолохова хорошо помнит. Май... Вождь пригласил в свой кабинет трех начальствующих писателей и несколько своих подручных по ЦК. Разговор о делах и настроениях в Союзе писателей. Вдруг такая тема — о творческих командировках. Давняя традиция Союза писателей выделять средства на поездки писателей — изучать жизнь. Симонов записал диалог, который прозвучал после того, как Фадеев признался, что творческими командировками пользуются, как выразился, «писатели-средняки».

— А почему не едут крупные писатели? — спросил Сталин. Выслушал ответ и заметил: — А вот Толстой не ездил в командировки. Как Шолохов, ездит в командировки? — задал вопрос.

— Он всё время в командировке, — сказал Фадеев.

— И не хочет оттуда уезжать? — спросил Сталин.

— Нет, — сказал Фадеев, — не хочет переезжать в город.

— Бойтись города, — сказал Сталин. Симонов добавил: «Наступило молчание». И в самом деле, загадочно выразился вождь.

Совпадение. Шолохов просится в поездку — в Швецию. Так выражена суть письма по архивной описи.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

За переиздание моих книг в Англии, Америке и Швеции зарубежными издательствами мне переведены во Внешторгбанк некоторые суммы инвалюты.

Чтобы использовать эти деньги, я обратился зимой этого года к т. Жданову за разрешением поехать в Америку или в Англию. Тогда т. Жданов не посоветовал ехать в эти страны, и последующие события подтвердили правильность его совета.

Последний раз, с Вашего разрешения, я был за границей в 1935 г. (если не считать пребывания в Восточной Пруссии на фронте в марте 1945-го). Мои товарищи писатели — Фадеев, Симонов, Эренбург, Горбатов, Сурков, Кожевников и другие — после войны побывали во многих странах. В прошлые годы мне было не до поездок, так как я много и трудно работал над романом «Они сражались за родину». Сейчас, накануне завершения работы над книгой, мне хотелось бы, если это можно, поехать с женой в Швецию, на непродолжительный срок, используя для поездки причитающиеся мне за переводы деньги.

Прошу Вас разрешить мне эту поездку.

Я не видел Вас пять лет, но не посмел просить Вас принять меня по такому мелкому вопросу, а потому и обращаюсь с этим письмом.

Сейчас я нахожусь в Москве и ожидаю Вашего решения.

Прошу уведомить меня о нем через т. Поскребышева, которому известен мой адрес.

Всегда Ваш. М. Шолохов».

Дата: «29.07.1947 года». Пометки на письме: верхняя, синим карандашом, размашисто — «От т. Шолохова», по окончании письма в правом нижнем уголке, скромно — «Архив. 8.X.47».

Вчитаемся в письмо, и легко устанавливается:

1. Шолохов в несомненной немилости. Напомню: до времен перестройки выезд за границу — показатель политблагонадежности для претендента на поездку. Немилость унижительна: это подчеркнул Шолохов, когда взялся перечислять своих «выездных» коллег.

2. Сталин перестал благоволить к Шолохову пять лет назад. Это 1942-й, не исполненная писателем просьба вождя запечатлеть «гениальных» полководцев

3. Это само по себе унижительное состояние — просить.

4. Письмо начисто лишено подхалимажа. Я же начитался в архиве подхалимских посланий.

5. Письмо изучалось-рассматривалось прислужниками Сталина больше 2 месяцев.

6. Любопытно и такое — стремление Шолохова в Скандинавию: ездил в 1935-м, стремится сейчас, и после смерти Сталина неоднократно ему туда дорога.

7. В отличие от всех иных «заграннаездников» не просит в дорогу никаких государственных денег.

Самое главное: Сталин не ответил Шолохову — проигнорировал, не удостоил.

...1948-й. Январь — Сталин высказался о Шолохове: пренебрежительно. Это признание доверил иностранцу, к тому же в узком, как выражаются в верхах, кругу. Милован Джилас удостоился чести выслушать откровение. Давний друг и один из самых близких соратников Тито. Впоследствии станет «врагом» югославского народа, отсидит свое. Был идеологическим врагом и нашего ЦК, антикоммунист. Но в тот год прибыл из Белграда с огромной важности поручением. Неспроста принят Сталиным. И вот какой разговор произошел в часы полночного застолья:

«Говоря о современной советской литературе, я, как более или менее все иностранцы, указал на Шолохова. Сталин сказал:

— Сейчас есть и лучшие, — назвал две неизвестные мне фамилии, одну из них женскую».

ЧАС ПРИШЕЛ СПУСТЯ 20 ЛЕТ

1949 год. Черная тень над всеми шолоховскими произведениями.

...«Они сражались за родину». Июнь. «Правда» печатала новые главы. Шолохов никогда не оставлял равнодушным читателя. И на этот раз пошли отклики. Кое-кто сочинял их для ЦК. То были доносы. Один из них попал к Суслову. Былой земляк, а ныне твердокаменный оплот руководящей идеологии станет определять судьбу романа. Перо доносчика профессионально.

Оно принадлежит редактору Военного издательства. Сулову не надо особо напрягать ум и тратить силы на воображение. Он погружается в привычную стихию политфразеологии:

«Если «Правда» напечатала эти главы, значит, редакция одобрила их. А меня эти главы возмутили пошлостью, искажением нашей действительности, клеветой на советских бойцов...»

И дальше доносчик не сбивает прицела — бьет по всей площади картечью: «Ужасная клевета... страшный поклеп... грубый цинизм... трудно поверить, что это «творчество» — дело рук советского писателя... колорит не наш, не советский...»

Сулов, опытный аппаратчик, запросил мнение отдела пропаганды. Здесь быстро собрали все другие доносы, а их, судя по заключению, много. Сулову новая работа — знакомиться с мнением отдела. Уже по первым строкам уяснил позицию: «В письме, как и в ряде других писем читателей, полученных отделом пропаганды, правильно отмечены некоторые недостатки новых глав...»

Все возвращается на круги своя. Напоминаю: такие же «правильные» оценки шли от профессионалов пера по появлении и «Тихого Дона», и «Целины».

ЦК не дал отпор наветам. И «Правда» ничего доброго о романе...

Узнать бы, доложили ли вождю о «ряде» разоблачительных писем?

...9 сентября. В этот день Сталин подписывает в печать 12-й том своих сочинений. Листает... Видит росчерки корректоров, редакторов, издательского начальства, Института марксизма-ленинизма. Внимательно вчитывается в оглавление: если что не так, еще можно исправить — что-то включить, что-то исключить... Те, кто помогал составить-скомплектовать том из речей, статей и писем, заверили: состав выверен и всесторонне взвешен — в нем ничего лишнего, он — развитие науки марксизма-ленинизма и вклад в практическое строительство социализма, том и на перспективу, он и актуален...

Шолохов вполне испытает на своей шкуре его перспективную актуальность. Скорбный список жертв идеологической крупорушки пополнен Шолоховым. Дернул вождь — прилюдно! — удилами-железами: «Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений...»

20 лет тому назад о письме узнали совсем немногие. Сейчас этому письму быть отштампованным в количестве 515 тысяч экземпляров.

В Москве, в издательстве «Художественная литература», восприняли последствия письма тотчас же. Мне об этом рассказал Александр Иванович Пузиков. Это один из старейших издателей, лауреат Государственной премии СССР. Мне выпало работать с ним несколько лет в знаменитом ИХЛ, он был у нас главным редактором. Вспомнил для меня: «Издательство планировало очередное переиздание романа. Вдруг звонок из ЦК: «Читайте Сталина. В «Тихом Доне» грубые ошибки. В таком виде издавать нельзя...»

Вот и пришел час и сработало с датой «1929» взрывное устройство от руки-пера вождя-правителя.

Что делать жертве? Было принято каяться в таких случаях. И лучше всего эти свои смиренные покаяния напечатать — так надежней. Шолохов не стал каяться и просить отпущения грехов.

Мне рассказал:

— Я написал Сталину письмо, в котором просил его конкретно назвать «ошибки» и «неверные сведения». Не ответил он.

Много лет спустя письмо Сталину обнаружили. То открытие уже с добром помянутого архивиста Ю. Мурина. На письме дата: «3 января 1950 г.». Это означает, что все новогодние дни думал-раздумывал, что и как писать.

«Дорогой товарищ Сталин!

В 12-м томе Ваших Сочинений опубликовано Ваше письмо тов. Феликсу Кону. В этом письме указано, что я допустил в романе «Тихий Дон» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др.

Товарищ Сталин! Вы знаете, что роман читается многими читателями и изучается в старших классах средних школ и студентами литературных факультетов университетов и педагогических институтов. Естественно, что после опубликования Вашего письма тов. Ф. Кону у учителей, преподавателей литературы и учащихся возникают вопросы, в чем я ошибся и как правильно понимать события, описанные в романе, роль Подтелкова, Кривошлыкова и других. Ко мне обращаются за разъяснениями, но я молчу, ожидая Ваших слов.

Очень прошу Вас, дорогой товарищ Сталин, разъяснить мне, в чем существо допущенных мною ошибок.

Ваши указания я учел бы при переработке романа для последующих изданий.

С глубоким уважением к Вам М. Шолохов».

Немногие — совсем немногие! — рисковали пускаться в объяснения со Сталиным.

Светлана Михайловна дополнила: «Отец забыл, что спустя время написал еще одно письмо. Вторично просил Сталина принять для разговора или хотя бы письменно объяснить, в чем же «грубейшие ошибки». Но ни ответа ни привета».

Сталин не пожелал снизойти до объяснений. Без него нашлись толкователи. Издательскому начальству дали понять, что в романе должен появиться еще один герой-персонаж... Шолохову оставалось вспомнить пожелание Сталина увековечить образы «гениальных» полководцев. Вождь давно уже внушил себе, с помощью присных, что его гений начинался в гражданскую войну.

Вызывают внештатного редактора. Этот послушный литератор берет в руки перо. Из-под этого пера выходит послушная подделка. Роман обретает сцену: Сталин и народные ходоки...

Не могли не доложить Сталину, что издательство оперативно сделало должные, как принято выражаться, выводы из критических замечаний его, вождя, письма. Если доложили в подробностях, в том числе о новой главке с его именем, то мог удовлетворенно подумать, что это отличный подарок — стать героем гениального романа. Грядет 70-летие.

Июль 1950 года. Шолохов вынужден обратиться ко второму деятелю партии — к Маленкову. Довели: он полон желания писать военный роман, но мешают. Получил отказ в Генштабе, когда самостоятельно попытался добиться помощи-поддержки. Посему пишет: «Дело в следующем: завершая первую книгу романа «Они сражались за родину» — и уже приступил к работе над второй, — испытываю острую необходимость ознакомиться с материалами, касающимися обороны Сталинграда...» Горечь письма: «...С этим я не смогу — как мне было сказано — ознакомиться без Вашего на то указания». Еще горше: «Вы понимаете, как губительно отразится на моей работе отсутствие этого материала, а потому и прошу Вашей помощи».

Стоит вспомнить: Лев Толстой для «Войны и мира» перечитывал огромное число исторических книг и воспоминаний. Шолохов для «Тихого Дона» перечитал огромное число воспоминаний и копался в архивных фондах. Война с фашизмом — пока еще нет обобщающих книг и маршальских воспоминаний. Потому-то понадобились писателю архивы — хочет знать больше.

Шолохов повеличал Маленкова: «дорогой товарищ Маленков». Еще наивнее: «Всегда помня Ваше доброе ко мне отношение...»

На письме резолюция — она ни к чему не обязывает: «Прошу ознакомить гг. Громова и Егорова».

Ждет-пождет вешенец ответа от «дорогого» Маленкова: месяц... второй... восьмой... Не дождался помощи. Только в папке за март 1951 года я обнаружил некий след от усилий тех, кому было поручено ознакомиться с письмом, — сплошь невнятица: «В секретариат тов. Маленкова Г. М. Письмо т. Шолохова докладывал секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову Г. М. и по существу вопросов, изложенных в письме, получил соответствующие указания. Заведующий Административным отделом ЦК ВКП(б) Громов. 23 марта 1951 г.».

Напоминаю читателям Хроники: нельзя впихивать Шолохова в прокрустово ложе нынешних политических пристрастий. Шолохов и любил, и ненавидел то, чем жил тогда, в свое время. Он сам весь в пристрастиях. Наверное, потому выступает на Всесоюзной конференции сторонников мира. И на совещании передовиков сельского хозяйства. И протестует против вмешательства Америки в войну двух Корей. И не восславляет труд Сталина о языкознании...

Письмо из Вешенской, которое никогда не печаталось. Нашел его в папке, где и не мог предположить след писательского пера. Записки, расчеты, таблицы, сводки. Солидные бланки — солидные подписи руководителей республик, краев, областей, министерств... Шолоховское письмо выделялось:

«Дорогой товарищ Маленков!

Вешенская электростанция, построенная по распоряжению покойного Орджоникидзе (Шолохов не добавил, что по его просьбе. — В. О.) 20 лет назад, имеет два дизеля марки «Метеор», которые пришли в абсолютную негодность в результате отчасти длительной эксплуатации и в основном потому, что станция была разрушена немецкой авиабомбой в июле 1942 года и двигатели почти год простояли в развалинах, под открытым небом. Их

необходимо менять еще и потому, что дизели типа «Метеор» устарели, давно не производятся нашей промышленностью и, естественно, ни одной запасной части к ним не найти.

Наши попытки добиться чего-либо конкретного по части приобретения 2 дизелей ни к чему не привели и без Вашего мощного слова поддержки, безусловно, ни к чему не приведут и в дальнейшем. Только поэтому, поборов стыд, я решил снова побеспокоить Вас и просить помощи. (Добавлю: чую в словах «стыд» и «снова побеспокою» эхо от каких-то предшествующих обращений, вероятно, обид от отказов. — В. О.)

И последняя просьба — в отношении горючего: нам отпускают нефть со станции Миллерово, и ее приходится возить за 168 километров, а в 3 километрах от Вешенской, на Базковской нефтебазе, 300 тонн солярки, которую для нужд нашей электростанции почему-то не отпускают, ссылаясь на то, что требуется разрешение Москвы. (Добавлю: вспомним 30-е годы — тогда он тоже обличал глупости и нелепости.)

Очень не хочется сидеть по ночам в потемках. Помогите! Полугодовая потребность горючего составляет 40 тонн.

С сердечным приветом. М. Шолохов».

Маленков дал ход письму. С 1949 года Шолохов, по моим сведениям на 1993 год, больше никогда не обращался к Сталину. Только к Маленкову.

ЧП НА ПАРТСЪЕЗДЕ

132

В сентябре 1952-го — за месяц до съезда партии — на стол Маленкову кладут письмо из Ростовской области. Четыре рукописные страницы от никому не известного бухгалтера. Рассказывает — в подробностях, — как нехорошо ведет себя Шолохов: пил в гостинице.

Маленков словно ждал письмо (а может, и впрямь ждал!). Пренебрег давним аппаратным правилом отправить сигнал для проверки достоверности в обком или поручить разбирательство Союзу писателей. Сам стал принимать меры. Придал письму значимости. Его резолюция несет собой всепартийную озабоченность: «Тт. Пономаренко П. К., Сулову М. А., Хрущеву Н. С., Шкирятову. На ознакомление вкруговую. На секретариат ЦК».

Будет ли он после такого урока демонстрировать усердие, чтобы оправдать доверие? Следующий сюжет расскажет. Он пострашнее первого.

О, как строго, назойливо и тщательно инструктируют делегатов на предмет дисциплины. Начали в райкоме, продолжили в обкоме перед отъездом в Москву, завершили на совещании в день приезда и вечером в канун открытия съезда. Все наставления по полочкам: где и когда регистрироваться каждое утро и после обеда, нельзя пересаживаться с места на место, ни-ни опаздывать после перерыва... Главный показатель участия делегаций в работе съезда не только своевременно и единогласно проголосовать, но и строжайшая дисциплина посещать. За каждой делегацией для надзора закреплен работник ЦК.

Эх, сбежал со съезда писатель М. А. Шолохов. Не оправдал доверия. Не исполнил обязанностей делегата. Мало того, что не выступил — пренебрег великим правом слушать «историческую и эпохальную» речь И. В. Сталина.

Факт этот биографии писателя наитщательно скрывался. Узнал о нем в 1993 году по архивным фондам ЦК. На бумагах гриф «Секретно»!

Устроители съезда в переполохе. Скрыть нельзя — за это партбилет из кармана. Маленкову донесли лично. А минуло ли Сталина? В донесении строго и посему внушительно: «Шолохов, являясь делегатом XIX партсъезда, пропустил несколько заседаний съезда».

Черное пятно. Началось расследование. Аппаратчики мертвой хваткой в руководителя делегации — бедный секретарь обкома. Ему нужно сыскать такую причину, чтобы сберечь себя. Оправдывался: Шолохов запил. Руководящий земляк не щадит виновника жуткого для своей карьеры события. Маленков читает: «По мнению секретаря Ростовского обкома партии т. Киселева, с которым мы беседовали, к т. Шолохову необходимо применить меры принудительного лечения, т. к. меры, принятые обкомом, не оказывают никакого воздействия на писателя...»

Итак, новая с 1953 года тема Хроники: Шолохов, как обнаружил по архивам ЦК, выставлен для ЦК как безнадежный алкоголик.

Анналы высшей власти впервые обозначили упоминание темы «Шолохов и рюмка» грозным вопросом Сталина в 1938 году при поразительно смелом ответе: «От такой жизни запьешь!»

И дальше — все чаще — пойдут донесения о пьянстве. Поставлен диагноз, а каким быть лечению? Вослед мнению обкома — о принудлении — московская партвласть тоже такого же мнения.

Читаю донесения в ЦК. Почему диагнозы об алкоголизме писаны не по профессиональной форме? Или это просто доносы? Когда-либо этим займутся эксперты-специалисты. Мое мнение — выскажусь заранее, в преддверии новых донесений: не верю в чистоту замыслов тех, кто подписывал их. Вот те обстоятельства, которые сподвинули к сомнению:

1. Все «алкогольные» бумаги на Шолохова появляются в ЦК — по совпадению или по прямой связи — во время особых политических событий в жизни партии или в ходе ужесточения партруководства писателями — не то попытка исключить неуправляемую натуру из активной деятельности, не то вынесение приговора: «Вот он, Шолохов, какой!..»

2. Требования принудления... Не стоит ли за ними то, что Шолохову напоминают: ЦК награждает, милует, но и воздействует, и карает!

3. По архивам ЦК убедился: те, кто писал донесения, и те, кто принимал их, ни разу не задумались, что означал ответ Шолохова Сталину: «От такой жизни запьешь!» Даже житейски проницательный Хрущев. Никто не догадывался — или не осмеливался? или не хотел? — спросить у авторов «алкогольных» донесений: «Почему Шолохов пьет? Раздрай души и чувств по понима-

нии своей постоянной политической зависимости?.. Реакция на политпритеснения?.. На самоцензуру?.. Разрядка от изнурительного труда, ведь перо водит не рука, а сердце?..»

4. Донесения о запоях далеко не всегда подтверждаются образом жизни. 1952-й: Шолохов написал несколько публицистических статей и очерк, был делегатом — и оратором — на Всесоюзной конференции сторонников мира.

Поелико возможно деликатно поведal Светлане Шолоховой о находках в архиве. Слышу в ответ:

— Эти письма... Я их расцениваю... подло было писать о писателе! Если уж хотелось заботиться, так разве так заботятся?! Я эти письма считаю... Желание настроить ЦК против неуступчивого, неуправляемого писателя. Это к тому же чиновная перестраховка-подстраховка: если что случится — как с Фадеевым, — мы, мол, своевременно сигнализировали... И грязные преувеличения, чтобы просто опорочить.

Она добавила — нашла еще один аргумент в защиту чести и достоинства отца:

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы настоящий охотник был алкоголиком? С трясущимися руками? А отец — ах, как он славился метким выстрелом!

СМЕРТЬ СТАЛИНА

134 ...Новый, 1953-й начинался по-старому. Шолохов в своих Вешках получает новогодний номер «Правды». Привычны приветы и приветствия, статьи и стихи, прославление знатных людей. Его фамилии нет.

4 марта... Радио заставило вздрогнуть: сообщение о болезни вождя.

Вождь до последнего лицеизрел Шолохова. В книге дочери прочитал, что на даче, в большом зале, красовалась целая галерея репродукций писательских портретов. Среди них Горький и Шолохов.

5 марта объявлено о смерти.

Листаю «Правду». Уже через день траурное слово Симонова, Твардовского, Фадеева.

8 марта Шолохов попрощался со Сталиным. На третий день после кончины вождя в «Правде» появилась его 80-строчная статья «Прощай, отец!». Она была продиктована по телефону из Вешенской.

Шолохов не приехал в Москву на похороны. Не покинул станции.

Рассказывают, что в самый первый свой приезд в Москву — после траурных событий — вешенец заспешил в издательство «Молодая гвардия». Там готовился, как приложение к журналу «Сельская молодежь», «Тихий Дон». Писатель приказал исторгнуть чужеродные вписки — главку о Сталине.

...1954 год, 21 января. С грифом «Секретно» Суслову кладут на стол письмо из Союза писателей. «Старейший писатель академик Сергеев-Ценский получил от Нобелевского Комитета пред-

ложение выдвинуть кандидата на Нобелевскую премию по литературе...»

Автор послания — опытный царедворец. На всякий случай — как бы не обвинили в отсутствии политбдительности — предусмотрел отступное: «Нет нужды напоминать Вам о том, что Нобелевский Комитет является реакционнейшей организацией...» Посему два варианта: «Можно использовать для соответствующей политической акции или для публично мотивированного отказа с разоблачением этой организации... или для мотивированного выдвижения кандидатуры одного из писателей, как активного борца за мир».

Письму дан ход. Через 6 дней Сулов читает заключение отдела науки и культуры: «Считаем целесообразным рекомендовать через т. Сергеева-Ценского воспользоваться предложением...»

23 февраля. Секретариат ЦК в работе, несмотря на праздник. Протокол № 54: «Принять предложение Союза советских писателей о выдвижении в качестве кандидата на Нобелевскую премию писателя Шолохова М. А.». Решения секретариата показало мало. Через 2 дня Президиум ЦК — утвердил...

Союз писателей тут же к Сергееву-Ценскому. Старый писатель-академик подписывает письмо в Стокгольм. В ЦК признавали, что «Тихий Дон» являет вершину праведной аполитичности — и не надо отказывать в праве на премию. Но проявлено и низкое политиканство: использовать славу писателя-коммуниста на возвеличивание страны и строя. Да и то скажу: упрек за Шолохова не только бы ЦК. Что-то забыто, к примеру, как Жан Поль Сартр добивался премии автору «Тихого Дона». Да как: отказался от своей премии в знак протеста, что ею никак не удостоит вещенца. Напечатал: «Достойно сожаления, что премию присудили Пастернаку прежде, чем Шолохову...» Еще критика: «В нынешних условиях Нобелевская премия объективно выглядит как награда либо писателям Запада, либо строителям с Востока...»

Конец марта... ЦК получает сообщение: Нобелевский Комитет откликнулся. Сулову передают перевод письма: «Уважаемый господин Сергеев-Ценский! Нобелевский Комитет с интересом принял Ваше предложение присудить Нобелевскую премию М. А. Шолохову. Так как предложения должны поступать к нам не позднее 1 февраля, Ваше предложение дошло до нас слишком поздно, чтобы быть обсуждаемым за нынешний год. Однако Шолохов будет выдвинут в качестве кандидата на Нобелевскую премию за 1955 год...»

ПОЛЕВОЙ И БРЕЖНЕВ ПРОТИВ ШОЛОХОВА

Новогодье 1955 года — особое. Грядет полувек Шолохову.

ЦК заранее подумал о юбиларе. Апрель... Принято постановление «О награждении писателя Шолохова М. А. орденом Ленина». Постановление указывало Президиуму Верховного Совета принять следующий Указ: «За выдающиеся заслуги в области

художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, наградить писателя Шолохова Михаила Александровича...» Его напечатают 24 мая.

Сентябрь... Тут-то для лиха время пришло. Еще одно постановление с именем Шолохова. Так и поименовано «О т. Шолохове М. А.». В нем: «В связи с медицинским заключением четвертого управления Министерства здравоохранения СССР о серьезном ухудшении состояния здоровья...» Еще «Обязать т. Шолохова М. А., как члена партии, строго выполнять режим, установленный для него на период курса лечения».

В архиве с этим постановлением соседствует Записка, к Записке приложено Заключение того самого Управления Минздрава, что призвано обеспечивать лечение номенклатуры.

Читаю Записку. И вот из нее некоторые извлечения:

— «В ЦК КПСС обратились с письмами М. Шолохов, Секретариат Союза писателей (В. Смирнов), а также Шкапа и Пермитин, в которых сообщают, что писатель М. А. Шолохов вследствие систематического злоупотребления алкоголем находится в тяжелом физическом и моральном состоянии, творчески не работает, а в последнее время фактически не выходит из состояния опьянения».

— «В целях предотвращения гибели самого талантливого советского писателя М. А. Шолохова было бы целесообразно заставить его лечиться в принудительном порядке».

Вчитываюсь и удерживаю себя от комментариев в надежде на отклик специалистов; себе же даю право удивляться:

«С письмами М. Шолохов...» Это что, сам на себя?

«Не выходит из состояния...» Но в заключительном абзаце Записки: «В настоящее время... находится в нормальном состоянии...»

«Творчески не работает...» А в тот год долгожданное для всех событие — появилась в свет 2-я книга «Целины». «Правда» ее в отрывках несколькими номерами напечатала. И публицистика. Участвует в творческом семинаре молодых писателей, даже выступил.

Читаю медзаключение — все общие выражения, никаких данных из анализов. Конкретности в следующем:

— «Пьет много (две-три бутылки коньяка в сутки...)» Еще: «Общий атеросклероз и гипертоническая болезнь... Дальнейшее злоупотребление алкоголем приведет к необратимым последствиям и гибели». И это о человеке, который прожил еще 30 лет!

Октябрь 1956-го. На шолоховском столе несколько густо исписанных листиков: с дописками, вставками, поправками, вписками. На последнем дата: «Начало октября 1956 г.».

Целинный очерк М. А. Шолохова.

Кто и что знает о нем?

Шолохов предал его огню...

Грустны заготовки-наброски к очерку. И не только по отсутствию праздничных завитушек в зачине:

«Конец августа. Блекло-голубое, словно выцветшее за долгие летние дни небо и маленькое неяркое солнце над (степью) сталинградскими степями, покрытыми сизой мглой. Жарко и душ-

но, как перед дождем, но на небе ни облачка. Слабосильный ветерок еле-еле шевелит поникшие от жары (травы) листья деревьев. А пыль на дороге такая, что не продыхнешь. Она высокой, серой стеною встает за машиной и медленно, мягко рушится, клубясь и оседая на обочинах дороги, на придорожных травах (серым пушистым слоем покрывая все вокруг). И уже не разберешь на ходу, где мелькает полынь, где донник или сурепка, — все одето (серым, пушистым) дымчатым, как козий пух, серым слоем пыли...»

В концовке тем более никаких признаков поддакнуть возбуждающе-пропагандистской при слове «Целина» шумихе. Шолоховское перо пошло вслед чувствам, а не партийному долгу:

«А вот на пристани и старое тоже издавна знакомое: всюду грязь и мусор, валяющиеся с утра объедки пицци, арбузные и дынные корки, а над всем этим неприглядством — мириады мух. Среди ожидающих очереди на переправе — грязные, оборванные (дети) малолетние детишки цыган танцуют, выпрашивая милостыню, и, поспряемые скучающими шоферами, откалывают такие непристойные коленца, что стоящие (неподалеку) вблизи женщины негодуяще отворачиваются. Блустителей общественного порядка на пристани что-то не видно».

Я узнал о причине, по которой Шолохов отказался завершать очерк, когда попала в руки газета с воспоминаниями внучки Е. Г. Левицкой. Читаю: «Одна из последних встреч мне особенно запомнилась. Это было в первые годы освоения целины. Михаил Александрович вернулся с целины, написав довольно грустную и даже тяжелую повесть о житье-бытье там. Отрывки из этой повести он читал у нас дома. На всю жизнь у меня осталось в памяти лицо отца, в глазах которого стояли слезы. Это жгучее и грустное воспоминание. Кончив читать, он задал вопрос: «Ну, куда я теперь с этим, когда вокруг фанфары победы, знамена, ордена, шумиха? Пусть полежит, «обмаслится». Конечно, это не дословно слова Михаила Александровича, но смысл был именно такой».

Сожженный очерк — характерная строка биографии!

Шолохов не приемлет политшумихи. ЦК не приемлет политнезависимости Шолохова. Ему припомнили речь на партсъезде.

...Первая неделя декабря. Власть поняла: не сплотить ей писателей. Решено провести встречу-совещание: вдруг удастся повоздействовать — одних привлечь в союзники, других пострадать. В президиуме высокое партначальство: Сулов, Брежнев, Фурцева, Поспелов, Шепилов...

Пять дней... Изничтожаются Твардовский за «Теркина на том свете», Эренбург за «Оттепель», Берггольд, начинающий поэт Евтушенко... Шолохова с каждым из них судьба уже сводила или еще сведет. В числе воспитуемых Дудинцев, Гранин...

И Шолохов в прицеле. С критикой — секретарь правления Союза писателей Борис Полевой. Он в те времена свой в ЦК — в партархиве множество его записок и писем. Полевой бьет по Шолохову, и никто в президиуме не защищает. Полевому не нравится речь Шолохова на партсъезде — ее осуждает:

— Речь Шолохова, по моему твердому убеждению, нанесла

существенный вред, и в этом надо отдавать себе отчет.

Брежнев председательствует. Он предоставил слово Полевому. И слушал наивнимательно.

Шолохова не было на этом совещании: не пригласили или нашел предлог не пожаловать...

Уверен, что вешенцу рассказали, как палил по нему секретарь СПП, а секретарь ЦК не одернул.

Едва закончилась встреча-совещание, как 13 декабря главный идеолог партии Сулов получает Записку — о Шолохове. Вот же совпадение — и как стали повторяться: только писатель чем-то не угодит, так сигналы. Избрана только одна тема — «алкогольная». Блестящий образчик аппаратного жанра: пусты слова, но переходят в зримые выражения — четкие, как будто логичные, с надлежащим сюжетом и столь убедительны, что и не заметишь отсутствие фактов-доказательств.

Начало — напоминая: «В сентябре 1955 года Секретариат ЦК КПСС поручил 4-му Управлению Министерства здравоохранения СССР организовать лечение т. Шолохова М. А. ...»

Продолжение — с критикой: «Это решение не было выполнено...»

А дальше и до последней строки такое, что жутко читать: «...Состояние тяжкого запоя... Периоды трезвого состояния все более кратковременны... Здоровье писателя катастрофически разрушается... Теряет всякую способность к творческой деятельности... Носит с собой оружие...»

В конце: «Прошу ЦК КПСС обязать начальника 4-го Управления Министерства здравоохранения СССР т. Маркова А. М. организовать в принудительном порядке лечение т. Шолохова М. А.»

Да, кое-кто и сегодня вспоминает многочасовые или даже многодневные застоля. Это правда. Но только ее часть. Никто — почему? — не вспоминает, о чем говорено в этих застольях — шла ли пьяная похвальба и несбывные мечтания, или говорено-выплакано о прижатом властью писательском пере и о том, что жизнь шла и идет не так, как требует того чуткая совесть-душа... Пить — горе, а не пить вдвое.

Это первое. Второе: а не было ли выгодно недругам Шолохова сгущать краски, чтобы и приструнить писателя, и унижать его. И в самом деле: как же не вписывается поведение писателя в 1956-м в тот портрет, что живописан в донесениях. Работает над «Поднятой целиной» и военным романом. Берется за очерк — выкроил время для поездки в Казахстан. Делегат партсъезда. Полон живейшим соучастием жизни Дона — в дни партсъезда направил письмо в ЦК: просит помочь семенами верхним районам. Еще письмо: вместе с Михаилом Исаковским и Вс. Ивановым просит ЦК разрешить сестрам Сергея Есенина — пожилым и нуждающимся женщинам — вступить в пользование наследием. Еще штрихи биографии: пришел в гости к участникам Всесоюзного совещания молодых писателей... Откликается на столетний юбилей Ивана Франко... И обратился к венгерским писателям.

Я удивился, когда в архиве ЦК нашел след порыва Шолохова

помочь сестрам Есенина. Подумал: что общего? Связываюсь с главным знатоком жизни и творчества поэта, председателем Есенинского комитета — Юрием Прокушевым. Он мне большое рассказал. Оказывается, академик Шолохов дал согласие стать главным редактором первого академического собрания сочинений Есенина. И не являл себя свадебным генералом. Много раз встречался с теми, кто стоял у истоков издания. Увы, академическое издание тогда выпустить не удалось. Но согласие Шолохова сыграло преогромную роль в ускорении есенинской издательской программы.

ДОНОС ИЗ ПАРИЖА

Чего только не испытал-пережил герой моей Хроники в 1957-м...

До него явно долетает, что ЦК продолжает числить его измученную персону по разряду алкоголиков.

Брежнев сыграл злую роль. 11 января он получает Записку из Минздрава. Все тот же гриф: «Секретно». В документе: «Направляю Вам для ознакомления стенограмму заочного (подчеркнуто мною. — В. О.) консилиума... Указанные специалисты также считают, что необходимо обязать М. А. Шолохова в принудительном порядке провести лечение в течение не менее шести месяцев...»

Дальше — приложение: «Стенограмма консилиума у Начальника четвертого Главного управления проф. Маркова А. М.». Быть ли здесь ответу на недоумения, как это заочно приговорен на принудительную в 6 месяцев? Читаю. Первый по стенограмме профессор:

— Должен подчеркнуть, что я дважды имел возможность видеть тов. Шолохова М. А. ...

Задаю себе вопрос: видеть или обследовать? Нет в стенограмме ответа.

Второй по стенограмме ученый:

— Для организации лечения тов. Шолохова М. А. необходимо решение вышестоящей организации, которое сломит сопротивление больного.

Снова вопрос: почему эти высокопоставленные — номенклатурные — медики сами не побеседуют с писателем?

В голове как гвоздь: тон консилиумщика хуже прокуророва — «сломить сопротивление»...

Догадываюсь: консилиумщики предчувствуют несправедность своего заочного приговора. Читаю: «Лечение вызовет массу претензий...» И тут же такое — внезапное в стенограмме, но едва ли случайное: «Может быть, даже и обоснованных...»

Не потому ли Брежнев не спешит принимать какое-либо решение. Впрочем, в стенограмме и нет ничего такого, чтобы бить в колокола срочности и безотлагательности. Почти два месяца лежат напрасно бумаги... У Брежнева вся власть, чтобы отправить донесение в архив, а номенклатурщику в белом халате выговорить: это зачем же загружать ЦК «заочными консилиума-

ми»? В его же власти дать официальной бумаге официальный ход.

Секретарь ЦК выбрал последнее.

7 марта секретариат принял Постановление «О т. Шолохове». В нем: «Учитывая, что состояние т. Шолохова М. А. резко ухудшилось (заболевание печени и сердечно-сосудистой системы), обязать т. Шолохова в соответствии с медицинским заключением провести специальное длительное лечение в условиях строгого больничного режима».

Историческое решение! Сижу в архиве, и у меня — непрофессионала — по прочтении сплошь вопросы-недоумения. В постановлении — «резко ухудшилось», но в представлении Минздрава и консилиумщиков ничего такого. Может, потому аппаратчики внезапно вписывают в постановление ЦК это нетерпеливое «резко», что догадались — документу недостает убедительности и обоснованности. Брежнев завизировал это «резко» — «запаматовал», что мариновал два месяца Записку и стенограмму.

...Доносилось ли до Вешек, что мир бурлит — кому быть выдвинутым на соискание Нобелевской премии: Пастернак или Шолохов? Запрет «Доктора Живаго» по приказу из ЦК психологически не в пользу «Тихого Дона». Политики воспользовались ситуацией — и вот еще один запал к ужесточению холодной войны. Творческий мир по исконному призванию поднялся в защиту гонимого поэта и его запрещенного в СССР романа.

Март. С грифом «Секретно» ЦК получает письмо секретаря СП Симонова. В нем: «В шведском Пен-клубе недавно обсуждался вопрос о кандидатурах на Нобелевскую премию по литературе. В числе кандидатов следующие писатели: Михаил Шолохов, Борис Пастернак, Эзра Паунд (США) и Альберто Моравия (Италия). ...Писатели Швеции высказывались в пользу М. А. Шолохова, но с настроениями писателей далеко не всегда считаются»...

Еще одна Записка в ЦК из Союза писателей по результатам поездки делегации в Швецию: «...Абсолютное большинство участников высказалось за Шолохова. Подал свой голос за Шолохова и принц Вильгельм, осуществляющий шефство над Пен-клубом».

Секретарь ЦК Ильичев информирует высший эшелон ЦК: «В кругах представителей зарубежной прессы высказывались такие предположения, что Нобелевская премия может быть разделена между Пастернаком и Шолоховым».

Испуг. Ищется противоядие. В ЦК придумали ответный ход: «Если т. Шолохову М. А. будет присуждена Нобелевская премия наряду с Пастернаком, было бы целесообразно, чтобы в знак протеста т. Шолохов демонстративно отказался от нее и заявил в печати о своем нежелании быть лауреатом премии, присужденной которой используется в антисоветских целях».

В бумагах ЦК то и дело о «Докторе Живаго»: «клеветнический роман», «антисоветский»...

Нельзя и помыслить издать его на родине.

Шолохов помыслил.

...Ему в тот год — дорога во Францию. Перед поездкой — инструктаж-наставление. Главное предупреждение: «Вас будут атаковать темой Пастернака. Надо выдерживать линию ЦК...»

В тот год советские визитеры смелостью пожиже и авторитетом пониже панически боялись интервью. Гляди, заклюют вопросами о Пастернаке... Поди потом там, дома, в ЦК, отмойся, если что-то нечаяннобрякнешь не по-официальному.

Париж. К Шолохову с предложением принять журналиста. В посольстве пояснили: газета буржуазная, но влиятельная... будьте осторожны...

Шолохов не струсил — пригласил интервьюера. Высказался. Газета вышла.

Посольство в шоке — подлинно паника. Тут же в Москву — шифровка посла с пометкой «Весьма срочно»: вот, мол, находящийся во Франции Шолохов... Это срочное донесение немедленно — как важнейший госдокумент — обретает гриф: «Всем членам Политбюро». Еще направлено в КГБ, МИД... Сорок руководителей партии и правительства приобщены к делу М. Шолохова. Было от чего падать в обморок: Шолохов заявил в интервью то, что дома, на родине, каралось:

— Надо было опубликовать книгу Пастернака «Доктор Живаго» в Советском Союзе вместо того, чтобы запрещать ее...

Вот же как — в открытую! — убийственное для антипастернаковской линии ЦК.

Шолохов искренен. За Пастернака заступился, но в любви не признался, хотя и назвал «блестящим» поэтом. Не скрыл, что совсем не чит «Доктора Живаго». Но говорил это в рамках приличий. Иначе, к примеру, высказывался о романе Набоков: «Дрянь, слезливый, фальшивый и бездарный».

ЦК без никакого промедления с отпором вольнодумцу — в привычных репрессивных партвыражениях: «Обратить внимание М. Шолохова на недопустимость подобных заявлений, противоречащих нашим интересам».

И шифровка советскому послу с требованием разобраться и принять меры. Тот в меру своих возможностей вчиняет надзор за непутевым гостем.

Я догадался о немедленно «принятых мерах», когда прочитал в архиве ЦК перевод новой заметки — из «Нувель литерер». Автор жалуется, что работники посольства не давали Шолохову рта раскрыть. Как только острый вопрос, так писатель выслушивал: «Мы опаздываем!»

В этой поездке автор «Тихого Дона» предстал французам диковинным — совсем не похож на тех энергичных за границей советских писателей, что гулко пропагандируют там свою политическую активность.

Шолохов — с гордостью — о другом:

— Я мало участвую в работе ССП. Мне повезло, что я живу далеко от Москвы, на берегу тихого Дона.

— Я, знаете ли, пишу медленно. Это ведь не порок для писателя, не так ли? Поспешность хороша при ловле блох...

Может, Шолохов, как все остальные визитеры, станет славить свой писательский цех? Ничуть:

— Критика в Советском Союзе мне кажется такой же отстающей, как и литература...

И впрямь, слышали ль когда за границей такое ниспровергательство из уст члена ЦК?

Неожиданна эта «пастернаковская» страница биографии Шолохова. Она еще одно доказательство — нельзя втискивать настолько сложную натуру в одномерное состояние.

Октябрь. Б. Л. Пастернак коронован нобелевским званием. Н. С. Хрущев — по подзуживанию М. А. Сулова — дает команду на травлю. Травят газеты, эфир, комсомольские собрания... Редколлегия «Нового мира» отрекается — заставили... Московские писатели принимают Открытое письмо — осуждают.

Нашел ли Шолохов слово в хулу? Он еще совсем недавно новомировец. Числится по московской писательской организации. Пастернак — по воле судьбы — конкурент в обладании высшей в мире награды... Вдруг вешенец соблазнится на осуждение? Не надеюсь на свою память, поэтому вооружился книгой «С разных точек зрения. «Доктор Живаго» Бориса Пастернака» 1990 года издания. Едва ли не энциклопедия на имена друзей и врагов. Статьи, письма, высказывания... Десятки тех, кто защищал Пастернака (чаще, правда, тайком)... Десятки тех, кто травил... Фамилии Шолохова в сборнике нет.

...Непостижим Шолохов. Конец декабря. На Шолохова — опасный донос. Он восстанавливает против себя Главное Политическое Управление Армии. Сулов читает: «Докладываю, что 26 декабря 1958 г. нами была организована встреча личного состава Академии (имени Жуковского. — В. О.) с писателем Шолоховым М. А. ...При ответах на вопросы тов. Шолохов допускал вольности, граничащие с аполитичностью».

В 1959 году, в конце августа, Никита Сергеевич Хрущев пожаловал в Вешенскую. Заявил, что это его Шолохов пригласил.

Как бы ни было, возвращаясь из отпуска, из Крыма, приехал на Дон. Это тот самый редкий случай, когда власть имущий первым поклонился писателю. Надежды на доброе знакомство стоят поездки. Шолохов — замечу — не стал хвастать этим, конечно же, лестным для себя гостеванием: никаких интервью в газетах-журналах, никаких упоминаний в статьях.

Наедине были мало. Двор и дом переполнены начальством из Ростова и районным. Не зря станицу загодя мыли и причесывали.

Светлана Михайловна показала мне много снимков, где вместе отец и гость. В Доме культуры: в кругу артистов, кои в казачьих одеяниях, — все веселы и беззаботны... На катере: с женами... Во дворе: никого из свиты, гость без галстука, рядом только домохозяды. Еще снимок: Хрущев шествует в украинской рубашке и простеньком летнем костюме, но в руке шляпа, мимо станичников... Писатель и новый правитель... То на расстоянии, то рядом, то в споре, то в союзнничестве.

Вот письмо. Прочтем его полностью. В нем — стиль-манера общения с главою партии и государства.

«Дорогой Никита Сергеевич! При встрече с Вами в дни 22-го съезда КПСС я коротко сказал Вам о желании съездить в Скандинавию. Объясняется это следующими мотивами. В прошлом году у меня в Вешенской гостил мой издатель в Дании О. Линд-

харт с женой, в этом году — норвежский издатель К. Фьелд тоже с женой. От обоих издателей я и моя жена получили приглашение побывать в их странах. Такое же приглашение через К. Фьелда получил я и от моего шведского издателя Г. Гидлунга, который не мог приехать в текущем году в Вешенскую из-за болезни сердца.

Мне бы хотелось на этот раз ограничить свою поездку, побывав только в Швеции и Финляндии. Дело в том, что в Швеции в этом году вышли три моих книги: «Поднятая целина» (2-я книга), «Донские рассказы» и «Судьба человека». В Финляндии изданы отдельной книгой главы из 1-й кн. «Они сражались за родину». В Дании и Норвегии также выпущена 2-я кн. «Поднятой целины», но главное для меня заключается в том, что в Швеции и Финляндии весной будущего года будет полностью издана 1-я кн. «Они сражались за родину», и мне необходимо заранее обусловить с издательствами и сроки выхода книги, и доброкачественный перевод, а в Норвегии и Дании эта книга выйдет лишь осенью будущего года, и мне, по сути, сейчас там делать нечего. К тому же и Фьелд просит перенести поездку на лето будущего года. Но это вопрос вообще будущего.

Помимо этого, мне бы хотелось по согласованию с руководством Союза советских писателей захватить с собой несколько хороших книг молодых наших писателей и рекомендовать их к изданию в Швеции. К моему мнению скандинавские издатели прислушиваются, и если мне удастся убедить Гидлунга, и книги будут изданы в Швеции — я буду просто по-товарищески счастлив. Издание в Швеции обеспечивает и издание в Норвегии и Дании, т. к. все три скандинавских издательства связаны между собою деловыми отношениями.

«Донские рассказы» — нечего греха таить — слабенькая, учебническая книга, и я не вижу разумных оснований со стороны Гидлунга отказываться от издания более зрелых книг теперешних молодых советских писателей, к тому же повествующих не о далеком прошлом, а о нашей нынешней действительности. Во всяком случае, я приложу все старания к тому, чтобы хоть часть из рекомендуемых мною книг нашла доступ к скандинавскому читателю.

Прошу ЦК КПСС разрешить мне и моей жене поездку в Швецию и Финляндию в начале будущего года сроком на десять — двенадцать дней.

От всего сердца желаю Вам, дорогой Никита Сергеевич, добро-го здоровья, Ваш Шолохов. Ст. Вешенская. 9.12.61.»

«БЕЗРОДНЫЙ КОСМОПОЛИТ» И ЛУШКА

Уж сколько Сталин в мавзолее, но тем, кто в лагерях, не сразу дорога на свободу. И семьи «врагов народа» все бедствуют.

Шолохов взвалил на себя участь ходатая. Еще до съезда, который провозгласил возможность оправдания жертв сталинизма, его видят в ЦК, в Комитете партконтроля и в Главной прокуратуре.

...Иван Клейменов. Из письма Шолохова в КПК: «...Верю, что, ознакомившись с «делом» Клейменова, Комиссия Партийного Контроля при ЦК КПСС посмертно реабилитирует убитого врагами честного коммуниста. Член КПСС с 1932 года. Партбилет № 02129309. 4. III. 1955 г. М. Шолохов».

...Генерал Михаил Лукин. Дважды жертва: с октября 1941 года по май 1945 года в плену немцы обрабатывали, затем «свои» взяли. Шолохов — к главному военному прокурору. Читаю в воспоминаниях генерал-лейтенанта юстиции Б. А. Викторова:

«— Буду хлопотать за генерала Лукина да за некоторых других. Вы, наверно, знаете, кто такой Лукин?»

Мы оба с А. Г. Горным, главным прокурором, пожалели плечами.

— Это бывший командующий, — продолжал Шолохов, — сначала 16-й, а потом 19-й армией. Действовали эти армии на Смоленском направлении в самое наисложнейшее время. Фашисты рвались к Москве. Потрепанные войска Лукина создали прочный заслон врагу. Я в то время с Фадеевым и Петровым был на этом направлении как корреспондент «Красной звезды». О Лукине все в один голос говорили нам: стойкий, мужественный, опытный генерал. Так же отзывались о нем Жуков и Конев. В плен захватили Лукина тяжело раненным. Сталин, говорят, не хотел слушать никаких объяснений...

— Мне и Симонову, — продолжил, — после возвращения Лукина из плена удалось повидаться с ним. Что такое плен для преданного Родине человека, мы теперь представляем. Не дай Бог, как говорится, это испытать и пережить. Но, к сожалению, ко всем оказавшимся в плену отношение почти одно — осуждение, недоверие и даже преследования. Лукину намекают, что он встречался с Власовым, вел с ним какие-то переговоры и хотя сам не пошел к нему служить, но других не удержал и так далее. Одним словом, остается Лукин «под подозрением». Как в народе говорят: «Вроде не виноват, но все же...» А как у вас, у юристов, это называется?

— Дело прекращено за недоказанностью, — ответил Горный.

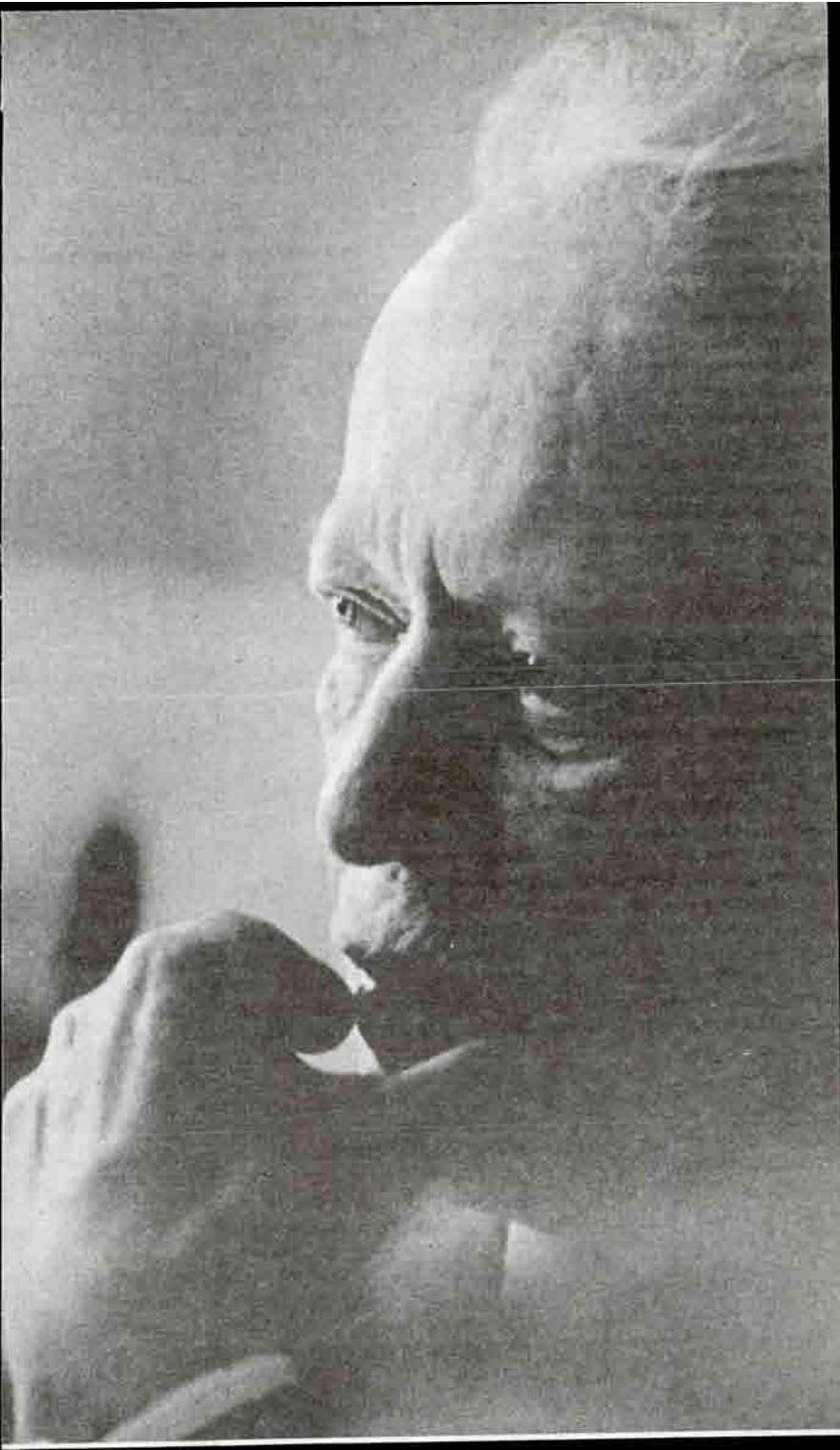
— Вот, вот... «За недоказанностью». Так все равно числится у вас под подозрением.

— Ну, это не совсем так, — возразил Горный. — Это у царя-батюшки в законе было: «Оставить под подозрением». В нашем законодательстве этого нет. А прекращение дела за недоказанностью означает, что невиновен.

— Это все теоретически, — парировал Шолохов.

Лукин станет прототипом одного из героев военного романа. Вспомним, что Сталин когда-то потребовал от Шолохова создать образы полководцев, но «гениальных», в литературу же вошел человек дважды жертвенной судьбы.

...Абрам Гурвич, критик, литературовед. «Безродный космополит» из журнала «Новый мир» в ужасной окантовке и Дела Еврейского антифашистского комитета, и Дела врачей. Гурвич попал под карающую десницу — Маленков дал указание: «Не допускать на пушечный выстрел к святому делу советской печати».

Так и прозябал без права творить. Выходит вторая книга «Поднятой целины». «Правда» печатает. Это индульгенция — надежная защита от поползновений на критику. Ан нет: «Огонек» держит нос по ветру. Занялся не то политпросвещением, не то — скорее всего — политупрошением. Вознамерился разьяснить читателю, как «правильно» воспринимать любовные увлечения Давыдова и его избранниц в эпоху коллективизации и обострения классовой борьбы. Шолохов сразу понял, что «Огонек» лишь рупор начальственных настроений. В 1960-м рассказал как раз редактору «Огонька»:

— Мне недавно один крупный работник сказал: «Ай-ай-ай, как это ваш Давыдов с Лупшкой встречается в степи?» «А где же им еще встречаться?» — полюбопытствовал я. «Да как-то неудобно это». «А что делать, когда у них удобных мест не было?..»

«Огонек» выходит — никто отпор не дает. «Безродный космополит» осмелится вступить за Шолохова. Огромен очерк. Смел критик. Учит отрешаться от политшаблонов даже в оценках Якова Лукича: «Каждой своей мыслью, каждым шагом резко противоречит предвзятому, шаблонному представлению о фигуре кулака. По глубине постигнутой правды, по достоверности самых противоречивых психологических движений...»

Написал, а кто печатать будет идеологического изгоя? Никто не решается. Тогда в стол — под самоприговор о домашнем аресте-заточении.

Умер. Уж поутихли былые страсти изничтожения «космополитов». Да едва кто осмелится восставать против привычно вульгаризаторского отношения к героям «Целины». Время ханжества не прошло...

Друг Гурвича, писатель и критик Александр Борщаговский, вознамерился издать посмертный сборник избранных работ.

Не получается уговорить издателей. Нужно заступничество кого-либо из влиятельных в обществе деятелей. У Борщаговского шальная мысль: поможет Шолохов. И есть повод обратиться к нему — очерк-то о «Целине».

Борщаговский рассказывал мне:

— Мне ничего не оставалось, как писать Шолохову и запаковать очерк Гурвича. Издательство и думать не хотело о публикации «Прокрустова ложа». Я послал рукопись в конце ноября 1965 года. Долго не приходил ответ, надежды таяли. А в конце января 1966 года пришло короткое, писанное от руки письмо.

И он вручил мне сохраненное письмо. На бумаге в клеточку — 10 вольных — не машинопись — и быстрых строчек: «Дорогой Александр Михайлович! Прошу прощения за промедление с ответом, но так сложились обстоятельства. Статью покойного Гурвича о «Поднятой целине», безусловно, надо печатать. Она еще послужит свою службу, но чтобы она заставила ханжей мыслить иначе — жестоко сомневаюсь!.. Желаю Вам всего доброго! М. Шолохов, 24.I.66.»

— Высокие интересы литературы, — присовокупил Борщаговский, — оказались для Шолохова решающими.

Книга вышла и была отослана в Вешенскую. Шолохов поблагодарил.

Через год Шолохов в одном из интервью заявил: «Мы служим идее, а не лично себе...» В этом же интервью очень строго об «отщепенцах» — это о диссидентах: «С такими надо бы построжее. Известно, паршивая овца заведется — все стадо испортит».

Надо знать и об этом. Эта тема у Шолохова с 1966 года. Одни ругают его за ненависть к тогдашним политическим инакомыслящим. Другие захваливают. Но ни разу не прочитал спокойных рассуждений.

ЦК О ФРАКЕ ДЛЯ ЛАУРЕАТА

1965 год. Шолохову — 60!

Весь в работе: открывал II съезд писателей России, побывал в издательстве «Молодая гвардия», выступил на партсобрании в колхозе, в Вешках встретился с делегацией девушек-дагестанок, поздравил с юбилеем издательство «Художественная литература», призвал молодежь страны взять шефство над военными памятниками и могилами...

О чем мечтал? Вешенским комсомольцам заявил: «Мои планы — думаю закончить роман «Они сражались за родину». После этого думаю попробовать свои силы в драматургии».

...30 июля из Вешек — письмо Брежневу. Перепечатаю его полностью. И не только потому, что о нем мало кто знает. В нем — спектр чувств: и сдержанность, и скромность, и вера в необходимость партдисциплины. Генеральный секретарь читал:

«Недавно в Москве был вице-президент Нобелевского комитета. В разговоре в Союзе писателей он дал понять, что в этом году Нобелевский комитет, очевидно, будет обсуждать мою кандидатуру.

После отказа Жана Поля Сартра (в прошлом году) получить Нобелевскую премию со ссылкой на то, что Нобелевский комитет необъективен в оценках и что он, этот комитет, в частности, давно должен был присудить Нобелевскую премию Шолохову, приезд вице-президента нельзя расценить иначе, как разведку.

На всякий случай мне хотелось бы знать, как Президиум ЦК КПСС отнесется к тому, если эта премия будет (вопреки классовым убеждениям шведского комитета) присуждена мне, и что мой ЦК мне посоветует?

Премии обычно присуждаются в октябре, но уже до этого мне хотелось бы быть в курсе вашего отношения к затронутому вопросу.

В конце августа я поеду месяца на 2—3 в Казахстан и был бы рад иметь весточку до отъезда».

Брежнев запросил мнение Отдела культуры. Заведующий не промедлил: «Отдел культуры ЦК КПСС считает, что присуждение Нобелевской премии в области литературы тов. Шолохову М. А. было бы справедливым признанием со стороны Нобелевского комитета мирового значения творчества выдающегося советского писателя. В связи с этим Отдел не видит оснований отказываться от премии, если она будет присуждена».

Мнение отдела изучили пять членов и кандидатов Политбюро и секретари. И согласились.

Стокгольм... Оттуда весть: есть новый нобелевец!

О премии писатель узнал, и в самом деле пребывая в Казахстане. Поехал охотиться — глухие места... Есть фотография: Шолохов в каком-то походно-охотничьем одеянии — ватник и старая шапчонка. Рядом те, кто привез добрую весть. В этой небольшой, сгрудившейся вокруг счастливец толпе писатель ступшевыается. Лицо такое, что не скажи — это Шолохов, глаз скользнет, и подумаешь: какой-то улыбчивый колхозник... За спиной газик, сбоку крытая камышом хата.

Еще фотография — Шолохов сфотографирован в день получения премии во фраке: по полной форме — белая манишка и белый же галстук, как принято говорить, бабочка. Сфотографирован в профиль: изящное лицо (нечто монаршее в высоком лбу и в горбинке носа) и белая кисть руки (с сигаретой) на черном фоне фрака.

Строптив Лауреат. Там, где может, не идет ни на какие поклоны.

Поездка в Швецию. Нужны деньги. Союз писателей запрашивает их в ЦК. Нашел это письмо в архиве. На письме помета: «Выделения дополнительных средств СП СССР не требуется, т. к. проезд оплачивается т. Шолоховым...»

Фрак оказался нужен. Узнали об этом, кажется, всего-то за сутки до отъезда. С пометкой «В. срочно» в ЦК Записка: «...В связи с тем, что по существующему ритуалу тов. Шолохов при вручении премии должен быть одет в специальный фрак, а в наших условиях пошить установленный фрак в оставшиеся сроки не представляется возможным, тов. Шолохов просит выдать ему на приобретение в г. Хельсинки фрака и экипировки сопровождающих его лиц 3 тыс. американских долларов с последующим возвратом из Нобелевской премии...»

Машина посла СССР с флажком... посол сопровождает писателя и всю его семью... дворец, где будут вручать премию... чопорная аристократия... даже творцы выглядят иначе в этих фраках и манишках...

Перед началом церемонии Шолохов узнает о строгом церемониале.

Поклон Лауреата Королю Швеции. Это тщательно — не отступить! — обусловленный канон. Храню заметку ТАСС с переложением репортажа с церемонии вручения премии. Корреспондент американского агентства «Ассошиэйтед Пресс» написал: «Казаки не кланяются, они никогда не делали этого и перед царями...» Его поразила особенность в поклоне писателя. Это то, что Лауреат свершил протокольно обусловленное почтительное движение головой, но необычно — не пригнув ее, а неожиданно вздернув; движение случилось, но в другую сторону.

Как-то спросил у Шолохова:

— Так ли было?

Он ответил с лукавой усмешкой:

— Мне протокол ни к чему было нарушать. Я ничего такого не замышлял. У меня просто, наверное, другого выхода не было.

Король в росте на голову меня превосходил. Ему кланяться можно... А мне как? Мне несподручно. Мне вместо поклона пришлось голову поднимать...

Обязательность выступления лауреатов перед студентами Швеции. Не могу не выделить открытости Шолохова для самых острых вопросов. Без утайки рассказал, что пользовался мемуарами генералов Деникина, Краснова, Лукомского... Я это неспроста выделяю. В начале 90-х годов два исследователя выступили с «открытием»: Шолохов использовал мемуары — вот-де еще одна грань версии о плагиате!..

1966-й. XXIII партсъезд. Шолохов — делегат. Взошел на трибуну... Огонь негодования вызвал на себя за ту часть речи, где поднялся против диссидентов Андрея Синявского и Юлия Даниеля. Фамилии не назвал, но все сразу догадались. Сказал следующее: «Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое святое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пыгается взять их под защиту, чем бы эта защита не мотивировалась».

Корней Чуковский в те дни внес в дневник: «Подлая речь Шолохова — в ответ на наше ходатайство взять на поруки Синявского... Черная сотня сплотилась и выработала программу избиения и удушения интеллигенции...»

Съездская речь Шолохова не прощена и по сей день.

Если это справедливо, то отчего забыто, что на весах справедливости две чаши.

На одной чаше — речи и на XVIII, и на XXIII съездах партии — о «врагах народа», об «отщепенцах»...

На другой — отчаянно-смелые порывы спасать и защищать: и «саботажников», и «врагов народа», и «безыдейщиков»...

Потому-то, убежден, и несправедливо черпать факты жизнеописания Шолохова только из одной чаши.

— Как говорится в Евангелии, дню нашему довлеет злоба его, его заботы и требования, его надежды на лучшее завтра, — так сказал Шолохов в своей Нобелевской речи. Не стоит забывать этой заповеди, когда оцениваешь героя моей Хроники.

Шолохов оставил с помощью младшего сына вскипяченное на личном опыте отношение к междуусобицам в писательском цехе и вообще о писательском труде. Ценны воспоминания М. М. Шолохова. Они наособицу, ибо почти ничего о себе или от себя — только старательно запечатленные высказывания отца. Вот некоторые извлечения:

— Паршивые, бездарные ученики мы у истории — вот что плохо. А у нее одно, веселенькое такое, правило есть. Все, что для предков правым было, для потомков чаще всего неправым оказывается. И далеко ходить не надо. Все, что нашим отцам-дедам дорого было, мы на штыки подняли. Но и все, чем мы сейчас восторгаемся, и всех, кто восторгается, скорее всего уже наши внуки проклянут. А мы все продолжаем думать, что нас минет чаша сия.

— Гомером надо быть, чтобы суда уже ближайших потомков избежать. А мы что же? Временщики. «И каждому довлеет доля его». Не способны мы и на шаг от «злобы дня» отойти. Ни от

злости дня, ни от «злости» групп. Думаем, что наше сиюминутное — это и есть то, что устроит всех во веки веков.

Размышлял о веках — не забывал насущное. Отдал денежную часть Ленинской премии для школы в родном хуторе. Добился, чтобы в городе Шахты построили текстильную фабрику для женщин: они становились безработными после того, как был запрещен для шахтерок подземный труд. Мост через Дон тоже дело его забот. Не прихоть: пантонная переправа уже не смогла обеспечивать связь райцентра с правым берегом, а там железная дорога и станция Миллерово. Помню, летом на переправе длиннющие очереди машин и подвод, измученных напрасной маятой и жарою казачек и казаков, легких на прицельный матерок по «хозяевам района»... Станичная библиотека во многом держалась шолоховской помощью. Пишет председателю Совета Министров РСФСР. В письме: «Зная Ваше доброе ко мне отношение, обращаюсь к Вам с душевной просьбой. Помогите создать в Вешенской (население которой и так Вам многим обязано) дом для безродных престарелых хотя бы тридцать мест. Бывая за рубежом, я видел такие дома, ухоженные и благопристойные, в капиталистических странах... Очень прошу еще раз: помогите! Буду горячо благодарить советскую власть. Те, кто некогда были полезными членами нашего общества, а сейчас скитаются по миру и мыкают не менее горькую нужду, чем и до 1918 года».

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СТАЛИНУ

150

Середина 60-х... В двухэтажном доме, из которого так раздольно виден Дон, просят, просят на свет божий новые главы военного романа.

Их ждут с нетерпением. Будоражили слухи, что Шолохов изобразит Сталина. Уже одно это кипятило. Имя Сталина по воле Хрущева почти что запретно, а запретное манит. Никогда не забуду свою издательскую жизнь в те годы. По хрущевской анафеме не только цензоры, но и наш брат — редакторы — при имени Сталина в стойку. Строг спрос с автора: кто такой в произведении персонаж, чтобы давать ему право произнести имя Сталина, во имя чего, с какими целями будет написано, а последствия каковы?..

И у читателей нет единства. Помню баталии на партийных или на писательских собраниях. А сколько писем в издательство с откликами. Одни клянут вождя-правителя за неисчислимые беды, а заодно и все прожитые десятилетия. Другие клянутся, что не дадут его в обиду, с ним-де связаны многочисленные победы.

Кто бы из видных писателей — не конъюнктурщиков — свое слово сказал? Но одни писатели — и историки тоже — не хотели рисковать: ЦК и цензура подчинялись курсу Хрущева и не очень-то поощряли эту тему. Вторые просто боялись писать: не по плечу. Третьи не имели доступа к достоверному материалу — не всем доверяли архивы.

Кто-то в разговорах уверял, что роман пишется во славу

Сталина, ибо Шолохов-де отъявленный сталинист. Некоторые, узнавая о таком, пожимали плечами и говорили, что писатель — опытный политик — будет осторожен: если и быть Сталину, то только с одной возможностью — появиться, но не проявиться.

Вешенец в Москву, к Хрущеву: вьелось в кровь — решил посоветоваться. Слышит в ответ краткое: «Еще не пришло время писать о Сталине и о тридцать седьмом. ЦК уже все высказало...» При Брежневе один из секретарей ЦК — идеолог — уговаривает: «Михаил Александрович, не сыпь темой разоблачения Сталина соль на незажившие раны...»

Упрямым Шолохов. Слухи, что никого не слушает, не напрасны. Сталин и в самом деле выплескивается на кончик пера — писатель торопит перо: диалог за диалогом, сцена за сценой... Шолохов взял на себя ответственность — и ЦК теперь не указ.

Трагична — поистине — судьба Шолохова как писателя и человека. Почему же нет полного текста романа «Они сражались за Родину» — только главы? Сколько вопросов:

— Не успел завершить?

— Не захотел завершать? Так уже случилось при Сталине с романом «Поднятая целина».

— Завершил, но схоронил, упрятал от всех?..

Боюсь верить в то, что услышал еще при жизни Шолохова от двух близких к нему людей: уничтожен роман.

Историю гибели романа можно начинать с того дня, когда папочка машинописных страниц новых глав появилась на столе у главного редактора «Правды». Светлана Михайловна Шолохова однажды поведала мне:

— Главный редактор «Правды» попросил у отца отрывок из новых глав. К 7 ноября. В праздничный номер... Сначала отец отказал ему, но после настойчивых просьб послал тот отрывок, где речь идет о Сталине и о репрессиях. Редактор не решился напечатать это без разрешения «сверху». Уговаривал отца сделать поправки, «смягчить» или вообще выбросить некоторые острые места. Отец после очень резкого разговора отказался что-то поправлять и выбрасывать...

Тут-то рукопись и отправилась в ЦК, в верховный кабинет. Дальше началось противопоставничество: Брежнев против Шолохова. Напомню: самый первый узелок завязан еще в 1954 году.

Противопоставничество тщательно скрывалось — государственная гайна.

Шолохов тоже не обнародовал — не захотел стать диссидентом... Не напомнил обществу, что нет ни одного его романа, который бы не подвергался державным притеснениям.

Как я стал узнавать? Впервые кое-что обозначилось в июле 1969 года.

Шолохов прилетел из Вешенской в Ростов, чтобы встретиться с группой молодых писателей из тогда еще братских социалистических стран.

До чего же хорошо проходит встреча. Он беседовал с молодыми (повезло мне — попал сюда в качестве главного редактора издательства «Молодая гвардия») просто, непринужденно, без

трибуны, то и дело с сигаретой, был горазд на улыбку и усмешку, говорил живо и образно, доброжелательно... Но ведь приехал с раной на сердце, которую нанес Брежнев.

Главная тема — ответственность писателя перед временем и обществом и готовность ради всего этого идти на жертву. Нежданно заявил:

— Я пишу сейчас... О крутых временах в нашей жизни пишу. Чтобы проверить себя, послал главы в ЦК... Со многими замечаниями согласился. Они вроде бы на первый взгляд снижают драматизм. Но я пойду на это, чтобы не навредить родной своей партии. Надо быть вместе с ней, вместе с народом. Нельзя поступать так, как это, помните, у Куприна, когда поручик шагал не в ногу...

То, что я позже узнавал, с трудом увязывается с впервые услышанным. Не подтвердилось, что соглашался со «многими замечаниями». Почему-то не назвал имя Брежнева. Главное же — скрыл драму. Почему? Может, подчинился тогдашнему политэтикету: если общение с иностранцами, так не откровенничать. Может, поберег расстраивать себя напоминанием.

Брежнев — Шолохов... Еще до того, как я узнал о столкновении по роману, догадывался по некоторым фразам-репликам, что писатель относился к Генсеку без почтения: то уничижительно-пренебрежительно, то просто уничтожительно.

Нашел в своем дневнике два сюжета. Знакомлю Шолохова с приятелем-издателем по имени и отчеству Владимир Ильич. Писатель тут же в лукавинку — и не сробел, что перед ним незнакомец.

— Смени имя на Леонида... если хочешь звезду на грудь.

Вот как он о руководителе партии и страны, лязгающем от изобилия орденов, звезд и лауреатских медалей.

Еще однажды доверился — и оказался прелюбопытным его рассказ, если захотеть прикоснуться к характеру рассказчика:

— Звонок междугородний — Москва! Мне говорят: «Сейчас с вами будет говорить Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев!» После такого вступления стало во мне что-то закипать... Через секунду-другую слышу в трубке: «Михаил Александрович, здравствуйте! Я решил заехать к вам, в Вешенскую. Побывать у вас в гостях. Вы не будете возражать?» А мне как можно возражать?! Попробуй возразить... Я и говорю очень вежливо: «Дорогой Леонид Ильич, как же вы к нам приедете, если у нас в этом году с урожаем на Дону не вышло. Нет у нас урожая». Слышу — молчит. Потом говорит: «До свидания, Михаил Александрович...» Шолохов хитрованно улыбнулся. Ему явно приятно вспомнить об опасном поединке. Он сощурился и произнес: «Так ведь и не приехал».

...Второй подступ к истории романа через годы. Шолохов доверился:

— Послал я Брежневу рукопись романа... Там несколько страниц о Сталине. Подумал, что посоветоваться не помешает. Жду неделю, жду месяц, жду третий... Сталин за две ночи прочитал «Поднятую целину». Наконец, посылный из ЦК передает мне папку с романом. Я скорее раскрывать, а там что? Письма нет,

а по рукописи на полях три вопросительных знака. И все. Совсем без каких-либо пояснений-разъяснений...

Я не удержался и, перебив, спросил, что же за вопросы поставил кремлевский чтец. Услышал: «Один вопрос стоял там, где у меня шло о Сталине. Критически шло... Второй вопрос — где у меня герои проходились по союзникам; тянули союзники с открытием второго фронта. Третий — на тех страницах, где шло продолжение о Сталине».

— Что же мне делать? — продолжил Шолохов. — Вот, думаю, посоветовался. Ну, посчитал, проясню у Кириленко. Он был тогда, помните, вторым секретарем ЦК. Звоню — тут же соединили. Рассказываю, а он в ответ: «Это, дорогой Михаил Александрович, недоразумение. Это, дорогой Михаил Александрович, ошибка чья-то, но не Леонида Ильича. Я сегодня же, говорит, все проясню у Леонида Ильича. Вы через два-три дня позвоните. А сейчас я пошлю за вашей рукописью — вы верните ее». Приехали за рукописью очень быстро. Я, конечно, отдал. Звоню через три дня. Звоню всю неделю. Еще месяца два-три звоню. Нет и нет Кириленко. Так ни разу не соединили: то, говорят, проводит секретариат, то на заседании Политбюро, то в командировке... Наконец, нарочный доставляет пакет с рукописью. Я папку раскрыл — все в прежнем виде, ни письма, ни на полях ничего нового... Все те, прежние, три вопроса.

Закончил, помолчал, буркнул едко: «Говорят, Брежнев — охотник хороший».

Он, оказывается, не все рассказал. Это старшая дочь дополнила существенным:

— Отец очень обиделся на такие увливания. И отправил письмо. Зол был, но писал и сдерживался. Все-таки самому главному человеку в стране. Блюл форму: посему «Дорогой» или «С уважением...». Но в самом конце не удержался. Обратите внимание, с каким непочтением последние строчки протеста.

И передала мне копию письма. Прочтем его:

«Дорогой Леонид Ильич! Как ты сегодня сказал, вступая в доклад, «по традиции регламент Пленума не меняется», так и у меня тоже по неписаной традиции не менялись отношения с «Правдой»: и «Тихий Дон», и «Поднятая целина», и «Они сражались за Родину» почти полностью прошли через «Правду».

Не изменяя этой традиции, я передал туда новый отрывок из романа, который вот уже более трех недель находится у тебя.

С вопросом его использования нельзя дальше тянуть, — и я очень прошу решить его поскорее, — по следующим причинам:

1) я пока не работаю, ожидая твоего решения. Не то настроение, чтобы писать...

2) о существовании этого отрывка и о том, что он находится в «Правде», широко известно в Москве, и мне вовсе не улыбается, если где-нибудь в «Нью-Йорк таймс» или в какой-либо другой влиятельной газете появится сообщение о том, что «вот, мол, уже и Шолохова не печатают», а потом нагородят вокруг этого еще с три короба...

Обещанный тобою разговор 7 октября не состоялся не по моей

вине, и я еще раз прошу решить вопрос с отрывком поскорее. Если у тебя не найдется для меня на этот раз времени для разговора (хотя бы самого короткого), поручи кому сочтешь нужным поговорить со мною, чтобы и дело не стояло и чтобы оградить меня от весьма возможных домыслов со стороны буржуазной прессы, чего и побаиваюсь, и, естественно, не хочу.

Найди 2 минуты, чтобы ответить мне любым, удобным для тебя способом по существу вопроса.

Я — на Пленуме. Улетаю в субботу, 2/XI. Срок достаточный для того, чтобы ответить мне даже не из чувства товарищества, а из элементарной вежливости...

Обнимаю! М. Шолохов. 30 октября 1968 г., г. Москва».

Дочь пояснила:

— Конечно, отец ничего не боялся — никаких публикаций за рубежом. Он рассчитал, что Брежнев, застрашенный оглаской в иностранной прессе, займет какую-нибудь определенную позицию. Брежнев так и не ответил. Пришлось отцу ни с чем возвращаться в Вешенскую. Оттуда послал телеграмму с требованием вернуть рукопись... Ждет, ждет... Кстати говоря: или отец что-то не то сказал о количестве вопросительных знаков на полях рукописи, или вы не так его записали. Купюр-то множество!

Пути Господни неисповедимы... Какое же совпадение: Шолохов клеймил диссидентов, а сам почти что заодно с ними в требованиях писать правду о Сталине. Примерно в это время Брежневу отсылают письмо П. Якир, А. Антонов-Овсеенко, Ю. Ларина-Бухарина... В нем: «В настоящее время пропагандируются «заслуги» Сталина. Фактически это является политическим пересмотром постановлений XX и XXII съездов КПСС. Нас это тревожит...»

Еще дополнение. Оно из уст бывшего работника ЦК:

— Я прослышал, как одного нашего работника вызвали к высокому начальству и передали рукопись. «Шолохов! — сказали. — Надо вывить нецелесообразные к публикации места антисталинского плана и... отредактировать. Может быть, пойти на купюры. Чтобы для читателя не предстала излишняя концентрация». Заключение поручение значительной интонацией: «Оттуда указание!» То была всем нам, аппаратчикам, понятная отсылка на Генсека, на бровастого. И что же оставалось делать? Отказаться нельзя. Разве что тут же улечься в больницу. Я слышал, что этот работник не отказался. Он внушил себе: «Лучше я стану цензором и выполню поручение бережно и щадяще, чем это топорно сделает кто-то из равнодушных исполнителей...»

Светлана Михайловна:

— И вдруг в «Правде» появляется отрывок из романа, изуродованный «правкой» кого-то из «редакторской команды» генсека. Возмущенному отцу ответили, что не все можно печатать в газете, не пришло время, а вот в книге все можно будет восстановить. Но, увы, так в книге ничего не восстановлено, а сколько с той поры переизданий...

Добавила: «Спорить было бесполезно и работать над романом дальше невозможно. А каково носить в себе этот груз? Еще

горше! Время... Оно работало тогда против отца, и тут ничего не поделаешь. Ему, как писателю, как человеку, оставалось надеяться на перемены. Он понимал, что дальше так жить нельзя, но эти перемены пришли для него слишком поздно. Так литература не досчиталась романа о великой войне, о великих страданиях и подвигах нашего народа».

Еще одна страничка к истории романа — заключительная — здесь в Хронике, но заключительная ли на самом деле?

3 и 4 июля 1983 года я с одним своим коллегой по издательскому цеху, главным редактором «Роман-газеты», приехал в Венскую. То последнее для Шолохова лето — рак беспощаден. Приехали за двумя статьями, которые я заказал раньше, по телефону. Получилось, что это было последнее прикосновение шолоховского пера к бумаге. Статьи оказались последними.

Разговоры, разговоры... Но пуще всего велик искусс узнать судьбу военного романа. Это мы, гости, в первый день подогреты откровением — почти шепотом — секретаря Шолохова. Он сослался на свидетельство младшего сына писателя, что роман в полном своем виде оказался в огне. Страшно было слушать. Ошеломило.

Нам рассказывали, как он сидел на корточках перед огнем...

Порыв отчаяния или хладнокровный расчет?

Самоубийство или казнь?

Признание в поражении?

Протест?..

Трагедией обернулся порыв Шолохова отослать роман Брежневу. Сгубила наивная доверчивость или привитая десятилетиями привычка партдисциплины, что писатель обязан советоваться с политиком.

У нас была возможность после внезапно узнанного встретиться еще раз наутро с писателем. Шли из гостиницы к нему и все думали, как спросить о судьбе романа?

Как и в первый день, проходим на второй этаж — в его, Шолохова, рабочий кабинет. Окна, окна, окна — просторно поза оконным взглядам... Он мог сидеть только в медицинской коляске. Мария Петровна рядом. Как и вчера, был Шолохов совсем плох. Жесткая болезнь изнуряюще прочно держала его в своих цепких когтях. Худ, бледен, кожа рук и лица истончена до отсветной белизны и какой-то неживой хрупкости, глаза на цвет поблеклые, взгляд от боли беспомощен. Всегда не славился многословием, а тут по вынужденности молчит чаще, чем что-то говорит нам... Страшно.

Да вот минута за минутой, постепенно-постепенно, а совладал характер с немощью. Изо всех сил сопротивляется болезни. Стал шутить — то колко, то с мягкой лукавинкой. По всему видно, что силен на все-таки незамутненную лекарствами и старостью память. Жадно любопытен к тому, что происходит там, на воле, в Москве, в которой уж многое назревало с появлением у власти Юрия Андропова.

Говорим, говорим, а не наберемся смелости выпрашивать безнадежно больного человека о романе, чтобы подтвердить услышанное. В лобовую, понятно, не полубопытствуешь: так

ли — не так ли, жив — не жив роман? Но как узнать? Первым друг не утерпел. Проявил замысловатую дипломатичность — спросил эдак невинно да к тому же рукой провел, ведя наши взгляды от письменного стола к книжным шкафам:

— Михаил Александрович, а где вы храните здесь полную рукопись романа?

У меня мелькнуло: «Ну, вот петелька для ответа». Жду — вдруг не подтвердит, что бросил рукопись в огонь. Жду, что скажет: «Да где же ей быть, как не в столе...» Он, однако, собрался и отвел от себя хитроуловный захват, дал резкую отдачу нашим соблазнам.

— Здесь ее нет! — сказал неподступно, твердо, как ударил закомлястой палицей. Мы уже знали тяжесть такой жесткой интонации. Она не позволяла рисковать продолжать тему. Новые — негодные ему — вопросы мог перебить, а то не в пору прекратить встречу.

Так мы остались без прояснения этой загадки — страшной! — шолоховской жизни. Ни словом, ни намеком ни он, ни Мария Петровна не выявили нам: отсутствует рукопись только здесь, в кабинете, то ли — не дай Бог — ее вообще нет.

Беда: рукописи если горят, то сгорают... Все что нам осталось, — познать политическую подоснову творческого замысла художника. И низжайший поклон младшему сыну Шолохова за то, что внес в свои воспоминания с каким настроением отец подступался к второй книге «Они сражались...».

Сын спросил: «Почему стал возможным культ Сталина?» Ответ, если ради краткости дать в извлечении, был таким:

— Да вдумайтесь сами: а что же еще у нас могло после революции получиться? Вот, скажем: «Вся власть Советам». А кого в Советы? Думаешь, кто-то знал ответ? «Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» — вот и все. Но это, милый мой, на плакатах хорошо... А ты с этим в хутор приди, к живым людям. Рабочие там, понятно, не водились. Крестьяне? Крестьяне — пожалуйста, сколько хочешь, все — крестьяне. Кто же будет от них депутатом?.. Да уж, конечно, не дед Щукарь. И не Макар с Разметновым, которые и семьи-то собственной сложить не могут, в собственных куренях порядка не наведут... Казаки им так и скажут, вы, мол, братцы, двум свиньям жрать не разделите, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лукичей да титков — нельзя. Советы и создавались, чтобы их как класс... Вот и оказались самыми подходящими «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Агитаторы и рубаки, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но, чтобы жизнь по-новому переделать, мало быть хорошими ребятами... И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам... Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказы да отдавать. И летит хуторской комиссар сломя голову к станичному за приказом. А тот, такой же умелец, как он сам, только званием, может, повыше — в область. А тому куда? Тут уж хочешь — не хочешь,

а должен где-то на самом верху появиться вождь. Именно вождь. Верховный Главнокомандующий. Человек, способный взять на себя смелость принимать окончательные, верховные решения... Для всех. Сверху донизу и от Москвы до самых до окраин...

— У тетки моей, у твоей бабки двоюродной, Ольги Михайловны — четыре сына: Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое — бойцы добровольческой армии, а Валентин — красный... Выбьют красные белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего мать, не горюй! Сейчас всыпьем этой контре, заживем по-новому!» На коня — и ходу! А мать в слезы, волосы на себе рвет... А через день таким же макаром Иван влетает. «Был Валька, подлюка? Ну, попадетса он мне! Ничего, погоди, мать, немного, выбьем вот сволоту эту с нашего Дона, заживем по-старому!» А мать уже об печь головой бьется... И так ведь не раз, не два.

— Избрали хуторскую советскую власть. Не хуторяне, конечно. Станичная власть ее избрала... И вот сидит эта новоизбранная власть в атаманской правленческой избе или в экспроприированной хате какого-нибудь «хуторского богача». А за окном-то неуютно... Через окно, бывает, и подстреливают. Будешь ты ждать, когда тебе пулю в лоб влепят? А то и просто вилами в подходящем месте? Никакой настоящий мужик ждать не будет. Повесит он наган набок, чтоб всем видно было, и пойдет сам врагов искать. И как его определишь, врага-то, когда на тебя чуть не каждый второй чертом глядит? За ведьмами так когда-то гонялись... Час от часу подозренице растет; подозрение растет — страх все сильнее; страх подрос, а подозрение, глядь, уже и в уверенность выросло. Остается лишь в «дело» оформить эту подозрительную уверенность, которую тебе нашептала твоя «революционная бдительность»...

Шолохов не потрафил и другой стороне:

— А те, кто не при власти оставались, думаешь, сидели, молчали? Нет, брат, тоже и брыкались, и бодались, и бляели, кто как мог. Вот и разберись тут, кто виноват...

Он нашел в себе силы подняться до высот стратегически смелых обобщений:

— Когда там по вашим учебникам гражданская закончилась? В 20-м? Нет, милый мой, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится. Потому что до сих пор у нас что ни мероприятие, то по команде, что ни команда, то для людей, мягко сказать, обиды...

Разве все это не истинно политическое завещание писателя?!

Отложились в памяти два взволнованных рассказа. Первый — это один писатель встречался с Шолоховым в начале 60-х годов и спросил, ошибался ли когда:

«Он усмехнулся в усы, по обыкновению своему вмельк поглядел в лицо и просто сказал:

— Я-то? Я ошибался, и много...

Рядом с ним сидела его жена — он, почти любовно склонившись к ней, словно ища поддержки, повторил:

— Ох-хо! Сколько я ошибался...»

От кого еще в наше время услышишь такое?

Еще один невтискивающийся в однозначность рассказ — дочь Светлана Михайловна поведала, как отец, умирая, метался и все произносил-выстанывал:

— Где мой ЦК? Где мой ЦК?

О чем это он? Может, предсмертная мольба о внимании и помощи? Или прощался в забытьи, но как — проклиная зло... вспоминая добро... не забывая равнодушия? Все пережил: и то, и другое, и третье. Было, а не сплыло, и бьшем до самой кончины не поросло.

Рассказывают, что в Вешенской все траурные дни два гостя из Москвы просматривали — торопились — бумаги Шолохова, опорожнили даже стародавние мешки с письмами на чердаке. Что же искали?

Светлана Михайловна мне доверилась — рассказала: «Миша, брат, заметил их «за работой». Подошел и с обидой спрашивает: «Зачем вы обыскиваете? Ведь пойдет слух, что был обыск. Опозорите отца, да и себя». Ему ответили: «Мы из добрых побуждений. Вдруг в каком-нибудь письме что-то может скомпрометировать великого советского писателя. Надо ли это допускать?..»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Уж закончил Хронику, и вдруг — странно — потянуло к старым календарям: что они там числят за Сталиным и за Шолоховым по самым главным для человека датам.

— И. В. Сталин. День рождения — 21 декабря. «Помин должен воздать по 62 иереям и 330 мирянам, пострадавшим...» Такова запись в церковном календаре. 5 марта — сообщение о кончине. — Знаменитый знаток русской старины И. П. Сахаров такое приметил: «Исстари ведется на Руси предание, что в этот день не должно смотреть на падающие звезды с неба. Худая примета заляжет на душу того, кто завидит падающую звезду, она предвещает неизбежную смерть ему или кому-нибудь из его семьи. Простодушные, пренебрегающие старыми приметами, увидевши падающую звезду, говорят: «Маньяк прилетел». Опытные люди всегда чуждаются таких людей и даже имеют о них худое понятие...»

— М. А. Шолохов. День рождения — 24 мая. Церковный календарь завещает поминать великих славянских просветителей Мефодия и Кирилла. 21 февраля — кончина. По народному календарю сей день Захария-серповидца: «Бабы-жницы молятся за этого святого...»

...Он так и подписывал свои рисунки: «Вася Дубов». Не «В. Дубов», не «Василий», не «Василий Васильевич». Без вычурных завитушек. Просто — «Вася Дубов».

Впрочем, мог и вообще не подписывать — его карикатуры узнают с ходу.

Дубовские герои носаты и философичны. Они любят рассуждать, задавать нелепые вопросы и бывают вполне довольны, получая

Кому хочется узнавать себя в кривом зеркале?

О Дубове вспоминают: он был безыскусным, как ребенок. Этаким под метр девяносто малыш...

Его сын тоже Василий Васильевич, тоже художник, в свои 18 лет сравнялся с отцом ростом, размером брюк и обуви. Что касается таланта, нам кажется, он один из самых перспективных молодых карикатуристов.

Карикатуры Василия Василье-

Почерк

вича старшего имеют особенность: их можно пересказывать. Они как народная байка, как анекдот. Отсюда некая нарочитая «дубоватость» дубовских героев. (Да простят мне невольную тавтологию.) Но это вроде сказки об Иванушке-дурачке, который на самом-то деле и умный, и красивый, и везучий. Потому и любим народом. Как и дубовские человечки.

Мир Васи Дубова смешлив, мудр и горек.

...1947—1993 гг. Две даты — рождения и смерти. Между ними — почерк. Но уберите из этого слова «р». Получится почерк. А это уже вся жизнь, все 46 лет. Все призы, дипломы, премии, все удачи и срывы, вся любовь и горечь бытия,

Словом, и смех, и слезы...

Мы видим первое и, увы, редко замечаем второе. А когда замечаем, то уже зачастую бывает поздно.

В. ГУРИНОВИЧ

столь же нелепые ответы.

Они абсурдны в той мере, как абсурдна вся наша жизнь. Они то самое «молчаливое большинство», которое как раз и не молчит.

Короче, они — это мы.

Мы — в самом широком понимании: от бомжа до президента. Может, потому рисунки Дубова отдают больше горечью, чем карнавальным весельем, и мы смотрим на них, не заходясь от хохота, а иронично усмехаясь.

ВЕРНЕМ РУБЛЮ
БЫЛУЮ СЛАВУ!

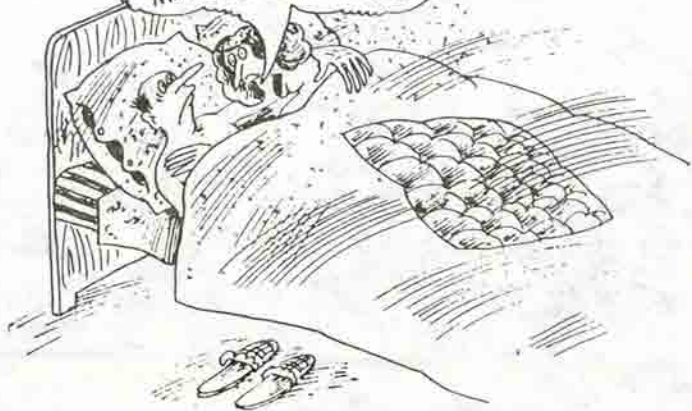

ХОЧУ СКАЗАТЬ
В ЗАКЛЮЧЕНИИ,
ЧТО ПОЛИТИКА
ДЕЛО ГЯЗНОЕ...

98

ЕСЛИ У ТЕБЯ ЕСТЬ СПРАВКА
ЧТО ТЫ НЕ БОЛЬНОЙ СПИДОМ,
МОЖЕШЬ ЕЕ ВЫБРОСИТЬ...

48

OFFIS

ВЫХОД

ВХОД

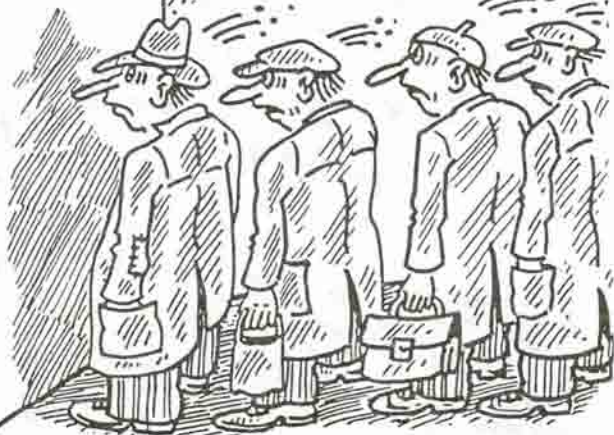
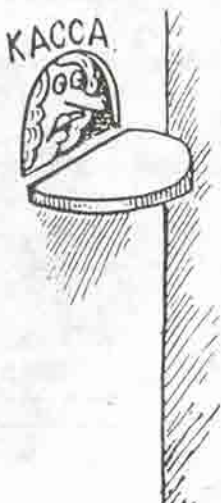
УМОМ РОССИЮ
НЕ ПОНЯТЬ...

42

KACCA

Тебя еще нет дома. Как и следовало ожидать. Я же не предупредил. Просто сегодня вечером чувствую себя таким одиноким и выпотрошенным, что меньше всего на свете тянет домой — в промозглую, одинокую конуру.

Отпустил последнего клиента и позвонил тебе. Как в студенческие времена. Позвонил просто так — с мыслью малость посидеть и чуточку выпить. Слегка поиздеваться над собой, тобой и всем, что нас радует и огорчает в этом мире.

К телефону подошла она и сказала, что ты будешь после восьми или чуть позже.

Солнце склонялось к половине восьмого. Я задымил, запер контору и пешком пошел к тебе. По Вальдемаровской, через мост Брасы, мимо Лесного кладбища... Не раз я гулял так в молодости — бабьим летом, вечерами... Наслаждался слегка пожелтевшими листьями и сонным покоем рижского предместья. Вот уже несколько лет пытаюсь с пользой тратить драгоценное время, не предаваясь ностальгическим грезам, воздерживаясь от романтических влечений и пытаюсь увильнуть от студенческой лени за стаканчиком. Но этот вечер списан из жизни, списан для тебя, и моя прогулка органично вписывается в вечернюю программу.

Не важно, который был час, когда я подошел к твоей калитке. Вошел и позвонил в дверь. Твой щенок, подросший со времени моего последнего визита, не хотел меня признавать. Заливался руганью и лез в драку. Я пристыдил заблудшее животное, напомнив, как меня зовут и что я очень хороший; он заткнулся и разрешил почесать себя за ухом.

Открыла она. В переднике, тапочках, с подвернутыми рукавами и растрепанной прической. Жена при исполнении служебных обязанностей. Будь я просто мужчиной, смутился бы: предупредить вроде бы полагалось. Но я мужчина друг — существо бесполое.

— Привет!

— А, это ты! — На ее лице расцвела детская

улыбка.— Заходи. Он будет с минуты на минуту.

— А, черт! Не успеем! — бросил я привычную фразу из своих постоянных запасов для жен друзей.— Ну, прими хоть это.— И вручил ей белую розочку, которую прихватил из вазы на всякий случай.

— Как мило! — Она воспитанно понюхала цветок и продолжила игру: — Ты такой деловой, совсем времени на личную жизнь не хватает, да? — В ее голосе — крупная кокетства и значительная доля материнского всепрощения.

Как у взрослого, который потакает ребячьим шалостям.

Я протопал в коридор и сбросил обувь.

— Слушай, тебе тапочки дать? — спохватилась она.

— Ну дай уж, коли не жалко. А то, Боже упаси, прилипну к вашему паркету своими чистенькими холостяцкими носочками...

Она порылась в тумбочке, вытащила пару тапок.

— Садись и жди. Мне нужно еще стирку закончить. —

И исчезла в дебрях ванной.

Я вошел в гостиную. Дочурка, как всегда пробубнив что-то в ответ на мое приветствие, юркнула на веранду. Младший детеныш ползал кругами по россыпям погремушек, пялил глаза, пускал слюни и время от времени радостно повизгивал. Растет, как бамбук.

— Ну и растун же он у тебя! — охнул я с непритворной завистью. В прошлый раз поросенок еще пищал в деревянной клетке.

Вот так и сижу тут уже минут десять, корчу рожи, играю пальцами и забавляюсь с малышом, который строго следит за мной, но время от времени расплывается в блаженной улыбке. Сижу, грущу и жду. Душа горит!

Хлопает дверь. Должно быть, ты. Слышу, как твоя жена выходит из ванной.

— Ты чего так поздно?

— Да так. Задержавшись. А таперича припедши. А у тебя гость!

— Ага! — дразнище парирует она.— И мы тут без тебя не скучали!

— Еще бы! Ну и рожа! С такой не соскучишься.— В голосе слышится удовлетворение. Ты явно рад поводу посидеть и потреться в будний вечер.

— Я тут мигом закончу и накормлю вас, — говорит она и исчезает.

— Пойдем курнем малость, пока ужин зреет? — Я встаю, приоткрываю дипломат и показываю горлышко. Вермут.

— Уломал, искуситель, — усмехаешься ты, потирая руки.— Постой. Емкости нужны — пойло разливать!

Ты извлекаешь из шкафа фужеры, я раскупориваю бутылку,

разливаю, и мы выходим на крыльцо. Сидим и дымим.

— Ну,— говорю.— Кайся, лишенец!

— Не гневись, батюшка!

— Кайся, кайся! Знаю я вас, молодых...

Ты корчишь улыбочку, чуть потупив взор, и выдерживаешь артистическую паузу:

— Побойся Бога! Я старый, больной человек. Одной ногой в могиле. Тут рехнуться можно — дела, командировки, иногда беру халтуру на дом. У жены — дом, сад, мальки-злодеи. Тоже заездила. В воскресенье рванули как-то ненароком в деревню, а в общем-то... — Ты разводишь руками.

— А ряшка-то лоснится.

— У утопленников тоже. И синее. Нет, конечно, набегает кое-что. А долго ли так протянешь? Мы тут наметили на лето смотреть на все четыре стороны. Основательно — на месяц. Дом, детей, собаку спихнем мамаше, и покатили... Вот единственная радость осталась... — Твой взгляд застывает на опустевшем бокале.

— Так что ж... — Я хватаюсь за бутылку.

— Медлить нельзя!

— Хоро-о-ош,— встряхиваешься ты.— Докладывай!

— Так-таки и докладывать?

— Ну что ты, впервые замужем? — Стискаешь ты зубы и сжимаешь кулаки. — Как жизнь? — Хлопаешь меня по спине и надрывно хохочешь. Давненько ты не сиживал на крыльце, блаженно погрузившись в собственную тупость.

— Какая жизнь! Я уж и забыл, как женщины выглядят. Весь день на работе, по вечерам долбаю немецкий: светит в одну совместную контору юристом затесаться... По выходным — на участке. К зиме дом под крышу подвести должен. Папу, как зверь.

Мы хихикаем до упаду. Хорошо нам в своей тарелке. В последнее время как-то приходится изо дня в день разговаривать с кем-то о чем-то. Будто речь — какое-то средство коммуникации. Вот и вырывает потребность приволочься к тебе и поговорить ни о чем. Для души. И вспомнить, что дар речи — это игрушка.

Распахивается дверь:

— Господа! К столу!

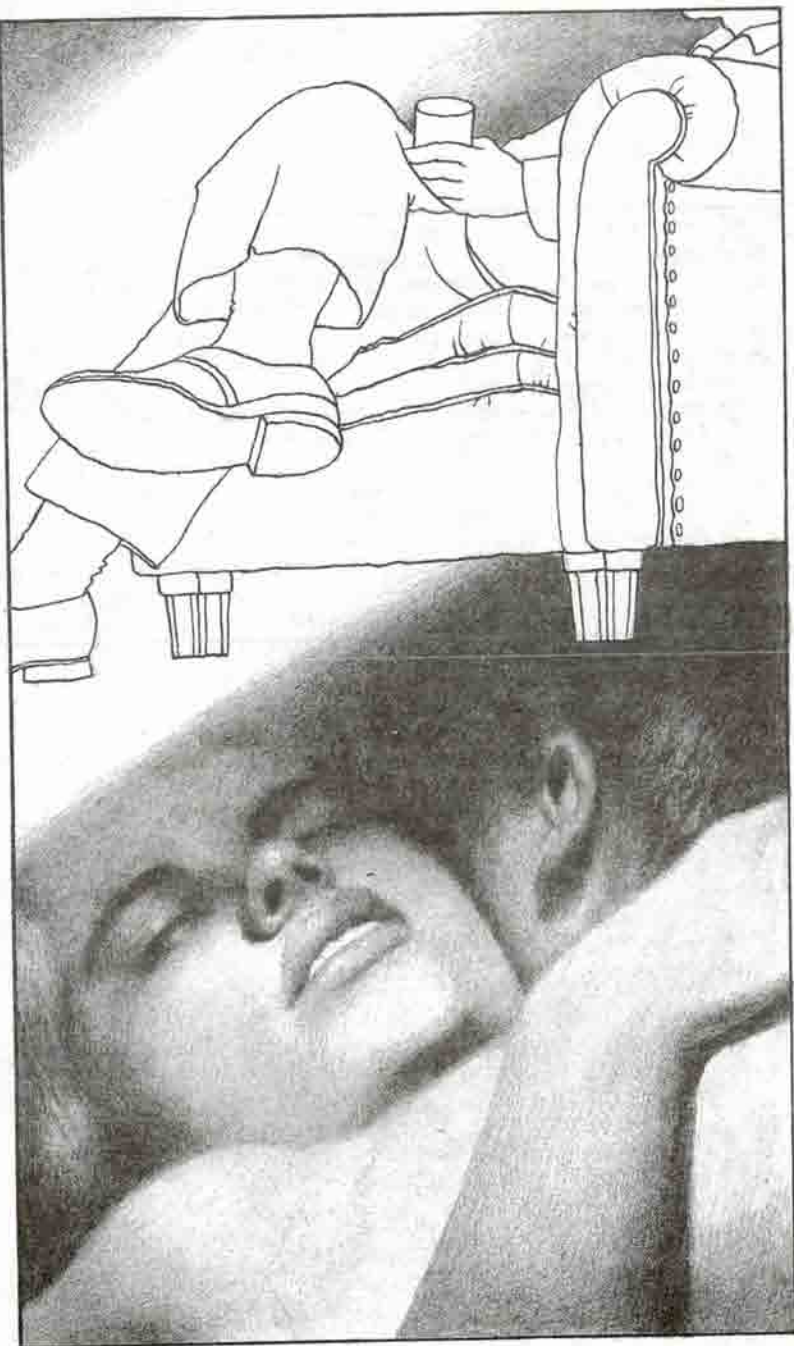
Сидим, чавкаем, треплемся. Ты взял пухлые папки с какими-то деловыми бумагами. Время от времени что-то спрашиваешь, а я с умным лицом консультирую. Хоть какой-то толк от меня.

— И ты так запросто веришь всему, что он несет? — прищурившись, спрашивает она тебя. Она сегодня в ударе. Кокетничает.

— Мм-м... Да-а,— мурлыкаешь ты про себя.

Всем телом овладевают теплый хмель и чарующая лень. Хорошо так сидеть, не напрягаясь. Неохота думать о делах. Язык невольно настраивается на легкий флирт, к тому же и жена твоя рядом.

— Послушай, рябчик! — обращаюсь я к ней. — На кой ляд он тебе, это тупое, равнодушное животное?

— Точно! — радостно поддакивает она. — Что ни вечер, роется, как крот, в своих бумагах. По-моему, он вообще в жене не нуждается.

— Ведь раньше предлагал: вышла бы за меня. Я же неправдоподобно внимателен.

— А я что, спорю? — тяжело вздыхает она. — Но, помнишь, он тогда таким не был. Эй! Правда же?

Ты замороченно смотришь на нас.

— Что? А-а! Разумеется, не таким. Где уж там! Молод был, бестолков. — Ты поднимаешь стакан, привлекая и нас к делу этому, а потом снова погружаешься в бумаги... Понимаю. Хочешь быстрее разделаться с ними, чтоб потом расслабиться со мною. А ей тоже хочется. Ты весь день на людях, а у нее — сплошные дети, сад, варенья, огурчики...

— Скажу тебе по секрету, — это я опять к ней, — пусть работает! Нам-то что! Мы свое уже отработали. Выпьем же с миром!

— О чем речь! — отвечает она и косится на тебя. — Больно нужен!

Встаю и снимаю гитару со шкафа.

— Ну что, сбавать что-нибудь?

— Почему бы и нет? — улыбается она.

Как просто — вино, усталость, душещипательная песенка. Знаю, что ей нравится. Чудесно, на глаза чуть набегают слезы, в уголках рта на миг задерживается мимолетная улыбка. Великое дело — растравить душу женщине. Еще бы! Похоже, я и сам расчувствовался.

Но не ты. Твое усердие навевает на меня тоску. Собственно, я так же вкальваю. Когда надо. Но сейчас мне хотелось бы от тебя чего-то другого.

И ей хотелось бы.

— Что дальше? Что барышня закажет?

— Не знаю. Что-нибудь милое.

Когда ты в последний раз пел именно ей? Наверное, давно.

— Мадам. — Я качаю бровями и таращу глаза, показывая, что это уж сплошнейший бред. — Допиваем вермут и в путь.

— Как — в путь?

— Просто. Нас ждет дорога. Ко мне домой. Разве не понятно...

Начнем с песенок... А он нам ни к чему!

— Он? — Она с отвращением вздрагивает и продолжает комедию. — Да ну его...

Тут ее тон и выражение лица резко меняются. Она касается тебя и говорит:

— Понял? Ты нам не нужен!

— Вот новость! — брякаешь ты в ответ.

— Мы покидаем тебя! — сообщает она с вызовом и всем своим естеством ожидает запрета.

— Кидайте, милые мои, кидайте на здоровье, — бормочешь ты, как бы между прочим собирая бумаги в кучу. Тут твой взгляд возвращается к нам: — Ну, чего задумались, про винцо забыли? — и решительно разливаешь. Бутылка подходит к концу.

— Кто же это забыл! — хрюкаю я. — Сейчас одолеем и тронемся. Ты всем наскучил досконально.

— Вот так! — подхватывает она и прижимается к тебе. — Я сегодня вечером в гости еду. Потому что ты во мне не нуждаешься.

В ее голосе недвусмысленно звучит: «Милый, я никуда не поеду, нужна ведь я тебе, правда?»

— Слышь, хозяин! Спой-ка для души! — Я протягиваю через стол гитару.

— Да пошел ты... — Петь — это уж самое крайнее, что можно тебе предлагать.

— Ну почему? Спой же! — трясет она твой локоть.

— Короче, не выпендривайся! — говорю. — Даешь что-нибудь душераздирающее! Скажем, «ах вернисаж, мучитель наш!».

Я знаю, что она любит эту вещь. Ты свирепеешь. Везде от тебя требуют вернисаж да муки. Вот все и решается. Она сразу «да, да», ты отнекиваешься, а я начинаю осознанно и планомерно приближаться к цели. Похоже, до сих пор никто не принимает всерьез, что она поедет со мной. Но ты отказал ей в заветном желании.

— Тогда ты спой! — обращается она ко мне.

— Просьба гостя — закон. — Невольно опередив события, я ощутил вдруг приступ гостеприимства. — Но про вернисаж все же петь не буду.

Пересев напротив, смотрю ей в глаза и пою страстный романс: «Ты чужая, ты жена чужая, и не быть тебе со мной». Это достаточно несерьезно, чтобы незаметно создать настроение. Настроить сознание.

С вермутом покончено. Ты выгаскиваешь из шкафа чудом уцелевшее с прошлого года домашнее вино.

— Ну что ж, забулдыга! — хлопаю тебя по плечу. — Опрокинем это и... — Я многозначительно гляжу на нее.

— И поехали! — вызывающе подхватывает она.

— Не новость, — отмахиваешься ты. — Достали. Не остроумно.

В том-то и дело. Естественно, не остроумно. Неужели не видно, что это уже давно перевалило за шутку?! А она? Понимает? Может быть, не хочет понять? Спешу на помощь. С того момента, когда ты окажешь первое сопротивление, считай, все пропало. Ты не должен его оказать. Давай, не пойми до самого конца! А тогда уже поздно будет отступить.

— По правде говоря, и так ясно, что никуда ты не уедешь.

Я задумчиво произношу то ли про себя, то ли обращаясь к ней, и устало провожу по струнам:

— Может быть, махнем в кабак?

— Не тянет больше, — зеваешь ты. — Лениво.

— Ну а если жена сегодня гулять собралась? Ты же не против?

— Боже упаси! Мне-то что!

— Слыхала? Не пора ли собираться?

— И куда ж это мы собравшись, зайчонок мой? — Твой голос звучит слегка уныло. Чувствуется, что вся эта болтовня у тебя уже вот где сидит.

— Я серьезно, тебе спать пора, а мне развлекаться. Так я пошла?

Последний вопрос уже не вопрос. Это ультиматум. Запрети же! Пора вмешаться.

— Послушай, повелительница моя, о чем ты спрашиваешь: он же вообще не понял, что мы куда-то направляемся!

— Не веришь, значит? — Она еще колеблется.

— Э-э... — Ты неопределенно размахиваешь рукой. Надоели тебе эти дурацкие игры. Не веришь, спору нет. И она не верит. Это отражают ее смущенные глаза, неуверенно косящиеся на меня.

— И вправду, хватит. Никто не верит, и сама ты не хуже других соображаешь, что не для тебя все это. — Мой голос звучит разочарованно. — Не было у тебя склонности к таким шуточкам и не будет.

— Вот оно что! — Она топнула ножкой. — Ты, значит, дурака валял? Приглашал меня, зная, что я не соглашусь?

— Я? — Пытаюсь вместить в своем взгляде все доступное мне возмущение. — Полагаю, я именно тот в этом узком кругу присутствующих, искренность которого в данный момент обсуждению не подлежит.

— Вот, значит, как. А я не в счет!

— Как только двинемся, так и поверю. Но, по правде говоря...

— Я! Пошла! Собираться! — Последние слова скорее адресованы тебе. Глаза блестят, щеки горят от вина и решительности. Похоже, ее наконец увлекло маленькое приключение, еще полминуты назад отнесенное на счет моего остроумия.

Она исчезает в ванной и пускает воду. Мы невольно переходим на шепот. Ты врубаешь магнитофон. Прячу лицо за маской целомудренного изумления, как бы почувствовав, что невинная шутка перерастает в быль, и выхожу из окопа. Пора наступать.

— Эй! Ты действительно веришь, что она может запросто взять и уехать?

— Поди разбери. — Ты пожимаешь плечами. — Похоже на то...

— Я просто загнал ее в тупик, вот и все. Она до последнего дождалась твоего запрета.

— А я что, дербер? Катитесь к черту и торчите там хоть до утра!

— Ты хорошо подумал? Пойми же: одно твое слово, и она останется.

— Н-ну... Мне-то что... Но вот вы, — ты вдруг расплылся в улыбке, — вы же с тоски подохнете. Чем займетесь-то?

— Как чем? — Я понижаю голос, как заговорщик (она выходит из ванной и удаляется в спальню). — Что ночью делают... Вдвоем... Не знаешь, что ли?

— Откуда? — В твоих глазах отеческая укоризна.

— Скажи, ты имеешь что-нибудь против?

— Я? Да ради Бога! Успехов тебе! Ей бы перемена только на пользу пошла. Но дохлый номер, понимаешь? Не светит! — Ты беспомощно двигаешь пальцами, не находя нужный жест, чтоб показать мне, безумцу, до чего же безнадежны мои чаяния. — Ну... Брось... Выкинь из головы! Крепость непробиваема.

— Тем лучше. Выходит, у меня на руках твоя лицензия, если уж там что, не дай Бог...

— Да ладно! Лицензия, патент, техпаспорт... Что еще? Руководство по эксплуатации?

— Думаю, не понадобится.

Ведь действительно несерьезно. Или я вправду засомневался?

— Ну что, карета подана? — Она стоит в дверях. Светлое демисезонное пальто, подчеркивающее ее осиную талию, прическа подправлена, лицо слегка подкрашено. Она резко изменилась. Я никогда ранее не пытался оценивать ее как мужчину. Двое детей не испортили по-детски хрупкую фигуру и юношеские черты лица. Помолодела лет на пять. Студентка студенткой.

Наступил решающий момент. Ошибиться нельзя ни на йоту.

— Тронулись! — Я встаю. — Жди жену к рассвету!

Она проникновенно уставилась на тебя. Надеется. Но ты же не подведешь, правда?

— Уходи уходите! Хотелось бы знать, чем вы там, бедняжки, время убьете.

— Какая разница! Налагаю на себя обет вернуть твою девицу целой и невредимой.

— Вперед, орлы!

Ей уже деться некуда. Она опускается в кресло и вытягивает ноги.

— Я готова. Если б только нашелся, кто меня обул бы...

Ее ноги... Непонятный жест. Боюсь, и для нее самой. Она, что же, не знает, как это может быть заманчиво?

— Множество кавалеров вертятся в простынях, бессонными ночами грезя о таком шансе. — Я делаю мушкетерский поклон, опускаюсь на одно колено и натягиваю сапог, избегая прикосновения к тонкому чулку.

На пороге ты целуешь ее в щеку.

— Доброй ночи! И не делайте глупостей. Спите спокойно. Можно обнявшись.

— Может быть, вернуться? — Ты все еще раздумываешь, подходя к калитке.

— Умным такое действие не назовешь. Твой уход никого не встревожил.

— Вот именно. Скажи откровенно: а почему он меня отпустил?

— Ну, например... А почему бы и нет? Мне поручено развлекать тебя. Этим я и займусь. Мне не простят, если не оправдаю доверия.

Вот и мой дом. Поднимаемся на четвертый этаж. Отпираю дверь, и мы юркаем в прихожую. В комнате открыто окно, поэтому довольно прохладно.

— Располагайся! — Я указываю на диван и забираю твоё пальто. Ты присаживаешься на самый краешек, будто заскочила на минутку.

Врубаю проигрыватель и завожу Дассена. Знаю, что ты любишь. Закрываю окно, включаю электрокамин и удаляюсь на кухню.

Пять минут спустя являюсь с подносом. Кофе, ликер «Мокко».

сигареты «More», печенью... Все, как у людей. В комнате стало уютнее. Сакраментально бормочет Дассен. Камин бросает теплые алые отблески. Ты улыбаешься. Добрая примета. Главное — не позволить тебе думать.

— Так, значит, за знакомство! — Я поднимаю стаканчик. — Мы прямо как герои Ремарка. Только что встретились в ресторане... Потом зашли ко мне — к утомленному жизнью холостяку.

— И дальше тоже все по Ремарку?

— Ты подразумеваешь неизлечимую болезнь и смерть в конце? Нет уж. Дальше сами придумаем.

Пригубив бокал, ты поджимаешь ноги на диване и укрываешь их подушкой. Затыкаю Дассена и хватаюсь за гитару.

— Я целиком в твоём распоряжении, — заявляю я с полной ответственностью. Должно же тебе нравиться, что кто-то хоть на миг твой. И не только он.

Задумчиво перебираю струны. Ты закуриваешь длинную коричневую сигарету. Слышал я, что случается такое, но видеть не приходилось. Пока вроде приступ бурных страстей нам не угрожает, зато хорошо посидим — это уж точно.

Время течет спокойно и мило. Говорим о муже. Было бы лучше не трогать его, ибо мысли о нем тебя беспокоят. Ты мучаешь себя в предчувствии завтрашнего утра и пребываешь в недоумении: как это он так спокойно отпустил тебя ночью со мной. Я, конечно, не Брюс Ли, но все же нормальный человек.

178 Ты твердо решила явиться домой с самого раннего утра. Пока он на работу не ушел. По-твоему, иначе он на работу может не пойти, и что тогда будет! Сплошной кошмар, до чего ж можно не знать человека! Самое большое, что тебе угрожает, — его шуточки.

Ты ломаешь голову: действительно ли он спит? Рябчик! Мой друг дрыхнет, как сурок. Так и не пойму, кто же из нас с ним живет!

Тебе было бы лучше о нем не думать. Нельзя то, что нельзя. Вот я и говорю нарочно о нем, постепенно переводя беседу на тебя.

Тобой овладевает ночное откровение. Ты рассказываешь, как много всего в жизни не хватает. Просто не хватает... Мало ли, чего. О нем только хорошее. Но с тоской. Ты так и не простила, что он тебя не удержал.

До чего ж вы рабские существа!

Хочется спрятать тебя за пазуху и не отдавать никому. Я сбросил маску Арлекино, сопровождающую меня всю жизнь. И ты уже не по-матерински всепрощительна к шаловливому ловеласу — дитя, тоскующее по теплу. Но я воздерживаюсь излучать его. Мы сидим на диване — каждый у своей стены.

Болтаю о том, что хотел бы детей, да второй половиной судьба не наделила. Бывает, и меня преследуют приступы откровенности.

Ты умеешь находить слова утешения. Ты мила. Никогда не пожалею об этой ночи. Хорошо, и все.

Ты не допиваешь. И мне, значит, лучше не увлекаться.

Легкий хмель вытесняет усталость. Дважды бьют настенные часы. Воцаряется продолжительное безмолвие.

— А что у меня завтра дома будет... — Совершенно некстати возвращаешься ты к этой бесплодной теме.

— Ничего не будет. Я собственной персоной доставлю тебя домой в семь часов.

— Сам меня отведешь?

— Ага. И вместе позавтракаем.

— Ладно. Впрочем, я вздремну. Споешь еще что-нибудь?

А как же! У меня и права голоса нету. Голос имеется, а прав — нема. Я же здесь главный виновник.

Напеваю под тихие переборы. Ты берешь подушку, сворачиваешься котеночком и погружаешься в сон. Ноги твои упираются мне в бок. Я встаю и возвращаю Дассена. Ты приподнимаешь голову и непонимающе моргаешь.

— Давай-ка сделаем так. — Я беру подушку и кладу на колени. — Ложись!

Ты ни о чем не спрашиваешь. Поворачиваешься, устраиваешься поудобнее и закрываешь глаза. Звучит музыка. Я опускаю веки, будто задремал, и медленно кручу твои волосы вокруг пальцев. Ты молчишь. До такой степени молчишь, что я буквально слышу твоё молчание. Мои пальцы замысловато кружатся по твоему лбу, вискам, изредка по щекам. Ты дремлешь. Чем смелее мои пальцы, тем глубже твой сон.

— Чем это ты занимаешься? — Твой голос очень сонный.

— Как бы успокаиваю тебя...

— У тебя хорошо получается...

Есть! Никто другой так не сказал бы. Только ты, безусловно прожившая в браке шесть лет. Без всякого намерения — просто сказала, что чувствовала. Может быть, до этого я ни на что и не рассчитывал. Ну, а сейчас...

Я ласкаю твои щеки. Легко, легонько. Чуть заметно. Щеки, подбородок, губы... Только губы... Другая рука мягко гладит волосы, чуть отвлекая внимание.

Губы твои сухие и мягкие. Они поддаются под моими скользящими пальцами и просятся. Они зовут. Они горячи и страстны. Во мне все кипит. Спина невольно изгибается, и наши дыхания замыкаются в единый цикл. Дышать нам незачем. Лишь бы не позволить тебе рассуждать. И себе.

Твои руки рвут мою рубашку. И мои не лишены рвения. Я боюсь задерживаться у пуговиц блузки. Поднимаю ее вверх. Твое хрупкое тело незащитно, как у ребенка, — тронь и сломаешь. Тонкий бархат кожи, как у плюшевого медвежонка. Мои ребра вот-вот треснут от распирающей меня жажды обнять тебя, защитить, носить на руках и умереть за тебя. Я алчно целую твоё тело. Рука шелестя скользит по горячему капрону, который покрывает твои пьянящие ноги. Давно не обожал никого так, как тебя в этот миг.

Подбородок упирается в пояс юбки. Приехали.

Взяв себя в руки, возвращаюсь и снова припадаю к твоим губам. Ни слова, прошу тебя!

— У тебя нос пищит...

Ты смеешься и внимательно всматриваешься в мои глаза.

— А у тебя? Не пицтит?

— Попробуй!

Ты дотрагиваешься до моего носа. Я сжимаю губы, пишу и удивляюсь:

— Ой! И у меня пицтит.

— Но только, если нажимаю я!

Снова обнимаю тебя. Крепко-крепко.

Блаженное ничегонеделание. Мы молчим. Говорят наши руки.

— Что я делаю? — шепчешь ты. — Скажи прямо: что это такое? Зачем я так поступаю?

— Это ничего. Совершенно ничего. Шуточка, милая такая, в будний вечер.

— Ты так считаешь?

— Я не считаю. Я знаю.

— А как же он?

— Что он? По-твоему, он нас чем-то обидел? Послушай! Вот уже сколько лет ты целиком принадлежишь ему. И так будет всегда.

Хорошо звучит. Убедительно. Если уж тебе неясно, что никто никому не принадлежит, то не мне же прямо здесь лекцию читать.

— Но...

Я прижимаю палец к твоим губам.

— Никаких «но». Только «и». Все большие «но» оказываются маленькими «и».

Замысловато получилось. По-разному можно понять. Или просто не понять. Не всегда уж так сразу возьмешь и сформулируешь мысль.

Сажусь, прижимаю тебя к себе и целую. На этот раз я завлекающе сдержан. Знаю, что ничего не будет. Именно поэтому не спешу доводить до конца. До конца, которому так и не быть концом. Смеешься ты или плачешь? Никак не пойму. Но это светло и звонко.

Ты чиста и благовожна. Я и не сомневался.

Твой голос доносится откуда-то сверху. Быть может, даже из другого мира.

— Нет... Не надо... Прошу тебя... Не могу...

Слышишь ли ты себя сейчас? Может, и нет. Но я слышу.

Я пью тебя, словно воду из родника. Это невинно и прелестно.

— Иди ко мне... Нет, не надо... Прошу...

О чем ты просишь? Сама хоть знаешь?

Я поднимаюсь и снова целую тебя в губы... Ты постепенно успокаиваешься.

— Закуришь?

— Нет. — Ты мотаешь головой, не открывая глаз.

— Тогда кофе?

— Тогда кофе...

Встаю, аккуратно складываю твою одежду на край дивана и беру рубашку.

— Пошел готовить. А ты сиди и жди, как поросенок. Договорились?

— М-м? — Твои глаза закрыты.
— Э-эй! — Я снова тормошу тебя. Ты поднимаешь веки, улыбаешься и наконец заявляешь:
— Да Бог с тобой! Чай! И выметайся!
Когда я возвращаюсь с чаем, ты уже сидишь одетая и улыбаешься.

— Развлекай меня! Ты обещал!

— Неужели еще не развлек?

— Не-а!

Пою песенки. Давно уже повторяюсь. Ты клюешь носом и отчаянно борешься со сном. Чувствую, что ночь уходит в прошлое и надвигается день. Сидеть становится все сложнее.

— ...пойдешь со мной? — спрашиваешь ты, будто продолжая незаконченную фразу.

— Да.

Как вытеснить из тебя глупые самоугрызения?

— Что мы скажем?

— Все, как было. И чуть больше. То есть промолчу, что не было.

— Ты это всерьез? — В голосе звучит недоумение.

— Абсолютно. Не знаешь меня, что ли? Чем серьезней я говорю, тем громче люди хохочут. Известное дело.

Известное. Да не тебе. Тебе кажется, что я тут всех нарочно веселю. Арлекинова участь.

— М-м-да...

— М-м?

— Ты действительно думаешь, что он спит?

Ну чем еще крыть?..

Дверь открываешь ты сам. Лицо заспанное. Только что из постели вылез. На часах ровно семь.

Завидую тебе. У меня ноги заплетаются. И больно. Мучительно и неотступно. Как сяду, хочется лечь. Как лягу, хочется повеситься.

— Ого! — оживляешься ты, увидев меня. — Вот уж кого не ожидал...

Она с улыбкой заходит в прихожую. Лицо осунувшееся, но живое. Интересно, что сейчас происходит у нее внутри? Поди догадайся. Зато ты точно таков, каким я тебя предполагал увидеть.

— Принимай гостей!

— Чем же вы занимались всю ночь напролет, зайки мои? Похоже, не спали.

— Где уж там спать! — Я многозначительно вращаю глазами. Она по-кошачьи оглядывается, мол, обещал — все пронесет, и исчезает в комнате.

— Как тебе сказать. Твоя жена... — Я глубоко вздыхаю.

— Что жена?

— Страстная женщина!

— Ну, ты молодец! — весело звучат твои слова по пути на кухню. — Иди-ка сюда, перекусим.

Дружно сидим за столом. Ты рассказываешь, как хорошо

выспался. Я, в свою очередь, ненавязчиво и со вкусом описываю наши ночные забавы. Разумеется, намекаю, что все протекало своим чередом. Ты смеешься и отмахиваешься. Делаешь все, как положено, по пунктам.

Я не вру. Но формально. По существу, я так что-то от вас обоих. От тебя — происшедшее. От нее? От нее я так то, что не могу долго утаить от тебя. Ей этого не понять. И не понять, что ты поймешь. Ведь ты так и не признаешься никогда, что знаешь и понимаешь. А если бы признался, она бы не поняла. Вы так и будете таить.

Так делается.

Утро бодряще прохладное. Идем по улице. Вдруг ты спрашиваешь:

— Слушай! А, правда, чем вы занимались?

— Так ведь докладывал же! Ну, ладно. Загнул малость. В сущности ничего и не было. На самом интересном месте ей примерещились моральные проблемы, и, устыдившись, она одумалась.

— Да что ты говоришь?!— Твое изумление так же серьезно, как мой отчет. Тебе ясно, что сегодня я настроен ерничать и серьезного слова из меня не выжать. Я даже слегка раздосадован. Неужели до тебя не доходит, что это не может быть остроумным, что не буду я до такой степени дурака валять?

Стою на трамвайной остановке и провожаю тебя взглядом. Когда ты все узнаешь? Завтра? Послезавтра?

Скоро. Ну, можно ли представить, что я буду что-то скрывать от тебя! Действительно ли наша дружба столь необычна?

За тебя я не сомневаюсь. Приключение является достоянием человечества. Для меня, для тебя. А для нее...

Почему? Почему же этого не случилось?

Виноват мужчина. Всегда. Так положено. Это функция мужчины.

А, впрочем, было бы глупо, если бы так вот сразу все и произошло. Мне бы это казалось неправильным. Сейчас я определенно чувствую себя лучше.

В следующий раз... Это как-то логичнее. Я буду более подготовлен к мероприятию психологически, социально, гигиенически. И материально.

Заткнись! Следующего раза не будет!

И женщина не лишена функции. Женщина не прощает.

Авторизованный перевод с латышского.

**ИРИНА
АЛПАТОВА**

ОСКОЛКИ РАЗБИТОГО ВДРЕБЕЗГИ

сть в нынешнем Художественном театре имени А. П. Чехова спектакль с таким вот символическим названием. И какую сферу жизни ни возьми, всяк так сказать может: политики — о своем, экономисты — о своем... А мы сегодня — о театре. Долгие годы возвышалась в культуре монолитная на первый взгляд глыба под названием «советский театр». А на деле оказалась хрупкой, стеклянной. Качнули ее, она и упала, рассы-

павшись тысячей осколков. Хрустят они под ногами, ходят среди них мастера-творцы — что-то подбирают, а что-то и каблуком придавят. И когда еще сложится из них зеркало, что назовут «новым русским театром»? Что отразит оно — хаос повседневности или гармонию вечных истин? Очередных «героев нашего времени» или Человека, как символ жизни? Будущее покажет... Ну а пока — время собирать осколки.

Все мы привыкли к тому, что «театр в России больше, чем театр». Да и не только он. Любое искусство ценится у нас своей «гражданской функцией», «социальным звучанием» и прочими весьма злободневными вещами. И заметно реже ценится тем, что, собственно, и составляет его суть и смысл — глубиной духовных прозрений, мастерством его творцов, светом и праздничностью, наконец. Еще не столь давно, когда наша жизнь дала очередной крен неизвестно в какую сторону, театр вновь попытался лихо побежать «вперед прогресса». На его сценах закипели политические дискуссии и экономические страсти, появились давние и недавние вожди, поменяв знак «плюс» на «минус», и наоборот. Театру захотелось с лету решить проблемы, над которыми только начинали биться государственные мужи и ученые головы, и немедленно дать верный рецепт исцеления.

Что грех таить, этого хотела и публики, привыкшая видеть в театре «высшую инстанцию для решения жизненных вопросов». Она этого ждала и... не дождалась. Потому что реальный театр жизни, в эпицентр которого вдруг попали люди, оказался настолько ярким, динамичным и своевременным, что мгновенно потеснил «театр вторичный». Обрушившийся на голову поток информации, поданной в са-

мой драматичной форме, оглушил и огорошил. Его оказалось вполне достаточно, чтобы за тем же самым идти в специальные театральные залы, где с тобой еще раз подискутируют, но уже по заранее написанному сценарию. В жизни все оказалось неожиданной, а потому более захватывающей. И необходимость в том привычном театре-гражданине, театре-агитаторе отпала сама собой. Потянуло к чему-то другому, о чем уже начинали забывать, потянуло к Искусству, празднику, чувству. Театр должен был перейти в иное измерение.

Впрочем, на этом пути случались и драмы. И одна из них — драма Театра на Таганке. Театракумира, театра-символа той, прошлой жизни, которая его породила и вместе с которой он неизбежно должен был уйти в историю, хотели того или нет его творцы.

Возвращаясь к «иному измерению», скажем, что эта тяга, к счастью, была взаимной. И неизвестно, кто кого опередил — то ли зрители, уставшие от сиюминутных проблем, то ли театры, вдруг разом отвернувшиеся от нашей жизни и почти напрочь убравшие с репертуарных афиш то, что называлось «современной драматургией».

Впрочем, этому окончательному разрыву предшествовало кратковременное увлечение мрачными и темными пьесами, в просторечии именуемыми «чернухой». Наркоманы, проститутки, представители «розово-голубых» меньшинств заполонили сцену, сделавшись едва ли не «национальными героями». Зритель открыл было рот, но тут же его закрыл, потому что подобные типы, встречавшиеся ему на улицах, были куда колоритнее и живее, чем на сценических подмостках. В «чернушном» театре

сработал тот же эффект, что и в театре политическом, — открытий и прозрений было мало, шаблонов же и остроты «с бородой» куда больше. Естественно, что очень скоро и это надоело, стало вызывать раздражение и нежелание в сотый раз лицезреть то, от чего хотелось укрыться хотя бы под сенью кулис.

Яркий пример сказанному — спектакль «Титул» по пьесе А. Галина в «Современнике». Что и говорить, «Современник» по-прежнему один из самых популярных театров Москвы. Но вот ведь какой парадокс. Не раз приходилось наблюдать, как зрители, с таким трудом добывшие билет в театр, в антракте этот театр покидали. И как раз на тех спектаклях, еще так недавно казавшихся по всем параметрам беспроигрышными. Александр Галин, драматург, безусловно, интересный и «кассовый», в который раз обратился в «Титуле» к проблеме русской эмиграции, которая, простите за категоричность, на сегодняшний день все-таки перешла из разряда актуальных в разряд конъюнктуры. Его главная героиня — Наташа Мещерская, «княжна»-провинциалка, бежавшая от всеобщего российского одичания в итальянский «рай». И ей абсолютно все равно — танцевать ли в варьете или гулять по панели, лишь бы не возвращаться. Страшная ли судьба? По-моему, не очень. Скорее непутевая. А то, что Галин пытается эту судьбу драматизировать, вводя мотив продажи материнского княжеского титула (читай: своих корней), эту «непутевость» только возводит в квадрат.

Ах, если бы прекрасные актеры, занятые в «Титуле» — Елена Яковлева, Лилия Толмачева, Игорь Кваша и Сергей Гармаш, — смогли бы прибегнуть к спасительной помощи театральной иронии! Но

играемые всерьез протест и пафос на фоне почти фарсовых ситуаций, к сожалению, вызывали уже не смех, а недоумение откровенной нелогичностью их сценической жизни. Запомнилась фраза, случайно брошенная кем-то в фойе: «Хотелось увидеть человека, а здесь какие-то тени». А потом внезапно резануло слух прозвучавшее со сцены: «Мы не люди, мы — копии людей». Символично, не правда ли?..

Короче говоря, после весьма скромного успеха подобных спектаклей нынешний театр почти совсем отказался говорить с нами о нас. И, наверное, это закономерно, потому что еще предстоит постичь, кто же такие мы сегодня. «Лицом к лицу лица не увидать», — сказал поэт и был абсолютно прав. Нужна дистанция, нужен временной отрыв, нужно постичь истоки, а не итоги. Где же может припасть театр к этим живительным истокам? Ну конечно же, в классике. Известный критик Борис Любимов назвал последние театральные сезоны «сезонами завлитов», — театры словно соревнуются друг перед другом в открытии новых или хорошо забытых имен и пьес, в оригинальных прочтениях шедевров, знакомых до последней буквы. Пиршество имен и названий радует глаз: «Преступная мать, или Второй Тартюф» Бомарше, «Дни нашей жизни» Л. Андреева, «Великолепный рогоносец» Ф. Кроммелинка, «Ошибки одной ночи» О. Голдсмита, «Рюи Блаз» В. Гюго, «Томас Беккет» Ж. Ануя, «Орестея» Эсхила, а также Шекспир, Пушкин, Чехов, Гоголь, Толстой. От такого роскошного выбора русская сцена уже почти отвыкла.

Казалось бы, классика — лучший повод поговорить о вечном,

окунуться в гармонию общечеловеческих истин, чтобы открыть их для себя заново, приобщиться к вечно прекрасному, на время воспарив над обыденностью. Так должно быть, так зачастую и бывает, но... не в России. Ибо русский театр прелесть «искусства для искусства» на новом витке спирали только начинает постигать. Отвлеченного, замкнутого в самом себе в России театра быть не может. Хотя бы потому, что его делают люди, не имеющие возможности наглухо закрыться в стенах лаборатории-храма, когда за ними творится черт знает что. И уж совсем чисто русский вариант театра — отыскать во всем тайный смысл, подтекст, «подводное течение». От этого никуда не спрячешься — традиция вековая и надо смириться.

Но только ли русский это вариант? Блестящий пример «политизации» классики явил нам в минувшем театральном сезоне знаменитый немецкий режиссер Петер Штайн в не менее знаменитой эсхиловской трилогии «Орестея» — самом грандиозном театральном проекте последних десятилетий и по небывалым валютным финансовым затратам, и по длительности подготовки, и по своей восьмичасовой продолжительности. Штайна в России уже знали — его чеховские «Три сестры» и «Вишневый сад» покорили россиян тонкостью аромата, строгой и щемящей мелодией настроения, изяществом и интимностью. Поэтому от постановки «Орестеи» ждали События, к нему готовились, его предвкушали.

А события не случилось. Впрочем, и провала тоже, как бы этого ни хотелось многим оппонентам Штайна. Было двойственное впечатление — высокой торжественности античной трагедии, когда Штайн шел за Эсхилом, не превра-

щая его богов и героев в наших политических деятелей, и обманутых ожиданий, неловкости, когда античный хор преобразался в некое подобие приснопамятного Верховного Совета, побивающего друг друга стульями. Штайн был в восторге от нашего «пробуждения» от семидесятилетней спячки, российские события той поры казались ему созвучными и соразмерными античным трагическим масштабам. И не поспел за нашей быстротекущей жизнью — пока ставился спектакль (а на это ушло несколько лет), она давно повернула в другую сторону. Еще один урок: вечное есть вечное и не стоит смешивать его с преходящим, каким бы значительным оно ни казалось.

Подобный же пример «лобового» театра, классики, зримо обращенной в сегодняшней день, явил нам и мэтр русской сцены Андрей Гончаров в спектакле Театра имени Вл. Маяковского «Жертва века» А. Н. Островского, кстати, признанном лучшим спектаклем минувшего сезона. Спектакль Гончарова был смешон и одновременно беспредельно жесток, даже агрессивен. Стремление режиссера наполнить его современным содержанием и сегодняшними ассоциациями вылилось в безудержное неприятие этого содержания.

«Всюду деньги, деньги, деньги...» — мотив кабацкого шлягера заключил эту постановку в замкнутый круг, из которого нет выхода. Те самые деньги, которые Островский в другой своей драме метко назвал «бешеными». Бешеные — потому что неуправляемые, презирающие любой человеческий порыв, становящиеся бесцельной целью и всеобщим оправданием. Рядом с ними нет места «трогательному драматическому сюжету», о котором мечтал драматург, нет правых и виноватых, победителей и побежденных, злодеев

и страдальцев. Купля-продажа захлестнула всех, перелопатила и перемешала и в таком виде вытолкнула на сцену.

Гончарову в этом спектакле не нужны полутона и нюансы. Все — в лоб, броско и беспощадно, откровенно фарсово. Он ставил не пьесу Островского, а нынешний вертеп, герои которого по какому-то совпадению заговорили голосами драматических персонажей. Оттого и сцена жизни превратилась в балаганные подмостки, напоенные кабацким разгулом. Никакого укромного «замоскворецкого» мирка — ослепительно вспыхивают разноцветные огни, сверкают зеркала, взлетают пробки от шампанского, гремят лихие перепевы, пляшут девочки. Народ гуляет!

И зрителю нужно было приложить усилия, чтобы «попасть» в своеобразную эстетику постановки, в ее карнавальную стихию, где вместо лиц — маски, а психология растворена в лицедействе. Артисты здесь играют на грани гротеска, почти шаржа, не смущаясь откровенным наигрышем и явными перехлестами. Слово кто-то невидимый дергает их за нужные ниточки, потешаясь над их забавной «самостоятельностью» в плетении интриг. Но все они лишь марионетки в жестокой, «коммерческой» игре жизни.

В минувшем театральном сезоне классика смело вторглась в область, долгое время ей заказанную, — в систему коммерческого театра. Причем вторжение это было весьма решительным и смелым, поскольку художественный руководитель и режиссер Театра Антона Чехова Леонид Трушкин замахнулся на самого великого Шекспира с его не менее великим «Гамлетом». Трушкинский «Гамлет» явился, пожалуй, самым скандальным спектаклем сезона,

вызвавшим взрыв критического неприятия. Мораль, впрочем, была проста и ясна: «Трушкину «не должно сметь свое суждение иметь» по отношению к окутанной ореолом гениальности шекспировской драме. И мало кто задумался о том, что нынешний спектакль режиссера абсолютно закономерен, что он до удивления точно отразил и сегодняшнее состояние «массовой культуры», и положение в коммерческом театре, и запросы широкого зрителя. И не надо воспринимать эти слова как обвинительный приговор. Это данность, против которой, как говорится, не пойдешь.

Трушкин решительно освободил «Гамлета» от всяческой философии, умных монологов, полетов и падений духа. Остался лихо закрученный, почти детективный сюжет, за которым, открыв рты и затаив дыхание, следили зрители. На высоколобый критический аргумент — это для тех, кто «Гамлета» не читал, — так и хочется ответить вопросом: положи руку на сердце, а много ли в зале тех, кто его действительно читал? Во всяком случае, значительная часть публики лихорадочно следила за сценическими перипетиями, явно не предполагая, чем же все это закончится. А по сему поводу в голову приходит еще одна крамольная мысль: страна, вздохнув переваривающая суперубожество «мариерозовых» сериалов и похождения четы Голубковых, индо «Гамлета» сегодня вряд ли заслужила. Есть, конечно, группка интеллектуалов, да они к Трушкину вряд ли пойдут. К тому же ими можно заполнить зал лишь один раз, а Трушкин ставил коммерческий спектакль.

Впрочем, давно известно, что шекспировские персонажи — в большей степени театральные герои, почти символы, чем живые люди. От жизни в них — самая

малость, и вот эту «малость» и попытался вытащить Трушкин. Вытащить и перемешать с жизнью сегодняшней. Короче говоря, он попытался представить на сцене то, чем занимались шекспировские герои, когда они не размышляли о смысле жизни и не философствовали по поводу того «быть или не быть». И что же осталось? Да очень многое: любовь, ревность, предательство, коварство, смерть... Правда, поданные скороговоркой и опущенные с небес на грешную землю, но оттого не менее реальные.

Сергей Шакуров — Гамлет не рассуждал, но действовал, то «обогревая руки в крови» (вполне натуралистично), то затравленно спасаясь от преследователей. В нем мало что напоминало идею или символ и слишком многое — человека, попавшего в непростой переплет. Он раскрывал следствия, а не причины, что не мешало его герою быть вполне убедительным. Правда, на нашем, земном уровне.

И были трюки, был фейерверк режиссерских находок (от изящных до лобовых) — гремела музыка, вспыхивали бенгальские огни, появлялось белоснежное дитя, а Гамлет надолго зависал над сценой. И ведь все бы «скушали», если бы не одна маленькая деталь, не дающая покоя многим: а причем здесь «Гамлет»? Но, учитывая все вышесказанное, ответить можно одной знакомой ныне всем и каждому фразой: «Почему нет, Леня?»

Неожиданно большой проблемой для нового, рождающегося театра оказалась проблема режиссуры. С одной стороны, довольно странная, с другой — вполне закономерная. Выявилось три ее основных аспекта: во-первых, замолчали мэтры, не выпустившие в минувшем

сезоне (за исключением А. Гончарова) ни одного нового спектакля; во-вторых, в театр массовым потоком хлынули представители смежных профессий — кинорежиссеры (С. Соловьев, А. Смирнов, Р. Балаян) и даже театральные критики (А. Максимум); и в-третьих, молодой театр начал довольно безболезненно обходиться без режиссуры вообще. Результаты не замедлили сказаться, причем зачастую вполне парадоксальные.

Насчет мэтров в общем-то все понятно. Все мы люди, и порой хочется осмотреться, передохнуть и залатать снасти своего театрального корабля. А вот проблема «нетеатральной» режиссуры сказалась весьма остро.

В чеховской «Чайке», поставленной Сергеем Соловьевым в «Содружестве актеров Таганки», завораживала натуральная красота и роскошь декорации с настоящим озером на сцене, киношно-импрессионистская атмосфера, текучесть «кадров»-мизансцен, но вот сами актеры отступали куда-то на второй план. Помнится, в последнем акте спектакля по сцене забарабанил живой, настоящий дождь, притаилось в осенних сумерках потемневшее озеро... И таким очарованием веяло от этой сцены, что не хотелось повернуть голову вправо, где за столом собрались что-то говорившие актеры. Только бы слушать шум дождя, закрыв глаза и растворившись в его монотонности. На фоне этой жизни природы игра актеров казалась вымученной, неестественной, желанной гармонии не возникало.

Не увлекали актеры и в спектакле кинорежиссера А. Смирнова «Ужин» Ж.-К. Брисвиля в совместной постановке Театра под руководством Олега Табакова и МХАТа имени А. П. Чехова, несмотря на «звездность» имен — Армен Джигарханян и Олег Таба-

ков. Строгое действо напоминало умно-выверенный радиоспектакль, лишенный и намека на живую, сиюминутную театральность. Чему, кстати, очень «помогла» и пьеса, в очередной раз поведавшая о том, что делает с человеком власть.

А Роман Балаян и просто не сумел довести спектакль «Коломба» Ж. Ануя в «Современнике» до премьеры, что завершил, кстати, «театральный» режиссер В. Севастьянов. Провалился и «Борис Годунов» в постановке критика Андрея Максимова в Театральном центре имени М. Н. Ермоловой, интересный по замыслу, но неумелый по воплощению. Так что, видимо, «законы жанра» все-таки существуют, равно как и достойное владение своей и только своей профессией.

Впрочем, есть и еще один вариант не вполне «профессиональной» режиссуры — режиссура актерская, которая зачастую свои плоды все-таки приносит. Все-таки актер — человек театра, его законы и тайны знающий как никто. И успех «Стульев» Э. Ионеско в постановке Сергея Юрского в «Школе современной пьесы» — тому подтверждение. Спектакля странного, элитарного и щемящего одновременно.

Юрский выступил здесь во многих ипостасях — переводчик, режиссер и исполнитель центральной роли. Потому и спектакль получился абсолютно «авторский». Классика абсурдистской драматургии он воспринял как величину, абсолютно близкую Чехову или Гоголю. Но была и другая близость, гораздо более тесная — живой, личный контакт артиста и человека Юрского с тем материалом, который лег в основу постановки.

Юрского интересовала не столько сама пьеса, сколько ее «попадание» в сегодняшнее ми-

роощущение художника. Она бессюжетна, но ее подтексты глубоки и значительны: тоска об уходящем прошлом, мучительные воспоминания и последний, отчаянный порыв сказать свое слово — перед тем, как уйти навсегда.

Сергей Юрский и Наталья Тенякова играли драму жизни — вечную, как рождение и смерть. И драму своей жизни, потому что иначе русский актер играть не может. Свою веру и крушение иллюзий, свои порывы и разочарования, свою любовь и терпение. Кажущаяся схематичность абсурдистской конструкции вдруг наполнилась такой исповедальной силой, какую в сегодняшнем театре почти и не встретишь. Что здесь от жизни, что от театра — все переплетено, перепутано, слито. А как же иначе, если вся их жизнь — театр, а театр — жизнь.

И они творили на маленькой сцене «Театра для себя». Пусть — одиночество, пусть — пустота, так будем же играть друг для друга. Игра — не забава, это творчество иной жизни, которой не дано насладиться в реальности. Там оживают все несбыточные «если бы» и там же можно поплакать, припав к до боли родному плечу, когда сорвешься с призрачной высоты.

Впрочем, эта игра ведется не только двумя близкими людьми, но еще и двумя артистами. И этот, самый главный подтекст ни на минуту не перестает звучать на сцене. В мифическом «общении» с гостями угадывается еще одна игра — с теми вечными обитателями театральных подмошков, их героями и героинями, выстрадавшими персонажами, с которыми так и не довелось встретиться в реальной сценической биографии. В отношении к этим незримым героям у Юрского и Теняковой — ирония и почтительность. А еще — благодарность за хотя бы такую

возможность в одном сыграть всех.

А вот о «безрежиссерском» театре хочется поговорить особо, потому что его результаты, связанные с деятельностью театрального агентства «Богис» (руководитель — Галина Боголюбова), оказались едва ли не самыми интересными в минувшем сезоне. Во всей работе «Богиса» можно совершенно ясно заметить сгусток тех проблем и поисков, над которыми бьется новый театр.

Агентство замышлялось для поддержки самостоятельных артистов — талантливых, но, увы, беспомощных в деловом отношении. Правда, впоследствии от многих задумок пришлось отказаться по причине их финансовой непосильности, и от теории решили перейти к практике — делать спектакли. Уже первый опыт оказался на редкость удачным — создатели нашумевшего «Нижинского» получили «Хрустальную розу», одну из престижных театральных наград.

И почти сразу приступили к новой работе — спектаклю «Башмачкин» по мотивам «Шинели» Н. В. Гоголя. Сам выбор материала уже заслуживал уважения, ведь куда легче завлечь публику каким-нибудь шлягером. Имя же Гоголя у большей части потенциального зрителя скорее всего вызовет лишь гримасу неудовольствия: «Ну сколько можно...» Наверное, в этом есть известная доля истины. Мы слишком привыкли к литературному театру, театру пьесы, потому и известность сюжета зачастую обратно пропорциональна зрительскому интересу. Значит, публику надо завоевывать чем-то другим, и вот тут-то на первый план выходит одна из «вечных» проблем театра — проблема сценического действия. Сознательны или нет были устремления к ней авторов спектакля, но действие

здесь заметно превалирует над текстом, растворяет его в себе. «Башмачкина» зритель смотрит, а не слушает.

Автор сценического варианта «Шинели» Алексей Бурыкин не ставил своей целью создать очередную инсценировку гоголевской повести. Это скорее вариации, фантазия на темы Гоголя. Равно как и его же сценарий «Нижинского» был как бы импрессионистским наброском основных моментов духовной и сценической жизни знаменитого танцовщика. Текст сам по себе не важен, как бы странно это не звучало по отношению к Гоголю. Едва ли не половина пьесы состоит из бессмысленных междометий или нечленораздельного мычания героя, типа: «Вот оно как», «Ты погляди-ка» и т. п., — но надо видеть, каким смыслом они вдруг наполняются на сцене. Исполнитель роли Башмачкина Александр Феклистов не утомляет зрителей пространными монологами или жалобными тирадами. Но его тихое бормотание неожиданно рождает образ — робкого, забитого и до боли одинокого человека, привыкшего общаться лишь с самим собой да с той нехитрой утварью, что его окружает, — чайником, пером, скрипучей дверцей конторки. В этом его жизнь, его суть, но в этом же и своеобразное «настроение» спектакля, возникающее спонтанно и очень остро. Тогда и слово, внезапно зазвучавшее в полный голос, как бы удваивается, становится более ярким и весомым.

Продолжая разговор о театре и литературе, напомним, что поводом к созданию «Башмачкина», равно как и «Нижинского», послужила отнюдь не готовая пьеса, а идея, возникшая у будущих авторов спектакля. Поначалу смутная и неопределенная, выражающая лишь желание сыграть тот или

иной образ (как это было у Олега Меньшикова в связи с Нижинским). Именно к ней, этой идее, постепенно стягивались все ниточки будущего спектакля — литературный материал, принцип и жанр постановки, ее художественное обрамление и способ актерского существования. Путем проб и ошибок, рискованных экспериментов отбиралось необходимое и отбрасывалось лишнее. Говоря иначе, здесь делался спектакль, а не ставилась пьеса.

Но пришлось столкнуться и с проблемами. И главная из них на первый взгляд кажется парадоксальной — театру, который словно бы заново пытается постичь собственную природу, не нашлось режиссера. Вернее, они были, поскольку к постановке и «Нижинского», и «Башмачкина» поочередно приступали сразу несколько мастеров, но контакт так и не замкнулся. В результате оба спектакля актеры были вынуждены «доводить» сами. Над причинами этого можно долго фантазировать. То ли уже упомянутая «идея», забрезжившая в актерской голове, не допускала режиссерского деспотизма. То ли режиссеры пытались действовать по старинке, не принимая во внимание своеобразие вот такого «внутриутробного» зарождения спектакля. Наверное, все-таки дело в актере, которого потянуло к самостоятельности и самораскрытию, не скованному никакими рамками.

Но дело-то вот в чем. На примере «Нижинского» и «Башмачкина» видно, что безрежиссерье — это палка о двух концах. Да, актер здесь — царь, но царь-самозванец. Он переполнен желанием сказать свое слово, завлечь народ-публику, но вот опыта и чисто технических навыков ему порой не хватает. Здесь пока еще нет цельного спектакля, есть эскиз, набросок

к нему, зарисовка мгновенных настроений, которые актер спешит выразить, наслаивая одно на другое, мешая причины и следствия.

Актер в этих спектаклях — ценность номер один. Он сам затевает игру и сам же ею упивается. Ему не нужны внешние сценические эффекты и глубокомысленные идеи. В «Башмачкине» А. Феклистову не нужны даже партнеры. Прикосновением, взглядом или словом он мгновенно «оживляет» всегдашний мертвый реквизит — и вот уже «вещественная» сцена дышит и общается. Вещи наделяются характером и индивидуальностью, включаются в игру едва ли не на равных с человеком и в то же время подчеркивают уникальность актера-творца.

И еще одна закономерность того же «Богиса», постепенно перерастающая его границы. Для артиста, приходящего сюда, поиск нового — желанная цель и единственный способ существования. Александр Феклистов и Олег Меньшиков давно отказались от постоянных «хлебных» мест, стабильных трупп ради более полной самореализации. И их работы здесь, выросшие, как уже говорилось, из одной только «идеи», вполне подтвердили возможность и такого варианта актерской судьбы. Многолетнее ожидание (зачастую бесплодное!) «своей» роли сменилось довольно дерзкой по нынешним временам собственной инициативой и принесло свои плоды.

Впрочем, бытие русского актера — и молодого, и корифея — сегодня заслуживает особого разговора. Именно артист наконец-то начинает осознавать себя истинным хозяином сцены. Что для России в общем-то не новость. Впрочем, традиция во многом забытая. Сегодня она, к счастью, возрождается.

обреченная на
ЛЮБОВЬ

Недавно вышла новая пластинка Валентины Пономаревой. На белом, отливающим перламутром конверте — портрет красавицы цыганки. В ее бездонных черных глазах — необъяснимая, поистине магическая власть. И, глядя в эти прекрасные колдовские глаза, вдруг понимаешь, что перед нами Кармен.

...Валентина Пономарева никогда не пела Кармен с оперных подмостков. Однако это обстоятельство вряд ли имеет значение для тех, кто ищет в искусстве не определенной закономерности, а жизненную правду. Что ж, если подходить к творчеству Валентины Пономаревой с этих позиций, должно признать: да, перед нами действительно Кармен. И дело здесь, конечно же, не во внешнем соответствии образу (кстати, совершенно поразительном!), а в блистательном воплощении на концертной эстраде того, что составляет прав-

7. «Смена» № 2.

ду и суть женской души. О чем бы ни пела Пономарева, какими бы многоликими ни представляли ее героини, в сущности, каждая из них — как когда-то Кармен — обречена на Любовь, ее поиск, обретение, утрату... Не потому ли свободные от капризов моды романсы Пономаревой находят сегодня все новых и новых почитателей?

Валентина Пономарева выросла среди таборных песен и терзающих душу романсов. Фамилия Пономаревых достаточно известная — многочисленная цыганская родня отца славилась талантливыми певцами и танцорами. У мамы Валентины тоже родословная богатая — дворянских, грузинско-украинских кровей. Отец — человек горячий, упрямый, свою будущую жену совсем юной увел из отчего дома. И жизнь ей устроил по-настоящему кочевую.

Валентина родилась в Москве, родители в то время учились в консерватории. А когда закончили учебу (мама у Валентины — пианистка, отец — скрипач), то вновь завертелась таборная жизнь, пока семью не занесло на Дальний Восток.

Именно со сцены Хабаровского драматического театра началась профессиональная работа Валентины Пономаревой. Сюда ее, студентку вокального отделения музыкального училища, пригласили на роль Маши в «Живом трупе». В спектакле Валентина пела «Невечернюю», которая до сих пор в ее репертуаре.

Дебют был блестящим. Но потом Валентина делала все, чтобы уйти от романса. Работала в оркестре А. Кролла, выступала в «Попмеханике» с С. Курехиным, с квинтетом В. Чекакина, с группой «Аквариум». Позже пела в хоре театра «Ромэн», где в 70-е годы и родилось известное вокальное трио «Ромэн» — Валентина Пономаре-

ва, Играф Иошка и Георгий Квик.

— Валентина Дмитриевна, вы одна из немногих певиц, чей репертуар столь многолик. Джаз, авангард, цыганские песни, музыкальные импровизации... У каждого из этих жанров — свой слушатель. И лишь романс в равной мере любим всеми. Кто-то открыто признается в этой любви, а кто-то предпочитает пылким признаниям безмолвный диалог с музыкой, одних мир романса манит с детства, другим он открывается на закате жизни...

— Да, я тоже верю, что рано или поздно наступает такой момент, когда каждый человек осознает потребность в этой музыке. И возраст здесь не имеет значения, важно лишь состояние души. У тех, кто приходит на концерт, — собственное представление об этой музыке и собственный путь к ней. Именно поэтому романсы петь гораздо сложнее, чем что-нибудь другое: я боюсь невольно разочаровать своего слушателя, ведь одна неверная интонация способна все испортить! Многое здесь зависит от интуиции. Бывает, что я на протяжении нескольких лет ищу «инструменты», которыми буду пользоваться в том или ином романсе: палитру красок, ритмических нюансов, особенности сочетания голоса и гитары, общий тон, пластику... И в этом поиске мне всегда помогает зритель — мой друг и судья. Кстати, за долгие годы общения с самыми разными слушателями — и в России, и за рубежом — я ни разу не сталкивалась с какими-то неприятными для себя проявлениями. Не могу припомнить, чтобы после концерта я, скажем, на кого-то была бы сердита или чем-то недовольна. Если и случаются выступления, меня не удовлетворяющие, то причину я ищу в себе: значит,

сегодня мне что-то не удалось и нужно больше работать!

— Недавно я присутствовала в киностудии на озвучивании фильма о Велимире Хлебникове. Музыку к нему вы «творили» тут же, на глазах у присутствующих. А еще мне посчастливилось бывать на ваших концертах, где вы импровизировали. Но так была авангардная музыка, так сказать, «не для всех». Меня же не покидает ощущение, что вы импровизируете и в романсах. Поразительно! Казалось бы, можно ли найти нечто новое в том, что звучало десятки, сотни раз, знакомо от первой до последней ноты?! Вы же поете так, словно удивительные музыкально-поэтические новеллы рождаются именно в этот момент.

— Конечно, все происходит не спонтанно. Французы говорят: «Самый лучший экспромт тот, что готовится заранее». Я рациональный человек и считаю, логика — важный элемент творчества. Даже в таком жанре, как романс. Для меня все начинается с поиска: я должна просмотреть, пропустить сквозь себя десятки романсов, чтобы для публики выбрать три-четыре. Во время концертов я внимательно наблюдаю за реакцией зала, и постепенно мне становится ясно: из четырех моих новых романсов воспринимаются, скажем, два. Тогда обычно возникает вопрос: что же делать с двумя другими — отказаться от них или попытаться изменить исполнение? Всегда выбираю второе, так как все, что собираюсь включить в репертуар, нравится мне. Ведь музыкант предпочитает лишь то, что он чувствует, слышит. И, значит, есть надежда донести свой эмоциональный заряд до слушателей. В итоге это обычно удается. Правда, есть один романс, я пою его уже много лет, но до сих пор так и не смогла

найти единственную трактовку, самую верную и убедительную. Пока этот романс так и остается для меня «вещью в себе», даже на пластинку не записан. Считаю, если сочинение не прошло «испытания эстрадой», записывать его рано. Вообще подготовка каждой пластинки — итог огромной работы. Здесь не должно быть случайностей, — фиксируется каждый звук, а потом ты уже не в состоянии что-либо изменить. Если на эстраде у меня что-то не получилось сегодня, есть шанс «перепеть» завтра, а пластинку «перепеть» нельзя... Именно поэтому я не могу слушать свои старые записи: многие романсы пою сейчас совершенно иначе.

— *Но из любого правила есть исключения...*

— Разумеется. В моей практике последних лет был случай, когда я записала на пластинку несколько романсов в их первоначальных «версиях». И в концертах они звучат сейчас без всяких изменений. Я имею в виду музыку к кинофильму «Жестокий романс». Эта работа и по сей день остается для меня важной и дорогой. Прежде всего из-за Андрея Павловича Петрова. Уважаю его за высочайший профессионализм и замечательные человеческие качества. Мы не только коллеги, связанные творческими интересами, но и друзья. Честно говоря, предложение озвучить этот фильм я приняла по одной-единственной причине: оно исходило от Андрея Павловича. До этого основу моего репертуара составлял джаз, и я считала себя именно джазовой певицей. А все прочее — работы в кино, трио «Ромэн», цыганский театр — отходило на второй план. И вот Андрей Петров объявляет, что в новом фильме придется петь романсы, да еще к тому же на стихи Марины Цве-

таевой! Я в шоке... Отвечаю: «Это не для меня. Я джазовая певица, романсов никогда не пела и петь не буду». И все же Андрей Павлович убедил меня попробовать. Я начала работать, признаюсь, без всякого вдохновения. К тому же в момент записи плохо чувствовала себя — болело горло, температура поднялась до 38°. Но все же запись состоялась, хотя, честно говоря, слушая сейчас фонограмму, мне становится дурно! Прошло некоторое время, и однажды Андрей Павлович вновь позвонил мне с просьбой выступить на его авторском вечере. Так я снова исполнила музыку из «Жестокого романса». А потом — еще и еще. На концертах творилось что-то невероятное! Зал вставал, овациям не было конца. Все чаще меня упоминали именно в связи с фильмом, а не с джазовым или цыганским репертуаром. И я начала подумывать о том, что, пожалуй, была не права, отторгая романсы, считая их чем-то несерьезным, недостойным внимания профессионального музыканта. Так Андрей Петров открыл для меня мир романса. Сбылось то, о чем когда-то мечтал мой отец. «Ты не должна забывать о своих цыганских корнях, — часто повторял он. — Ты можешь любить свой джаз и все прочее... Но ведь в нашем доме исполнение романсов под гитару — семейная традиция. Никто ни разу не отступил от нее, помни». И я благодарна своей судьбе за счастье дарить людям музыку, которую они любят и ждут!

Беседу вела ИРИНА БЕЛЬСКАЯ.

О МОСКОВСКОМ МЯТЕЖЕ В ЦАРСТВОВАНИЕ

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

РИСУНОК ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Классическая «История Государства Российского» Н. М. Карамзина, как известно, доведена автором до Смутного времени и благодаря переизданиям последних лет хорошо знакома современному читателю. Однако несомненный интерес представляют и другие работы Карамзина по русской истории, написанные прежде и — по хронологическим рамкам — не вошедшие в многотомный труд. Одну из этих работ, затерянную на страницах старинной российской периодики, мы предлагаем читателю «Смены» в надежде, что изысканность карамзинского стиля, несколько, быть может, сегодня непривычная, не отвлечет внимания от одного из интереснейших эпизодов нашей истории.

Кровопрлитие, мятежи и бедствия составляют главную и, к несчастью, любопытнейшую часть всемирных летописей; но история нашего отечества, подобно другим описывая жестокие войны и гибельные раздоры, редко упоминает о бунтах против властей законных: что служит к великой чести народа русского. Он, кажется, всегда чувствовал необходимость повиновения и ту истину, что своевольная управа граждан есть во всяком случае великое бедствие для государства. Таким образом народ московский великодушно терпел все ужасы времен царя Ивана Васильевича, все неистовства опричных, которые, подобно шайке разбойников, злодействовали в столице как в земле неприятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали — и только в храмах Царя Царей молили Небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Иоанна.

Тем более удивляется историк России, когда царствование государя доброго, милосердного, народолюбивого, представляет ему для описания ужасный бунт в столице и лютое исступление народа... Я говорю о **первом** мятеже, бывшем в Москве при царе Алексее Михайловиче. Он никем из русских писателей не был изображен подробно и верно; а как всякое из народных происшествий, самое горестное, оставляет для потомства благодетельное нравоучение, то мы вздумали собрать рассеянные известия о сем бедственном случае, и предлагаем их читателю за достоверные.

Царь Алексей Михайлович, подобно своему родителю, в цветущей юности сделался самодержавным государем. Воспитанный боярином Морозовым, он имел к нему доверенность неограниченную, соединенную с трогательной любовью. Уже Россия наслаждалась миром и благоустройством, которое Михаил восстановил с великим трудом и с явной помощью Неба; но царь юный и неопытный чувствовал нужду в мудром советнике для мудрого управления государством. К несчастью, Борис Иванович Морозов не походил характером своим на добродетельного патриарха Филарета, который был истинным гением-хранителем и царя и царства во времена самые опасные: сей боярин славился умом, но унижался склонностями и пороками души слабой: завистью, корыстолюбием и пристрастием к своим угодникам. Желая властвовать, как Годунов при Федоре властвовал, он не имел мудрой, глубокой политики сего великого человека, изумлявшего

народ блеском своих добродетелей, но прибегнул к средствам хитрости низкой: удалил от двора многих знаменитых патриотов, особенно же родственников покойной царицы *, разослал их по городам воеводами, окружил царя ближними людьми своими и пристрастил его к охоте, чтобы отвести от дел государственных: ибо властолюбивые министры во всех землях и во все времена боялись трудолюбия монархов. Наконец, к увенчанию своих хитростей, он показал ему двух прекрасных дочерей Милославского; и когда государь, влюбясь в большую, соединился с нею браком, Морозов через десять дней женился на меньшей сестре, надеясь титулом царского свояка еще более утвердить права и власть царского ментора.

Редко случается, чтобы любимцы государей пользовались любовью народной; их судят жестоко, ибо судьей бывает зависть, которую трудно обезоружить и добродетелью. Морозова уважали, но не терпели: бояре за его самовластие, а народ за разные новые подати и откупы, тогда введенные. Говорили, что он убедил царя возвысить цену на соль и отдать ее на откуп думному дьяку Назарию Ивановичу Чистову и что первый боярин выдумывает такие монополии для собственной прибыли. Купечество жаловалось на то, что правительство запретило употребление неклеимых аршинов и наложило на казенные высокую цену. Но сии жалобы, едва ли основательные **, не могли бы произвести ужасного и всеобщего возмущения без других причин, гораздо важнейших.

Илья Данилович Милославский хотя издавна служил при дворе, но был весьма небогатый дворянин; сделавшись тестем государя, осыпанный вдруг его благодеяниями и возведенный на степень боярина, он старался обратить милость царскую и на всех ближних и дальних своих родственников, которые скоро заняли важнейшие места государственные. Морозов охотно способствовал их возвышению, соединив честь и пользу своего рода с честью и пользой Милославских. Сии люди, по большей части весьма бедные и привыкшие к низкой доле завидовать богатым, с переменою судьбы своей не переменялись душою: хотели только наживаться и не имели гордого честолюбия древних фамилий боярских; не зная стыда, ужасного только для сердец благородных, не знали и страха: ибо сильный Морозов был их свойственником и покровителем. Двое из новых любимцев фортуны сделались особенным предметом народной ненависти: окольные Леонтий Плещеев и шурин его Траханиотов. Первый началь-

* Царь Алексей Михайлович, оплакав родителя, через несколько дней лишил ее и матери: трон дорого стоил его доброму сердцу. (Здесь и далее — примеч. автора.)

** За пуд соли платили тогда 30 копеек, а прежде 20: такая надбавка не могла быть тягостна и для самых бедных людей. Введение клейменных аршинов было нужно для отвращения всяких обманов в мере. Купец не разорялся, платя в казну однажды навсегда шесть или семь гривен за железный аршин. Но Морозова не любили, и все выдумки его казались преступлением. Налог на соль так озлобил граждан, что они стали гораздо менее покупать ее, и казна, вместо прибыли, имела убыток. Между тем испортилось множество рыбы от **недосоления**.

ствовал в Земском приказе, то есть уголовном и гражданском суде столицы, и жертвовал правдою гнусной корысти с таким бесстыдством, с такою дерзостью, что в наше время трудно поверить рассказам о делах сего человека *. Он разорял правых и виноватых; научал злодеев доносить на богатых людей, брал их под стражу, заключал в темницу и предлагал им выкупать себя деньгами. Траханиотов, будучи главою Пушкарского приказа, имел в своем ведении оружейные и другие заводы. По уставу царскому надлежало всякий месяц выдавать жалованье мастеровым людям, которые на них работали; но Траханиотов не думал исполнять его, брал деньги себе, и тирански мучил работников, которые смели усильно требовать платы и жаловаться. Сим бедным людям с их семействами оставалось умереть с голоду. Напрасно утесненные искали правосудия. Челобитные, вручаемые даже самому государю, не имели никакого действия: ибо он, не читая, отдавал их на рассмотрение боярам, которые или не хотели, или боялись обличать виновных, и всякую жалобу представляли ему в виде ложном. Граждане московские чувствовали сию несправедливость тем живее, что благодатное царствование Михаила приучило их к царству милости и правосудия; времена прежних насилий и беспорядков уже заглаждались в их памяти. Добрый царь, отделенный от народа высокою кремлевскою стеною, не знал, что делается за нею, и не слышал народного вопля. Плещеев и Траханиотов его слышали, но презирали, вместе с другими боярами веселясь беспечно в новых кремлевских палатах своего родственника Милославского **. Морозов наслаждался любовью молодой прекрасной супруги и всеми удовольствиями власти. Гроза висела над его головою; но он был упоен своим величием и, зная неограниченную к себе милость царя, не мог вообразить никакой бедственной перемены своего жребия.

Народ толпился на Красной площади, а в других частях города собирался перед церквями, советуясь, что ему делать. Он угадывал чувствительное сердце юного монарха; был уверен, что царь защитит бы своих добрых подданных и наказал бы неправду чиновников, если бы знал, что терпят одни и как другие употребляют во зло его доверенность. В самом деле могут ли государи хотеть народного утеснения? По крайней мере сии примеры редки в истории. Все склоняет их к правосудию и милости: собственная польза, слава и счастье. Личное благо людей, самых знатнейших в государстве, может быть противно общему; только один человек никогда не бывает в таком опасном искушении добродетели — и сей человек есть монарх самодержавный. Народные неудовольствия и совещания были, конечно, известны двум сильнейшим боярам русским: Морозову и Милославскому; но они не взяли никаких действительных мер отвратить мятеж и старались, может быть, только закрыть сию тучу от государя, в безрассудной надежде, что она сама собою рассеется. Ослепление властителей бывает всегда предтечею государственных бед-

* Иностранцы, бывшие в Москве, описали их.

** Царь подарил ему дом в Кремле; но пышный Милославский разломал его и построил новый.

ствий. Сии бояре могли бы укротить народ отставкою Плещеева и Траханиотова; но им казалось стыдно покориться общему желанию и своих родственников явно признать недостойными чиновниками. Такие ничтожные побуждения бывают для характеров слабых сильнее государственного блага!

Объяснив главные обстоятельства тогдашнего времени, без которых нельзя иметь справедливого понятия о действиях, приступаем к горестному описанию мятежа и крайностей народного иступления.

23 июня 1648 года*, в день Крестного хода в монастырь Сретенский, царь, отслушав там обедню, возвращался верхом в Кремлевский дворец свой: многочисленные толпы народа окружили его на площади. «Стойте, государь!» — кричали ему со всех сторон и схватили за узду лошадь царскую. Изумленный монарх остановился... Граждане молили его быть отцом своего народа; рассказали все, что они терпят от судьи неправедного, Леонтия Плещеева, и просили с величайшею покорностью, чтобы государь защитил их и на место сего жестокого человека посадил боярина честного и добросовестного. Царь слушал с удивлением и милостиво отвечал, что граждане могут быть покойны; что он сам исследует дело и накажет виновного. Народ громогласно изъявил благодарность монарху, и восклицания: «Здравия и многие лета нашему царю-государю!» — провожали его до Спасских ворот.

Таким образом, все могло кончиться мирно, законно и благополучно. Еще народ не был преступником: он пожаловался только своему отцу и монарху на судью неправедного; желал единственно отставки Плещеева: не требовал даже и его наказания; умолчал о всех других неудовольствиях своих и людях, ему ненавистных. Такая умеренность предвещала ли злодейства, которым надлежало свершиться в сей день, бедственный для Москвы и целой России?..

К несчастью, некоторые чиновники, прискакав за царем на площадь и слыша, что сделалось, безрассудно вступились за Леонтия Плещеева, начали укорять граждан мятежною дерзостью, даже бить их, топтать лошадьми... Тут искры бунта воспылали. Граждане забыли власть законов и присвоили себе насильственную управу. Страшный вопль раздался на площади; камни посыпались на чиновников: народ, вслед за ними, вломился в Кремль, гнал их до самых палат государевых, и стрельцы с великим трудом могли остановить его на ступенях крыльца. Бешенство овладело им, и тысячи голосов требуют, чтобы им выдали Плещеева...

Боярин Морозов выходит на Красное крыльцо и говорит народу именем монарха, что царь обещал им правосудие и сдержит слово свое... Напрасно; мятежники кричат ему: «Нам и тебя надобно; мы хотим и твоей головы!»... Едва он мог спастись от их злобы во дворец государев. Они бросились в кремлевский дом Морозова; отбили ворота; умертвили верного слугу, который

* То есть в третий год царствования Алексея Михайловича.

хотел им противиться, и ворвались в горницу, где была супруга боярина.

Сия женщина, молодая и прекрасная, ожидала верной смерти от неистовых; но они не тронули ее и сказали: «Благодари Бога, что царица — сестра твоя!» Таким образом и в самом бунте народ не забывал уважения к царской фамилии...

В несколько минут дом боярина был разграблен; сундуки, шкапы взломаны; богатые ковры персидские, парчи, бархаты, соболи и черные лисицы изорваны на части; мешки с ефимками высыпаны на пол, серебряная посуда выброшена из окон на улицу; жемчуг выносили в шапках и за ничто продавали. Грабители дерзнули даже прикоснуться к святыне образов и сняли с них богатые ризы; известно, что в старину сия драгоценные оклады составляли в домах главное украшение и сокровище. В день свадьбы Морозова государь подарил ему великолепный берлин, окованный серебром и внутри обитый золотой парчой с собольей опушкой: народ изломал его. Глубокий погреб боярский, по словам одного иностранного писателя, **обратился в колодезь**: немецкие и фряжские вина лились из разбитых бочек.

Мятежники, опустошив дом первого боярина, разделились на многие толпы: одни пошли к думному дьяку Чистову, ненавистному в столице за соляной откуп; другие — к Плещееву, Траханиотову, к известным друзьям их и помощникам, князьям Никите Одоевскому и Лыкову. Грабеж в домах их продолжался во всю ночь, до самого утра. Плещеев и шурина его спаслись бегством; но Чистов, за несколько дней перед тем упав с лошади, лежал больной на постели. Слыша о бунте и зная народную к себе ненависть, он спрятался*; неверный слуга указал его мятежникам, которые тирански умертвили несчастного.

Олеарий, зная лично сего думного дьяка, описывает его человеком суровым и корыстолюбивым: будучи при дворе знатен и силен, он делал великие неудовольствия голштинским посланцам за то, что они мало дарили его.

Правительство как будто бы исчезло в сие время, оставив столицу в жертву, может быть, горсти бунтовщиков: ибо, конечно, не весь народ участвовал в таких злодеяниях. Морозов, гордый в счастья, оказал всю малость души своей в опасности; думал уже не советовать царю, а единственно спасти жизнь свою, как спасают ее люди недостойные власти — то есть бегством. Кто родился управлять народом, тот предупреждает опасность мудростью или отражает ее великодушием, или гибнет, держа твердой рукой жезл правления... Юный монарх, оставленный своим главным советником, изъяслял нерешительность. Он велел только запереть кремлевские ворота, когда народ рассеялся по Китаю и Белому городу.

На другой день мятежники снова явились на большой площади и грозили довершить свое мщение. Тогда государь приказал собраться в Кремль войску иностранному. Несколько сот немцев, под начальством офицеров своих, шли вооруженные сквозь толпы народа, который издавна не любил их и часто оскорблял

* Под вениками, говорит Олеарий.

грубыми насмешками; но тут он свободно дал им дорогу и говорил ласково: «**Добрые немцы! не троньте нас; а мы впредь будем жить с вами дружно.**»

Для них отворили Спасские ворота: никто из мятежников не дерзнул идти в Кремль за ними. Офицеры иностранные расставили караулы у всех башен и вокруг дворца, где собрались верные бояре, готовые умереть за царя и отечество. Знатнейший между ими был Никита Иванович Романов-Юрьев, дворецкий государя и ближний его родственник, человек умный, но беспечный; благодетель всех бедных в столице, покровитель иностранцев и **новых обычаев**, которыми патриарх часто укорял его в беседах, но дружески и ласково: ибо все знатные и незнатные любили сего именитого боярина. Царь, милосердный по своему характеру природному и юностью лет расположенный к средствам кратким, избрал его в посредники между собою и народом...

Романов выехал верхом из Кремля на площадь, снял с головы высокую боярскую шапку свою и показал, что хочет говорить народу *, который, окружив его толпами, кричал: «**Здравствуй, отец наш!**» Добродетельный боярин с чувствительностью изъявил гражданам, сколь прискорбно сердцу государя, что они не удовольствовались его обещанием рассмотреть их жалобы, присвоили себе право наказывать виновных и сами впали в преступление; что государь вторично дает им слово казнить всех народных притеснителей, но желает, чтобы добрые граждане усмирились и покойно разошлись по домам своим... Народ отвечал, что он чувствует милость царскую, готов умереть за него, но не сойдет с площади, пока истинные виновники мятежа: Морозов, Плещеев и Траханиотов не будут ему выданы и наказаны... Никита Иванович Романов изъявляет гражданам благодарность за их усердие к царю, уверяя клятвенно, что Морозова и Траханиотова нет во дворце и что они бежали из города. Народ требует Плещеева. Боярин обещает обо всем донести государю, благодетельствует народу и едет назад в Кремль...

Здесь русский историк, с умилением прославив добродушие монарха, заметит, что оно было уже несогласно с государственным благом, которое в таких несчастных обстоятельствах утверждается более непоколебимым мужеством власти, нежели ее снисхождением. Народ слеп и безрассуден: решительностью правителей он должен быть сам от себя спасаем.

Вместо того, чтобы в грозном ополчении выслать из Кремля стрельцов и роты иностранные с повелением рассеять мятежников, если они не захотят усмириться и добровольно исполнить воли монаршей, царь приказал им обьявить, что Леонтий Плещеев должен быть немедленно казнен в глазах народа, и **другие** так же, если они будут пойманы...

Через несколько минут в самом деле отворились кремлевские ворота, и народ увидел сего несчастного: палач вел его; судья

* В сей пьесе нет **ни одной черты**, которая не была бы историческою в строжайшем смысле. Автор **от слова до слова** повторяет здесь известия чужестранцев, бывших очевидными свидетелями происшествия.

уголовный держал в руке приговор к смерти. Мятежники не дали совершиться законному обряду казни, и с лютостью растерзали человека, некогда для них страшного. В то же время государь отправил князя Семена Пожарского вслед за Траханиотовым; его догнали близ монастыря Троицкого, заключили на несколько часов в темнице земского двора и казнили на площади 25 июня.

Сии две жертвы усмирили народ. Ему известно было, что Морозов действительно искал спасения в бегстве: ибо ямщики видели его за валом — и хотели схватить; но он ускакал от них, возвратился в город и тихонько пробрался во дворец, как в самое безопасное для себя место. Мятежники, полагая, что его боярина нет в столице, удовольствовались обещанием царя наказать его, когда он будет сыскан. Изъявив государю благодарность за его правосудие, они разошлись по домам, и Москва отдохнула, быв три дня жертвою мятежа и страха...

Сие спокойствие скоро нарушилось бедствием иного рода. В 10 часов утра восстановилась тишина в городе: в три часа вечера сделался страшный пожар на Дмитровке и на Тверской, который обратил в пепел все дома, бывшие за белою стеною до самой Неглинной; перешел даже за сию реку и грозил обнять пламенем главный питейный дом казенный, где стояло множество бочек с вином... Китай-город и самый дворец государев был в опасности. Вместо того, чтобы гасить огонь, чернь с жадностью бросилась в казенные погреба; пьяные без чувств падали на улицах и задыхались от дыма... Олеарий, описывая пожар, рассказывает случай невероятный. В 11 часов сей бедственной ночи, говорит он, несколько иностранцев стояло на улице и с ужасом смотрело на быстрое течение пламени. Вдруг видят они монаха, который с великим усилием тащит за собою мертвое тело и говорит им: **«Помогите мне бросить его в огонь; это остатки злодея Плещеева; ничем другим нельзя остановить пожара»**. Иностранцы не хотели сделать того; но мальчишки, тут бывшие, схватили труп и бросили в огонь, который в самом деле, к удивлению их, начал гаснуть...

Через несколько дней после того царь угощал в Кремле всю свою гвардию*. Милославский, спасенный от народной злобы достоинством царского тестя, начал также давать обеды знаменитейшим из купцов и граждан, помогать бедным, ласкать народ и снискивать любовь его. Патриарх велел священникам утверждать прихожан в тишине, миролюбии и повиновении властям законным. Место Плещеева и Траханиотова заняли чиновники достойные, известные столице по их любви к справедливости. Все признаки волнения исчезли, и жители московские снова обратились к мирной деятельности гражданской. Бояре ездили по улицам, и народ изъявлял им обыкновенное к ним уважение.

Тогда столица увидела зрелище великое и редкое в летописях мира — зрелище, которого описание останется навеки трогательным в нашей истории для всех сердец истинно русских, привя-

* То есть стрельцов.

занных к добрым своим монархам.

Объявили народу, что государь желает говорить с ним. После обедни — день был праздничный — царь Алексей Михайлович выехал из Кремля, сошел с лошади и стал на возвышенном месте*. Граждане со всех сторон теснились к нему, громогласно изъявляя усердие к священной особе монарха. Подле него стоял добрый и любимый боярин Никита Иванович Романов-Юрьев. Государь с ангельскою кротостью сказал купечеству и гражданству, что «ему горестно было сведать все претерпенное ими от злых чиновников; что сии недостойные заслужили казнь, употребляя во зло священную власть закона, которая перешла наконец в руки чистые и непорочные; что бояре добросовестные, заступившие место Плещеева и Траханиотова, будут править и судить по уставу человеколюбия и справедливости; что сам он, несмотря на общую доверенность к сим почтенным людям, будет неусыпным оком смотреть за всеми частями правления; что особенные привилегии и монополии немедленно уничтожатся; что прежняя цена соли восстанавливается; что выгода и благодействие граждан составят единственный предмет его попечений и что он всеми делами своего царствования желает приобрести имя ему любезное: имя отца народного».

Граждане низко поклонились царю, благодаря его за милость и желая ему здравия и долголетия, по обычаю русских. Тут великодушный царь обратил речь на Бориса Ивановича Морозова и сказал, «что, не находя его совершенно правым, не находит и во всем виноватым и, не требовав еще в свое царствование никакой жертвы от граждан, надеется, что они исполнят первую просьбу его и простят сего боярина, который — за что он ручается — заслужит впредь любовь и дружбу их; что если они не хотят видеть Морозова в синклите, то он исключит его из сего Верховного Совета, желая только, чтобы народ не требовал головы человека, который был ему вторым отцом и наставником».

Глаза чувствительного монарха наполнились слезами: они составили неизъяснимо трогательное заключение его речи — и самые те, которые недавно еще свирепствовали как неистовые мятежники в столице, были поражены сим зрелищем; упали на колена, целовали одежду царя, ноги его и восклицали единогласно: «Да будет, что угодно Богу и тебе, государю! Мы все дети твои!..»

Сердечное удовольствие изобразилось на лице монарха, до сей минуты печального. Он изъявил народу свою признательность; увещевал его быть кротким и послушным, уверяя, что не забудет никогда своих царских обещаний и верно исполнит их.

С сими словами государь сел на коня и со всей свитой бояр и царедворцев возвратился в Кремль.

Такое действие монарха, внушенное ему чувствительным сердцем, без сомнения, восхитительно. Дерзну сказать, что сия минута была едва ли не самой прекраснейшей из тридцатидвухлетнего царствования Алексея Михайловича — минута, в которую он столь разительно доказал нежную дружбу свою к воспита-

* Олеарий называет сие место театром.

телю и священное уважение **данного слова**: ибо ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пылкая юная душа могла так отважно поручить народу свое драгоценное спокойствие! Жить единственно для счастья подданных, быть истинным отцом народным — сии обеты, подтвержденные царем в минуту живейшего чувства признательности, были, конечно, искренны и начертаны в глубине его сердца!.. Мысль пленительная!.. Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно с прекрасными движениями чувствительности?.. Историк строгим саном своим обязан казаться иногда жестокосердным и должен осуждать то, что ему как человеку любезно, но что бывает вредным в правлении, ибо люди не ангелы! Отирая сладкие слезы свои, он скажет, то здравая политика, основанная на опытах и знании человечества, предписывала царю Алексею Михайловичу совсем иные способы утишить мятеж. **Мудрая верховная власть может быть снисходительною, но никогда не требует снисхождения; она прощает, но не просит — и благодарность должна быть чувством подданных, а не монарха.**

Через несколько дней после того государь отправился в монастырь Троицкий. Борис Иванович Морозов, который около двух недель скрывался во дворце, в первый раз явился тогда глазам народа московского: ехал верхом подле царя, своего спасителя, и на обе стороны низко кланялся гражданам. С сего времени он сделался первым народным благотворителем, и кто вручал ему свою челобитную, тот мог верно ожидать успеха, если дело его было право. Подобно боярину Никите Ивановичу Романову, Морозов объявил себя также покровителем иностранцев.

С сего времени царь Алексей Михайлович начал царствовать **сам собою**, часто присутствовать в Совете и входить во все дела: ибо он видел, сколь опасно для монарха излишно полагаться на бояр, которые для особенных, ничтожных выгод своих могут жертвовать благом государства, следственно славою и счастьем государя.

Но **ошибка** царского добродушия имела вредные следствия: скоро бунт в Новгороде и Пскове доказал необходимость мер твердых и строгих.

г. 1803

Предисловие и публикация АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.

ОБЩЕСТВЕННАЯ АССОЦИАЦИЯ
ЗАЩИТЫ ИНВАЛИДОВ И СИРОТ

ОАЗИС

Служба «ОАЗИС-ИНФОРМ» бесплатно
сообщит номера телефонов
фирм и организаций Москвы, занятых:

- продажей модной повседневной и рабочей одежды и обуви, швейных машин и другой бытовой техники, теле- и радиоаппаратуры;
- всеми видами ремонта;
- оказанием медицинских и се-стринских, юридических, банковских и нотариальных услуг,

а также сообщит телефоны курсов, в том числе аудиторских, бухгалтерских, иностранных языков, стенофонографии, компьютерной техники, ювелирных, скорняжных мастеров, мастеров по ремонту телевизионной, холодильной, мото-техники и т. д.

Контактные телефоны: (095) 464-10-82, 379-73-04, 126-09-96 (офис),
с 10 до 15 часов, кроме выходных.

Служба «ОАЗИС-ТРУД» готова помочь вам в поиске мест трудоустройства с учетом вашей специальности, квалификации и индивидуальных склонностей. Приглашаем здоровых, частично утративших трудоспособность. Обслуживаем москвичей.

Контактные телефоны: (095) 372-86-16, 113-94-92, 126-09-96,
с 10.00 до 15.00, кроме выходных.

ЕСЛИ:

вам нужны квалифицированные специалисты;
вы готовы проявить милосердие и сострадание;
вас интересуют значительные льготы по налогам —
служба «ОАЗИС-ТРУД» оперативно подберет для фирм и организаций Москвы (строительно-ремонтных, медицинских, учебных, юридических и других) необходимых работников, в том числе инвалидов, имеющих возможность эффективно трудиться в условиях вашего бизнеса. Готовы предложить услуги опытных переводчиков и программистов.

Контактные телефоны: (095) 372-86-16, 113-94-92, 126-09-96 (офис),
с 10.00 до 15.00, кроме выходных.

ВАЛЕРИЙ МАИОРОВ

ПУЖОМ ЛИ ЗЕМЛЯ?

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

В апреле, как это не раз уже бывало, вешние воды затопили Домодедовское кладбище... Были размыты могильные холмики, повалены кресты и временные надгробные памятники. Закавказ по колени брюки, стоял босиком в воде мужчина, пытаясь вновь установить столбик с доской, на которой видна фамилия женщины.

Мертвым было не больно. И не холодно.

Болели души живых...

А между тем приближалось 1 Мая, не отмененный праздник солидарности трудящихся всего мира, который календарно совместился в том году с православной Пасхой.

— Стоим «на ушах», — сказал мне по телефону в середине апреля Николай Николаевич Павлович, когда я начал искать с ним встречи.

Официально его должность называется так: начальник отдела по производственным и непроизводственным видам бытовых услуг и спецобслуживанию Московского департамента потребительского рынка и услуг.

В апреле мэр Москвы Юрий Лужков взял под личный контроль подготовку кладбищ к православному празднику: почти ежедневно все соответствующие руководители должны были подробно отчитываться о ходе работ, лично их возглавлять и контролировать.

Пасха в Москве и последовавшая вслед за ней Радоница (поминание усопших) прошли — да простится мне не соответствующая случаю фразеология — на славу. Все 59 московских кладбищ были готовы к массовому «наплыву» горожан. Для удобства проезда к отдаленным кладбищам — по

указанию мэра — были введены временные автобусные маршруты (опять-таки, по инициативе мэра, бесплатные), были даже смещены графики движения пригородных электричек.

— Удалось бы так поставить дело, не будь наше предприятие государственным? — задал риторический вопрос в беседе со мной Анатолий Прохоров, генеральный директор московского предприятия спецобслуживания «Ритуал».

Я понимающе кивнул головой...

Централизованно - монопольная похоронная служба в Москве (в нынешнем виде) организационно сложилась относительно недавно, в середине 70-х. Впрочем, если мы затронем исторический аспект, есть резон заглянуть и поглубже...

7 декабря 1918 года Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин подписал Декрет «О кладбищах и похоронах», согласно которому все кладбища, крематории (хотя таковых в то время в России еще не было) и морги, а также организация похорон переходили в ведение местных советов. Тем самым уже отделенная от государства Церковь — а именно при храмах и монастырях, на землях, им принадлежавших, возникали и ландшафтно складывались кладбища — лишалась своих важнейших прерогатив: по присмотру над местами захоронения и в отправлении похоронного обряда. Были отменены оплата мест на кладбищах, деление на разряды мест погребения, похорон. Для всех граждан советской России (потом СССР) без исключения устанавливались единые нормы и правила захоронения.

Были оговорены общие санитарные «Правила» по устройству и содержанию кладбищ, определены должности в местных органах власти с возложением на них ответ-

ственности и отчетности по ведению «похоронного дела». Одним словом, этот декрет «стал основой для организации похоронной службы в нашей стране на новых началах». В 1938 году был создан Трест похоронного обслуживания, объединивший все соответствующее хозяйство Москвы. В его структуре, помимо кладбищ, находились мастерские: в одной шла централизованная заготовка досок, в другой — изготовлялись гробы, в третьей — венки, в четвертой — памятники... Отдельно — ритуальный транспорт, торговля похоронными принадлежностями.

В последующие годы в систему вносились различные коррективы перманентного характера: управление кладбищами то дробилось по зональному признаку, то вновь концентрировалось в общегородском масштабе, но сущность спецобслуживания не менялась вплоть до семидесятых годов, когда был введен «агентский» принцип предоставления услуг.

— Это была настоящая революция в нашей сфере, — услышал я от Виктора Александровича Тиганова, одного из старейших работников отрасли. — Теперь все хлопоты брали на себя агенты треста. Подобно тому, как испокон веку делается это во всех малоальски культурных странах.

В прошлом году специализированный трест видоизменил свое имя и стал называться Московским государственным предприятием специального обслуживания населения «Ритуал».

— Наша служба, — рассказывает генеральный директор «Ритуала» Анатолий Прохоров, — не входила в директивный правительственный список предприятий, не подлежащих приватизации. Так что с началом ее мы, естественно, задумались о дальнейшем статусе

предприятия. Аргументы в пользу приватизации высказывались весьма авторитетными людьми. Мэрия заняла твердую позицию: «Ритуал» приватизировать нельзя. Во всяком случае, в нынешнее время. Иначе большинство москвичей просто не в состоянии будут оплатить похороны. Многим ли по карману, скажем, 600 тысяч, которые берет только за копку и устройство могилы (в июне прошлого года. — В. М.) один из кооперативов, имеющий по договору с «Ритуалом» право проводить захоронения на Волковском кладбище?

В июне «стандартные» похороны в Москве, проводимые «Ритуалом», обходились в 350—400 тысяч рублей. Дорого или не очень — пусть прикинет сам читатель. Но даже такой уровень оплаты не покрывает действительные расходы предприятия.

Непостижимый парадокс нашего переходного периода. Оно, предприятие, дотируется из городского бюджета правительством Москвы... А с другой стороны обдирается как липка государством: «Ритуал» платит налоги наравне с заводами, фабриками, учреждениями — за землю, амортизацию административных и производственных помещений, автотехники. Налог на прибыль (выглядящий в данном случае как гримаса умершей плановой экономики), на добавочную стоимость. В общем, полный «комплект»... Эдакий боезаряд, которым с позиций мертвых стреляет федеральная власть в живых. Не хочется длить эту ассоциацию, уподобляя могилы окопам.

Но с учетом всего этого вряд ли уместно предъявлять «Ритуалу» те, в частности, обвинения, которые были выдвинуты в связи с топотом на Домодедовском кладбище. Что может сделать спецпред-

приятие, чтобы подобное не повторилось и в следующем году? Обнести громадное кладбище дамбой? Но где взять деньги хотя бы на то, чтоб снег вывозить с территории?

Именно из-за отсутствия средств новые московские кладбища (фактически находящиеся за пределами Москвы — то же Домодедовское, Хованское, Митинское, Щербинское...) так разительно отличаются от старых — скажем, Введенского, Востряковского, Даниловского, не говоря уже о Новодевичьем или Ваганьковском.

На новых запрещено (хотя это и не зафиксировано в упоминавшихся «Правилах») высаживать не то, что деревья, даже кустарник. Почему? Мне разъяснили: в целях экономии. Один рейс машины по вывозу листвы обошелся нынче, например, Ваганьковскому кладбищу в 300 тысяч рублей.

Хоронили двадцатипятилетнего парня. Был этот парень наперсточником, промышлявшим у магазина «Прага», а позже стал крутым бизнесменом. Его забили до смерти свои, такие же «крутые», при очередной разборке. Он всю ночь пролежал неподалеку от дома, а утром мать, отправляясь на работу, обнаружила тело сына.

В день похорон к его дому (парень этот жил по соседству, оттого пишу з н а я, а не по слухам) съезжались машины. Много машин. Половина — иномарки.

Приехал и священник, возле подъезда отслужил заупокойную. Оркестра, понятно, не было. Но главное, что взбудоражило и почти потрясло старушек, — так это гроб. Дубовый. Не обитый привычной для нас материей. С крышкой на петлях, подобно двери. С ручками — чтоб можно было его нести, не взваливая на плечи, не прибегая к самокатному катафалку.

Я видел такие гробы на витринном подиуме совместного российско-английского предприятия «Ритуал-сервис». Самый дешевый — 600 долларов. Самый дорогой... Тот, в котором хоронили парня, — полторы тысячи долларов.

— Если кто пожелает, можем похоронить в хрустальном, вдобавок снабдив его телефоном, телевизором или компьютером, — сказал мне один из руководителей СП, попросивший не называть его имени.

Москву нынче то и дело будоражат сообщения о похоронах, элементарно невозможных в недалеком прошлом. Самые пышные, самые дорогие похороны сейчас устраивают люди, имеющие шальные деньги. Не сочтите меня за трусливого ретрограда, но хочу сказать так: и слава Богу, что они так богато хоронят своих «соратников» (или соперников) по разборкам. «Ритуал-сервис» на доходы, получаемые от таких клиентов, хоронит бесплатно прихожан церкви Св. Петра и Павла (что у Яузских ворот), предоставляет москвичам автобусы ритуального назначения за 18 тысяч рублей вместо минимально-государственных 73 тысяч (в ценах июня 1994 года).

«Ритуал-сервис» (АО, работающее по договору с «Ритуалом») перечисляет деньги и в социальный фонд, который оплачивает захоронения бомжей и неустановленных личностей.

Кроме этого коммерческого предприятия, есть в Москве и другие, специализирующиеся на изготовлении похоронных принадлежностей, памятников. Качество их работ и услуг, разумеется, выше, чем у «Ритуала», но о какой-либо конкуренции говорить — дело зряшное. Ибо конкуренцию порождает спрос. А он в условиях общества, которому ох, как далеко

до социального благополучия, в обозримом будущем вряд ли станет большим или хотя бы стабильным.

Ныне в Москве уходят в мир иной ежедневно до 360 человек. Лет пять назад было около трехсот. Прирост обусловлен причинами демографического и социального свойства.

Случаи порой бывают страшные. В оперативной информации МУРа я видел сообщение, не попавшее в газеты: в конце мая в мусорном баке было обнаружено тело старой женщины без каких-либо следов насилия. Умершую мать снес в мусорный бак ее сын. А потом пошел получать в префектуре компенсацию на похороны, узаконенную мэрией.

Большой прирост смертности «дают» бомжи и криминальный мир. И если для криминального мира нет проблем, чтобы устроить пышные похороны, то у властей попросту не бывает средств захоронить тех же бездомных.

В прошлом году в Архангельске в городском морге полгода лежало восемь неопознанных тел. Факт, по нынешним временам, можно сказать рядовой, красноречиво свидетельствующий о неблагополучии в обществе.

Но нашелся Виктор Родяков, учредитель частного предприятия «Гранит», взявший на себя обязанность достойно, в соответствии с христианскими обычаями, хоронить в Архангельске тех, кого хоронить некому.

По договору с мэрией он получил для захоронений и обустройства кладбище в Южной Маймаксе, одной из частей города, основанного Петром. На деньги «Гранита» здесь нынче строится часовня. Отпеваются те, на скромных памятниках которых вместо фамилий указаны регистрационные номера.

С точки зрения незамутненной морали в этом можно бы увидеть некую толику цинизма, фарисейства. Но вернее все же дать другую оценку: народная мораль начала возвращаться к исконным, общечеловеческим основам и понятиям.

Процесс будет долгим и трудным. И во многом зависит он не только от духовных, нравственных подвижек в нашем сознании, но и адекватных им действий властей, духовенства.

Трудно конкретно сказать, в чем именно они, эти действия, должны проявляться. Но давайте в качестве горького урока посмотрим на опыт долгих десятилетий большевистской власти...

Параллельно с закрытием, разрушением церквей в стране шло негласное разрушение кладбищ. В малых городах на месте старых церковных погостов строились производственные или административные корпуса. С кладбищами не считались при планировке новых застроек, автомагистралей и городских дорог. Тащили памятники с могил. (В Вязниках недавно я видел ступеньки жилого дома, сложенные из плит, на которых видны фамилии...)

В Москве подобное варварство не приобретало массовых масштабов. Но в запустении и разоре оказались многие кладбища, особенно малые.

Зато сама Москва, расширяя свою территорию, буквально «катком» прошла по скорбным местам захоронений: было ликвидировано 25 окраинных кладбищ. Таких, как Качаловское, Всехсвятское, Дегунинское, Федосьинское, Очаковское (на месте последнего построена ТЭЦ). Частично погребенные там были перезахоронены на Митинском и других новых кладбищах-гигантах. Те же моги-

лы, которые оказались «бесхозными» (думаю, всем понятен этот официально употребляемый термин), пошли, по существу, в строительный мусор.

В добольшевистской России такое было немыслимо. Все кладбища — от самых знаменитых до сельских — находились под присмотром и попечительством местных и земских властей.

В начале века в России даже начала складываться некрополистика как историко-краеведческая дисциплина: в Санкт-Петербурге вышли четыре тома «Московский некрополь» (над ними работали большой авторский коллектив во главе с историком В. И. Саитовым и пушкинистом Б. Л. Модзалевским при покровительстве великого князя Николая Михайловича). Издание представляло собой свод текстов (без иллюстраций и каких-либо комментариев), списанных с надгробий на кладбищах Москвы.

В советские годы выходили лишь очерковые книжки, посвященные тем, кто покоится у Мавзолея и в Кремлевской стене.

И лишь три года назад наметился возврат к прежнему опыту — когда в «Московском рабочем» вышли книги профессора математики и краеведа Михаила Артамонова «Ваганьково» и «Введенские горы». А в городе на Неве издан великолепный том «Петербургский некрополь».

Артамонов, для которого изучение кладбищ — «занятие на досуге», рассказывает:

— Только на Ваганьковском сейчас около 150 тысяч могил. Всего же со времени возникновения кладбища на нем захоронено около миллиона человек. Имена большинства уже не восстановить. Надгробия не сохранились. А все кладбищенские регистрационные книги в Москве имеются в лучшем

случае начиная с 1942 года. Прежние были по приказу из Кремля сожжены осенью 41-го года, когда к столице подходили гитлеровские войска.

Помимо упомянутых книг (издание которых «пробивалось» более десяти лет), Артамонов написал еще путеводитель по Новодевичьему, Ваганьковскому и пяти другим кладбищам. Но за семь лет путеводитель дошел только до верстки, на чем судьба его, похоже, закончилась...

— А жаль, — услышал я от Юрия Чапчука, заведующего Ваганьковским кладбищем, — любой тираж такой книжки разошелся бы без промедления: и Ваганьковское, и Новодевичье — это частица нашей истории и культуры. Там есть уникальные памятники, скульптуры...

Чапчук, двухметровый гигант, на Ваганьковском уже 18 лет. Раньше играл в баскетбольной команде ЦСКА, мастер спорта, неоднократный чемпион Союза.

— Честно говоря, — рассказывал он, — когда устроили меня сюда, думал: временно. Даже стеснялся своей должности. А потом стало по-человечески интересно. Кладбище живет своей жизнью. Говорю, понятно, это без какой-либо мистики. Тут порой резче, чем где-либо, проявляется все, что есть в людских характерах, — плохое и хорошее. А мне ничего не остается, как понимать всех. И сделать так, чтобы не было стыдно перед мертвыми.

— А как насчет хамства, матерщины, поборов с родственников? — спрашиваю у Юрия.

— Ну, на нашем-то это никогда особенно не процветало. Но все-таки сущность профессии накладывает свой отпечаток на людей. Да и работать сюда, как вы понимаете, приходят не из гимназии. Вспомни классиков — и наших,

и зарубежных. Кто из персонажей этого типа пребывал при идеальной трезвости? А уж на Руси-то!..

Не вчера и не позавчера повелось, что могильщикам — первый стакан или бутылку... В общем, скажем так, эта тема пока еще открытая. Хотя помаленьку и вытесняется новыми экономическими принципами, коммерческими формами похоронного обслуживания.

Если вдуматься, хапужество, предел бесстыдства, с которыми приходится встречаться россиянам в скорбные дни, вытекают из безнравственного отношения «к отеческим гробам».

Кошунственно уничтожать и переносить кладбища. Но не менее кошунствен и перенос праха, захоронений. Где, в каких странах (не считая крайние, исключительные случаи) такое возможно? У нас же это стало нормой. Более того, многочисленны случаи, когда перезахоронение производилось из политических или идеологических соображений. Мстислав Ростропович в своей статье о переносе праха Шаляпина из Франции в Москву подобное назвал «дьявольской игрой с трупами»... Она порой становилась надругательством над корневыми основами национального менталитета.

Психологам и философам еще предстоит осознать и оценить сам факт сохранения тела Ленина в мавзолее. Но одно несомненно: в народном сознании начали смещаться ценностные представления о жизни и смерти — установилась, совершенствуясь в последующие годы, особая партийная сословность при захоронениях государственных деятелей, чиновников, номенклатуры, тех, кто входил в военную, хозяйственную и научно-культурную элиту. Похороны стали отражением фактически сословного устройства общества.

Виктор Тигунов, заместитель генерального директора «Ритуала», был на протяжении многих лет тем, кто отвечал за обеспечение собственно похоронного процесса у Кремлевской стены. В его задачи входил подбор землекопов, соответствующего инвентаря.

— К Кремлю подпускались люди, проверенные по линии КГБ,— рассказывает Тигунов,— так что бригада всегда работала практически в одном составе. Помимо землекопов, на каждые похороны выделялось до двух десятков, а то и больше, человек, которые занимались обеспечением различными материалами, оформлением гроба, его установкой... Между прочим, в каждом случае вычерчивался план могилы, который визировался в правительственной комиссии по организации похорон. На листе синего цвета я увидел план могилы Брежнева: длина — 2,1 м, глубина — 1,8, ширина — 1 м (в головах) и 0,85 м (в ногах).

По длине — на 10 см выше узаконенной нормы...

Хотя, как сейчас без них, этих норм, пришедших к нам из социалистического образа жизни и смерти, обойтись, если, к примеру, в Москве дело идет к тому, что к концу года вообще нигде будет хоронить. И, как выразился Павлович, а вслед и Прохоров, «покойников будут свозить к Кремлю и «Белому дому».

Еще в конце 80-х властями Москвы и области было совместно решено в начале этого десятилетия (и утверждено постановлением правительства республики) выделить под кладбища новые участки в Подмосковье. К Домодедовскому собирались прирезать 60 гектаров земли, к Щербинскому — 30 га и, наконец, открыть новое Перепечинское площадью в 100

гектаров. Но с изменением политической системы, перераспределением властных полномочий местные подмосковные советы приняли решение эти земли Москве не отдавать.

Наиболее анекдотична ситуация с Перепечинским кладбищем. К нему уже проведены дороги и коммуникации. Выполнены на 90 процентов работы по обустройству. Но в позапрошлом году Истринский сельсовет принял решение забрать в свое ведение и земли, и то, что было на них возведено. С тех пор идет тяжба...

Эта коллизия знаменательна еще и тем, что выглядит своего рода финальной в «похоронном деле», начало которому положил ленинский декрет 1918 года. Все тут смешалось и пересеклось — от безнравственности и цинизма, которыми пропитано общество, до болезненного неравновесия тех перемен, что в нем теперь происходит.

На какую дорогу они нас выведут — к храму или к кладбищу с поваленными крестами?

Преступный

1

Ранним декабрьским утром Эдит Филипс подошла к городскому кладбищу. Сквозь ажурную металлическую ограду она видела многочисленные гранитные плиты, торчавшие из земли подобно уродливой поросли. Люди, возможно, и рождаются равными, подумалось ей, но смерть равенства не терпит. Одним ставят скромные недорогие надгробия, другие удостоиваютсяobelisks из белого мрамора и колонн из черного порфира.

Эдит прошла по дорожке, петлявшей между памятниками, отбрасывающими четкие тени в холодных лучах неяркого зимнего солнца. Наконец нашла участок, принадлежавший семье де Лорка. Она пересекла асфальтированную площадку, заполненную роскошными лимузинами, водители которых лениво переговаривались друг с другом в ожидании окончания церемонии, и приблизилась к группе людей, окруживших разверстную могилу. Не замечая косых взглядов, которые собравшиеся бросали на ее немодное твидовое пальто и стоптанные туфли без каблуков, Эдит подняла глаза на гроб из красного дерева, стоявший на возвышении возле могилы.

— *Kyrie eleison*, — нараспев произнес епископ в черном облачении и белой митре.

— *Christe eleison... Kyrie eleison*, — подхватил хор звонких мальчишеских голосов.

Похороны такого выдающегося слуги церкви, каким был Фрэнк де Лорка, требовали присутствия кардинала, но тот находился в Риме по делам папства, поэтому заупокойную молитву читал епископ. О том, что это необычные похороны, можно было судить по количеству священнослужителей и размерам памятника.

Размахивая кадиллом, епископ продолжал:

— *Et ne nos inducas in tentationem.*

Боб Томас — современный американский писатель, работающий в жанре детектива, мало известен не только за рубежом, но и у себя на родине. Тем не менее в его произведениях есть привлекательные черты, позволяющие отличить этого автора от других. Именно поэтому сразу же после выхода в свет повести «Преступный маскарад» Голливуд взялся снимать нашумевший в конце 60-х фильм «Мертвый звонарь» с Бэтт Дэвис в главной роли.

Мас Карра Д

Рисунок ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

— *Sed libera nos a malo*, — отозвался хор.

Присутствующие с сочувствием и любопытством поглядывали на вдову, стройную женщину в черном платье, державшуюся очень прямо. Ее лицо скрывала темная вуаль. Справа стоял адвокат семьи де Лорка — Пол Харрисон. На его лице застыло скорбное выражение, плечи ссутулились. Он тяжело переживал смерть давнего клиента и близкого друга. Слева от вдовы стояла почтенная донья Ана Альварес де ла Сьенега. Кружевная мантилья мягкими складками спадала с высокого гребня, украшавшего ее серебристо-седые волосы. По морщинистому желтому лицу текли слезы. Она оплакивала не только Фрэнка де Лорку, но и угасающую славу знатных испанских родов, составлявших ядро подлинной лос-анджелесской аристократии. Донья Ана пришла на похороны в сопровождении своего второго мужа, Альфредо де Кастильо, элегантного худощавого мужчины с узким орлиным лицом, похожего на последнего короля Испании.

— *Dominus vobiscum*, — торжественно произнес епископ.

— *Et cum spiritu tuo*, — пропел хор.

Эдит ничего не видела и не слышала. Она погрузилась в воспоминания...

2

Он не был похож на других офицеров, которые постоянно норовили хлопнуть Эдит пониже спины и намекали на возможность снять для нее уютную квартирку в районе Пиккадилли. Она ненавидела их, этих нахальных молодых парней, только что окончивших военное училище и считавших войну чем-то вроде слета бойскаутов. Все в них раздражало ее, даже манера говорить — будь то невыразительные интонации уроженцев Среднего Запада, гнусавое, тягучее произношение невежественных южан или торопливый говорок жителей восточных штатов.

Полковник де Лорка резко отличался от остальных офицеров. Как и Эдит, он был родом из Калифорнии и говорил на хорошем английском языке с чуть заметным испанским акцентом, свидетельствующим о его происхождении. Звание полковника получил после многолетней безупречной службы в Национальной гвардии Калифорнии.

Этот зрелый мужчина казался Эдит на голову выше всех прочих сотрудников Военно-транспортной службы, расквартированной в Лондоне. Он неукоснительно выполнял свой воинский долг и проводил долгие часы в конторе на Гроувенор-сквер. Эдит приходилось часто задерживаться после работы, за что полковник всегда просил извинения, в то время как другие женщины, работавшие по вольному найму, уходили на свидания со знакомыми офицерами. Если бы он только знал, как радовалась Эдит возможности подольше побыть рядом с ним.

Иногда, сидя возле него за столом, она украдкой рассматривала его лицо, не боясь, что он заметит ее пристальный взгляд: поглощенный решением какой-нибудь неотложной задачи, полковник ни на что не обращал внимания.

Она смотрела на его высокий аристократический лоб, тонкий прямой нос, седую щеточку усов, твердый подбородок. Ее восхищала благородная осанка, приобретенная за долгие годы армейской службы и занятий верховой ездой. Военная форма сидела на нем безупречно, и неудивительно: он заказывал мундиры у лучших портных Лондона.

Эдит нравилось, как Фрэнк де Лорка обращался с подчиненными. С теми, кому требовалась твердая рука, он был строг и требователен, а с теми, кто умнее и образованнее, устанавливал товарищеские отношения и, отдавая приказ, сопровождал его несколькими теплыми словами, после чего младшие офицеры проявляли необыкновенное рвение.

Умение полковника вести себя с вышестоящими начальниками также заслуживало уважения.

Эдит посвятила весь свой незаурядный ум служению полковнику де Лорке и гордилась, что ни разу не подвела его. Их отношения не выходили за рамки служебных, что бы там ни говорили младшие офицеры, раздосадованные ее холодностью.

Эдит всегда казалось, что полковник видит в ней всего лишь образцовую служащую, но в один прекрасный день все изменилось.

Отложив карандаш, он объявил:

— Ну вот, моя работа закончена. Я сделал все, что мог. Теперь успех нашего наступления в Нормандии в руках генерала Эйзенхауэра.

Впервые за восемь месяцев, что Эдит работала под его началом, полковник, казалось, слегка расслабился.

— По-моему, нам надо это отметить, Эди, — продолжал он, с улыбкой глядя на нее. — Вы так не считаете?

— Я считаю, что вам необходимо хоть немного отдохнуть, — ответила она. — Вы так напряженно работали.

— Вы работали не меньше меня.

— Верно, но я только выполняла ваши распоряжения, а на вас лежала вся ответственность за подготовку снабжения союзных войск.

— Ну, теперь моя миссия закончена. Я рассчитал абсолютно все, вплоть до необходимого количества туалетной бумаги. Теперь те, кому положено, должны проследить, чтобы все это попало по назначению. — Полковник достал из шкафа бутыл-

ку. — Я приберегал этот коньяк для особого случая. По-моему, сейчас самое время.

Эдит вымыла две кофейные чашки, и они выпили за успех предстоящей операции. Потягивая коньяк, разговорились о Калифорнии. Полковник де Лорка жил в Лос-Анджелесе, в родовом поместье шести поколений его предков. Эдит родилась в Сан-Франциско. Общих знакомых они не обнаружили, но с сердечной теплотой вспомнили места, где бывали в разные периоды жизни: полуостров Монтерей, Санта-Барбару во время fiestas, Окленд, Беркли и Пало-Альто.

Когда бутылка была наполовину пуста, де Лорка предложил последний тост за Калифорнию и поцеловал Эдит в щечку.

В течение последующих недель объем работы сократился, и иногда полковник заканчивал дела еще до захода солнца. В такие дни он приглашал Эдит поужинать с ним. Они посещали самые лучшие рестораны из тех, что продолжали работать в трудное военное время. Полковник всегда сам делал заказ, выбирая редкие и дорогие вина. Многие метрдотели знали его в лицо и приносили блюда, недоступные другим посетителям. После ужина де Лорка провожал Эдит и нежно целовал ее на прощание.

После успешной высадки союзных войск в Нормандии деятельность отдела, возглавляемого полковником, оживилась, и их вечерние свидания прекратились. Они вновь подолгу засиживались на работе. Эдит доставало изысканных ужинов, но воспоминание о них согревало ей душу. Она радовалась той новой близости, которой была теперь отмечена их скучная, рутинная работа, и наслаждалась редкими минутами отдыха в обществе полковника.

Однажды, придя утром на службу, Эдит с удивлением обнаружила, что его нет на месте.

— У старика нервный срыв, — сообщил ей молодой лейтенант.

У Эдит упало сердце. Оказалось, что полковника увезли в военный госпиталь на окраине Лондона. В порыве отчаяния она хотела немедленно ехать к нему, но тут же поняла, что этого делать не следует. Слишком самонадеянно с ее стороны думать, что она имеет на это право. Что, если она была всего лишь минутным увлечением для усталого офицера? Бросившись к нему в госпиталь, она только подтвердит слухи об их отношениях. В отделе и так считали, что она его любовница.

В течение трех дней, показавшихся Эдит вечностью, она безуспешно старалась сосредоточиться на работе. На четвертый день ей сообщили, что полковник хочет ее видеть.

Эдит попросила разрешения воспользоваться служебной машиной и отправилась в госпиталь. Полковник, казалось, искренне обрадовался, увидев ее. Его красивое, мужественное лицо осунулось и побледнело, но он заверил Эдит, что чувствует себя гораздо лучше. Эдит начала рассказывать ему последние новости. Но говорить было особенно не о чем, и вскоре она смущенно умолкла. Полковник задумчиво смотрел в окно на цветущие кусты сирени. Потом повернулся к Эдит:

— Эди, оказывается, у меня не такое уж здоровое сердце.

Я всегда был уверен, что оно будет выполнять мои команды, но, увы, оно не очень-то меня слушается. Во всяком случае, так говорят врачи. Приходится им верить после того, что со мной приключилось. Признаюсь вам, я немного испугался. Когда такое случается, начинаешь думать о самом важном: о тех, кто тебе дорог. Так получилось, что все мои близкие далеко. Кроме вас.

Эдит почувствовала, что краснеет. Надеюсь, что он не заметит ее смущения, она опустила голову и изо всех сил старалась сдерживать подступающие слезы. Неужели он с ней прощается?

— Врачи сказали, что мне нужен отдых. Я сопротивлялся до последнего, как и положено доблестному американскому офицеру. Но с медиками спорить бесполезно. Они предложили мне выбор: оставить службу временно или навсегда. Я предпочел первое... Один мой здешний друг, англичанин, пригласил пожить у него в охотничьем домике в Шотландии. Я уже бывал в тех местах. Охота на куропаток там превосходная... Эди, я хочу задать вам один вопрос, который не задал бы при обычных обстоятельствах... Вы поедете со мной в Шотландию?

Она подняла на него полные слез глаза.

— Да, Фрэнк, да...

3

Эта поездка в Шотландию запомнилась Эдит на всю жизнь. Смешной маленький поезд провез их по Мидленду, который война обошла стороной. О ней напоминали только забитые войсками станции. Фрэнк много рассказывал ей об истории тех мест и читал стихи, связанные с ними.

В Эдинбурге они пересели на другой поезд, еще меньше предыдущего. Пыхтя и выпуская клубы пара, он доставил их в небольшую горную деревушку под названием Кодилл. Повозка, запряженная старой лошадью, довезла их до охотничьего домика, где уже ждал древний старик шотландец. Фрэнка утомило долгое путешествие, и после сытного обеда, приготовленного женой управляющего, он отправился в приготовленную для него комнату, чтобы немного отдохнуть. Эдит допоздна сидела со стариками у камина, наслаждаясь тишиной и покоем.

На следующее утро они долго гуляли в горах, поднимаясь все выше по тропинке, бегущей вдоль стремительного горного ручья. Фрэнк с упоением рассказывал ей о том, какая здесь была замечательная охота до войны. Вернувшись в дом, они рука об руку направились в комнату Фрэнка и бросились в объятия друг друга. Низкое послеполуденное солнце освещало сквозь узенькое окошко два сплетенных тела на широкой мягкой кровати. Фрэнк терпеливо и нежно вел Эдит к вершинам наслаждения. Его до глубины души тронули ее неопытность и неискренность в любви. Эдит впервые в жизни познала восторг разделенной страсти. Прежние полудетские увлечения были не в счет. Теперь же, ощущая нежность и силу горячего тела Фрэнка, она поняла: пришло ее время жить и любить. Долгое постылое одиночество кончилось.

— Эди, я люблю тебя, — задыхаясь, прошептал он.

— Я люблю тебя, Фрэнк,— эхом отозвалась она, всем сердцем желая только одного: навеки остаться в его объятиях...

4

Епископ осенил гроб крестным знамением.

— *Requiem aeternam dona ei, Domine,*— торжественно произнес он.

— *Et lux perpetua luceat ei,*— ответил хор.

— *Requiescat in pace.*

— *Amen.*

Сделав для усопшего все, что в человеческих силах, священнослужители удалились. Распорядитель подал знак, и гроб медленно опустили в землю. Пол Харрисон, сведущий в обрядах, связанных со смертью, протянул вдове серебряный сосуд. Та послушно набрала в ладонь горсть земли и бросила ее в могилу. Выполнив свой последний долг, она отвернулась и отступила от могилы, собираясь уходить. И тут увидела Эдит.

Эдит смотрела на гроб, не замечая устремленного на нее взгляда. Постепенно глаза всех присутствующих обратились на нее. Она медленно подняла руку и бросила в могилу веточку вереска. Вдова раздраженно отвела руку Харрисона, пытавшегося увести ее, шагнула к Эдит и прошептала:

— Эдит...

Эдит очнулась и подняла глаза на женщину в темной вуали.

— Маргарет...— ответила она тихим голосом.

— Прошло столько лет,— продолжала Маргарет.

— Целая жизнь,— вздохнула Эдит.

— Пойдем со мной,— решительно сказала Маргарет.— Нам надо поговорить.

Взяв Эдит под руку, она подвела ее к черному «роллс-ройсу», стоявшему во главе скорбного кортежа. У Эдит не было сил сопротивляться. Друзья и родственники покойного с любопытством смотрели, как две женщины садятся в машину. Джордж, шофер, служивший в семье де Лорка с незапамятных времен, почтительно закрыл дверцу и сел за руль. Лимузин тронулся с места.

Семейство де Лорка всегда принадлежало к высшим кругам лос-анджелесской аристократии. Первые представители этого древнего рода появились здесь еще тогда, когда Лос-Анджелес был маленьким сонным городком. Задолго до присоединения испанской территории к Соединенным Штатам они неутомимо возделывали плодородные земли, пожалованные королем Испании. Первой резиденцией де Лорки была большая гасиенда, сложенная из пористого камня, в самом центре города.

Шло время. Город разрастался, и семья переехала во внушительный особняк в викторианском стиле на Бэнкер-Хилл, а затем в еще более роскошный дом на Вест-Адамс. Город захватывал все новые территории и обустроивал побережье океана. Прежде чем район Вест-Адамс пришел в упадок, семья де Лорка обосновалась в новом феешенебельном районе Беверли-Хиллз. Хозяином этого последнего дома и стал Фрэнк де Лорка, самый

одаренный и удачливый в делах потомок древнего испанского рода. Его безвременная кончина положила конец старинной династии: он умер, не оставив наследника.

«Роллс-ройс» плавно въехал в чугунные ворота и медленно двинулся по извилистой дороге мимо площадки для гольфа, составлявшей предмет особой гордости покойного хозяина. На протяжении всего долгого и утомительного пути никто из сидевших в машине не проронил ни слова. Вдова, не поднимая вуали, смотрела в окно, Эдит погрузилась в свои мысли. Пол Харрисон, занявший место между ними, тактично молчал.

Вскоре из-за поворота показался розовый особняк, построенный в испанском стиле, со множеством башенок и шпилей.

Лимузин притормозил у крыльца. Навстречу вышел дворецкий Генри. Нестареющий и невозмутимый, он служил уже третьему поколению де Лорка.

Джордж остановил машину рядом с Генри, и тот с поклоном распахнул заднюю дверцу.

— Мадам... мистер Харрисон.— Скорбное выражение лица свидетельствовало о том, что смерть хозяина явилась для его верного слуги тяжким ударом.

Первой из машины вышла миссис де Лорка, за ней Харрисон. Когда вслед за ними неожиданно показалась Эдит, Генри изумленно уставился на нее, словно не веря собственным глазам.

— Спасибо, Пол,— небрежно бросила Маргарет, протягивая ему руку.— Не тревожься обо мне, все будет в порядке. Можешь не провожать нас дальше.

— Разумеется,— согласился адвокат.— Не буду мешать. Мне нужно вернуться в контору, есть кое-какие неотложные дела. До свидания, Маргарет. Увидимся вечером.— Холодно кивнув Эдит, Харрисон удалился.

— Джордж, подождите здесь мисс Филипс,— распорядилась Маргарет.— Пойдем, Эди.

Генри наконец пришел в себя и, вспомнив о своих обязанностях, забежал вперед, распахнув перед женщинами дверь. Они вошли в огромный холл с мраморным полом. Стены холла были увешаны семейными портретами в тяжелых золотых рамах.

— Принести вам что-нибудь, мадам? — спросил он.— Чай, бокал вина?

— Принесите нам по чашке чая,— коротко бросила Маргарет.— И проследите, чтобы нас не беспокоили.

— Разумеется, мадам.

Эдит позволила Генри снять с нее пальто и принялась разглядывать широкую лестницу в глубине холла, пухлых херувимов на потолке и галерею предков де Лорка, сумрачно взиравших на нее со стен.

— Мрачная компания, правда? — усмехнулась Маргарет.— Дом построил еще отец Фрэнка. А от этих портретов меня всегда дрожь пробирает.

Она провела Эдит вверх по лестнице. Перед одной из дверей, расположенных по обе стороны длинного коридора, лежал огромный датский дог. Заслышав шаги, он поднял голову и глухо

зарычал. Потом поднялся, недовольно оглядел пришедших и с достоинством удалился.

— Дьюк меня терпеть не может,— заметила Маргарет.— И я его тоже.

Она прошла немного дальше и толкнула тяжелую дубовую дверь. Эдит, шедшая за ней на некотором расстоянии, робко переступила порог и оказалась в просторной спальне, обставленной с чрезмерной роскошью. Все здесь было розовым: пушистый ковер во всю комнату, шторы на окнах и даже французская мебель, обитая шелком. В старинном камине с зеркалом, укрепленным наверху, весело потрескивал огонь.

— Эди, закрой дверь, пожалуйста,— сказала Маргарет, усталым жестом стягивая перчатки.— Располагайся и чувствуй себя как дома.

Эдит медленно прошла по комнате, рассматривая туалетный столик со множеством флаконов и фотографией Фрэнка в серебряной рамке, широкую кровать, застланную атласным покрывалом.

— Слава Богу, все кончилось,— вздохнула Маргарет, подняв вуаль и осторожно снимая шляпку, чтобы не испортить прическу. Она с отвращением швырнула шляпку на кровать.— Ненавижу черный цвет. Он мне совершенно не идет.— Присев к туалетному столику, она поправила волосы, глядя на себя в зеркало. Эдит подошла ближе и встала у нее за спиной. Время состарило их в равной степени, хотя они и прожили разную жизнь. Лица сохранили поразительное сходство, разница была только в степени ухоженности. Одежда и прическа Маргарет без слов говорили о роскоши, в которой она жила. Но во всем остальном женщины были копией друг друга.

Эдит, не отрываясь, смотрела на отражение Маргарет в зеркале, пока ее не отвлек легкий стук в дверь. Вошла горничная, хрупкая молодая девушка с простоватым личиком. В руках она держала небольшой сверток. Увидев рядом с хозяйкой Эдит, она застыла на месте, раскрыв рот от изумления.

Маргарет снисходительно улыбнулась.

— Это не привидение, Дженет, не бойся. Это моя сестра, мисс Филипс.

— Добрый день, мадам,— тупо произнесла Дженет.

Улыбка исчезла с лица Маргарет.

— Я же сказала Генри, чтобы меня не беспокоили,— резко бросила она.

— Простите, мадам,— пробормотала девушка.— Вам просили передать сверток...

— А-а, это другое дело,— смягчилась Маргарет.— Давай его сюда и можешь идти.

Дженет торопливо вышла из спальни, стараясь ступать как можно тише.

Маргарет развернула бумагу, открыла черный бархатный футляр и вынула золотое ожерелье, украшенное бриллиантами и рубинами. Любовно погладив его, она перехватила укоризненный взгляд Эдит и объяснила:

— Я... отдала это ожерелье ювелиру незадолго до смерти Фрэнка. Застежка сломалась.

— Ты, кажется, не слишком опечалена смертью мужа, — пропела Эдит сквозь зубы. — Не очень-то ты похожа на женщину, только что вернувшуюся с похорон.

— Ах, Эди, оставь, пожалуйста. — Маргарет встала и направилась в гардеробную, держа ожерелье в руках. Эдит шагнула за ней.

— Зачем ты привезла меня сюда? — спросила она.

Маргарет убрала ожерелье в большую серебряную шкатулку и на секунду задержалась перед огромным зеркалом во всю стену, с удовольствием оглядывая свою стройную фигуру. Потом повернулась к сестре.

— Эди, не сердись, пожалуйста, знаю, какая ты обидчивая, но когда я увидела тебя на кладбище, просто в ужас пришла. Только посмотри, как ты одета. Я захотела тебе помочь.

— Хочешь отдать мне свои обноски? — В голосе Эдит слышалась горечь.

— Обноски? — засмеялась Маргарет. — Эди, милая моя, только взгляни на эти обноски!

Она раздвинула зеркальные дверцы стенового шкафа, и перед Эдит предстал длинный ряд вешалок с яркими модными платьями. Маргарет вынула некоторые из них.

— Вот, вот и вот! — воскликнула она. — К тому времени, как я сниму траур, они все равно выйдут из моды. А тебя эти «обноски» совершенно преобразят. Забирай все, если хочешь.

Маргарет порылась в шкафу, вытащила соболье манто и бросила его Эдит. Та автоматически подхватила его и, пройдя в спальню, бережно положила на кровать. Маргарет захлопнула шкаф и швырнула на кровать целую охапку одежды.

— Это все тебе.

Эдит не ответила. Достав из сумочки сигарету, она нервно чиркнула спичкой и стала озираться в поисках пепельницы.

— Брось сюда. — Маргарет протянула ей старинное фарфоровое блюдо. — И пора кончать с куревом, Эди. Можешь заболеть раком и все такое. Я вот бросила много лет назад. Между прочим, что ты опустила в могилу?

— Вереск, — сухо ответила Эдит. — Ветку вереска.

— Вереска? — удивилась Маргарет и тут же рассмеялась: — Ах да, понимаю, «счастье прежних дней» и что там еще... Отпуск в Шотландии. Фрэнк рассказывал мне о вашей поездке.

— Что именно?

— Все очень невинно. Милый Фрэнк! И милая Эдит! Должно быть, вы чинно-благородно бродили по горам и читали сентиментальные стишки.

Раздался стук в дверь, и дворецкий объявил:

— Ваш чай, мадам.

— Можешь войти, Генри, — повысила голос Маргарет.

Вошел Генри, держа на вытянутых руках затейливо изукрашенный поднос с серебряным чайным сервизом и тарелочками с печеньем и пирожными.

Разливая чай, Маргарет заметила:

— Я и представить себе не могла, дорогая, что ты до сих пор лелеешь воспоминания об этой поездке. Прошло столько лет! Ты

же наверняка понимаешь, что это был всего лишь недолгий военный роман. Импозантный полковник средних лет слегка приволокнулся за своей подчиненной. Весьма банальная история. Тебе с сахаром?

— Нет.

Маргарет подала сестре чашку.

— Все было так давно и теперь кажется таким... как бы лучше выразиться, несерьезным.

— А что было у тебя? — вспыхнула Эдит. — Интересный полковник, находясь в отпуске, зашел к сестре своей подчиненной. Подумать только, ведь он хотел сделать мне приятное! А где ваш ребенок, наверное, уже учится в колледже?

— О чем ты?

— О твоём ребенке, из-за которого Фрэнку пришлось на тебе жениться.

— Ах вот что... — Маргарет погрузилась. — Он умер, не дожив до года.

— Значит, это был мальчик, — тихо сказала Эдит. — Фрэнк так мечтал о сыне.

— А потом я уже не могла иметь детей. — Маргарет поставила чашку на столик и повела плечами, словно прогоняя непрошенные воспоминания. Потом встала, повернулась к Эдит спиной и попросила:

— Будь добра, расстегни мне «молнию». Хочу поскорее снять с себя это ужасное платье. Господи, как я ненавижу траур!

Продолжая думать о своем, Эдит машинально повиновалась. Маргарет пошла в гардеробную, на ходу стягивая платье.

— Видела, кто пришел на похороны? Прямо паноптикум. Старая калифорнийская аристократия. — Она скрылась в гардеробной и, повысив голос, спросила: — Ты случайно не знаешь, сколько времени полагается носить траур?

— Он тебе очень мешает, правда? — усмехнулась Эдит.

Маргарет что-то ответила, но Эдит уже не слышала ее. Она обводила глазами спальню, думая о Фрэнке: сюда он привел молодую жену, вот эти вещи дарил ей, в этой кровати обнимал ее... спал с ней... Сколько в нем было нежности, как терпелив и внимателен был он к юной неопытной девушке, не искушенной в премудростях любви...

Она стояла у кровати, погружившись в воспоминания и машинально поглаживая мягкий мех собольего мантио. Потом, словно впервые увидев его, подняла и набросила на плечи. В зеркале напротив отразилась красивая, элегантная женщина. Это не она! Роскошный мех преобразил ее и словно превратил в Маргарет. Эдит сняла мантио и бросила его на кровать.

— Когда ты собираешься назад в Сан-Франциско? — донесся до нее голос Маргарет.

— Я уехала оттуда десять лет назад после смерти папы. Он допился до белой горячки.

Маргарет появилась на пороге спальни в розовом шелковом пеньюаре, отделанном мехом.

— Эдит, ну зачем ты так? — укоризненно сказала она.

— Боишься правды? Тебе неприятно это слышать? Его уволи-

ли из редакции за пьянство, после чего он окончательно спился.

— Бедный папа! Это ужасно... Почему ты мне не сообщила?

— Ты никогда не интересовалась нашей жизнью. Я написала тебе, когда он умер.

— Наверное, были в Европе. Мы с Фрэнком много путешествовали.

— Знаю.

— Что ты знаешь?

— Я следила по газетам за жизнью Фрэнка де Лорки и его очаровательной жены.

Маргарет явно утомил этот разговор.

— Расскажи о себе. Где ты сейчас живешь?

— В Лос-Анджелесе.

— Здесь? Уже десять лет?

— Заправляю небольшим баром «У Эди». На углу Фигероа и Темпл-стрит.

— Бар?! Ты с ума сошла!

— Не беспокойся. Твои светские знакомые о нем даже не слышали.

— Но Эди... бар! Как можно? — презрительно фыркнула Маргарет. — Почему ты не пришла ко мне? Я бы тебе помогла.

— Помогла? Так же, как «помогала» всю жизнь? Я оценила твою «помощь», когда вернулась из Европы и узнала, что вы с Фрэнком собираетесь пожениться.

— Эди, с тех пор прошло двадцать лет!

— Восемнадцать.

— Ты меня до сих пор ненавидишь, да? Так и не простила меня?

— А что ты сделала, чтобы заслужить прощение?

Маргарет покачала головой.

— Эди, но мы же сестры.

— Ну и что? — гневно закричала Эдит. — Ты права, я тебя ненавижу! И не хочу больше видеть!

Резко повернувшись, она выбежала из комнаты и захлопнула за собой дверь.

5

Эдит торопливо спускалась по лестнице и вдруг остановилась, наткнувшись глазами на портрет Фрэнка в форме полковника. Да, это был он, точно такой, каким она его помнила. Художнику удалось передать все — теплый блеск глаз, мягкую улыбку, разворот мощных плеч, нежность сильных рук. С портрета на нее смотрел живой Фрэнк, мужественный, добрый и любящий. Эдит невольно залюбовалась им. Таким он навсегда останется в ее памяти...

Почувствовав на себе чей-то взгляд, она посмотрела вниз и увидела дворецкого. Значит, он заметил, что она задержалась у портрета...

— Машина ждет вас, мисс Филипс, — произнес он.

— Спасибо, Генри, — ответила Эдит, посмотрев на портрет в последний раз.

— Мистер Фрэнк был замечательным человеком, — печально сказал дворецкий. — Нам всем будет его очень не хватать.

На мгновение их взгляды встретились. Эдит прочла в глазах старого слуги понимание и сочувствие.

Генри проводил ее и помог сесть в лимузин.

— Куда вас отвезти, мэм? — спросил Джордж, выезжая из ворот.

— На Фигероа-стрит.

— Хорошо, мэм.

Не следовало вкладывать в бар все сбережения, думала Эдит. Это было ошибкой. Зря она вообще переехала в Лос-Анджелес. Наверное, стремилась во что бы то ни стало вырваться из той квартирки, где они жили с отцом, и вытравить из памяти кошмар последних лет его жизни. Почему она помнила только этот ужасный период? Отчего забыла то время, когда отец, молодой талантливый журналист, обожавший дочерей-близнецов, читал им стихи, водил в музеи и на утренние спектакли в оперный театр? Почему память удержала только пьяные истерики, ругань и крики по ночам?

Эдит вздрогнула: так явственно прошлое предстало перед глазами. Но желание забыть пережитый кошмар не было единственной причиной ее бегства из Сан-Франциско. Существовала еще одна причина. В Лос-Анджелесе жил Фрэнк.

Никто не знал о ее тайной любви. Она никому не показывала папку, в которой хранила вырезки из газет с его фотографиями. Иногда, запершись у себя в комнате, она доставала свое сокровище и подолгу разглядывала газетные снимки. Чета де Лорка на горнолыжном курорте в Аспене, на скачках в Беверли-Парк, полковник на собрании республиканской партии... Она видела Фрэнка и Маргарет не только на фотографиях. Стараясь оставаться незамеченной, наблюдала за ними на представлениях по случаю Дня инвалидов в Санта-Аните и на премьерях в театрах Лос-Анджелеса.

Иногда Эдит отваживалась на более рискованный шаг: подходила к дому де Лорка и, прячась за деревьями, подолгу ждала, чтобы хоть одним глазком посмотреть, как Фрэнк уезжает в свой загородный клуб. Однажды ее заметил полицейский патруль. Ей удалось придумать подходящее объяснение, она, мол, надеялась увидеть знаменитую кинозвезду, жившую по соседству.

Все кончилось три дня назад, когда Эдит, купив «Лос-Анджелес таймс», бросила взгляд на первую страницу. Под большой фотографией Фрэнка было помещено следующее сообщение:

«Франсиско де Лорка, 60 лет, известный землевладелец, спортсмен и последний представитель старейшей династии Лос-Анджелеса, скончался в среду вечером от острой сердечной недостаточности в своем доме на Беверли-Хиллз.

Франсиско де Лорка вел активный образ жизни, несмотря на болезнь сердца, впервые проявившуюся во время его службы в Европе в годы второй мировой войны. По словам его вдовы, в девичестве Маргарет Филипс, муж пожаловался на усталость

и решил прилечь перед обедом. А в 6.15 вечера она обнаружила, что он мертв».

Эдит вчитывалась в скудные газетные строчки, силясь понять смысл написанного. Даже сейчас, после похорон, она не могла представить себе Фрэнка мертвым. Он так любил жизнь во всех ее проявлениях, так умел радоваться ей...

Лимузин миновал небоскребы на Сансет-стрит, потом Голливуд и выехал на бульвар Сансет. Джордж всю дорогу молчал, понимая состояние своей пассажирки, но желание поговорить наконец пересилило.

— Странная штука жизнь, правда? — обратился он к Эдит. — Предки хозяина трудились не покладая рук, чтобы увеличить свое богатство и передать его следующему поколению. И что же? С его смертью пришел конец династии. Некому унаследовать огромное состояние. Все труды насмарку. — Помолчав, он с гордостью добавил: — А я, простой шофер, имею семерых внуков, и все мальчики!

Эдит почти не слушала его.

— Да... — отозвалась она рассеянно, — единственный наследник умер.

— Что, простите? — переспросил Джордж.

— Я говорю: единственный сын Фрэнка де Лорки умер.

— Но, мэм, насколько мне известно, у хозяина не было детей — ни сына, ни дочери.

Эдит удивленно взглянула на него.

— Наверное, вы просто не знаете. Это было двадцать лет назад.

— Двадцать лет, мэм? Я служу в этой семье уже сорок лет. Эдит выпрямилась.

— Вы уверены, что миссис де Лорка не родила мальчика в первый год после свадьбы?

— Совершенно уверен, мэм.

— Но... может, ваши хозяева были тогда в Европе?

— Нет, мэм. Первый год после свадьбы да и следующие года два они провели дома. Мистер Фрэнк, помнится, сказал, что вдоволь наездился, когда служил в армии, и хочет отдохнуть от путешествий. Кроме того, ему надо было привести в порядок семейные дела.

Эдит молчала. Неожиданное открытие потрясло ее до глубины души. Когда «роллс-ройс» остановился на углу Фигероа и Темпл-стрит, она пробормотала «спасибо», вышла из машины и почти бегом бросилась домой, стараясь справиться с душившим ее гневом.

6

Войдя с улицы, залитой ярким солнечным светом, в полумрак своего бара, Эдит на секунду остановилась, чтобы глаза привыкли к темноте. Вскоре она начала различать смутные очертания знакомой обстановки. Побывав в роскошном особняке Маргарет, Эдит словно впервые увидела все, что годами окружало ее. Бар ютился в первом этаже шаткого деревянного дома. Вдоль стойки

тянулся ряд обтянутых искусственной кожей табуретов на длинных хромированных ножках, купленных на распродаже, а посреди тесного помещения — несколько столиков со стульями. Единственным украшением служила неоновая реклама пива, укрепленная над стойкой.

В дальнем углу бара находилась сколоченная из досок эстрада, которую Эдит обтянула хлопчатой бумагой и разноцветной фольгой. На эстраде стояли электроорган и набор ударных инструментов. Эдит предпочитала «живую» музыку и терпеть не могла музыкальные автоматы.

Дэн, бармен и выпшибала, молодой парень атлетического сложения, оторвался от иллюстрированного журнала и поднял глаза на Эдит, стоящую в дверях.

— Звонил Бимис, — сообщил он вместо приветствия. — Просил передать, что зайдет попозже. Сказал, что вы в курсе. — Эдит не двигалась. — Вы чем-то расстроены?

— Да, — ответила она, подходя к стойке. — Налей мне чего-нибудь.

Только теперь Эдит заметила, что они не одни. У стойки примостились двое мужчин в поношенных костюмах. За одним из столиков, угрюмо уставившись в стаканы, сидела парочка.

В дверях появился тощий субъект небольшого роста.

— Привет, Эдит! — весело крикнул он, на ходу засовывая руку во внутренний карман пиджака. — У меня есть для тебя кое-что интересное.

— Сомневаюсь, — холодно ответила Эдит.

Субъект воровато оглянулся по сторонам и шепнул:

— Лотерейные билеты. Достались мне бесплатно.

Эдит нетерпеливо отмахнулась от него.

— Возьми, Эди. Вдруг тебе повезет. Кто знает?

— Да уж, непременно, — криво усмехнулась Эдит. — Мне всю жизнь везет. — Она взяла стакан и направилась к лестнице.

— Испытай свою судьбу, — неслось ей вслед. — Что ты теряешь?

Эдит поднялась по темной лестнице в свою комнату и плотно закрыла за собой дверь. Комната имела довольно убогий вид и без слов говорила о том, как ее хозяйка жила последние годы. Мебели было немного: узкая кровать, кресло-качалка, деревянный стул с высокой спинкой, в углу кухонный стол с электроплиткой, на которой она готовила себе еду, и обшарпанный туалетный столик. На нем в беспорядке валялись шпильки, расческа и щетка для волос. Единственное окно выходило на бетонную стену соседнего дома, поэтому в комнате всегда было темновато. Не выпуская из рук стакан, Эдит подошла к зеркалу, висевшему над туалетным столиком, медленно сняла шляпку и тряхнула головой. Волосы рассыпались по плечам. Из зеркала на нее смотрела Эдит Филипс, хозяйка бара на Темпл-стрит, чья красота начала увядать под неумолимым напором времени, чья жизнь была теперь бессмысленна и пуста. Фрэнк умер. Он никогда не будет принадлежать ей. Место рядом с ним украла ее собственная сестра.

Как это похоже на Маргарет! Она всю жизнь добивалась своего путем лжи и обмана. Притворялась, что любит отца, хотя на самом деле презирала его. Когда сестры оставались одни, Маргарет ругала его последними словами, говорила, что терпеть не может запаха виски, передразнивала его шатающуюся походку и остекленевший взгляд.

Маргарет сумела внушить отцу, что она добрая и порядочная девушка. Но Эдит знала, что это не так. Когда они подросли и начали вдвоем бегать на свидания, Маргарет обычно устраивалась на заднем сиденье автомобиля с очередным дружком и позволяла ему делать с собой все что угодно, а вернувшись домой, смеялась над Эдит, обзывая ее душой и святошей. На какие только хитрости она не пускалась, чтобы выманить у отца побольше денег! Когда денег стало совсем мало, она объявила отцу, что едет в Лос-Анджелес работать манекенщицей, а на самом деле сбежала с очередным любовником-актером. Никто, кроме Эдит, не догадывался об истинной сущности Маргарет. Она читала в сердце Маргарет, как в открытой книге. И в нем царило зло.

На лестнице послышались шаги. Эдит встрепенулась, проводя рукой по лицу. В дверь постучали.

— Эди, это я, Джим.

Она глубоко вздохнула.

— Входи, Джим. Дверь не заперта.

Джим Хобсон не принадлежал к новому поколению лос-анджелесских полицейских, закончивших университеты и одевающихся по последней моде. Это был честный малый, добросовестно исполняющий свой долг и имеющий четкие понятия о добре и зле. Звезд с неба он не хватал и продвигался по служебной лестнице медленнее других, но никто не посмел бы сказать, что он плохо знает свое дело.

— Привет! — сказал Джим, широко улыбнувшись.

— Привет...

— У меня есть кое-что для тебя. — Он протянул ей маленькую коробочку. — С днем рождения!

Эдит взглянула на коробочку, потом на радостное, смущенное лицо Джима.

— С днем рождения? — непонимающе спросила она и, наконец сообразив в чем дело, невесело рассмеялась. Джим удивленно смотрел на нее.

— Я никогда не забываю дни рождения моих друзей и всех родственников поздравляю с Рождеством и разными годовщинами. Посмотри, что там. Это награда за то, что ты живешь так долго.

— Ах, Джим... — вздохнула Эдит, разворачивая бумагу. — Как мило с твоей стороны. Надо же, вспомнил, что у меня день рождения, а я об этом совершенно забыла. Оно и к лучшему, в моем-то возрасте.

— Глупости. Ты самая хорошенькая из всех моих знакомых.

— Вот тебе за это твои любимые сигары, бери. — Она указала на коробку, лежавшую на столе.

— Ну вот, день рождения у тебя, а ты делаешь мне подарок. — Джим с нетерпеливым ожиданием смотрел, как она открывает коробочку.

— Часы! — восхищенно произнесла Эдит. — Какая прелесть! Джим, ну зачем? Они, наверное, ужасно дорогие.

— Это тебя не касается, — заявил Джим, довольный произведенным эффектом.

Эдит молча разглядывала часы с ажурным золотым браслетом, и глаза ее наполнялись слезами. Джим забеспокоился.

— Дай, надену их на руку. Они тебе не нравятся?

— Ну что ты, дурачок, — нежно проговорила она.

— Значит, нравятся?

— Ну конечно.

— Тогда почему ты плачешь?

Эдит поцеловала его в щеку.

— Не обращай на меня внимания. — Она протянула ему бутылку виски. — Налей себе.

— Вообще-то я на службе... — неуверенно начал он и, широко улыбнувшись, добавил: — Но и день рождения бывает только раз в году.

— Вот именно.

— Твое здоровье. — Он поднял стакан и залпом осушил его.

Эдит взяла с кровати свое пальто и подошла к шкафу.

— Эди, поедем в воскресенье на ту птицеферму, о которой мы говорили?

— Птицеферму? — рассеянно повторила она.

— Ты что, забыла? Я твержу о ней уже несколько месяцев.

Повесив пальто в шкаф, Эдит прислонилась к дверце. От запаха старой одежды у нее вдруг резко заболела голова, и тошнота подкатила к горлу.

— Да... разумеется, помню, — ответила она слабым голосом и закрыла шкаф.

Джим с тревогой смотрел на нее.

— Что с тобой?

— Ничего, все в порядке. — Она присела на кровать.

— У тебя неприятности?

— Да нет же, нет!

Джим сел рядом и, всматриваясь в ее побледневшее лицо, серьезно произнес:

— Не скрывай от меня ничего. Если я могу чем-нибудь помочь...

— Ничего не надо.

— Что сегодня случилось?

— Я ходила на похороны.

Джим сочувственно кивнул.

— Вот оно что... — Он привык иметь дело со смертью. — Родственник?

Эдит отрицательно покачала головой.

— Хороший знакомый, да? Я знаю, как это тяжело. Один мой приятель умер от инфаркта. Никогда не болел, работал и вдруг... А недавно погиб мой сослуживец, его пырнул ножом подросток-наркоман. Полез в винный магазин, чтобы...

— Джим, прекрати!

Хобсон замолчал, удивленный ее резкостью. Некоторое время тишину нарушал только шум кондиционера.

— Извини,— пробормотала Эдит.— Нервы сегодня не в порядке... Мне нужно идти в бар, Дэнни просил. Не сердись, ладно?

— Конечно, Эди, ну что ты...

Джим спустился с Эдит вниз, озадаченно поглядывая на нее, и уже собрался уходить, как вдруг она схватила его за руку.

— Джим, пойдем куда-нибудь вечером, ладно? В кино, в кафе, все равно куда.

— Так я и хотел тебе предложить, но...

— Вот и прекрасно! — перебила она.

— Ты мне не дала договорить. Джо заболел, и мы с Беном должны выйти на дежурство.

Лицо Эдит разочарованно вытянулось.

— Очень обидно,— продолжал Джим,— надо же, в такой день...

— Ничего,— безучастно проговорила Эдит.

— Я пойду?

— Пока.

Она отвернулась. Джим направился к выходу и в дверях столкнулся с двумя чернокожими музыкантами, работавшими по вечерам в баре. Они поднялись на эстраду и стали снимать чехлы с инструментов. Пора было начинать вечернее представление.

— Привет, Эди.

Эдит повернулась и в первую секунду не поняла, кто ее окликнул. Потом разглядела в полумраке лицо Бимиса, франтовато одетого человека с непроницаемым лицом.

— Я заходил утром, но тебя не застал,— сказал он холодно.— Извини, Эди, но за тобой должок.

— Знаю.

— Я тебя предупреждал. Ты третий месяц не платишь за аренду помещения. И еще наняла этих черномазых. На нашей улице ни в одном баре нет оркестра. Слишком дорогое удовольствие. А ты швыряешься деньгами. Слушаешь меня?

— Да,— угрюмо буркнула Эдит, глядя в сторону.

— В общем, так,— продолжал Бимис,— мое терпение лопнуло. Либо плати, либо выметайся в конце месяца.

Эдит молчала. Органист взял несколько тихих аккордов, а ударник выбил на барабанах залихватскую дробь.

— И не говори мне о долгосрочной аренде,— гнул свое Бимис.— Прочти контракт повнимательнее. Я могу в любой момент выгнать тебя на улицу.

— Да-да,— нетерпеливо сказала Эдит.— Я все поняла.

Бимис бросил на нее злобный взгляд, нахлобучил на лоб шляпу и вышел, хлопнув дверью.

Эдит подошла к телефону-автомату, висевшему на стене у лестницы. Телефонистка набрала для нее нужный номер. Эдит назвала себя и через минуту услышала голос сестры.

— Маргарет, это Эдит. Немедленно приезжай ко мне. Прямо сейчас.

— Но, Эди, я не могу. У меня массажистка. И потом нам, по моему, больше не о чем говорить.

— Я все знаю, Маргарет.— Молчание.— Я сказала, что все знаю. Ты поняла? Изволь немедленно приехать сюда. Или ты хочешь, чтобы я приехала к тебе?

— Нет!

— Я так и думала. Жду тебя через час. Джордж знает дорогу.

7

За окном сгущались сумерки. Эдит задернула занавески, подошла к тумбочке, достала из верхнего ящика пистолет, зарядила его и сняла с предохранителя. Осмотрела комнату, словно запоминая, где что лежит, и спрятала пистолет в верхнем ящичке туалетного столика, прикрыв его ночной рубашкой. Потом подвинула к столику кресло-качалку, снова огляделась и удовлетворенно вздохнула.

Сняв платье, она запихнула его в шкаф, сдернула с крючка поношенный розовый халат и, облачившись в него, взглянула на себя в зеркало. Ее волосы были накручены на бигуди. Под зеркалом валялись неровные пряди волос, которые она срезала полчаса назад. Собрав их, она выбросила все в мусорное ведро. Потом взяла лист бумаги и стала что-то писать.

Вдруг она услышала шум подъехавшей к бару машины и, подбежав к окну, увидела черный «роллс-ройс». Джордж уже стоял на улице и открывал заднюю дверцу. Из лимузина вышла Маргарет. На ее лице застыло презрительное выражение. Эдит поправила занавеску и бросилась к туалетному столику, на ходу снимая бигуди. Внизу, в баре, заиграла музыка, и комната наполнилась звуками электрооргана.

В дверь осторожно постучали.

— Это я, Маргарет.

Эдит провела расческой по волосам и торопливо подровняла ножницами слишком длинную прядь. Затем встала и распахнула дверь. На пороге стояла Маргарет в черной котиковой шубке и шляпке с вуалью. Не глядя на сестру, она прошла в комнату и с отворачиванием огляделась.

— Не нравится? — усмехнулась Эдит.

Маргарет оставила это замечание без внимания и перешла к делу.

— Зачем ты просила меня приехать?

— Велела, а не просила, — поправила сестру Эдит. — Снимай шубу и шляпу. Меня тошнит от твоего показного траура.

Маргарет смерила ее негодующим взглядом, но шубу все же сняла. Внешне она казалась совершенно спокойной, но внутри у нее все дрожало от страха. Зная Эдит, она поняла, что та в ярости, и решила не раздражать ее. Что именно ей известно, лихорадочно думала Маргарет. Кто ей сказал? Она явно что-то знает, иначе почему так злится? Маргарет могла одурачить любого, но только не сестру: та видела ее насквозь.

— Нравится моя новая прическа? — спросила Эдит.

— Она тебе идет, — осторожно ответила Маргарет.

— Раз такая прическа идет тебе, значит, и мне должна быть к лицу, не так ли? Мы же близнецы.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не важно. Расскажи поподробнее о своем ребенке, который умер в младенчестве.

— Почему это тебя так интересует?

— Потому что я тоже когда-то могла родить Фрэнку сына.

— О Господи, опять ты за свое!

— Как его звали?

Маргарет заколебалась.

— Франсиско де Лорка, как отца.

— Сколько ему было, когда он умер?

— Меньше года.

— Сколько месяцев?

Маргарет вспыхнула.

— Эдит, мне не нравится этот вопрос!

— Сколько месяцев? — упрямо повторила Эдит.

— Семь.

— Отчего он умер?

Маргарет гневно сверкнула глазами и выкрикнула:

— Ладно, Эди! Твоя взяла. Никакого ребенка не было. Ты этого добивалась?

Эдит горько усмехнулась:

— Да, именно этого.

Маргарет облегченно вздохнула. Слава Богу, ты не знаешь всей правды, дорогая сестричка, подумала она, и теперь уже никогда не узнаешь.

— Кто тебе сказал?

— Какая разница? Знаю, и все тут. Догадалась.

— Ах, Эди, я так хотела выйти замуж за Фрэнка! У меня совсем не было денег, а он мог мне помочь.

— Ты никогда не любила его по-настоящему.

— Он был такой добрый...

— И такой богатый! А главное, он был мой! Вот что тебя злило больше всего, не так ли, Мэгги? Вот почему ты решила украсть его у меня!

— Прекрати, Эди! Хватит жить прошлым. Зачем ворошить старое и сориться? У тебя еще все впереди. Ты успеешь найти свое счастье. — Маргарет вынула из сумочки чековую книжку и ручку. — Ты могла бы избавиться от этого бара, — продолжала она. — Здесь так убого, Эди. Ты заслуживаешь лучшего. Почему бы не отправиться в путешествие, посмотреть мир?

Эдит не сводила с сестры горящих ненавистью глаз.

— Деньги для меня не проблема, — беспечно говорила Маргарет. — Сколько тебе нужно?

— Всех твоих денег не хватит, чтобы заплатить мне за погубленную жизнь. — Эдит выхватила из рук Маргарет книжку и швырнула ее на пол. Маргарет изумленно уставилась на сестру. В эту минуту музыканты внизу заиграли что-то особенно громкое.

— Сядь! — приказала Эдит. — Сядь!

Маргарет послушно опустила в кресло. Она судорожно поды-

скивала обидные слова, как делала в детстве, когда хотела прервать приступ гнева у Эдит. Но, как назло, ничего не могла придумать и только в ужасе смотрела на сестру, чувствуя, что все ее существо охватывает противный липкий страх.

— Читай! — Эдит сунула ей в руки листок бумаги. — Вот зачем я тебя вызвала. — Пока Маргарет, дрожа всем телом, читала записку, Эдит незаметно приоткрыла ящик туалетного столика.

Музыканты в баре словно обезумели. Органист выдал несколько басовых пассажей, а ударник так оглушительно бил в тарелки, что старое здание сотрясилось, словно в лихорадке. Прогредело заключительное крещендо органа, сопровождаемое бухающими ударами барабана, и музыка оборвалась. Послышались жидкие аплодисменты.

Широко раскрыв глаза, Эдит смотрела на сестру. На правом виске чернело крошечное отверстие, из которого сочилась кровь. Кресло качалось взад и вперед, все медленнее и медленнее...

8

Эдит стояла неподвижно. Ее правая рука, сжимавшая пистолет, бессильно висела вдоль тела. Наконец-то свободна, впервые в жизни! Она встряхнула головой, пытаясь привести свои чувства в порядок. Теперь следует действовать быстро и осмотрительно.

Она осторожно положила пистолет на кровать и опустилась на колени. Сняла с Маргарет туфли и чулки, расстегнула «молнию» на юбке. Начала стягивать юбку, но та почему-то не поддавалась. Эдит потянула сильнее — тело Маргарет наклонилось вперед. Вне себя от ужаса, Эдит схватила сестру за плечи, пытаясь остановить падение, но не смогла. Кресло качнулось, и труп свалился на пол.

Джим Хобсон вошел в бар и крикнул своему напарнику, сидящему в машине:

— Бен, я на минутку!

— Не торопись, я подожду.

Джим с любопытством оглядел черный «роллс-ройс», припаркованный у входа, и направился к стойке.

— У нее гости, — сказал Дэн.

— Какие еще гости? — насторожился Джим.

— Приехала сестра Эди.

— Это ее «роллс-ройс» стоит снаружи?

Дэн кивнул.

— Вот это да! — присвистнул Джим. — Эдит не говорила мне, что у нее есть богатая сестра.

— Ты много чего не знаешь. Например, тебе известно, что нас собираются выставить отсюда первого числа?

— Что?!

— Заходил Бимис. Устроил ей скандал из-за того, что она задолжала ему за аренду.

— Вот оно что, — покачал головой Джим. — Я заметил, что ее что-то гнетет. Бедная девочка...

Джим поднялся по лестнице и постучал в дверь. Эдит успела надеть на себя одежду Маргарет и теперь лихорадочно натягивала на мертвое тело свой розовый халат. Услышав стук, она застыла на месте. Сердце у нее остановилось.

— Эди, это я, Джим.

Эдит отчаянным усилием втащила тело на кресло и подбежала к двери.

— Да, Джим?

— Можно тебя на минуточку?

— Извини, Джим, я не одета.

— Накинь что-нибудь. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Эдит знала, что от Джима так просто не отделаешься. Случайно взглянув в зеркало, она сообразила, что на ней платье Маргарет и прическа не такая, как всегда. Кинувшись в ванную, она быстро натянула поверх платья махровый халат и повязала голову шелковым шарфом. Запахнув халат и придерживая его у горла руками, она приоткрыла дверь.

— Я все устроил, — радостно выпалил Джим. — Чарли Грин сказал, что подменит меня через час, так что мы с тобой сможем отпраздновать твой день рождения.

— Я не могу, Джим, ко мне приехала сестра, — ответила она, вся дрожа.

— Эди, я знаю насчет аренды и понимаю, что ты расстроена. Мне кажется, тебе сейчас нужно выговориться. Давай, я зайду к тебе позже и...

— Нет, Джим, нет! Только не сегодня! Уходи, прошу тебя!

Она захлопнула дверь перед носом Джима. Тот потоптался возле двери, раздумывая, не стоит ли предпринять еще одну попытку, потом повернулся и медленно пошел вниз.

Эдит тем временем натягивала чулки Маргарет. Потом встала, разгладила на бедрах юбку и сунула ноги в туфли на высоких каблуках. Туфли оказались маловаты. Она проковыляла несколько шагов, морщась от боли. Через некоторое время туфли немного растянулись, и ходить стало легче.

Эдит взяла с кровати пистолет и вложила его в безжизненную руку Маргарет. Крупный бриллиант сверкнул на пальце Маргарет. Кольцо! Эдит поспешно сняла его и заменила собственным, скромным золотым колечком с небольшим рубином, которое когда-то подарил ей отец. Помедлив, она надела бриллиантовое кольцо на средний палец левой руки.

Так, теперь подарок Джима. Вынув из футляра часы, она надела их на запястье Маргарет. Ну вот, кажется, все.

Подойдя к зеркалу, Эдит придирчиво оглядела себя. Сейчас она больше похожа на сестру, чем несколько часов назад, когда примеряла меховое манто. Надо же, полное перевоплощение! Эдит достала из сумочки сестры губную помаду, намазала губы, надела шляпку и опустила вуаль. Натянув лайковые перчатки, подошла к окну и слегка раздвинула занавески.

Патрульная машина все еще здесь! Значит, Джим в баре. Как же выбраться отсюда? Она кинулась к двери и прислушалась. Джим беседовал с Дэном.

— Попробую еще разок, — сказал Джим. — Мне кажется, я сейчас ей очень нужен.

Эдит в ужасе отшатнулась от двери и устала на мертвое тело, скорчившееся в кресле. Шаги Джима приближались.

Эдит проговорила неестественно звонким голосом:

— А помнишь, Мэгги, ту забавную песенку, которую мы когда-то так любили? — Она начала напевать модную в тридцатых годах мелодию.

В патрульной машине заговорила рация. Напарник Джима крикнул, заглянув в бар:

— Джим, срочный вызов!

— Иду! — откликнулся Джим, сбегаая вниз.

Эдит закрыла глаза и прислонилась к дверному косяку, дрожа всем телом. За окном взревела полицейская сирена. Эдит положила на видное место записку и, заметив свои очки, которыми пользовалась только для чтения, стала машинально засовывать их в сумку, потом вдруг опомнилась и выложила очки на стол.

Подойдя к двери, она в последний раз оглядела комнату и удовлетворенно вздохнула. Хотела погасить свет, но, сообразив, что этого делать нельзя, опустила на лицо вуаль и вышла.

Музыканты и немногочисленные посетители с любопытством оглядели женщину в черном, спускавшуюся по лестнице.

— Доброй ночи, мадам, — произнес из-за стойки Дэн, но ответа не дождался.

Завидев хозяйку, Джордж распахнул дверцу лимузина. Эдит скользнула на заднее сиденье.

— Домой, мэм? — спросил Джордж, включая зажигание, и увидел в зеркале заднего обзора, что она молча кивнула.

9

Джордж остановил «роллс-ройс» у крыльца.

— Доброй ночи, мэм, — сказал он.

— Спасибо, Джордж, — тихо ответила Эдит и направилась к особняку — дверь тут же распахнулась.

— Добрый вечер, мадам, — поклонился ей Генри.

Эдит похолодела, увидев в холле массу людей — Пола Харрисона, почтенную матрону с мужем и других представителей старой калифорнийской аристократии. Многие из них были на похоронах Фрэнка.

Растерявшись, она переводила взгляд с одного лица на другое, не зная, что сказать. Харрисон подошел к ней и негромко произнес:

— Маргарет, мы уже начали беспокоиться.

— Извините. Меня задержали.

— Ничего, дорогая, не извиняйтесь! — воскликнула донья де ла Сьенега. — Теперь начнем, если вы готовы. — Она сделала знак двум священникам, стоявшим по обе стороны алтаря, помещенного под портретом дона Рафаэля де Лорки, основателя династии. У всех присутствующих в руках были молитвенники, и Эдит наконец догадалась, что они собрались помолиться за душу усопшего друга и родственника.

Решающий момент настал раньше, чем она предполагала. Замирая от страха, Эдит решительным движением подняла вуаль и окинула взглядом лица собравшихся. Кажется, никто из них не заметил ничего необычного.

— Ваш молитвенник, мадам,— сказала Дженет.

Эдит позволила Генри снять с нее шубу и взяла у Дженет молитвенник. Харрисон осторожно подвел ее к алтарю. Донья де ла Сьенега встала рядом.

— Благословенна будь, пресвятая дева Мария...

Эдит искоса взглянула на остальных. Склонив головы, они хором подхватили:

— Блаженна будь среди женщин, благословен будь Иисус, плод чрева твоего...

— Возрадуйся, пресвятая дева, Господь да пребудет с тобою...

Эдит присоединилась к хору, невнятно бормоча слова и стараясь уловить, что следует произносить дальше. С каждой минутой она все больше успокаивалась. Подняв голову, взглянула на портрет Фрэнка де Лорки. Глаза ее увлажнились.

Когда молитва закончилась, Эдит уже полностью овладела собой. Гости с удовлетворением отметили, что ее глаза покраснели от слез.

При прощании никто не ждал от нее длинных речей. Она молча пожимала руки, принимая соболезнования.

— У тебя был тяжелый день, Маргарет,— сказал Пол Харрисон.

— Время — лучший лекарь. Бог да поможет вам, дорогая,— пробасила донья Ана.

— Мы займемся делами, когда ты придешь в себя,— добавил адвокат.— Спокойной ночи.

— Завтра мы помолимся вместе с вами, Маргарет, и побеседуем,— пообещала донья Ана.— Не годится пребывать в одиночестве в такое трудное время. Даже общество дальних родственников лучше, чем одиночество.

Эдит поблагодарила всех за сочувствие, желая, чтобы они поскорее ушли.

Когда она поднялась к себе, донья де ла Сьенега задумчиво произнесла:

— Кто бы мог подумать, что она будет так страдать?

Харрисон кивнул, но ничего не ответил.

— Все на свете поправимо, кроме смерти,— наставительно изрек дон Кастильо.

— Альфредо может цитировать Сервантеса по любому поводу,— с гордостью заявила донья Ана.— Пойдем, дорогой.

Поднявшись на второй этаж, Эдит растерялась. По обе стороны коридора тянулся длинный ряд дверей. Куда идти? Стараясь не поддаваться панике, она наконец вспомнила, где находится спальня Маргарет и, толкнув дверь, с облегчением убедилась, что не ошиблась.

Войдя в комнату, она вздрогнула, увидев собственное отражение в зеркале. Сзади послышались шаги. Эдит обернулась.

— Мадам, вы, наверное, очень устали,— обратилась к ней Дженет, беря у нее из рук шляпку с вуалью.— Я приготовила горячую ванну и распорядилась, чтобы вам принесли ужин.

Дженет подошла ближе, намереваясь помочь хозяйке снять платье. Эдит невольно попыталась.

— Оставь меня, Дженет,— раздраженно сказала она.

Дженет отступила к двери.

— Как вам будет угодно, мадам... Что-нибудь еще?

— Я, кажется, велела тебе оставить меня в покое.

Горничная исчезла. Эдит шагнула к туалетному столику и потянулась к сумочке, ища сигареты, но тут же сообразила, что не найдет сигарет в сумке Маргарет. В новой жизни она не должна курить, но как же ей обойтись без этой привычки, успокаивающей нервы? Что же делать? Вспомнив, что днем она затушила недокуренную сигарету в фарфоровом блюде, Эдит нашла окурочек и поискала глазами спички. Но откуда взяться спичкам в спальне некурящей женщины?

Размышляя, как выйти из положения, она вдруг услышала какой-то шум в смежной комнате и испуганно спросила:

— Кто там?

Шум стих. Эдит на цыпочках подкралась к двери, рывком распахнула ее и увидела огромного датского дога. Собака внимательно смотрела на нее, но не рычала, как несколькими часами раньше, когда Эдит и Маргарет наткнулись на нее в коридоре.

Эдит нащупала на стене выключатель и зажгла свет. Комната Франка! Все здесь говорило о вкусах хозяина, его увлечении спортом, любви к изысканным и дорогим вещам. Эдит медленно прошлась по комнате, разглядывая книги в кожаных переплетках, серебряные кубки яхт-клуба, коллекцию трубок, старинные гравюры с видами Лос-Анджелеса. У окна стояла широкая деревянная кровать, видимо, служившая не одному поколению де Лорка. Собака не сводила с Эдит внимательного взгляда.

Держа в пальцах сигарету, Эдит подошла к столу, на котором заметила коллекцию трубок. Должны же там быть спички! Вот они! Она закурила и глубоко затянулась. Ей сразу стало легче.

Эдит вернулась в спальню. Собака, виляя хвостом, последовала за ней. Эдит покачала головой и поманила ее к двери, ведущей в коридор. Дженет услышала ее голос и бросилась на помощь.

— Ой, извините, мадам,— испуганно пролепетала она.— Дьюк, пошел отсюда! Дьюк, кому говорят! Простите, ради Бога, мадам.

Собака вышла в коридор. Дженет схватила ее за ошейник, искоса взглянув на зажженную сигарету.

Дверь закрылась. Эдит затянулась в последний раз и затушила окурочек в том же фарфоровом блюде. Досадно, что Дженет застала ее за этим занятием. Однако она слишком устала, чтобы тревожиться из-за таких мелочей. Надо лечь спать, отдохнуть хоть немного, завтра она все обдумает.

Растрепав волосы, чтобы уничтожить сходство с Маргарет, Эдит взглянула в зеркало и наконец-то увидела самое себя.

На столике под зеркалом лежала коробка из цветочного магазина. Насторожившись, Эдит открыла ее. Внутри находилась крупная орхидея и поздравительная открытка без подписи. Размашистым мужским почерком на ней было выведено: «С днем рождения!»

— С днем рождения... — произнесла вслух Эдит и истерически рассмеялась. Сидя перед зеркалом, она корчилась от смеха, перешедшего в глухие рыдания. Кое-как успокоившись, встала, погасила свет и надела прозрачную ночную рубашку, заботливо приготовленную горничной.

Ощувив прохладу шелковых простыней, Эдит постепенно успокоилась. В этой кровати спала Маргарет, она делила ее с Фрэнком. Теперь все здесь принадлежит мне, подумала Эдит, засыпая. Ей приснился охотничий домик в Шотландии, низкое послеполуденное солнце, заглядывавшее в окошко. Сильные и нежные руки Фрэнка, ласкавшие ее тело...

11

242

Всю ночь Эдит преследовали странные, пугающие видения. Пробуждение было долгим и мучительным. Открыв глаза, она сначала никак не могла понять, где находится, и, лежа на мягкой, удобной кровати, рассматривала просторную, роскошную спальню. Наткнувшись глазами на фотографию Фрэнка, она мгновенно пришла в себя.

Дверь бесшумно отворилась. В спальню вошла Дженет и на цыпочках направилась в гардеробную.

— Доброе утро, Дженет, — приветливо произнесла Эдит.

Служанка обернулась и смущенно присела.

— Доброе утро, мадам.

Она начала раздвигать шторы на окнах, и по ее неловким движениям Эдит поняла, что ее что-то беспокоит. Собравшись с духом, Дженет начала:

— Мадам, Генри просил передать вам...

— Дженет, принеси мне сигарету, — прервала ее Эдит, — из спальни мистера де Лорки. — Дженет не двинулась с места. — Поторопись, — повысила голос Эдит. — Что ты стоишь? Что просил передать Генри?

— К вам пришли... из полиции. Генри сказал, что вы еще спите, но они решили подождать.

Полиция! Что им надо? Неужели она вчера что-то сделала не так? Может, вчерашние гости или слуги что-нибудь заподозрили?

— Сигареты, Дженет, — приказала Эдит. Не хватало еще обнаружить свой страх перед горничной.

Дженет скрылась в спальне Фрэнка и через минуту принесла сигаретницу. Эдит торопливо закурила. Вдохнув в легкие дым, она немного пришла в себя.

— Генри спросил, что им нужно?

- Нет, мадам.
- Передай, что я сейчас спущусь. Только оденусь.
- Хорошо, мадам. Завтрак подать?
- Не надо. Я не голодна.

Дженет вышла из спальни, и Эдит откинулась на подушки, выдыхая дым в потолок. Что, если ее разоблачили? Вдруг полиция предъявит ей обвинение в убийстве? Неужели они обнаружили какую-нибудь улику, и весь ее сложный план рухнул?

Она села в постели и загасила сигарету. Пока все шло гладко. Может, и на этот раз ей удастся выкрутиться?

Эдит встала с постели и выбрала в шкафу скромное черное платье. Усевшись перед зеркалом, она долго причесывалась, стараясь добиться максимального сходства с Маргарет. Потом встала и вышла в коридор. Снова увидев ряд одинаковых дверей, замешкалась, не зная, в какую сторону идти.

Собака, дремавшая у лестницы, подняла голову и бросилась к Эдит. Та рассеянно потрепала ее по голове и медленно пошла вниз, обдумывая свое дальнейшее поведение. Пес двинулся за ней. Из буфетной появился Генри и, увидев пса рядом с хозяйкой, всплеснул руками.

— Дьюк, ко мне, Дьюк! — позвал он. Собака продолжала семенить за Эдит, не обращая на Генри никакого внимания. Дворецкий изумленно замолчал.

— Где полицейские, Генри? — спросила Эдит.

— Ожидают в гостиной, мадам.

Где, черт возьми, находится гостиная? Как быть?

— Там я их и приму, — заявила она с уверенностью, которой не чувствовала.

Ей показалось, что в непроницаемых глазах дворецкого мелькнуло удивление. Наверное, его поразило миролюбивое поведение собаки. Или в гостиной не принято встречать гостей? Может, он заподозрил, что она самозванка, и теперь проверяет ее?

Генри направился к резным дубовым дверям, вероятно, ведущим в гостиную.

— Можете идти, — бросила Эдит. — Пока вы мне больше не нужны.

— Как прикажете, мадам. — Генри с поклоном распахнул двери.

Эдит шагнула в огромный зал, отделанный с большим вкусом. Навстречу ей поднялись с дивана двое высоких статных мужчин в штатском.

— Доброе утро, господа, — приветствовала их Эдит, стараясь держаться непринужденно.

— Здравствуйте, мадам. Я сержант Гарсия, — представился один из офицеров, красивый смуглый парень. — А это сержант Хейворд.

Эдит кивнула, опустилась на диван и жестом пригласила их сесть.

— Миссис де Лорка, мы потревожили вас в столь ранний час по делу, касающемуся вашей сестры, мисс Филипс, владелицы бара на Темпл-стрит, — начал сержант Гарсия. — Вчера вечером ее нашли мертвой.

Эдит изумленно взглянула на него.

— Но это невозможно! Я была у нее вчера вечером и...

— Очень сожалею, мадам, но это так. По всей видимости, она покончила с собой. И оставила вам записку.

— Какой ужас! — воскликнула Эдит и зарыдала.

Детективы почтительно ждали, пока она уснокоится, после чего приступили к делу.

— Очень жаль, что придется подвергнуть вас такому испытанию, миссис де Лорка, — сказал Гарсия. — Но вы должны опознать труп.

Эдит охватил неподдельный ужас.

— Нет! — вскрикнула она. — Я не могу! Я просто не в состоянии...

— Но ведь у вашей сестры нет других родственников?

— Нет...

— Тогда вы единственная, кто может опознать ее. Мне очень жаль.

— Кроме того, вас желает видеть капитан Джонсон, мадам, — вступил в разговор Хейворд. — Он хочет задать вам несколько обычных в таких случаях вопросов, чтобы закрыть дело.

— А что я скажу ему? — запротестовала Эдит. — Я ничего не знаю о делах моей сестры.

— Насколько нам известно, вы последняя, кто видел мисс Филипс живой, — объяснил Гарсия.

Эдит сдалась.

— Хорошо. Раз это необходимо... Я буду готова через несколько минут.

Сержант Гарсия проводил Эдит в кабинет капитана Джонсона и представил их друг другу. Капитан, грузный мужчина с добродушным лицом, добавил:

— А это сержант Хобсон, друг вашей сестры.

Эдит порадовалась, что ее лицо скрыто вуалью. Зачем он здесь? Только этого не хватало! У нее и так нервы напряжены до предела. Джим не сводил с нее испытующего взгляда, и Эдит поежилась, не зная, насколько хорошо он видит ее лицо сквозь вуаль.

Джонсон подвел Эдит к креслу.

— Понимаю, какой это удар для вас, миссис де Лорка. Кроме того, мне известно, что вы только что похоронили мужа. Я вас долго не задержу. Это чистая формальность.

— Благодарю вас, — тихо сказала Эдит. А вдруг Джим узнает ее голос?

Капитан кивнул стенографистке, сидящей за отдельным столом, и откашлялся:

— У вас была сестра по имени Эдит Филипс?

— Да.

— Сержант Хобсон знал мисс Филипс в течение нескольких лет, так же, как и бармен Дэниэл Листер, и оба утверждают, что

она никогда не говорила им о том, что у нее есть сестра. До вчерашнего дня.

— Мы не были близки и не виделись с тех пор, как я вышла замуж за мистера де Лорку.

— Ваша сестра адресовала свою предсмертную записку Мэгги. Полагаю, она имела в виду вас?

— Да.

Джонсон протянул ей листок бумаги. Эдит сделала вид, что читает.

Джим кашлянул.

— Вы не возражаете, я тоже взгляну? Конечно, если там нет ничего личного.

— Пожалуйста. — Эдит подала ему листок.

Джим начал вполголоса читать записку, останавливаясь после каждой фразы и напряженно морща лоб.

— «Мэгги, прости меня. Спасибо за то, что ты предложила мне помощь, но я чувствую, что все бесполезно. У меня больше нет сил бороться. Я не хочу жить. Эди». Все бесполезно... — повторил Джим. — Как вы думаете, что она хотела этим сказать, миссис де Лорка?

— Не знаю. Она пригласила меня к себе. Я толком не поняла зачем. Может быть, хотела попрощаться? Она говорила о своих финансовых проблемах, и я предложила ей деньги. Но она отказалась.

— Почему Эди пошла на похороны вашего мужа? — спросил Джим.

Эдит ответила не сразу.

— Она тоже любила его... давно, много лет назад.

— Его смерть не могла так расстроить ее, что она совершила самоубийство?

— Не знаю.

Капитан Джонсон решил, что нет смысла продолжать расспросы.

— Кто может знать наверняка в подобных случаях? — вздохнул он. — Большое спасибо, миссис де Лорка. Думаю, дело можно закрывать. — Он взял со стола папку и сунул ее в шкаф. Потом обратился к Гарси:

— Ты предупредил миссис де Лорка насчет опознания?

Тот кивнул. Джонсон ободряюще добавил:

— Это всего лишь формальность.

Эдит встала. Джим поспешно вскочил на ноги.

— Я провожу вас.

Она хотела отказаться, но деваться было некуда. В молчании они дошли до лифта и спустились в подвал, потом долго шли по коридору со стенами, выкрашенными белой краской, и наконец остановились у двери, на которой висела табличка «Вход только по специальному разрешению».

Джим пропустил ее вперед. Она оказалась в тесном полутемном помещении. Единственное окно выходило во двор, в глубине которого находился морг. Эдит нервно жала руки, чувствуя, как ее охватывает пронизывающий холод. От страха ей захотелось прижаться к Джиму, но она понимала, что это невозможно.

В дверях появился заместитель следователя по уголовным делам. Он щелкнул выключателем, и комнату залил режущий глаза свет люминесцентной лампы. Посреди комнаты Эдит увидела металлический стол, на котором лежал труп Маргарет, до подбородка укрытый белой простыней. Следов крови на лице не было, волосы аккуратно зачесаны назад. Эдит отшатнулась и вскрикнула.

Потрясение оказалось слишком сильным, хотя она была готова ко всему.

— Это ваша сестра Эдит Филипс? — спросил заместитель следователя.

— Да, — ровным голосом ответила Эдит, не сводя глаз с трупа.

Свет погас, последнее свидание с Маргарет окончилось. Стоя в темноте, она почувствовала прикосновение сильной руки Джима.

— Пойдемте, я угощу вас кофе.

Следуя по коридору за Джимом, Эдит ощутила прилив странного, почти болезненного возбуждения. С прошлым покончено, начинается новая жизнь!

Джим проводил ее в комнату отдыха, усадил за столик и принес две чашки дымящегося кофе. Эдит достала из сумочки пачку сигарет и жадно закурила. Она понимала, что следующие несколько минут могут решить ее судьбу. Если Джим ничего не заподозрит, значит, она победила.

— Почему вы на меня так смотрите? — с вызовом спросила Эдит, глядя ему прямо в глаза.

Джим смутился.

— Я... извините меня, — пробормотал он. — Просто... вы очень похожи на Эди.

— Мы же с ней близнецы, — пожалла плечами Эдит.

Джима словно прорвало.

— Вчера, еще вчера она была жива, — заговорил он горячо и несколько бессвязно. — Я рассказывал ей, куда собираюсь поехать в воскресенье, она слушала и кивала... и очень расстроилась, оттого что я должен был выйти на дежурство и не смог пойти в ресторан отпраздновать ее день рождения. Я тогда не понял, что с ней происходит, какой же я был дурак! Ей так важно было пойти куда-нибудь. Куда угодно — в кафе, в кино... Наверное, не хотела сидеть в одиночестве дома в такой день... На нее все сразу навалилось: похороны, разговор с Бимисом, он угрожал ей, говорил, что выгонит в конце месяца... Проклятье, все могло сложиться иначе, если бы мы вчера... Она была бы сейчас жива!

— Не вините себя, сержант, — мягко сказала Эдит. — Она все равно убила бы себя, не вчера, так в другой день.

— Но почему? Почему? Мы могли бы быть так счастливы вместе.

— Вы любили ее?

Джим смутился.

— Я хотел на ней жениться.

— Вы говорили ей об этом?

— Нет... но она догадывалась наверняка. Мы не раз говорили

о птицеферме, которую я собирался купить, когда выйду в отставку. Эди знала, что я старался для нас обоих.

— Не думаю, что ваше предложение руки и сердца повлияло бы на ее решение уйти из жизни, сержант.

— Почему вы так думаете?

— Потому что хорошо ее знала. И хотя мы не виделись много лет, ее смерть не удивила меня. Эдит всегда была склонна драматизировать ситуацию, изображать из себя мученицу и упиваться жалостью к себе. Эта ее черта иногда очень утомляла окружающих.

— Нет-нет, вы ошибаетесь! — воскликнул Джим. — Она была совсем не такая!

— Не стоит идеализировать Эдит, сержант, хотя если вам так легче... И все-таки повторяю: она обожала упиваться собственными несчастьями, настоящими и вымышленными.

— Это неправда! Она была добрая и благородная. И очень отзывчивая. Ее все любили. Вы не знали ее по-настоящему.

Эдит горько усмехнулась.

— О-о, я-то как раз знала ее лучше всех.

К столику подошел заместитель следователя по уголовным делам.

— Хорошо, что я застал вас здесь, миссис де Лорка. Возьмите, пожалуйста, личные вещи покойной.

Он положил перед Эдит часы и золотое колечко с рубином. Эдит взглянула на Джима.

— Не хотите ли оставить что-нибудь на память?

— Нет! — воскликнул тот. — О Боже, нет... Это будет слишком мучительно...

Эдит убрала вещи в сумку.

— Вы правы, — резко бросила она. — Забудьте ее. Она мертва.

13

Дженет смущенно взглянула на хозяйку.

— Я имею в виду одежду, которую вы заказали неделю назад. Пришел посыльный от портнихи.

Эдит приложила ладонь ко лбу.

— Ах да, я совсем забыла.

Дженет подобрала туфли, которые Эдит только что сбросила, и приняла у нее из рук шубу и шляпу. Эдит вынула из сумки пачку сигарет и закурила.

— Дженет, поставь здесь несколько пепельниц.

— Я скажу Генри, мадам.

Эдит убрала спички в сумку и увидела вещи, которые ей отдали в полиции. Она повертела их в руках.

— Прикажете убрать?

— Да, пожалуйста.

Дженет направилась в гардеробную и открыла один из шкафов. Обнаружив, что хозяйка осталась в спальне, она вернулась и, запинаясь, сказала:

— Мадам, вы просили убрать эти вещи?

— Ну да, что тут непонятного? — вспыхнула Эдит. — Чего ты ждешь?

— Нужно достать шкатулку, мадам.

Эдит притворилась, что забыла о шкатулке по рассеянности.

— Ах да, разумеется...

Она приблизилась к открытому шкафу и заглянула внутрь. В заднюю стенку был вмонтирован небольшой сейф. Новое затруднение! Чтобы выиграть время, Эдит взяла у Дженет часы и кольцо и горестно вздохнула:

— Это вещи моей сестры. Вчера она покончила с собой.

— Примите мой соболезнования, мадам.

— Дженет, ты не хочешь взять что-нибудь себе?

Горничная суеверно перекрестилась.

— Нет, что вы, мадам. Благодарю вас, но я не могу...

В дверь постучали.

— Ваш сок, мадам, — раздался голос Генри.

— Входите, — крикнула Эдит.

Генри поставил на стол поднос с томатным соком.

— Спасибо, — кивнула Эдит, беря стакан. Генри удалился.

Эдит отпила глоток и, к своему удовольствию, поняла, что в сок добавлена водка. Дженет ожидала дальнейших указаний.

— Зайди попозже, — бросила Эдит. — Потом уберем.

Горничная присела и вышла из спальни.

Что же делать с сейфом? Как его открыть? У Маргарет была плохая память на адреса и телефоны. Она, несомненно, записала где-то шифр. Но где?

Эдит подседа к туалетному столику и обыскала все ящики, но ничего не нашла, кроме косметички и носовых платков. Перетряхнула стопку белья и шерстяных кофточек. Безрезультатно. Надо поискать в секретере.

Обшарив секретер, она нашла записную книжку в сафьяновом переплете с адресами и телефонами. А вот и шифр: L31P27ROQ. На первой странице! Какая беспечность!

Эдит подбежала к сейфу и начала крутить диск. Замок щелкнул. Она открыла дверцу и вынула серебряную шкатулку, доверху наполненную украшениями изумительной красоты. Здесь были и старинные драгоценности, видимо, фамильные, и современные вещи, включая и то бриллиантовое кольцо, которое Маргарет показывала ей накануне.

Зазвонил телефон. Эдит сунула шкатулку в сейф, захлопнула дверцу и бросилась в спальню.

— Да... Кто?.. Я принимаю ванну. Сейчас спущусь.

Внизу, в библиотеке, ее ждала донья Ана де ла Сьенега.

— Ради Бога, извините, донья Ана, что заставила вас ждать, — сказала Эдит.

Матрона подставила ей щеку для поцелуя и вернулась к своему рукоделию, которым занималась до прихода Эдит.

— Я слышала, на вас свалилось новое несчастье, дорогая? — произнесла она довольно сурово, продолжая работать иголкой. — Я и понятия не имела, что у вас была сестра.

В ее тоне явственно слышался упрек. Видимо, Маргарет с ней не очень-то делилась. Эдит виновато опустила голову. Донья Ана немного смягчилась.

— Расскажите мне все, Маргарет.

— Видите ли, я не знаю, почему Эдит покончила с собой.

— Вы уверены, дорогая, что это было самоубийство?

Эдит бросила на старуху испытующий взгляд.

— Может, произошел несчастный случай? — продолжала донья Ана.

— Нет. Полиция это исключает.

— Велико искушение схватиться за соломинку, когда чья-то несчастная душа стоит у врат ада... Самоубийство — тяжкий грех... Возблагодарим Господа за то, что он даровал нашему бедному Фрэнку легкую смерть. Он был готов к вечности, правда?

Эдит не нашлась, что ответить. К счастью, донья Ана не нуждалась в подтверждении собственных мыслей.

— У него было слабое сердце, — продолжала она. — Полагаю, он не мог не понимать, что рано или поздно... И, несмотря на болезнь, играл в гольф до последнего дня. Престранная игра! Непозволительное легкомыслие... Вы помните моего кузена, который обожал теннис? Как же его звали? Напомните мне, Маргарет.

— Я забыла предложить вам чаю, донья Ана. Как глупо с моей стороны! — поспешно сказала Эдит, вставая.

— Не беспокойтесь, Я сейчас не хочу пить. Возможно, позже. Эдит спасло появление Генри, который торжественно провозгласил:

— Миссис Диди Маршалл.

В дверях появилась сухощавая, спортивного вида женщина в дорогом твидовом костюме. Ее длинное, слегка лошадиное лицо было искусно подкрашено, светлые волосы тщательно уложены в модную прическу. Смуглый оттенок кожи свидетельствовал о том, что миссис Маршалл проводила уик-энды в Палм-Спринге, а лето — в Нью-Йорке. Лицо доньи Аны приняло высокомерное выражение, из чего Эдит заключила, что Диди, вероятно, относится к калифорнийским нуворишам и не может похвастаться хорошим происхождением.

— Привет, дорогая! — проробетала гостя, чмокнув Эдит в щеку. — Я звоню тебе с самого утра. Мэгги, милочка, извини, что мы не были на похоронах. Том терпеть не может кладбищ, они наводят на него жуткую тоску. И потом Сэдлеры пригласили нас на коктейль. Ты же знаешь, какие у них всегда замечательные приемы. Мы не могли отказаться... Разумеется, мы скорбим вместе с тобой. Ты знаешь, как мы с Томом любили Фрэнка. Но от меня мало толку в трудные времена, я бы тебе только мешала.

Только теперь Диди заметила, что они не одни.

— Вы, должно быть, миссис де ла Сьенегга? А я — Диди Маршалл.

— Очень приятно, — ледяным тоном ответила старуха.

— Почему ты мне не позвонила, Мэгги? — продолжала Диди, нисколько не обескураженная таким приемом. — Наверное, тебе не хотелось никого видеть. Я зашла попрощаться. Мы едем на Ямайку... Где ты была утром?

— В морге.

— В морге?! Зачем? Что еще случилось, Мэгги?

— Моя сестра вчера покончила с собой.

— Твоя сестра? Какая сестра? Мэгги, это невероятно! Невозможно поверить! И надо же, чтобы это случилось сразу после смерти Фрэнка! Вот ужас-то... А почему она это сделала? Хотя нет, лучше не рассказывай, а то поездка будет испорчена.

Мрачная атмосфера дома, усугубленная присутствием престарелой доньи, хранившей надменное молчание, наконец-то действовала на гостью.

— Пожалуй, мне пора. Вещи еще не собраны, Том будет сердиться. — Она окинула Эдит критическим взглядом. — Траур тебе совсем не идет, Мэгги. Выглядишь просто ужасно. Когда я вернусь, мы что-нибудь придумаем, чтобы ты повеселела.

— Когда вы предполагаете вернуться, миссис Маршалл? — спросила донья Ана без всякого интереса.

— Мы пробудем в Монтего, пока сезон не кончится, — ответила Диди и поцеловала Эдит на прощание. — До свидания, дорогая. Я пришлю тебе открытку с Ямайки. И позвоню, как только приеду. До свидания, миссис де ла Съенегга.

Эдит встала, чтобы проводить гостью.

— Надеюсь, тебе не будет слишком одиноко, Мэгги, — шепнула Диди с таинственной улыбкой и выпорхнула из двери.

— Весьма легкомысленная особа, — с чувством сказала донья Ана, когда Эдит вернулась в библиотеку. — *De gustibus...**

— Что вы сказали?

— О вкусах не спорят. Возвращаясь к нашему разговору... Я вспомнила, как звали моего покойного кузена. Рикардо. — Она отложила рукоделие и вынула из сумки молитвенник. — А теперь, дорогая, помолимся за души Франческо и вашей бедной сестры.

14

Резкий телефонный звонок разбудил Эдит. Она с трудом пришла в себя. Ей приснился ужасный сон: пьяный отец гнался за ней, осыпая бранью, Маргарет злобно смеялась, протягивая окровавленные руки. Не открывая глаз, Эдит сняла трубку.

— Алло?

— Маргарет? Это Пол Харрисон. Я не вовремя?

— Я спала...

— О-о, извини, ради Бога... Но ведь еще только половина девятого.

— Я так намучилась, решила прилечь. Приняла снотворное.

— Вот это правильно. Сон пойдет тебе на пользу. Я тебя долго не задержу. Просто хотел сказать, что зайду завтра утром, часов в одиннадцать. Маргарет, тебе нужно подписать кое-какие бумаги, касающиеся наследства. Я не хотел тебя беспокоить, но больше откладывать нельзя.

— Хорошо, Пол.

* Начало латинской поговорки «*De gustibus non disputandum*» — О вкусах не спорят.

— Значит, увидимся утром, дорогая. Спокойной ночи, и еще раз прошу прощения.

Эдит положила трубку, но не легла. Спать нельзя, надо думать, как выйти из затруднения.

Подпись Маргарет! Необходимо расписаться на документах так убедительно, чтобы никому и в голову не пришло усомниться в подлинности почерка. Но это невозможно! Эдит не видела ничего, написанного рукой Маргарет, с тех пор, как они учились в школе, и сейчас даже не могла вспомнить, похож ли ее почерк на почерк сестры. На этот раз она попала в ловушку, сделать ничего нельзя. Надо просто лечь спать и хорошенько выспаться. Утро вечера мудренее.

Нет, до завтра ждать нельзя! Это очень важный момент. Может быть, самый важный. Выход из положения необходимо найти сегодня, сейчас!

Эдит встала и подошла к секретеру, в котором уже рылась сегодня в поисках шифра. Включив лампу, она тщательно перебирала содержимое всех ящичков, ища какой-нибудь документ или письмо с подписью сестры. Но, увы, не нашла ничего, кроме счетов из дорогих магазинов. Некоторые из них были из магазинов для мужчин — Маргарет купила набор клюшек для гольфа, теплые свитера, золотые запонки.

Эдит невольно удивилась: неужели Маргарет так заботилась о Фрэнке? К сожалению, на счетах не было ее подписи. Вероятно, владельцы магазинов хорошо знали, с кем имеют дело.

Эдит запихнула бумагу в секретер и в отчаянии выдвинула последний ящичек, в который еще не заглядывала. Неожиданно она обнаружила в нем чековую книжку. Увы, на корешках чеков, оставшихся в книжке, подпись также отсутствовала. Уронив голову на руки, Эдит на мгновение погрузилась в сонное забытие. Нет, спать нельзя!

Внезапно она вспомнила, что видела в сейфе какие-то бумаги, на которые в спешке не обратила внимания. Подбежав к сейфу, набрала нужную комбинацию и нашла то, что искала: паспорт Маргарет, в голубой обложке.

Эдит бросилась к секретеру и вытащила пачку бумаг и ручку. Изучив затейливую, с росчерками и завитушками, подпись сестры, она попыталась скопировать ее. Первая попытка оказалась неудачной. Эдит исписала целый лист, вывода ненавистное имя: Маргарет де Лорка, Маргарет де Лорка, Маргарет де Лорка...

Сто раз, двести раз... Вооружившись лупой, она сличила оригинал с копией. Разница бросалась в глаза.

Эдит пришла в ярость. Неужели из-за такого пустяка все пойдет прахом? Скомкав исписанные листы, она швырнула их в тлеющие угли камина. Комок закатился в угол и никак не загорался. Эдит схватила кочергу и подвинула листки к огню.

Кочерга нагрелась, и тут Эдит пришла в голову неожиданная мысль. Она засунула кочергу как можно дальше, и через несколько минут металл порозовел, а затем раскалился докрасна. Глядя в огонь как зачарованная, Эдит вынула кочергу и, зажму-

рившись, схватилась правой рукой за раскаленный конец. Страшная боль пронзила все ее существо. Кочерга покатила по паркету. Эдит истошно закричала и потеряла сознание.

Пол Харрисон пришел в ужас:

— Этого могло не случиться, если бы не потревожил тебя своим звонком.

На столе в кабинете были разложены документы. Эдит, неловко держа ручку в левой руке, медленно выводила на последнем листе «Маргарет де Лорка». Правая рука у нее была забинтована и висела вдоль тела.

— Ну что ты, Пол, — запротестовала она. — Ты тут ни при чем. Просто в последнее время мне не везет.

Харрисон собрал бумаги и аккуратно убрал их в портфель.

— У тебя трудный период, Маргарет, — сочувственно сказал он. — Сейчас тебе кажется, что все ужасно, но пройдет какое-то время, раны затянутся, и ты начнешь новую жизнь.

Эдит вытащила сигарету из серебряной сигаретницы и попыталась чиркнуть спичку одной рукой. Пол услужливо поднес ей золотую зажигалку. Заметив его удивленный взгляд, Эдит объяснила:

— Да, Пол, я снова начала курить.

Пол убрал зажигалку в нагрудный карман пиджака.

— Суд распорядился выдавать тебе по три тысячи долларов в месяц, пока не закончится официальное оформление наследства. Полагаю, этого достаточно?

— Три тысячи? Конечно.

— Между прочим, Фрэнк завещал твоей сестре Эдит пятьдесят тысяч долларов.

Эдит вздрогнула. Значит, Фрэнк не забыл ее? Неужели он чувствовал угрызения совести и решил таким образом загладить свою вину? А может, сохранил воспоминания об их недолгой любви?

Харрисон продолжал говорить, но она почти не слушала его.

— Любопытно, не правда ли? Если бы Эдит знала об этом, возможно, она была бы сейчас жива. Эти деньги решили бы все ее проблемы.

— Фрэнк как-то объяснил в завещании, почему он принял такое решение?

— Нет. Об этом говорится в одном из приложений без всяких комментариев. Если ты не заявишь свои права на эти деньги, как ближайшая родственница, они вернутся в наследство.

— Нет... не заявлю.

— Я так и думал. Ты и так получишь большую часть всех денег. Конечно, это приличная сумма, но она ничто в сравнении со всем наследством. — Харрисон захлопнул портфель и собрался уходить. — Что сказал врач? Когда твоя рука заживет?

— Что? Ах да, месяца через два. А пока я не смогу играть в гольф.

«Еще одно преимущество», — добавила она про себя.

— Не думаю, что тебе этого захочется в ближайшее время. Что касается подписи, она абсолютно законна. Я ее засвидетельствовал. Но тебе следует уведомить банк о своей травме. Хочешь, я им сообщу?

— Если тебе нетрудно, Пол. Я так рада, что есть кому позаботиться о подобных вещах.

— Всегда рад помочь, Маргарет. Сообщи, если тебе еще что-нибудь понадобится. Это моя работа.

— Спасибо, Пол.

Харрисон удалился. Вошел Генри и объявил, что пришел сержант Хобсон. Эдит поморщилась, Джим напоминал ей о прошлом, которое она хотела похоронить вместе с сестрой. Почему он так настойчиво ищет с ней встреч? Неужели подозревает, что дело нечисто?

— А что ему нужно?

— Он мне не сказал, мадам. У него к вам личное дело.

— Ну что ж, — нетерпеливо проговорила Эдит. — Просите его.

В гостиной появился Джим. Его крепкая неуклюжая фигура выглядела особенно нелепо на фоне элегантной обстановки. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Если бы его спросили, зачем он пришел, он не смог бы ответить. Ему не давало покоя поразительное сходство хозяйки дома с Эдит. Наверное, поэтому его так тянуло сюда. Видя миссис де Лорка, он на минуту забывал, что его возлюбленная умерла.

— Что у вас с рукой? — спросил он.

— Обожгла, — коротко ответила Эдит. — Чем могу служить? — сухо продолжала она, давая понять, что не расположена долго беседовать. И вместе с тем ей хотелось поговорить с ним, снова испытать головокружительное чувство опасности: ведь Джим лучше других знал ее.

— Я только хотел сообщить вам, что мы закрыли вчера бар Эди. Собрались все завсегдатаи и друзья. Помянули ее, я думаю, ей бы понравилось. Никто не плакал. Эди не любила предаваться унынию. Она ценила хорошую шутку и веселый смех. Ей нравилось видеть вокруг счастливые лица. Музыканты сыграли всю свою программу, Дэн вспомнил разные забавные случаи. Эди была добра ко всем, кого знала. Ее все очень любили, миссис де Лорка.

Простые, безыскусные слова Джима растревожили Эдит. Ей все труднее было сохранять высокомерное спокойствие. Еще чуть-чуть, и она выдаст себя.

— Я кое-что принес вам, — продолжал Джим. Он протянул ей небольшую рамку со вставленным в нее бумажным долларом, под которым было написано: «Осталось 999 999. 31 декабря 1957 года». — Это первый доллар, который Эди заработала в своем баре. Я был с ней в тот вечер.

Эдит взглянула на доллар. Да, Джим был тогда в баре. Народу набралось много: рабочие из прачечной филиппинца, пенсионеры из соседних домов, разносчик газет, уличный художник и несколько приятелей Джима из полиции. Они все вместе встретили Новый год, было очень весело, и первый тост был за

успех предприятия, в которое Эдит вложила все свои сбережения.

— Забавно, — сказала она. — Пусть останется вам на память.

Джим беспомощно заморгал и засунул рамку в карман.

— Еще что-нибудь, сержант?

— Да, мэм. Мы знаем, что у Эди не было денег. Поэтому мы вчера пустили шапку по кругу, и каждый дал сколько мог. Набралось достаточно на приличный памятник.

— Это очень мило с вашей стороны, сержант, но я сама закажу своей сестре памятник.

Она встала, давая понять, что беседа окончена. Джим неловко поднялся на ноги. Он явно был обижен, и Эдит почувствовала жалость к этому человеку, которого, увы, никогда не любила.

— Моей сестре очень повезло, что она встретила вас, сержант. Вы были ей настоящим другом, — порывисто произнесла она.

— Спасибо, мэм. Я никогда ее не забуду.

16

Дни шли за днями, и каждый из них приносил Эдит все новые проблемы, с которыми она справлялась только потому, что была все время начеку и не позволяла себе расслабиться ни на минуту. И все-таки иногда, в минуты полного физического и душевного изнеможения, она, случалось, теряла бдительность и совершала непростительные ошибки. Но эти промахи в конечном счете шли ей на пользу, позволяя никогда не повторять их.

Она разработала целую систему поведения. Положение вдовы имело свои преимущества: она могла вести себя пассивно и не проявлять никакой инициативы. Прячась за маской неутешного горя, она внимательно следила за поведением слуг и друзей дома, стараясь по обрывкам фраз, намекам и взглядам определить, чего от нее ждут в той или иной ситуации, как повела бы себя Маргарет на ее месте. Интуиция, обострившаяся до предела, как правило, подсказывала ей верное решение, и, убедившись в этом, Эдит знала, что ей делать в аналогичной ситуации в будущем. Ей пришлось отказаться от врожденного чувства независимости: каждый раз, поступая импульсивно, она ловила на себе удивленные взгляды и тут же раскаивалась в содеянном. В таких случаях ей приходилось прибегать к единственно возможному объяснению: она, дескать, вне себя от горя и просит не судить ее строго.

Система действовала безотказно. С течением времени Эдит с удивлением обнаружила, что ее прежнее «я» все больше отходит на второй план сознания и она становится другим человеком. Маргарет словно вселилась в ее душу и начала управлять ее жизнью. Это ощущение приятно возбуждало Эдит. Кроме того, она постепенно привыкала к роскоши, окружавшей ее, и начала находить в ней особое наслаждение.

Еще более увлекательным оказался сам процесс вживания в новую роль. Эдит с удовольствием репетировала перед зеркалом реакции Маргарет, которых от нее ждали окружающие, —

тщеславное стремление покорять и очаровывать, резкость и несдержанность. Она получила возможность проявить качества, которым всегда завидовала в сестре, как и те черты, которые ненавидела в ней.

Через некоторое время роль безутешной вдовы начала утомлять Эдит. Она отважилась на более серьезное испытание и приняла приглашение доньи Аны на обед, решив вести себя несколько живее, чем обычно. Ей это удалось, и некоторые гости заявили, что очень рады видеть «нашу прежнюю Мэгги».

Эдит прекратила свое затворничество и стала выезжать днем в город. Иногда завтракала с Полом Харрисоном в ресторане «Перино», после чего беспечно бродила по магазинам, но покупала немного. Эдит Филипс было достаточно сознания того, что она может купить все, что захочет.

Однажды, выбирая косметику в «Саксе», она вдруг услышала за спиной радостный возглас: «Мэгги!» Боясь повернуться и увидеть совершенно незнакомое лицо, она сделала вид, что не слышит. Возглас повторился, и Эдит поняла, что деваться некуда.

Обернувшись, она увидела высокую, элегантно одетую женщину, которая проталкивалась к ней сквозь толпу в сопровождении молодой продавщицы.

— Мэгги, дорогая! — воскликнула женщина, подбегая к Эдит и хватая ее за руки. Ее длинное, слегка лошадиное лицо показалось Эдит знакомым, но она никак не могла вспомнить, где они встречались.

— Миссис Маршалл, вашу примерочную займут, — умоляюще произнесла продавщица.

Диди Маршалл! Подруга Маргарет, которую донья Ана так невзлюбила с первого взгляда. Эдит вспомнила, что недавно получила от нее открытку с Багамских островов.

— Сейчас иду, — небрежно бросила Диди продавщице. — Маргарет, несносная ты девчонка, я уже две недели как вернулась, но не могу до тебя добраться. «Мадам нет дома, мадам отдыхает», — передразнила она невидимого дворецкого. — Право же, дорогая, разве можно так обращаться со своей лучшей подругой? Ладно, больше не буду тебя ругать. Знаю, что тебе пришлось пережить. Но, милочка, следует взять себя в руки и снова начать жить. А по этой части твоя верная Диди — лучший советчик.

— Я уже начала выходить из дома, Диди.

— Вот и прекрасно! Но пора кончать с этими прогулками в одиночестве. Роль вдовствующей королевы не для тебя. Нужно включаться в активную жизнь. В субботу мы с Томом устраиваем прием по случаю возвращения с Ямайки, и я настаиваю, чтобы ты пришла.

— Вряд ли получится, — неуверенно сказала Эдит.

— Никаких отговорок! Ты достаточно наплакалась в своем мрачном замке на горе! Ты просто обязана прийти! Обещаю, что никого из этих несносных старых калифорнийских аристократов не будет. — Ее голос упал до конфиденциального шепота. — Уверю тебя, дорогая, не пожалеешь, если придеешь.

Эдит сжалась.

- Хорошо, Диди, спасибо за приглашение.
- Отлично! Коктейль — в семь, обед — в восемь или девять, смотря по тому, когда гости дойдут до кондиции. Пока, дорогая, до встречи в субботу. Побегу, а то мне голову оторвут.

Маршаллы жили в огромном собственном доме, построенном по проекту известного архитектора. Это было современное здание из стекла и бетона, окруженное ажурной металлической оградой. Подъезжая к дому на «роллс-ройсе», Эдит услышала веселый гомон голосов, сопровождаемый зажигательными ритмами латиноамериканского ансамбля. На мгновение ее охватила паника. Джордж распахнул дверцу, и Эдит замешкалась, теребя сумочку и перчатки и стараясь справиться с нахлынувшим страхом. Выйдя из машины, она оперлась на руку Джорджа и медленно направилась к двери.

Ей пришлось дважды нажать кнопку звонка. Наконец дверь распахнулась, и на пороге появился грузный мужчина среднего роста. Его круглое добродушное лицо расплылось в широкой улыбке. Он обнял Эдит за плечи, стараясь не расплескать стакан с виски, который держал в руках.

— Мэгги, дорогая, я так рад тебя видеть! Диди сказала, что ты придеешь, но я все не верил. Добро пожаловать в наш дом и поздравляю с возвращением к цивилизации.

— Спасибо, Том.

— Виски со льдом для миссис де Лорка, — приказал Том подошедшему официанту.

— А где Диди? — спросила Эдит, не зная, о чем говорить.

— Где-то здесь. Носится как метеор, ты же ее знаешь. Пойдем, твои старые друзья будут в восторге. — Он взял ее за руку и повел в гостиную.

То, что она увидела, повергло ее в ужас. Просторный зал был наполнен огромным количеством оживленных людей в смокингах и вечерних платьях, фланирующих от одной группы к другой со стаканами в руках. Среди них наверняка есть знакомые Маргарет, которых она, Эдит, никогда в жизни не видела!

Крепко сжимая ее руку в своей, Том нырнул в толпу, и вокруг тут же раздались радостные возгласы.

— Мэгги! — приветствовала Эдит высокая крашеная блондинка в сером платье из шифона. — Я бы тебя поцеловала, да боюсь испортить твой макияж. Ты чудесно выглядишь! А какое потрясающее платье! Шила у Софи?

— Да, — улыбнулась Эдит.

— Я так и знала! Все твои лучшие платья от Софи. Поздравляйся с Фреди.

Худощавый молодой человек с короткой стрижкой чмокнул Эдит в щеку.

— Черт с ним, с макияжем, просто не могу не поцеловать нашу дорогую Мэгги, — объявил он, улыбаясь. — Рад, что ты снова с нами.

— Спасибо, Фреди, — ответила Эдит.

— Ты знаешь, что лошадь Диди, Вилли Бой, сегодня выиграла скачки в Голливуд-парке? — спросил Том, сияя от удовольствия.

— Правда? Поздравляю!

Появился официант со стаканом виски на подносе, и Эдит, подождав секунду для приличия, взяла стакан. Она начала привыкать к виски, любимому напитку Маргарет, и, отпив глоток, почувствовала себя немного увереннее среди этих незнакомых людей, поминутно подходящих к ней со словами приветствия. Она радостно улыбалась в ответ, стараясь каждому сказать что-нибудь приятное. Если кому-то покажется, что она недостаточно весела, это припишут ее состоянию, думала Эдит.

Мало-помалу общее беззаботное настроение захватило ее, и Эдит порадовалась, что пришла. После многочисленных комплиментов — «дорогая, как вам идет это голубое платье!» — она поверила, что действительно хорошо выглядит сегодня. Ей нравилось быть среди этих уверенных в себе, остроумных людей, полных жизненной энергии, после долгих недель, проведенных в молитвах с чопорной доньей Анной. Вот какой была бы ее жизнь, выйди она замуж за Фрэнка, — веселые вечеринки в лучших домах Лос-Анджелеса, скачки в Голливуд-парке, уик-энды на озере Эрроухед.

— Вот где наша Золушка! — прервала ее размышления Диди. Извинившись перед семейной парой, рассказывавшей Эдит о последнем теннисном чемпионате, она увлекла ее за собой со словами:

— Похищаю у вас нашу красавицу на минутку.

— Ты останешься обедать, Мэгги? — спросил ее собеседник.

— С удовольствием, если Диди не против, — откликнулась Эдит с улыбкой.

Диди вывела Эдит в коридор и подвела к окну, где их никто не мог услышать. Отступив на шаг, она на минуту залюбовалась ею.

— О Боже, как я рада, что вижу прежнюю Мэгги! Ты сегодня потрясающе выглядишь, и это очень кстати.

Диди снова понизила голос и снова приняла загадочный вид, который так заинтриговал Эдит днем в «Саксе».

— У меня для тебя сюрприз, дорогая, — продолжала Диди. — В библиотеке.

Она кивнула в сторону двери в конце коридора. Эдит заколебалась, не зная, как реагировать. Диди замахала руками, убеждая ее идти, куда сказано, и, подмигнув на прощание, упорхнула к гостям.

Войдя в библиотеку, Эдит огляделась. Обстановка здесь была выдержана в красно-зеленых тонах. Вдоль стен стояли книжные шкафы, заполненные новейшими бестселлерами в ярких обложках. Сначала ей показалось, что в комнате никого нет, но, закрывая дверь, она услышала скрип пружин и, повернувшись, увидела мужчину, поднимавшегося с красного кожаного дивана в углу.

Это был очень привлекательный молодой человек, но в его

красоте не было и намека на слащавость. Мускулистый, загорелый, он словно сошел с рекламы сигарет «Мальборо». На нем был прекрасно сшитый смокинг с шелковым зеленым жилетом. Эдит показалось, что он моложе Маргарет на несколько лет, но вообще-то его возраст не поддавался точному определению. По-видимому, он и через двадцать лет будет выглядеть точно так же.

Широко улыбаясь, он подошел к Эдит.

— Мэгги, малышка, как я рад!

Она выдавила из себя улыбку, но не успела сказать ни слова: он сгреб ее в охапку и жадно поцеловал в губы. Она невольно ответила на поцелуй, лихорадочно думая, что означает этот новый поворот событий.

Он медленно отпустил ее, взял ее лицо в большие, горячие ладони и прошептал:

— Дай-ка мне посмотреть на тебя, Мэгги. Мы не виделись целую вечность. — Заметив в ней какие-то перемены, видимые только ему, сочувственно вздохнул: — Тебе, видно, туго пришлось, бедная моя Мэгги... Ты получила мою орхидею?

— Конечно, — осторожно ответила она. — Как мило, что ты вспомнил день моего рождения.

— Значит, ты поняла, что я хотел сказать. Видишь? — Он поднял руки, демонстрируя золотые запонки.

— Они великолепыны! — восхищенно воскликнула Эдит.

— Еще бы! Ты же сама их выбрала, а у тебя отличный вкус. Игрушки для Тони, помнишь?

— Разумеется, помню, Тони, — ответила Эдит, начиная понимать, что к чему.

— Представляю, что ты пережила, — продолжал он, глядя на нее. — Просто ужасно, что мне пришлось оставить тебя одну в такой момент. Я позвонил тебе, как только вернулся, но получил решительный отпор. Генри тебя охраняет как цербер.

— Я не подходила к телефону, — объяснила Эдит. — Ты не можешь себе представить, что такое траур в семье де Лорка.

— Черт с ними, — усмехнулся он, подводя ее к дивану. — Я уже забыл эту фамилию.

Они упали на диван, и Тони снова поцеловал ее, на этот раз с большей страстью.

— Почему бы нам... а? — пробормотал он у самых ее губ.

— Не могу, Тони, — отстранилась Эдит. — Сейчас не время. Я только что приехала, мое отсутствие заметят.

— О Господи, опять эти проклятые условности! — скривился он. — Скоро нам уже не придется скрываться... Приходи через час, ладно?

— Нет, Тони. Не сегодня. Должен прийти Пол Харрисон, насчет наследства.

— Нашел время!

— Извини, Тони. Я же не знала, что ты вернулся. Мне пора идти к гостям.

Он отпустил ее и закурил, не предложив ей сигарету. Его мужественное лицо приняло обиженное выражение. В эту мину-

ту он был похож на маленького мальчика, у которого отняли любимую игрушку.

— Не сердись, Тони, у нас еще будет время, — примирительно сказала Эдит, не желая ссориться.

Он повернулся к ней, и лицо его просияло.

— Наверное, ты права. У нас все в порядке?

— Лучше быть не может, — ответила Эдит. Что он имеет в виду?

— Значит, встретимся завтра?

— Позвони мне утром. Я предупрежу Генри.

Тони поцеловал ее и заглянул ей в глаза.

— Отныне мы всегда будем вместе, правда?

— Да, Тони, — ответила Эдит.

Она подкрасила губы перед зеркалом и вернулась к гостям. Тони вышел из библиотеки спустя несколько минут. За весь вечер он ни разу не подошел к Эдит. Диди, заметив это, одобрительно шепнула подруге:

— Ну вы и конспираторы...

Во время обеда Эдит сидела за столом с девятью другими гостями, болтавшими без умолку под воздействием коктейлей. Она не прислушивалась к ним и почти не принимала участия в разговоре, напряженно размышляя о неожиданной встрече в библиотеке.

Только теперь она поняла всю глубину падения Маргарет, никогда не любившей Фрэнка. Еще до того, как Фрэнк умер, она завела себе любовника, этого проходимца Тони, для которого секс, похоже, главное занятие в жизни. Вероятно, до него у Маргарет были и другие мужчины. Эта мерзавка даже не потрудилась скрыть свою измену: Диди явно была в курсе событий. Кто еще знал об отношениях Мэгги с Тони?

Эдит взглянула на него. Он сидел довольно далеко, но, видимо, почувствовал ее взгляд и повернул голову в ее сторону. У нее упало сердце. Как гладко все шло до появления этого типа! Теперь же ее размеренному существованию угрожает такая опасность, о которой она и подумать не могла...

18

В минуты просветления Эдит ясно понимала, что Тони способен ее погубить. Она знала, что он представляет угрозу не только ее эмоциональному равновесию, но и может уничтожить физически. Но не знала, как избавиться от него, и, что пугало ее больше всего, не хотела...

Ее тянуло к нему. Она испытывала чисто физическое влечение к этому профессиональному альфонсу, жившему за счет богатых женщин. Работа в гольф-клубе служила лишь прикрытием его истинного призвания. И все-таки у нее не хватало духа прогнать его от себя. Тони был частью тайной жизни Маргарет, ставшей теперь ее жизнью. Эдит чувствовала, что должна узнать о сестре все, до последней мелочи.

С самого начала она решила не прятаться от него, хотя это было вполне возможно в таком большом доме и с таким количе-

ством слуг, и велела Генри соединить ее с мистером Коллинзом, если тот позвонит.

Тони явился без звонка около одиннадцати часов утра. В легких серых брюках и спортивной шерстяной рубашке он выглядел уверенно и держался непринужденно. Открыв дверь, Генри даже не попытался скрыть своего неодобрения.

— Что вам угодно, мистер Коллинз? — холодно спросил он.

— Привет, старина, как жизнь? — спросил Тони как ни в чем не бывало, проходя в холл. — Меня ждут, не так ли, Генри?

— Да, сэр. — Генри удалился и вскоре появился снова. — Мадам спустится через пять минут.

— Скажи ей, что я буду на площадке для гольфа. Ключки на обычном месте?

— Да, сэр.

Тони зашагал на террасу, на секунду остановился и, не поворачиваясь, добавил:

— Жаль мистера де Лорку.

— Совершенно с вами согласен, сэр, — проронил Генри с каменным лицом.

Тони нашел ключки и мячи, разложил на траве дюжину мячей и установил флажок на расстоянии ста ярдов. Сделав для разминки несколько упражнений, он принялся гонять мячи по траве.

Эдит спустилась в сад, стройная и привлекательная в белой блузке и узкой желтой юбке. Тони сделал вид, что не замечает ее, и продолжал игру до тех пор, пока последний мяч не остановился у флажка. Потом повернулся к Эдит и сказал:

— Неплохо получилось, верно?

Она улыбнулась:

— Извини, что заставила тебя ждать.

Он обнял ее за плечи:

— Как чувствует себя сегодня моя девочка?

— Отлично. — Она высвободилась из его объятий, пошла на террасу, взяла со стола пачку сигарет и закурила.

Тони заложил руки в карманы и подошел к ней. Его глаза сузились.

— Глазам своим не верю. Ты начала курить, Мэгги?

— Я курила много лет назад, — поспешно объяснила она.

— В самом деле? Наверное, когда училась в школе в Сан-Франциско? Прятались небось с девчонками в туалете?

— Угадал.

— Ты моя маленькая хулиганка. — Он нежно взял ее за руку и заметил след от ожога. — Что это?

— Ничего страшного. Обожглась. Схватилась за горячую кофетку.

— Бедняжка... — Он поцеловал обожженное место. — Тебе нужен мужчина, который разжигал бы огонь в камине в долгие зимние вечера.

Внезапно он привлек ее к себе и начал покрывать ее лицо страстными поцелуями. От неожиданности она вздрогнула и инстинктивно отпрянула. Но Тони продолжал крепко держать ее за плечи.

— Не надо, Тони, не здесь, — попросила Эдит.

— Почему это не здесь? — насмешливо проговорил он. — Почему не на лужайке, или в кустах, или в твоей спальне? Где угодно, где придет охота? Что может нам помешать теперь, когда твой старый зануда...

— Тони! Сейчас же отпусти меня! — Она по-настоящему испугалась и отчаянно забилась в его руках. И тут увидела Дьюка, который несся к ним по дорожке, угрожающе рыча.

Завидев собаку, Тони мгновенно отпустил Эдит.

— Ко мне, Дьюк, ко мне! — крикнула Эдит. Пес послушно подбежал к ней, и она схватила его за ошейник. — Назад, Дьюк! — скомандовала она. Пес прекратил рычать, дал себя погладить и затрусил к дому.

От изумления Тони на мгновение потерял дар речи, а придя в себя, воскликнул:

— Господи, он чуть не разорвал меня на куски! С чего это пес вдруг так тебя полюбил?

— После смерти Фрэнка он очень тосковал, — объяснила Эдит. — Вот и привязался ко мне. Наверное, считает, что меня нужно защищать.

— Это мягко сказано! Ну, в общем, так. Я не намерен терпеть это безобразие и требую, чтобы этой зверюги здесь не было.

На террасе появился Генри. Тони недовольно проворчал:

— Еще один явился. Что это такое? Сплошные помехи. — Это была коронная фраза из свежего анекдота, который ему на днях рассказали в раздевалке гольф-клуба.

— Вас желает видеть сержант Хобсон, мадам, — сообщил Генри.

Тони насторожился.

— Это еще кто?

— Попросите его прийти сюда, Генри, — сказала Эдит.

Дворецкий скрылся в доме.

— Кто такой сержант Хобсон, черт побери? — раздраженно повторил Тони.

— Друг моей покойной сестры.

— Я не знал, что у тебя была сестра.

Тони ощутил смутное беспокойство. Что-то здесь не так. Он схватил Эдит за руку.

— Мэгги, что здесь происходит, черт возьми? У тебя неприятности? Если что-то случилось, мне лучше знать об этом.

— Все в порядке, — успокоила его Эдит.

— Слушай, ты не собираешься меня надуть, а?

— Тони, прекрати!

— У тебя ничего не выйдет. Тебе не удастся бросить меня, заруби себе на носу!

Разговор, принимающий неприятный оборот, был прерван появлением Джима Хобсона. К своему удивлению, Эдит почувствовала, что совершенно равнодушна к нему. Все чувства умерли вместе с прошлой жизнью. Теперь ее словно затягивало в опасный водоворот жизни Маргарет.

— Надеюсь, я вам не очень помешал, миссис де Лорка, — сказал Джим.

Пропустив его извинения мимо ушей, Эдит представила Джима Тони, который холодно кивнул и отвел глаза.

— Что вам угодно, сержант? — спросила Эдит.

Джим не мог сказать ей правду: ему вдруг отчаянно захотелось вновь увидеть женщину, так живо напоминавшую Эдит.

— Я только хотел сказать вам, — неловко проговорил он, — что видел памятник. Он просто замечательный... Я хотел поблагодарить вас.

Тони разинул рот от изумления.

— Может, кто-нибудь все-таки объяснит мне, о чем идет речь, — потребовал он. — Какой памятник? В чем дело?

— Надгробие, — сказала Эдит. — На могиле моей сестры.

— Вот оно что, — протянул Тони. — А когда она умерла?

— В день похорон мистера де Лорки, — пояснил Джим. — У миссис де Лорка была сестра по имени Эдит. Они были похожи как две капли воды.

— Две Мэгги? — присвистнул Тони. — Как интересно! А от чего она умерла?

— Она покончила с собой, — прошептала Эдит.

Глаза у Тони загорелись.

— Странно, — медленно произнес он. — Значит, у тебя была сестра, которая совершила самоубийство. Ты бы так не поступила, Мэгги. Кто угодно, только не ты.

— Мы были похожи только внешне, — поспешно сказала Эдит. Разговор принимал неприятный оборот.

— Ты, Мэгги, ни за что не покончила бы с собой, — продолжал Тони, не слушая ее. — Ты так любишь жизнь.

— Эди тоже любила жизнь, — перебил его Джим. — Она умела радоваться, как никто.

— Тогда почему же она убила себя? — спросил Тони.

Джим бросил взгляд на Эдит и только потом ответил:

— Не знаю. Наверное, потому что в последнее время ей не очень-то везло.

К облегчению Эдит, Тони промолчал. Джим неловко переминался с ноги на ногу.

— Еще один вопрос, миссис де Лорка.

— Да?

— В тот вечер, когда вы были у Эди, она говорила обо мне?

— А когда это было? — спросил Тони.

— Перед тем, как Эди застрелилась, — ответил Джим. — Она не сказала, что мы собирались пожениться?

— Нет, сержант. О вас мы вообще не говорили.

Джим тяжело вздохнул.

— Понятно. Вообще-то я так и думал. Ну что ж, это все. Я, пожалуй, пойду. Извините за беспокойство. Надеюсь, я вам не помешал.

— Не будьте так уверены, — отрезал Тони. Когда сержант Хобсон скрылся в доме, он повернулся к Эдит: — Может, объяснишь теперь все по порядку?

— Ты же слышал. — Эдит начала терять терпение. — Моя сестра покончила с собой. Сколько можно повторять?

— А этот недоумок все еще любит ее? Или он влюблен в тебя?

— Не говори глупости! — вспыхнула Эдит.

— Я пытаюсь разобраться. В последнее время ты ведешь себя очень странно, Мэгги. Мне это не нравится. Совсем не нравится. После всего, что мы пережили вместе, я вправе ждать от тебя большего внимания. Ладно, забудем об этом и займемся делом. — Он привлек ее к себе, и на этот раз Эдит предпочла не сопротивляться.

В этот день Эдит удалось уклониться от близости с Тони под предлогом головной боли, но она понимала, что не сумеет долго держать его на расстоянии. Он звонил каждый день, и, если она будет от него прятаться, это только вызовет ненужные подозрения. Кроме того, Тони ей нравился. Он хорошо изучил свою профессию и знал, как привлечь женщину: был прекрасным собеседником, умел расположить к себе и окружить вниманием и заботой, ловко пользуясь своей мужской привлекательностью. У него, несомненно, было много любовниц, но Эдит чувствовала, что с Маргарет его связывали особые отношения.

Эдит начала встречаться с ним, но их свидания были нечасты. Она предупредила его, что, поскольку после смерти Фрэнка прошло всего несколько месяцев, они не могут позволить себе встречаться открыто: это вызовет ненужные толки. Тони нехотя признал ее правоту. Они ездили на вечеринки к друзьям, обедали в дорогих ресторанах, посещали премьеры в лос-анджелесских театрах.

Тони тяготила неопределенность их отношений. Он проявлял все большую настойчивость и нетерпение. Однажды вечером, прощаясь с Эдит в своем «корвете», он поцеловал ее особенно страстно.

— Спокойной ночи, Тони, — твердо сказала Эдит, открывая дверь.

Он выскочил из машины, догнал Эдит и схватил ее, прежде чем она успела скрыться в доме. Последовал долгий поцелуй.

— Тони! Слуги могут увидеть... — запротестовала Эдит.

— К черту слуг! — вскипел он. — Хватит играть со мной в кошки-мышки, Мэгги. Я сыт по горло твоими отговорками. Сейчас я сорву с тебя эти вдовьи тряпки и проверю, женщина ты или бесчувственное бревно.

Он крепко обнял ее, и она обмякла в его руках. Осторожный голос рассудка умолк. Долго сдерживаемая чувственность — ее ли, Маргарет ли? — победила.

19

Тони сидел на краю постели и задумчиво пускал кольца дыма в потолок.

— Черт меня возьми... — бормотал он. — Черт меня возьми...

— Что такое, дорогой? — лениво потянувшись, спросила Эдит.

— Каким же я был идиотом, — сказал он. — Боже мой, Тони, как ты мог быть таким кретинком?

— О чем ты?

Не отвечая ей, он продолжал:

— Первое, что должно было меня насторожить, — это собака. Дьюк терпеть не мог Маргарет.

Страх кинжалом вонзился в сердце Эдит.

— Потом курение... Мэгги не выносила даже запаха табачного дыма. Ее сразу начинало тошнить. — Он заговорил громче и увереннее. — Холодность, бесконечные отговорки и увертки, тоска по умершему мужу... Все это так непохоже на Маргарет. И все же я дал себя обмануть. Я бы и до сих пор оставался в неведении, если бы... не постель. — Он повернулся к Эдит и усмехнулся, увидев ее испуганное лицо. — Надо отдать тебе должное: у тебя темперамент Мэгги. Я бы ни о чем не догадался, но ты сделала одну ошибку. Никогда, ни за что на свете Мэгги не крикнула бы в порыве страсти: «Я люблю тебя, Фрэнк».

Эдит смотрела на него расширенными от ужаса глазами. Она ничего не чувствовала и только пыталась осознать размеры обрушившейся на нее катастрофы. Значит, она разоблачена. Тони обо всем догадался. Кто следующий? Какие еще ошибки ей суждено совершить, и какая из них окажется роковой?

Или она уже сделала ошибку, поддавшись животному обаянию Тони? Знала ведь, что поступает глупо, безрассудно, и все же не удержалась от искушения. Тони так умело воспользовался своим мускулистым телом, что она не устояла, забыв об осторожности, и на несколько блаженных минут освободилась от постоянного страха, забыла обо всем, предавшись страсти, которую испытала только раз в жизни, много лет назад. Она воображала себя Маргарет, которая самозабвенно отдается своему любовнику, но в действительности оставалась самой собой. Маргарет не любила Фрэнка. Только для Эдит Фрэнк был единственным мужчиной, которого она могла любить. И не важно, кто держал ее в объятиях.

Тони вскочил с постели и заходил по комнате, продолжая разговор с самим собой.

— Теперь моя глупая голова начинает соображать, — рассуждал он. — Сестра Мэгги не совершала самоубийства в день похорон Фрэнка. Она — ее звали Эдит? — убила Маргарет и выдала ее за себя. Потом переехала в особняк де Лорка и зажила как Крез. Ловко придумано, просто изумительно!

Эдит лихорадочно искала выход. До сих пор она справлялась со всеми испытаниями, выпадавшими на ее долю. Что можно сделать на этот раз? В дальнем уголке сознания на минуту возникла леденящая душу мысль — а что если убить Тони? — но Эдит тут же отогнала ее. Она считала себя неспособной на убийство. Она уже давно не верила, что убила Маргарет.

Так ничего и не придумав, она спросила:

— И что ты собираешься делать?

— Делать? А зачем? Самое изумительное во всем этом как раз то, что мне не надо ничего делать! Ни-че-го! Я собираюсь наслаждаться жизнью вместе с тобой, дорогая.

— Я не выйду за тебя замуж, Тони, — ровным голосом сказала Эдит.

— А кто говорит о замужестве? Не будь такой старомодной...

Эди? Мне теперь тебя так называть? Нет, пожалуй, это не годится, не хватало еще проговориться как-нибудь в присутствии твоего старого друга сержанта Хобсона. Как ты считаешь?

— Чего ты хочешь?

— Чтобы все продолжалось, как раньше, с той разницей, что теперь я не удовлетворюсь жалкими подачками, которые кидала мне Маргарет — запонки, свитера, оплата квартиры. Нет, теперь я заживу на широкую ногу. Для начала ты купишь мне «мазерати», на который я давно глаз положил. Четырнадцать тысяч долларов, плюс страховка и регистрация.

— Я вступлю в права наследства только через год. Пока мне выдают три тысячи в месяц.

— Ты забыла о сокровищах де Лорка. Все эти бриллианты, изумруды и жемчуга прекрасно смотрелись на Мэгги. Хватит болтать, крошка. Давай сюда шифр. Сейчас я буду тебя грабить.

20

Неделя выдалась очень тяжелая. Джим Хобсон обрадовался возможности немного отдохнуть и растянуться на жестком диване в отделе по расследованию краж. В последнее время он работал на износ, не отказываясь ни от каких заданий и охотно соглашался на дополнительные дежурства. Работа помогала ему отвлекаться от тяжелых мыслей. Больше всего он боялся свободных вечеров, страшился возвращения в пустую квартиру. Не будь его ум постоянно занят, он все время думал бы об Эди.

Он живо представлял себе ее лицо, такое доброе и красивое, и с трудом подавлял желание вскочить и бежать к ней в бар, напоминая себе, что ее уже нет на свете. Потом его мысли переходили к сестре Эди, миссис де Лорка, и он пытался представить себе ее образ жизни. Ни о чем другом он думать не мог и, только с головой уходя в работу, избавлялся от этого наваждения.

Зазвонил телефон. Напарник Джима Бен Ханко снял трубку.

— Ханко у телефона. Ограбление? Да, сэр... понятно... Как он выглядел?.. Он назвался?.. Ага, Тони Коллинз...

Джим выпрямился и спросил:

— Что там насчет Коллинза?

Бен знаком попросил его помолчать.

— У вас есть его адрес?.. Что вы ему сказали?.. Да, вы правильно поступили. Спасибо за звонок. Мы займемся этим. Ничего не предпринимайте, пока мы не свяжемся с вами.

Бен повесил трубку. Джим сгорал от нетерпения:

— В чем дело?

— Парень по имени Тони Коллинз, представительный, хорошо одетый, вошел в дорогой ювелирный магазин на Беверли-Хиллз и хотел продать кое-какие украшения, ранее купленные в этом магазине. Очень ценные вещи — бриллианты, жемчуга. Звонил владелец магазина. Он подтвердил, что вещи действительно были куплены в его магазине, и сказал, что Коллинз не скрывал, от кого получил их. От миссис де Лорка.

— Я его знаю. Видел в доме миссис де Лорка, когда был там в последний раз.

— Как у него оказались ее фамильные драгоценности?

— Давай попробуем это выяснить.

Не теряя времени, они отправились по адресу, указанному владельцем ювелирного магазина. Войдя в устланный коврами холл, они спросили управляющего. Тот вскоре появился. Внимательно изучив их удостоверения и узнав, что им нужно, проводил их до лифта. Лифт бесшумно взмыл вверх и остановился на пятнадцатом этаже.

— Какова здесь квартирная плата? — поинтересовался Джим.

— От четырехсот до семисот долларов в месяц, — ответил управляющий, подводя полицейских к одной из квартир.

— А сколько платит Коллинз? — спросил Бен.

— Пятьсот пятьдесят. — Управляющий вставил в замок ключ и распахнул дверь.

Бен оглядел роскошную обстановку квартиры и присвистнул.

— Пять с половиной сотен... Стоит того!

— А чем Коллинз зарабатывает на жизнь?

— Работает инструктором в гольф-клубе.

— Наверное, продает кучу клюшек, — хмыкнул Бен.

— Нам надо тут кое-что посмотреть, — сказал Джим, обращаясь к управляющему. — Не беспокойтесь, мы будем осторожны.

— О'кей, — отозвался тот с несчастным видом. — Буду очень признателен, если мистер Коллинз не застанет вас здесь.

— Мы недолго, — заверил его Джим.

После ухода управляющего полицейские приступили к обыску. Бен занялся спальней, а Джим взял на себя гостиную. Нашел несколько любовных писем от женщин и паспорт с европейскими визами. В нижнем ящике лежала небольшая картонная коробка. Джим открыл ее и позвал напарника:

— Бен, иди сюда! Посмотри, что я нашел!

Бен вышел из спальни, держа в руках бумажный пакет. Он заглянул в коробку — она была доверху наполнена драгоценностями.

— Наш спортсмен-то, оказывается, еще и ювелир! — воскликнул он.

— Ему придется нам все как следует объяснить, — проворчал Джим. — А что у тебя?

Бен открыл бумажный пакет.

— Не знаю. Нашел в стенном шкафу для одежды. — Он высыпал в ладонь белый порошок. Джим взял щепотку и поднес к носу.

— Наркотики? — спросил Бен.

— Не похоже. — Взяв со стола конверт, Джим отсыпал в него немного порошка и вернул пакет Бену. — Положи, где взял, и пошли отсюда.

Бен скрылся в спальне.

— Ты проверил ванную? — крикнул Джим.

— Да, там нет ничего интересного.

Джим оглядел квартиру, желая убедиться, что все вещи на своих местах, и направился к двери. В этот момент зазвонил

телефон. Джим хотел снять трубку, но Бен удержал его.

— Это, наверное, управляющий, — объяснил Джим, снимая трубку. — О'кей, — сказал он через секунду и нажал на рычаг. — Коллинз только что вошел в подъезд и поднимается на лифте. — Он протянул конверт с порошком Бену. — Отнеси в лабораторию и скажи, чтобы срочно определили, что это такое. Я останусь здесь и побеседую с мистером Тони Коллинзом.

— Тебе не кажется, что это рискованно, Джим?

— Придется рискнуть. Хочу поговорить с этим типом.

— Ладно, приятель. Я буду тебя защищать в суде. — Бен вышел.

Едва он успел нажать на кнопку вызова, как двери раскрылись, и из лифта вышел Тони. Бен шагнул внутрь. Дойдя до середины коридора, Тони оглянулся. «Что здесь нужно этому фараону?» — подумал он, подходя к своей квартире и отпирая дверь.

В гостиной он вытащил из кармана золотую брошь и браслет и небрежно бросил их на стол. Потом подошел к бару и налил себе виски.

— Небогатый улов сегодня? — раздался сзади чей-то голос.

Тони резко повернулся и увидел Джима Хобсона, удобно устроившегося в кресле.

— Что вы здесь делаете, черт побери? — закричал он.

— Зашел побеседовать с вами насчет этих безделушек, от которых вам так не терпится избавиться.

— Как вы посмели вломиться в мою квартиру? Вы заплатите за это! Вас уволят из полиции!

— Вполне вероятно. Но мне подумалось, что здесь так удобно беседовать. Лучшего места не найти. Нам никто не мешает. — Джим весь кипел от ярости. Обычно он старался сдерживать свои чувства, чтобы они не мешали работе, но на этот раз ничего не мог с собой поделать. — Интересно, как вам удастся содержать такую уютную квартирку?

Тони овладел собой и, сощурившись, смотрел на Джима.

— А вам что за дело? — насмешливо спросил он, отпив глоток из стакана.

— Любопытно, как это инструктор по гольфу умудряется жить, подобно кинозвезде, и где он берет дорогостоящие побрякушки?

— Все так просто, что даже вы могли бы догадаться. Мне их подарила одна дама, в благодарность за оказанные услуги.

— Какая дама?

— Вдова Фрэнка де Лорки. Сейчас она не располагает достаточным количеством наличных, поскольку получит право на наследство только через год. Я любезно согласился принять от нее драгоценности вместо денег.

Джим изо всех сил старался держать себя в руках.

— Я вам не верю! — резко бросил он.

Тони пожал плечами.

— Почему бы вам не спросить миссис де Лорка?

— Именно это я и собираюсь сделать!

Новенький «мазерати» на предельной скорости несся по широким улицам фешенебельного района Бель-Эйр. Тони, сидевший за рулем, весело насвистывал модную мелодию, наслаждаясь смущенным видом Джима Хобсона. До особняка миссис де Лорка оставалось четыре мили.

Увидев Тони и Джима, Эдит побледнела как полотно.

— Мэгги, дорогая, — сказал Тони, подходя к ней и небрежно целуя ее в щеку, — ты помнишь «друга» твоей покойной сестры Эдит сержанта Хобсона? — Он явно чувствовал себя хозяином положения. — Сержант не верит, что ты добровольно отдала мне свои драгоценности. Просвети его, пожалуйста.

Эдит со страхом смотрела на него.

— Ну же, Мэгги, не робей. Скажи ему правду. Он полицейский и привык иметь дело с изнанкой жизни. От тебя требуется только подтвердить мои слова.

Эдит взглянула на Джима и тут же отвела взгляд.

— Да, сержант, — сказала она. — Мистер Коллинз сказал вам правду.

Джим не поверил своим ушам. Он умоляюще взглянул на Эдит, но та упорно смотрела в окно.

— Что ж, миссис де Лорка, раз вы утверждаете... — Джим не закончил фразу и с несчастным видом опустил голову. Потом встал и пошел к выходу.

— Минуточку, сержант, — остановил его Тони. — Мы еще не закончили. Вы произвели незаконный обыск у меня в квартире. У вас могут быть из-за этого большие неприятности. Однако я согласен простить вас и забыть об этом прискорбном инциденте при условии, что вы немедленно прекратите дальнейшее расследование.

— Я распоряжусь, — буркнул Джим.

— Сделайте это немедленно. — Тони снял телефонную трубку и протянул ее Джиму. Джим набрал номер полицейского участка.

— Бен? Это Джим. Можешь забыть о Коллинзе. Он все объяснил. Драгоценности он получил законным путем и имеет право распоряжаться ими по своему усмотрению. Да, все верно... Что?.. Что там сказано? Вот как?.. Ладно, я буду через час.

Джим положил трубку и повернулся к Тони.

— Для чего предназначался мышьяк? — спросил он.

Эдит взглянула на Тони. Тот на мгновение растерялся, но тут же овладел собой.

— Я его развожу в воде и пью со льдом, — насмешливо ответил он. — А если серьезно, то я понятия не имею, о чем вы говорите.

— Я говорю о мышьяке, который мы нашли у вас в шкафу. Тони снисходительно улыбнулся.

— Вы же осмотрели мою квартиру, так?

— Да.

— Значит, вы видели цветы в горшках на балконе?

— Да.

— Мышьяк мне понадобился, чтобы уничтожить сорняки. Еще вопросы есть?

— Где вы его взяли?

— В клубе, где я работаю. Его закупают в больших количествах, так что я позволил себе взять пакетик... Что-нибудь еще?

Эдит неотрывно смотрела на Тони, который держался с обычной самоуверенностью. Однако она успела хорошо изучить его и чувствовала, что он что-то скрывает. Страшное подозрение закралось в ее душу...

— Я полагаю, вы узнали все, что хотели, — сказал Тони Джиму. — По-моему, вам пора.

Профессиональный инстинкт полицейского подсказывал Джиму, что здесь не все так просто, но формально придаться было не к чему.

— Надеюсь, я не слишком обеспокоил вас, миссис де Лорка, — обратился Джим к Эдит.

— Не надейтесь! — огрызнулся Тони. — До свиданья!

Джим пропустил его слова мимо ушей.

— До свиданья, миссис де Лорка. Если я вам понадобится, дайте мне знать.

— Спасибо, сержант, — отозвалась Эдит. — До свиданья.

Когда дверь за Хобсоном закрылась, Эдит повернулась к Тони.

— Почему тебе так не терпелось выпроводить его? — спросила она.

— Потому что он зануда и безумно мне надоел.

— А может, ты боялся, что он кое-что узнает?

— Теперь ты будешь ко мне приставать? Пойду-ка я, пожалуй, поиграю в гольф. — Тони направился к двери.

— Тони! — остановила его Эдит. — Так чего ты испугался?

— Послушай, крошка, мне не нравится твой допрос. Давай прекратим этот разговор.

— Что ты делал с мышьяком?! — Она почти кричала.

В его глазах промелькнул страх, но только на секунду.

— Разве ты не помнишь, Мэгги? — прищурился Тони. — Мы же отравили твоего мужа.

Эдит бросилась на него, как дикая кошка, пытаясь выцарапать ему глаза. Он схватил ее за руки, вывернул их так, что она закричала от боли, и бросил ее на диван. Она закрыла лицо руками и глухо зарыдала.

— Никогда больше не делай этого, — медленно произнес Тони. В его голосе звучала неприкрытая угроза. — Ты же не хочешь, чтобы я попортил твою хорошенькую мордашку. Мы теперь всегда будем вместе, в горе и в радости, в богатстве и бедности, пока смерть не разлучит нас. Нам придется держаться друг друга, если мы хотим остаться на свободе. Мы оба преступники и одинаково виновны. Мы с Мэгги убили Фрэнка, а ты теперь — Мэгги, не забывай.

Тело Эдит сотрясали безудержные рыдания. Тони закурил и подождал, пока она успокоится.

— Я заплачу тебе, — прохрипела она. — Я дам тебе все, что ты захочешь, абсолютно все! Только оставь меня!

— Ну нет, дорогая, — усмехнулся он. — Хочешь от меня откупиться? Не выйдет. Лучше я останусь рядом с источником своего благополучия. Ты мой рог изобилия, пещера Аладдина. Зря ты

так расстроилась, Эди, Мэгги или кто ты там на самом деле. Тебе пришлось бы гораздо хуже, если бы тебя осудили за убийство сестры или мужа. А может, у тебя на совести еще какое-нибудь преступление? Что до меня, я не могу пожаловаться на судьбу. Днем в моем распоряжении «мазерати», а ночью ты, Мэгги-Эди. Мы с тобой — два сапога пара.

Всю жизнь Пол Харрисон подавлял свои чувства, зная, что беспристрастность — лучшая визитная карточка адвоката. Но на этот раз, беседуя с вдовой своего старого друга Фрэнка де Лорки, он еле сдерживался.

— Маргарет, я повторяю: ты должна прекратить это... это знакомство, — сказал он с нажимом.

— Я уже все решила, — равнодушно ответила Эдит, глядя в окно. — Хочу уехать куда-нибудь. Я здесь долго не выдержу. Этот огромный, пустой дом, воспоминания о Фрэнке...

— Воспоминания о Фрэнке? — переспросил Харрисон с оскорбительной усмешкой.

Эдит удивленно взглянула на него. Откуда такой тон? Что ему известно?

— Маргарет, — горячо заговорил Пол, — мы давно знаем друг друга, поэтому я полагаю, что могу быть откровенным с тобой, и надеюсь, что ты отплатишь мне той же монетой. Будучи адвокатом вашей семьи и близким другом Фрэнка, я, естественно, не мог не знать, что ваш брак далеко не идеален. Думаю, что вы поженились слишком поспешно, на крыльях любви, так сказать. Фрэнк только что вернулся с войны, ему хотелось иметь семью, наследника для продления рода де Лорка. Увы, этого не произошло, и страстная любовь, которую вы поначалу испытывали друг к другу, постепенно угасла. Стараясь заполнить душевную пустоту, вы бросились в вихрь светской жизни. Полагаю, если бы Фрэнк не был таким верующим, ваш союз распался бы давным-давно. Зная религиозность Фрэнка, не думаю, что он когда-либо допускал мысль о разводе. Он занялся делами семьи, спортом, благотворительностью. А ты занялась мужчинами.

Эдит отвернулась, пораженная его резкостью. Она не знала, как реагировать на его слова.

— Не хочу обидеть тебя, Маргарет, — поспешно добавил Харрисон, — но, как я уже сказал, пришло время правды. Я не виню тебя за твой образ жизни. Будучи адвокатом, давно перестал осуждать людей за их несовершенство.

— Не надо читать мне мораль, Пол, — перебила его Эдит.

— Хорошо, буду краток. Ты ведь не одна едешь в Европу?

— Не одна.

— Ты едешь с человеком по имени Энтони Коллинз, верно?

— Да.

— Поскольку я твой адвокат, мой долг — предупредить тебя о возможных последствиях такого шага. Во-первых, состояние твоего мужа так велико, что процесс оформления наследства

продлится довольно долго. Любые поступки, которые можно расценить как аморальные и безнравственные, поставят под вопрос твое право наследования. Почти всегда, когда речь идет о таких крупных суммах, объявляются дальние родственники, а также лица, утверждающие, что они являются незаконнорожденными детьми покойного. Кроме того, те, кто упомянут в завещании, начинают претендовать на большую долю наследства. Если они докажут, что ты ведешь себя неподобающим образом, то выиграют дело.

— Я понимаю, чем рискую.

— Далее... Ты можешь стать объектом вымогательства и шантажа со стороны Энтони Коллинза. У него очень сомнительная репутация.

— Ты наводил о нем справки?

— Я чувствовал, что это необходимо сделать для твоего же блага. Так вот, его настоящее имя — Антонио Количек. Родился в Сан-Педро. Отец — портовый грузчик. Количек закончил среднюю школу в Сан-Педро. Потом начал работать в гольф-клубах Лос-Анджелеса: подносил мячи игрокам. Научился играть и выступать в соревнованиях. Чемпионом не стал, но сумел устроиться инструктором в гольф-клуб «Кэньон-Кантри». Основной источник дохода — жены богатых членов клуба.

— Я не питаю иллюзий на его счет.

— Тогда попробуй взглянуть на ситуацию его глазами: ведь ему представляется возможность безбедно жить за счет женщины, которая старше его.

Эдит гневно сверкнула глазами — Пол задел ее за живое.

— Тебе неприятно это слышать, — продолжал Харрисон, — прошу меня извинить. Но я готов на все, чтобы удержать тебя от роковой ошибки. Прислушайся к моим словам, Маргарет, умоляю. — Он схватил ее за руку.

Эдит поразила страстность его призыва. Ей почудилось, что он говорит с ней не как адвокат...

— Я подумаю над тем, что ты сказал, — смягчилась она.

Пол отпустил ее руку и встал.

— Послушай, ты сможешь мне добиться увеличения ежемесячного содержания, чтобы я могла позволить себе путешествие в Европу?

— Я подам прошение в суд. — Пол подхватил свой портфель и пальто и двинулся к двери.

— Пол!

— Да?

— Фрэнк знал?..

Пол отрицательно покачал головой.

— Думаю, нет.

Эдит неподвижно лежала на кровати. Тоска и страх терзали ее. Она попала в паутину, сплетенную Маргарет, — паутину неизбежных отношений с Тони. Сошлась с ним, покоренная его

животным обаянием, его искушенностью в любовных делах. Теперь, узнав правду о нем и Маргарет, Эдит не испытывала ничего, кроме всепоглощающего ужаса, и жила в постоянном страхе. Когда он предложил поехать в Европу, она не нашла в себе сил отказаться. Разговор с Полом Харрисоном, его искренность и настойчивость вернули ей ощущение реальной угрозы.

Зазвонил телефон, и бесстрастный голос Генри произнес:

— Пришел мистер Коллинз.

Страх вернулся.

— Скажите ему, что я плохо себя чувствую. Сейчас я не могу его принять.

— Да, мадам.

Эдит положила трубку дрожащей рукой. Как же она ненавидит этого подонка! Да и что, кроме ненависти, можно испытывать к человеку, который вместе с ее сестрой убил Фрэнка?

Дверь с шумом распахнулась. На пороге стоял Тони. Глаза его сверкали. Из-за его широкой спины выглядывал испуганный Генри.

— Отошли своего дворецкого, — процедил Тони.

— Генри, вы можете идти, — сказала Эдит, запахнув пеньюар и поднимаясь с постели.

Генри поклонился и исчез. Тони захлопнул дверь.

— Никогда больше не делай этого, — угрожающе сказал он. — Не заставляй своего лакея заявлять мне: «Мадам нездорова, мадам не может вас принять». Мне не нравится, когда меня выпроваживают паршивые слуги. Совсем не нравится. Понятно?

— Да, Тони, — еле слышно ответила она.

— Так-то лучше. — Тони развалился в глубоком кожаном кресле и с любопытством уставился на Эдит.

— Что это ты так нервничаешь, дорогая? — насмешливо спросил он. — Ты должна радоваться. Мы же собираемся в чудесное путешествие. Посетим европейские столицы, будем обедать в лучших ресторанах, увидим Лидо, «Фоли-Бержер», Монмартр. Конечно, если у тебя разболится голова и ты захочешь остаться в отеле, — ради Бога. Я и один с удовольствием поброжу по значным местам Парижа.

— Тони, я не поеду с тобой в Европу.

— Потом Рим, красотки на Виа-Венето. Ля дольче вита!

— Тони, я серьезно.

— Какая же ты зануда, Мэгги... Или Эди? Черт, почему я никак не могу запомнить? Должно быть, все-таки Эдит. Милая, кроткая Эдит. Мэгги любила развлечения. Она бы рвалась в путешествие, горя желанием вихрем пронестись по старушке Европе. Нет, ты — Эдит, маленькая серая мышка, старая дева, любящая старичков.

— Прекрати! — не выдержала Эдит.

— В чем дело, дорогая? Правда глаза колет? А вот мне плевать. Я знаю, кто я, мне это не раз говорили. Я негодяй и мошенник. Только, играя в гольф, стараюсь не обманывать партнеров, и то не из принципа, а потому, что боюсь, что морду набьют. Да, я мошенник. Но надо отдать мне должное: я обаятельный мошенник. А вот ты, Эдит...

— Я не желаю тебя слушать. Можешь ты это понять?
— Не перебивай меня, пожалуйста. Я говорил о тебе. О-о, я знаю о тебе гораздо больше, чем ты думаешь.

Эдит направилась к двери, но Тони схватил ее за руку и грубо притянул к себе, глядя ей прямо в глаза.

— Разве тебе неинтересно, Эдит? А вот мне так очень интересно. Ты, конечно, не знаешь, что я психолог-любитель. Да-да, не удивляйся. Психология мне очень помогает в работе и еще кое в чем...

— Замолчи! Замолчи сейчас же! — закричала Эдит. — Я больше не могу! У меня нервы не выдерживают! Я иду в полицию. Мне уже все равно.

Лицо Тони искажилось от ярости.

— Слушай меня внимательно, сестричка-близняшка. Прекрати истерику и подумай о деле. Мы поедем в Европу и повеселимся там на славу. Ты будешь все время улыбаться, потому что я так хочу. Ты угодила в такую ловушку, из которой тебе не выбраться... если, конечно, не хочешь попасть в газовую камеру.

Эдит отчаянно зарыдала.

— Ну и пусть! Мне все безразлично...

Тони схватил ее за плечи.

— Заткнись! Не хватало еще, чтобы ты завалила все дело. Может, тебе и хочется в газовую камеру, но я туда не собираюсь!

— Мне все равно, — стонала она, — все равно...

— Я приведу тебя в чувство, Эди!

Тони размахнулся и ударил ее по лицу.

— Я тебе покажу, Мэгги!

Еще удар — по другой щеке.

— Ты у меня будешь как шелковая, крошка!

Третий удар кулаком в лицо сбил Эдит с ног. Она отлетела к двери, ведущей в спальню Фрэнка. В голове зазвенело, рот наполнился кровью. Чтобы не потерять сознание, Эдит помотала головой и увидела, что на пеньюаре расплываются темные пятна. Она кое-как поднялась на ноги, перед глазами все кружилось, уши заложило.

Внезапно со стороны двери донесся какой-то шорох и тихое повизгивание. Дьюк! В голове немного прояснилось, и Эдит увидела, что Тони приближается к ней с перекошенным лицом и сжатыми кулаками. Вой за дверью стал громче, послышались глухие удары в дверь. Она незаметно нащупала ручку двери и, когда Тони был уже совсем рядом и занес кулак для нового удара, нажала на ручку. Дьюк ворвался в комнату, бросился на Тони и повалил его на пол. Эдит увидела, как зубы пса вонзились в горло Тони.

— Спаси меня! — завопил Тони. — Он убьет меня!

Эдит попыталась шевельнуться, но ужас парализовал ее. Хотела закричать — и не могла. Она только смотрела расширенными глазами на пса, терзающего безжизненное тело.

Обретя наконец голос, Эдит закричала:

— Дьюк, назад! Помогите! Генри, кто-нибудь, скорей сюда, помогите!

— Странное дело, — сказал капитан Джонсон. — Очень странное...

Он сидел за своим столом в отделе убийств. Напротив него сидел Джим Хобсон. У него был встревоженный вид, и он почти не слушал размышлений Джонсона о событиях в особняке де Лорка.

— Сначала миссис де Лорка теряет мужа, — рассуждал Джонсон. — Потом ее сестра кончает жизнь самоубийством. Теперь этот инструктор из гольф-клуба, который, по всей вероятности, был ее любовником, тоже гибнет. Его загрызла собака. Очень странно... Ты знаешь, сколько таких случаев бывает ежегодно? Чрезвычайно мало... Ты меня слушаешь, Джим?

— Что? Конечно, — рассеянно ответил Джим.

— Что-то не похоже.

— Извини, Чак, я отвлекся. Последнее время не высыпаясь, работаю с утра до вечера. Так что ты сказал?

— Я говорю, странное это дело. Придется, видимо, признать, что смерть Коллинза наступила в результате несчастного случая. Невозможно узнать, почему собака набросилась на него. Может, миссис де Лорка натравила ее на своего любовника, а может и нет. Если натравила, то, вероятно, имела на то основания. Она была жестоко избита. Слуги утверждают, что Коллинз вел себя вызывающе. К суду он не привлекался. Видимо, старался не нарушать закон, хотя я уверен, что некоторые мужья с удовольствием набили бы ему морду. Похоже, он имеет подход к женщинам, а?

— Похоже на то.

— Во всяком случае, миссис де Лорка не осталась к нему равнодушной. Как, по-твоему, сколько могут стоить ее драгоценности?

— Трудно сказать, покупная цена отличается от продажной. Но наверняка не меньше нескольких тысяч долларов.

— По закону они принадлежали Коллинзу, да?

— Да. Я задал ей прямой вопрос: добровольно ли она отдала ему свои драгоценности? Она ответила утвердительно. Правда, разговор велся в его присутствии, и она могла испытывать некоторое давление с его стороны. Но у меня сложилось впечатление, что о вымогательстве не может быть и речи.

— А значит, мы не можем ничего инкриминировать Коллинзу, — заключил Джонсон.

— Я в этом не так уверен, Чак, — задумчиво произнес Джим. Джонсон бросил на него снисходительный взгляд.

— Послушай, Джим, я знаю, что тебе пришлось пережить. Ты никак не можешь смириться со смертью Эди. Ее сестра все время напоминает тебе о ней, и это сводит тебя с ума. Возьми себя в руки, Джим. Не трави себе душу, это может плохо кончиться. Да и работа страдает. Эмоции мешают хладнокровно вести расследование.

— Согласен, я должен сделать над собой усилие, но помоги же и ты мне. Я говорил, что мы нашли мышьяк в квартире Коллин-

за. Садовник, работающий в гольф-клубе, подтвердил, что Коллинз взял мышьяк у него. Ты часто повторял, что неугодных мужей отправляют на тот свет при помощи щепотки мышьяка. А врачи пишут, что смерть наступила от сердечной недостаточности. Ты знаешь, что Коллинз улетел в Европу за день до похорон Фрэнка де Лорки? Это обстоятельство не наводит тебя на некоторые размышления?

— Пожалуй, и впрямь подозрительно...

— Еще как! По-моему, рано закрывать дело.

— Хорошо, Джим, ты меня убедил. Займемся этим немедленно.

25

Эдит неподвижно сидела в углу, не зажигая света. Она не выходила из спальни со вчерашнего дня, после того, как ушли полицейские и репортеры. Ни с кем не говорила, никого не желала видеть, просто сидела в кресле, уставившись невидящим взглядом в стену. В спальню неслышно вошел Генри, укоризненно посмотрел на поднос с нетронутой едой и кашлянул.

— Мадам, — сказал он негромко. — Пришел сержант Хобсон. Он настаивает на встрече с вами. Говорит, что у него срочное дело.

Эдит не ответила.

— Мадам, вас ждет сержант Хобсон, — повторил дворецкий. — Он хочет вас видеть.

Эдит пошевелилась.

— Джим? — спросила она.

— Сержант Хобсон, мадам.

— Скажите ему, что я сейчас спущусь.

— Хорошо, мадам.

Эдит медленно встала и подошла к окну. Раздвинув шторы, она на мгновение зажмурилась от яркого послеполуденного солнца, бившего в стекла. Присела к туалетному столику и сделала себе прическу, как у Маргарет. Затем направилась в гардеробную и вынула из шкафа несколько платьев. Подумав, выбрала самое яркое — из красного шелка. Вернувшись в спальню, приколола к груди золотую брошь, украшенную бриллиантами и рубинами, слегка надушилась и, бросив в зеркало оценивающий взгляд, вышла из комнаты.

— Добрый день, сержант, — сказала она, входя в библиотеку.

Джим поднялся и некоторое время пристально смотрел на нее, не говоря ни слова.

— Добрый день, — наконец ответил он.

— Генри сказал, что у вас ко мне срочное дело.

— Да, миссис де Лорка. Я хочу поговорить с вами о драгоценностях.

— Я полагала, вы узнали все, что вас интересовало, в прошлый раз, — холодно заметила она.

— Верно. Но я... решил убедиться, что вы ничего не забыли. А может, хотите изменить свои показания?

— Нет. Я вам все рассказала, и добавить мне нечего.

— Поскольку драгоценности находились в распоряжении Кол-

линза в момент его смерти, а также потому, что вы не требуете их вернуть, я должен уведомить вас о том, что они перейдут по наследству к его ближайшим родственникам.

— Понятно. Есть ли у вас еще вопросы ко мне? — прервала его Эдит.

— Да, есть. Коллинз говорил мне, что получил от вас драгоценности в благодарность за «оказанные услуги».

— Не понимаю, какое отношение это имеет к вашему расследованию. Но отвечу. Тони был моим любовником. Он любил роскошь. Я достаточно реально смотрю на вещи и сразу поняла, что деньги были единственным средством удержать его. Поскольку я не могла распорядиться наследством моего покойного мужа, мне пришлось делать Тони дорогие подарки.

— Он вас не шантажировал?

Эдит горько рассмеялась.

— Зачем? Наша связь ни для кого не была тайной.

— Ваш... роман начался еще до того, как скончался ваш муж?

— Да, задолго до его смерти.

Наступило молчание. Джим никак не мог решиться заговорить о том, ради чего пришел. Эдит нетерпеливо взглянула на него.

— Еще что-нибудь?

— Да, мадам.

— Слушаю вас.

— Сегодня утром тело вашего мужа эксгумировали. В теле обнаружены следы мышьяка. Ваш муж был убит, миссис де Лорка.

Эдит словно не слышала его.

— Но я не понимаю, зачем полиции понадобилось... — Ее голос упал до шепота, она продолжала что-то бормотать. И вдруг мир рухнул. Эдит словно пробудилась от долгого, тяжелого кошмара.

— Маргарет! — выкрикнула она, словно обвиняя сестру в своих бедах. — Маргарет!

Джим изумленно воззрился на нее. Эдит резко повернулась и будто впервые заметила его присутствие.

— Разве ты не узнаешь меня, Джим? — умоляюще спросила она. — Не узнаешь? Я не Маргарет. Я не убивала Фрэнка. Неужели ты думаешь, что я могла бы убить единственного человека, которого любила? Я Эди, Джим, Эди!

Джим вздрогнул, услышав знакомые интонации.

— Вы не Эди! Этого не может быть! Вы на нее совершенно не похожи. Она была добрая и искренняя. Мне повезло, что я встретил ее. Эди была глубоко порядочным человеком, чистым перед Богом и людьми. Вы другая, вы порочны до мозга костей. Можете глать сколько угодно, но не говорите, что вы Эди!

Он прав, подумала она, я не Эди. Эди умерла в маленькой комнатке над баром на Темпл-стрит. Я Маргарет де Лорка, вдова Фрэнка де Лорки, которого мы с Тони Коллинзом убили...

На пороге появился сержант Гарсия. Он показал Эдит ордер на арест и объявил:

— Вам придется пойти с нами, миссис де Лорка.

Она рассеянно теребила воротничок платья.

— Мне надо переодеться. Вы разрешите?

— Я должен буду вас сопровождать, мэм, — заметил Гарсия.

— Вот как? Ну да, понятно. Хорошо.

Она вышла из комнаты в сопровождении сержанта. Джим опустился в кресло и закрыл лицо руками.

В холле появился Генри. Он с грустью смотрел, как Эдит идет к лестнице. Увидев дворецкого, она остановилась.

— Я уезжаю, Генри. Не знаю, когда вернусь. Оставляю дом на вас.

— Да, мадам.

Эдит подняла глаза на портрет Фрэнка в форме полковника, потом взглянула на Генри. Ей вспомнилось, как она впервые появилась в этом доме. Это было утром в день похорон. Поссорившись с Маргарет, она сбежала вниз по лестнице и остановилась у портрета Фрэнка. Генри видел, как она смотрела на портрет. На следующий день, когда она сошла вниз уже в роли Маргарет, Генри снова перехватил ее взгляд, брошенный на портрет. Неожиданная мысль поразила ее. Генри — единственный человек на свете, который с самого начала обо всем догадался!

— Могу я что-нибудь сделать для вас, мадам? — мягко произнес дворецкий. — Хоть что-нибудь?

— Нет, Генри, — тихо ответила она. — Вы все знали, да?

— Да, мадам.

— Больше никто ничего не узнает.

— Да, мадам.

Суд над Маргарет де Лорка стал настоящей сенсацией. Сообщения о нем появились во всех газетах Америки, на время вытеснив другие новости. Трагическая история женщины из высшего общества, в которой было все: любовь, измена, убийство, — привлекла всеобщее внимание. Крупнейшие газеты страны отправили на процесс своих лучших корреспондентов. Один предприимчивый газетчик даже пригласил известную кинозвезду и заплатил ей большие деньги, чтобы та присутствовала на каждом заседании суда и потом описала свои впечатления. Зал заседаний заполнили телевизионщики. Помощникам шерифа приходилось силой разгонять их, чтобы присяжные могли занять свои места. Судья, однако, не возражал против присутствия такого большого количества представителей прессы и телевидения. Он даже распорядился, чтобы каждому из них предоставили условия для работы, и охотно давал интервью в перерывах между заседаниями.

Однако, несмотря на все усилия, никому из репортеров не удалось получить интервью у обвиняемой. Маргарет де Лорка не проронила ни слова. Во время заседаний суда она молча сидела на возвышении, глядя в пространство, и многие журналисты решили, что она изображает из себя сумасшедшую, чтобы избежать сурового приговора.

Пол Харрисон не мог взять на себя защиту миссис де Лорка, так как никогда не занимался уголовными делами. Он рекомендовал ей опытного адвоката из Беверли-Хиллз, который был

известен тем, что защищал голливудских знаменитостей, когда те попадали в беду. Эдит равнодушно согласилась.

Адвокат ничего не мог от нее добиться. Она отвечала только на самые простые вопросы, все время молчала и решительно отказалась от предоставленного ей слова.

Обвинение выдвинуло ряд свидетелей. Садовник из гольф-клуба подтвердил, что Тони взял мышьяк, предназначенный для уничтожения сорняков. Несколько свидетелей заявили, что видели Тони и Маргарет вместе еще до смерти мужа обвиняемой. Ночной портье дома, где жил Тони, заявил, что несколько раз видел, как обвиняемая поднималась на лифте в квартиру Коллинза.

Джим Хобсон с печальным видом рассказал, как Маргарет де Лорка сама призналась ему, что Тони был ее любовником. Горничная Дженет вспомнила, что вечером того дня, когда хозяин умер, его жена подала ему стакан с виски, разбавленным молоком. Патологоанатом сообщил, что при вскрытии в желудке покойного были обнаружены остатки виски и молока, а также смертельная доза мышьяка. Среди свидетелей был и владелец бюро путешествий, который купил Тони Коллинзу билет на самолет до Европы. Билет и пребывание в гостиницах на континенте были оплачены Маргарет де Лорка.

Процесс длился несколько дней. Со стороны защиты выступили врачи, подтвердившие, что Фрэнк де Лорка страдал сердечной болезнью, и предъявили историю болезни. Дворецкий Генри утверждал, что обвиняемая была любящей и преданной женой. Друзья миссис де Лорка охарактеризовали ее как доброго и честного человека. Ожидалось появление доньи Аны Альварес де ла Сьенега, но она неожиданно умерла за две недели до суда.

Наконец прокурору и защитнику было предоставлено заключительное слово. Прокурор заклеил обвиняемую как безнравственную интриганку, склонившую своего любовника к убийству мужа. Защитник в своей яркой, эмоциональной речи заявил, что миссис де Лорка виновна только в измене мужу, и обвинил прокурора в том, что обвинение целиком построено на косвенных уликах, которых недостаточно для того, чтобы с уверенностью заявить, что жертва была убита.

Затем суд присяжных удалился на совещание. На следующий день, в пять часов вечера, стало известно, что присяжные вынесли приговор. Их решение было доставлено в зал суда. Оно гласило: Маргарет де Лорка виновна в убийстве мужа.

Адвокат потребовал проведения психиатрической экспертизы. Его требование было удовлетворено. В медицинском заключении говорилось, что миссис де Лорка полностью вменяема и отвечает за свои поступки.

Эдит доставили в суд в последний раз. Стоя рядом со своим адвокатом, она услышала слова судьи, обращенные к ней:

— Маргарет де Лорка, хотите ли вы что-нибудь сказать в свою защиту, прежде чем приговор будет утвержден?

— Нет, ваша честь, — ответила Эдит.

Судья выпрямился и начал читать:

— Согласно решению суда, присутствующая здесь Маргарет де Лорка признана виновной в совершении преднамеренного убийства и приговаривается к высшей мере наказания: смертной казни.

Лицо Эдит оставалось бесстрастным.

— Приговор будет приведен в исполнение в тюрьме Сан-Квентин, штат Калифорния, путем подачи смертельной дозы газа.

На этом суд закончил свою работу. Судья удалился из зала. Репортеры бросили последний взгляд на осужденную и разбежались по редакциям.

— Выдержка у нее будь здоров, — сказал один из них с невольным уважением.

Зрители потянулись к выходу, поглядывая на неподвижную фигуру в темном платье. Рядом стоял адвокат и что-то горячо говорил. По другую сторону терпеливо дожидалась женщина в полицейской форме, которая должна была отвести Эдит в камеру.

— Еще не все потеряно, миссис де Лорка, — сказал адвокат. — Я могу подать прошение о помиловании.

— Ничего не надо, — ответила Эдит.

— Но совесть подсказывает, что...

— Мне нет дела до вашей совести, — твердо заявила она. — Я приказываю вам не предпринимать никаких действий. Если вы не послушаетесь, то велю Полу Харрисону задержать выплату вашего гонорара.

Адвокат тяжело вздохнул.

— Что ж, миссис де Лорка. В таком случае мне остается только попрощаться.

Он поклонился и торопливо зашагал к выходу. В зале остались несколько служащих суда и Джим Хобсон. В течение всего процесса он сидел в первом ряду и не сводил глаз с обвиняемой. Видя, что женщина в полицейской форме вот-вот уведет ее, Джим встал и тихо произнес:

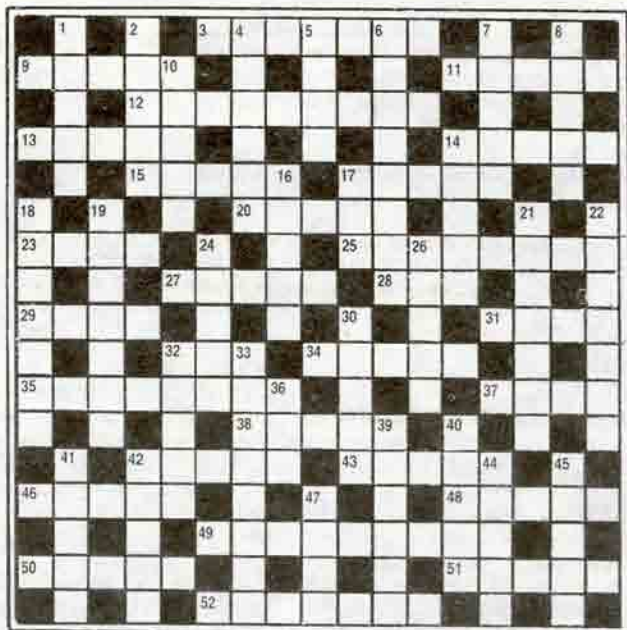
— Задержитесь на минуту. — И, обратившись к Эдит, добавил: — У меня не выходит из головы то, что вы сказали, когда я был у вас последний раз. «Разве ты не узнаешь меня? Я Эди...» Что-то в этом роде. Тогда я решил, что вы были не в себе. Сейчас я не так в этом уверен. Не знаю, что и думать... Просто не знаю... — Он с растерянным видом стоял возле нее, не зная, куда девать большие, сильные руки.

У Эдит сжалось сердце.

— Я вела себя как ребенок, сержант. В детстве мы с Эдит часто играли в эту игру: выдавали себя друг за друга и очень веселились, когда нам удавалось ввести взрослых в заблуждение. Не знаю, что на меня нашло тогда... Простите меня. Я Маргарет де Лорка. Вы же сами сказали, что Эдит была добрая и искренняя... А я...

Она отвернулась от него и последовала за женщиной, которая вывела ее из зала суда. Путь в газовую камеру начался.

Но для Эдит ничто уже не имело значения. Она покончила с собой десять месяцев назад.

ЗРУДИТ

По горизонтали.

3. Местонахождение академии Каррара с картинной галереей. 9. «Кремовый» инструмент. 11. Папти редкого плетения, какие обычно надевали на покос. 12. Одно из самых обычных на реке Нактоху растений (В. Арсеньев «Дерсу Узала»). 13. Австрийский художник, которого вождь футуристов У. Боччони назвал «аристократическим обновителем стиля». 14. Американский поэт, за увлечение фашизмом наложивший на себя епитимью творческого молчания. 15. Причина, по которой азот воздуха тяжелее азота, выделенного из соединений. 17. Оса, враг июньского хруща. 20. Русский человек ходит на базар «ываляться в народе, дать работу локтям, подставить спину под ... ласковой брани, божбы и матерщины» (О. Мандельштам. «Сухаревка»). 23. Автор книги, побывавшей с Л. Поповым в космосе. 25. Польская «железная леди», почти постоянно жевавшая листья салата. 27. Десятая часть золотого империала. 28. Символ чистоты у славян. 29. Американский врач, нобелевский лауреат. Президент Джон Кеннеди вручил ему медаль «За выдающиеся заслуги». 31. Страна, где добывают чистойшую медь. 32. Пернатый хищник, при беспокойстве кланяющийся. 34. Папа римский, в 1559 году распорядившийся составить первый список запрещенных книг. 35. Первый чемпион СССР по дельтапланерному спорту. 37. Ван ... — фламандский живописец, работавший при дворе Якова Первого и Карла Первого. 38. Южноамериканская птица, какую догонит не всякая лошадь. 42. Инструмент, по

звуку ля которого настраивают оркестр. 43. Индийский тмин. 46. Знаменитый художник XX века, писавший, держа холст вверх ногами. 48. «Старшая дочь» русского мушкетера. 49. Ведущий мастер иконописной артели. 50. Заветная мечта раба. 51. Главное богатство залива Прудхо на Аляске. 52. Сделать ... (подробно, строго распросить).

По вертикали.

1. Гнев царя на провинившегося боярина, вельможу. 2. Глистник, девятибрат, приворотень, райцвет (обычное название). 4. Архитектор, автор ансамбля усадьбы Дурасовых в подмосковном тогда Люблине. 5. Существо, на которое похож ребусник Синецкий в «Двенадцати стульях». И. Ильфа и Е. Петрова. 6. Официальный список студентов университета. 7. Греческая предшественница несчастной царицы из «Сказки о царе Салтане...» А. Пушкина. 8. Рыба-гермафродит Адриатического моря. 10. Ведущий инструмент во времена Данте. 14. Мастер крепких объятий. 16. Река, на которой стоит архитектурное диво — церковь Покрова. 17. Ядовитое дерево, растущее «для мебели». 18. Первый в жизни человека культурный ориентир. 19. Декоративный готический фронтон. 21. Толкователь священного права в Афинах. 22. Первая жертва электропыток. 24. Представитель кавказского народа, в чьих жилах течет кровь половцев. 26. Немецкий писатель, сочинивший пятьсот четырнадцать криминальных романов. 30. Имя первой европейки, покорившей Эверест. 32. Нынешнее название брендспойта. 33. Человек, просто не способный, по мнению философов, быть честным, если за его спиной не стоит гильотина. 36. Узбекская флейта; одно отверстие ее заклеено бумагой. 39. Большое увлечение С. Т. Аксакова. 40. Франция — Испания — инфант, Россия — цесаревич. 41. Озеро в долине Мургаба, образованное самым крупным оползнем XX века. 42. Остров, названный Колумбом Эспаньолой. 44. Воин личной охраны князя, хана. 45. ... абсурда — это зрелище, где не бывает «почему». 47. Один из традиционных русских признаков девичьей красоты.

281

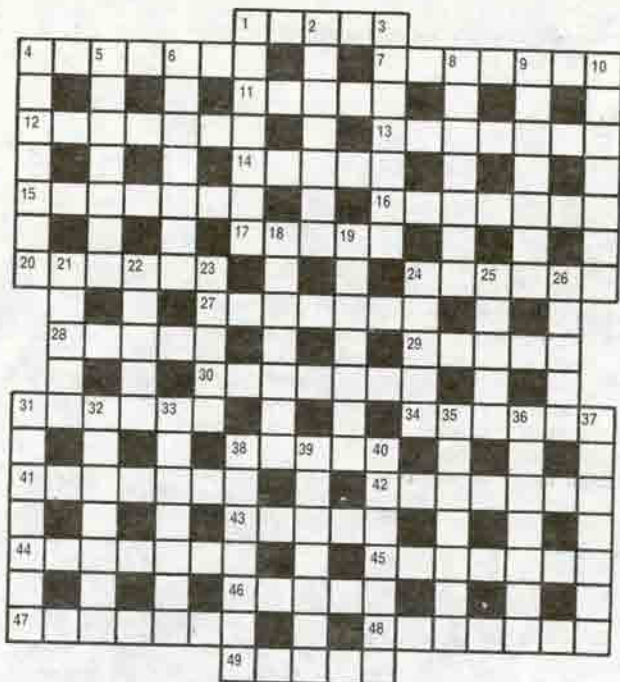
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали.

1. Кошка. 6. Знамя. 10. Самум. 12. Наитие. 13. Югурта. 14. Цахур. 15. Флейта. 16. Дервиш. 18. Борец. 20. Тип. 22. Соловей. 23. ...лев (на гербе). 25. Брера. 26. Жудец. 27. Этрусски. 28. Месса. 30. Ген. 32. Рис. 33. Берлиоз. 35. Вор. 37. Рутил. 40. Уимпер. 42. Хандра. 43. Ильин. 44. Генрих (Третий). 45. ...ярость. 46. Атлет. 47. Китай. 48. Айлью.

По вертикали.

2. Очищение. 3. Крипта. 4. Шагал. 5. Кутузов. 7. Наглец. 8. Муравьед. 9. «Енуфа». 11. Замша. 16. Дей. 17. Портрет. 18. Босуэлл. 19. Ренклюд. 20. Триер. 21. Пресс. 23. Луков. 24. Вечер. 29. Сисмонди. 31. Гордость. 33. Бур. 34. Риальто. 36. Пурга. 37. Редина. 38. Натрий. 39. Вадья. 41. Чирей...

КРОССВОРД
Составил
О. СОВЕТКИН,
Калуга

По горизонтали.

1. Декабрист — лютеранин, военный доктор. 4. Сценическая площадка. 7. Центр заповедника в Туркмении, где живут тарантул, фаланга, песчаный скорпион. 11. Столица государства Багамские острова. 12. Крупный феодал в Грузии, занимавший обычно важный государственный пост. 13. Народная инструментальная мелодия. 14. Дополнительная опора при обработке длинных деталей на металлорежущем станке. 15. Итальянский композитор и скрипач, чье искусство ведения смычка стало после него образцом. 16. Совокупность самых благоприятных условий. 17. Опера А. Рубинштейна. 20. Многостворчатые ставни и шторы. 24. Древнегреческий философ, чьим любимым выражением было: «Живи скрытно». 27. Главный участник боя быков. 28. Имя Мишель, красной девы Монмартра, деятельницы Парижской коммуны. 29. Глаза. 30. Занавеска во все окно. 31. Один из островов Тувалу. 34. Словенский «Максим Горький». 38. Грузовое судно. 41. Задача буриданова осла. 42. Первый автоматический станок со сменой шпуль. 43. Русское название банка. 44. Растение, привлекающее насекомых блестящими каплями на листьях. 45. Марка итальянских спортивных автомобилей. 46. Русский танец типа кадрили. 47. Обычная часть сонаты или симфонии. 48. Остров между Мадагаскаром и Мозамбиком.

49. Тропическая птица, отлично бегающая по лежащим на воде листьям.

По вертикали.

1. Ароматическое вещество, суррогат пряности.
2. Спартанский полководец, уничтоживший демократию в Афинах. 3. Декоративное завершение фасада.
4. Музей, возникший из частного собрания Екатерины Второй. 5. Страстный любитель спектаклей. 6. Вид спячки в мире животных и растений. 8. Атака, штурм.
9. Русская народная сказка. 10. Тонкая шерстяная или полушерстяная ткань. 18. Муза, дочь Зевса и Мнемосины. 19. Английский писатель родом из Австралии.
21. «Темные...» — лучшая книга Ивана Бунина. 22. Правовед. 23. Стадия в развитии крылатых насекомых. 24. Заменитель, суррогат. 25. Бесцветная жидкость, применяемая в парфюмерии. 26. Косвенное доказательство вины. 31. Парусник первой русской кругосветной экспедиции. 32. Главный элемент органической химии. 33. Национальность Давида Сасунского.
35. Площадка для воздушных ванн. 36. Воспитанник военного училища. 37. Нотный знак повторения. 38. Съестные товары. 39. Канцелярская и школьная принадлежность. 40. Церковное проклятие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали.

1. Факс. 6. Жюри. 9. Чемодан. 10. Пентюх. 12. Скок. 14. Колокольчик. 15. Штоф. 17. Уезд. 18. Монитор. 20. Мариотт. 22. Логан. 24. Уильямс. 26. Вклейка. 27. Баланитес. 28. Рохля. 29. Ажгон. 30. Толстовка. 32. Штурман. 33. Индейка. 34. Фрукт. 37. Асканио. 38. Аурелия. 41. Рант. 43. Еник. 44. Диамагнетик. 46. Берлин. 47. Танаис. 48. Энтазис. 49. Мышь. 50. Лель.

По вертикали.

1. Фантом. 2. Каюк. 3. Недосол. 4. Зотов. 5. Кальман. 7. Юрок. 8. Инкрет. 10. Паша. 11. Хориямб. 12. Сиринкс. 13. Кадр. 16. Фольклорист. 17. Утверждение. 19. «Романсеро». 20. Малиновка. 21. Лихость. 23. Окрошка. 25. Салон. 26. Вески. 30. Татарин. 31. Андезит. 34. Фижмена. 35. Тушение. 36. Гроб... 37. Антрим. 39. Янтарь. 40. Укус. 42. «Ягуар». 44. Диаш. 45. Каре.

Шахматная эпиграмма

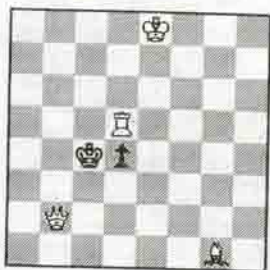

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Публикуем оригинальные композиции IV международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр «Смены», а также ответы на задачи, опубликованные в журналах №№ 6—8 за 1994 г. Приводим фамилии решателей, успешнее других справившихся с заданиями **Ю. Карташев** (Санкт-Петербург), **В. Кожакин** (Магадан), **К. Костюкович** (Могилев, Беларусь), **И. Некрасов** (Архангельск) и **В. Симонов** (Самара).

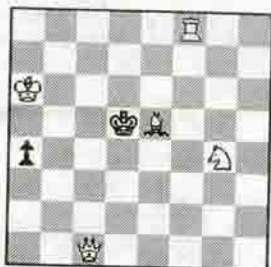
ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ

10. **В. СИМОНОВ**
Самара

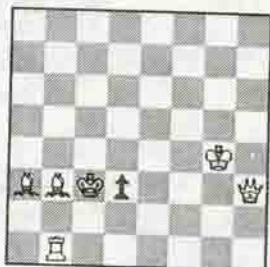
Мат в 2 хода

11. **В. АНТИПОВ**
*г. Боровичи
Новгородской обл.*

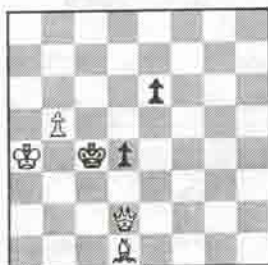
Мат в 2 хода

12. **В. КЛИПАЧЕВ**
*г. Приморско-Ахторск
Краснодарского кр.*

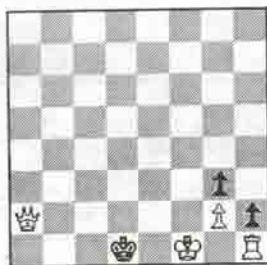
Мат в 2 хода

**13. В. ИВАНОВ и
Г. ПЕТРУШИН**

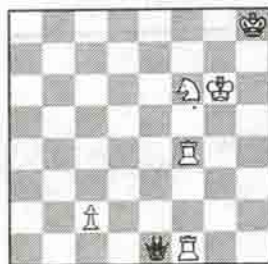
Мат в 3 хода

14. С. ДЕМИДЮК
Брест, Беларусь

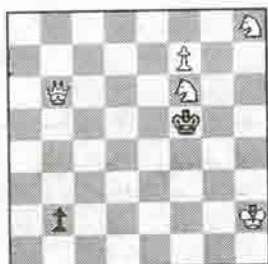
Мат в 3 хода

15. М. КОРМИЛЬЦЕВ
Екатеринбург

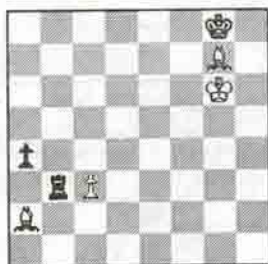
Мат в 3 хода

16. Л. ГРОЛЬМАН
Калинин

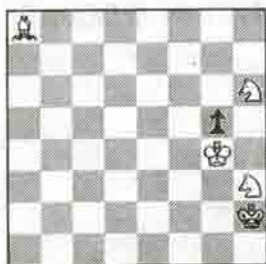
Мат в 3 хода

17. А. КАРГАПолов
с. Чистое Курганской обл.

Мат в 6 ходов

18. М. ЧЕРНУШКО
г. Уссурийск

Мат в 7 ходов

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

«Смена» № 6, 1994

49. В. Желтоножко 1. Kd4. *Побочное решение:* 1. Kg7
 50. Ю. Лубкин. 1. Ла1
 51. Н. Зиновьев. 1. Лf3
 52. В. Антипов. 1. f8K Kpg7 2. Ke5
 53. В. Иванов. 1. Лf4 Kph1 2. Kpf2, 1...Kpg3 2. 0—0
 54. В. Жупиков. 1 Кра3 е3 2. Фf6 Kpc5, Кре4 3. d4, d3x
 55. В. Кожакин и О. Сакс. 1. Kf4 Kpb1 2. Ла5, 1...Kpc2 2. Лb5, 1...Kpd1 2. Ле5
 56. С. Радченко. 1. f4 a6 2. Kpc5 a5 3. ba, 1...a5 2. ba (*дуаль:* 2. Лd2) Кра5 3. Лd6. *Побочное решение:* 1. Kpc5 a6 2. f4 a5 3. ba, 1...a5 2. ba f4 3. a6, 1...f4 2. b5 a6 3. ba
 57. В. Антипов. 1. Kpg7 Kpg5 2. g3 c5 3. Kg1 c4 4. Kf3 Kph5 5. g4x, 1...c5 2. Kpg6 c4 3. Kd1 c3 4. Kf2 c2 5. g3x

«Смена» № 7, 1994

58. Ю. Лубкин. 1. Kd2
 59. Н. Новик. 1. Kph1. 1. Kpf1? g6!
 60. Н. Зиновьев. 1. Kpg7
 61. В. Желтоножко и А. Лысенко. 1. Kf4! 1. Фd3? Cd5!
 62. В. Антипов. 1. Ла2
 63. А. Зарх. 1. b4. 1. Kg1? f4! 1. b3? e4!
 64. В. Иванов. 1. Лc5
 65. Л. Грольман. 1. Фc2 a3 2. Фc7 Кра8 3. Фc8x, 1...a5 2. Фc7 Кра6 3. Фc6x, 1...Kpb6 2. Фc6 Кра5 3. Фc5x
 66. В. Кожакин. 1. Фе4 2. Фg6 Kph4 3. Фh6x, 1...g3 2. Фf4 g2 3. Kg3x, 1...Kph4 2. Kpg6 Kph3 3. Фh1x
 67. В. Иванов. 1. Ke7! Кре7 2. Фc6 Kpd8 3. Cg5x, 1...Кре5 2. Фc6 Kpd4 3. Фd5x, 1...Kpd7 2. Cb4 Kpd8 3. Фc8x
 68. В. Шильников. 1. Kpg2 Cc6 2. Kf3
 69. М. Чернушко. 1. Cf7 gh, gf, gb, g5 2. Лh1, Kf5, Cg8, Kpg4
 70. В. Желтоножко и А. Лысенко. 1. Kpg7 Кре3 2. Фd6, 1...e3 2. Cd3, 1...Кре5 2. Фf6. *Побочное решение:* 1. Фg3 Kpf5 2. Ce8
 71. А. Кормильцев. 1. Cg2 h1Ф 2. Ch1 Kf2 3. Cd5

72. В. Антипов. 1. Cg7 Kpb4 2. Cc3 Kpc3 3. Ce5 Kpb4 4. Cc7 Kpc4 5. Cg3 Kpb4 6. Ce1 Kpc4 7. b3x. *Побочные решения:* 2. Cd4 Kpc4 3. b3 Kpb4 4. Cb2 Кра5 5. Cd3 Kpb4 6. Cc4; или 3. Cb1 Kpb3 4. Kpc5 c6 5. e4; или 1. Ch6 Kpb4 2. Cg5 Кра5 3. Ce7 Кра6 4. Cc5 Кра5 5. b4.

«Смена» № 8, 1994

73. М. Власов. 1. Фа8
 74. В. Желтоножко. 1. Cd8. 1. Cg7? c5! 1. Фа5? Kpc6!
 75. В. Иванов. 1. Фе4 f6 2. Kpd5, 1...d6 2. Kpf5, 1...f5 2. Фh4, 1...d5 2. Фb4
 76. В. Антипов. 1. 0—0 Kpg4 2. Лg2 Kph4 3. Kpf2, 1...g5 2. fg d5 3. g7
 77. В. Чернушко. 1. Kpb6 Kpg7 2. g5 Kpg6 3. Ла5 Kpg7 4. Ла8 Kpg6 5. Лg8x, 2...Kpf8 3. Ла8 (*дуаль:* 3. Ла7) Кре7 4. Лe8 Kpd6 5. e5x, 1...Кре7 2. e5 Кре6 3. Ла5 Кре7 4. Ла8 Кре6 5. Лe8x, 2...Kpf8 3. Ла8 (*дуаль:* 3. Ла7) Kpg7 4. Лg8 Kph6 5. g5x. *Побочные решения:* 1. Лb1 Кре7 2. e5 Kpd8 3. Лb8 Kpc7 4. Ла8, 1...Kpg7 2. g5 Kpg6 3. Лb5; или 1. Лc1; или 1. Kpb7.
 78. М. Власов. 1. Фd2 Kc4 2. Фc3 Kb2 3. h4 Cg6 4. Фc1 Cb1 5. h5 Kd3 6. Фc3 Kb2 7. h6 Ch7 8. Фc1 Cb1 9. h7 Kd3 10. h8Ф, 1...Ch7 2. Фc1 ...7. h6 Kd3 8. h7 Kb2 9. Kph2. *Побочные решения:* 1. Фd2 Ch7 2. Фc1 Cb1 3. Kpf1 Kd3 4. Фc3 Kb2 5. Кре1 Ch7 6. Kpd2 и 7. Kpc1, 1...Kc4 2. Фc3 Kb2 3. Kpf2 Ch7 4. Фc1 Cb1 5. Кре2 Kd3 6. Фc3 Kb2 7. Kpd2 и 8. Kpc1
 Решает и 1. Фа5.

СЕРГЕЙ
ШАРОВ
SERGEI
SHAROV

СИМВОЛЫ ВРЕМЕНИ

После того как развитие московского авангарда насильственно было направлено в официальное русло, у большинства художников, объединенных в живописную секцию при Московском горкоме графиков, оставался один путь — путь иносказаний, намеков и прозрачных аллюзий. Члены образовавшейся «двадцатки», и среди них молодой художник Сергей Шаров, опирались в своем творчестве на традиционные для русского классического искусства идейные и пластические ценности. Сюжеты их полотен многозначительны, символичны. На языке 70-х годов это означало, что в работах присутствует определенный «затаенный» смысл, который в соединении с выразительным пластическим решением и отличал лучшие работы членов группы «Двадцати».

Сергей Шаров родился в 1945 году в Свердловске. После

окончания школы поступил в Московский архитектурный институт. В студенческие годы Сергей увлекся живописью, и в 1967 году на студенческих выставках появились его первые полотна. Затем была работа в Моспроекте и в музее К. Маркса и Ф. Энгельса, куда Сергея пригласили на должность главного художника.

Как о живописце о Шарове заговорили после прошедших с большим успехом выставок «20 московских художников», «Арс-1» и «Арс-2», где зрители впервые могли познакомиться с его необычным философским миром.

В «двадцатке» Сергей занимал особое место. Концепция, которая у других художников выражалась лишь в отдельной конкретной работе, у Шарова становится философски всеобъемлющей. Он предпринимает попытку создать некий живописно-пластический миф, вбирающий все многообразие сов-

ременных отношений человека и общества. Так появилась серия полотен, образующая единый и почти что неделимый цикл.

Каждая работа связана с тем или иным этапом в развитии общества. «Раннее утро» — это первые послереволюционные годы, «Особняк» посвящен нэпу, «Купальня-баня» — переход к 30-м годам, «Пожарная каланча» — военное время, «Московский дворик» и «Всплытие» — 50-е годы. Конечно, связь эта условна, и напрасно искать в полотнах отражения конкретных событий. Несколько образов, переходящих из картины в картину, становятся связующими и помогают понять замысел в целом. Знаменитая «Башня Татлина» — некий символ нового времени; рыбы, образ которых со времен христианства хранит в себе потаенный жертвенный смысл; оборотни-хамелеоны, притворяющиеся то металлическими волютами, то замковыми камнями, то людьми. Полотна эти связаны общей композиционной структурой, единым пластическим и колористическим языком. Но главное — мироощущение художника. В основе его лежит чувство постоянной неизбывности злого начала в мире, не подвластного никакому «бегу времени». Потому так влекут художника живописные концепции И. Босха, Дж. де Кирико, С. Дали — мастеров, особенно остро ощущавших изменчивость внешнего мира и непостоянство, заложенное в человеческой природе.

Сергей Шаров — классический пример художника, которым целиком владеет одна идея, не позволяющая реализовать ни один посторонний замысел. Эта конкретная идея осмысливается им в границах уже найденного мифа-цикла. Так появились работы, ставшие своеобразным комментарием, аккомпанементом ведущей теме

(«Вечер в Сокольниках», «Матросская тишина», «Планетарий»). Стремление исследовать эпоху на разных уровнях — от философских обобщений до эмоций отдельной личности — потребовало от живописца абсолютной точности изобразительного языка, особой, тщательно выверенной архитектуры. Она заметна не только в раз и навсегда найденных размерах основных картин цикла, но и в их обязательной симметрии, отмеченной какой-либо пластической формой — аркой, статуей, каруселью, в оставленном свободным переднем плане, подчеркивающим монументальный эффект. И пусть тишина, которой заполнены эти полотна, не обманет внимательного зрителя. И тогда он услышит в ней многое из того, что подчас безвозвратно ушло — и мнимых кумиров, и высокие идеалы прошлого, и живые голоса наших отцов...

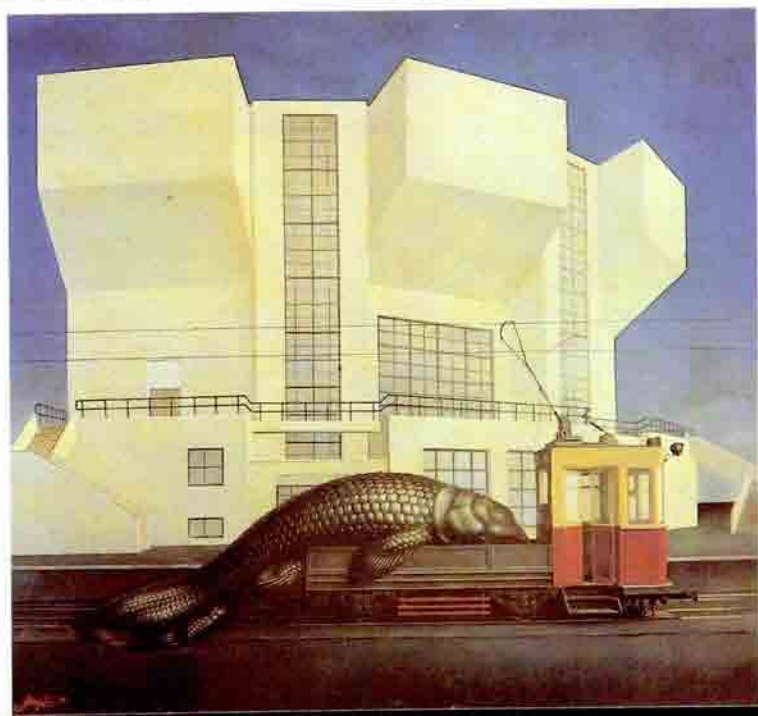
ВЛАДИМИР ПОЛЯКОВ

▲ Планетарий..

СЕРГЕЙ ШАРОВ. ▲ Последний шлюз.

▲ Латиметрия..

ИНДЕКС 70820

Валентина / Понемарева

